

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 10, №1 2024

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

Выпуск 10, № 1, 2024

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АМГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

Volume 10, Issue 1, 2024

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'42:659.1

Анисимова Татьяна Валентиновна^{1✉}, Чубай Светлана Анатольевна²¹Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
г. Калининград, Российская Федерация²Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
atvritor@yandex.ru

Средства выразительности в социальной рекламе о пользе чтения

Аннотация

Статья посвящена описанию состава тропов и фигур, используемых в современной социальной рекламе о пользе чтения и принимающих участие в формировании аргументации посланий. Материалом для исследования послужили 800 плакатов соответствующей тематики, собранные методом сплошной выборки из различных интернет-банков. Полученные данные сопоставлялись с проведённым ранее анализом средств выразительности в других тематических кластерах социальной рекламы. В результате установлено, что в рассматриваемом тематическом кластере визуальный компонент, как правило, не имеет самостоятельного значения, не вносит никаких дополнительных смыслов в тезис послания, а лишь иллюстрирует и детализирует текст. В связи с этим отсутствуют весьма популярные в других тематических кластерах выразительные визуальные формы тропов, не нуждающиеся в пояснении текстом. Однако и среди вербальных видов тропов и фигур отмечается высокая частотность только самых простых моделей и отсутствие оригинальных форм. Выявлена специфика в использовании антитезы – самой частотной фигуры в социальной рекламе. Если в других кластерах чаще всего акцентируется отрицательный член альтернативы, с помощью которого осуждается модель поведения, нарушающая моральные нормы, принятые в обществе, то в социальной рекламе о пользе чтения чаще всего акцентируется модель поведения, одобряемая обществом и рекомендуемая для внедрения в практику.

Ключевые слова: социальная реклама, пропаганда чтения, средства выразительности, тропы, фигуры, эффективность социальной рекламы

© Анисимова Т. В., Чубай С. А. 2024

Для цитирования: Анисимова Т. В., Чубай С. А. Средства выразительности в социальной рекламе о пользе чтения // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 5–19.

Tatiana V. Anisimova^{1✉}, Svetlana A. Chubay²¹Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Kaliningrad, Russian Federation²Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
atvritor@yandex.ru

Means of expression in social advertising about the benefits of reading

Abstract

The article aims to describe the composition of tropes and figures used in modern social advertising about the benefits of reading to participate in forming the argumentation of messages. The material for the study is composed of 800 related to the area posters that were collected by continuous sampling from various Internet sources. The obtained data were compared with the previously conducted analysis of the means of expression in other thematic clusters of social advertising. As a result, it was found that in the thematic cluster considered, the

visual component, as a rule, does not have an independent meaning, does not introduce any additional meanings into the message but only illustrates and details the text. In this regard, unlike in other thematic clusters, there are no expressive visual forms of tropes that needn't be explained by text. However, among the verbal types of tropes and figures, only the simplest models are characterized by high frequency while those that have original forms are rare. As far as the antithesis – the most frequent figure in social advertising – it was discovered that contrary to other clusters where the most often emphasized negative member of the alternative is the one condemning the behavior pattern that violates moral standards accepted in society, in social advertising about the benefits of reading, the behavior pattern approved by society to follow is most often emphasized.

Keywords: social advertising, means of expression, tropes, figures, effectiveness of social advertising

© Anisimova T. V., Chubay S. A. 2024

For citation: Anisimova, T. V., Chubay, S. A. (2024). Sredstva vyrazitel'nosti v sotsial'noy reklame o pol'ze chteniya [Means of expression in social advertising about the benefits of reading]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 5–19.

1. Введение [Introduction]

В современном мире наблюдается отчётливая тенденция снижения интереса к чтению книг, особенно заметная у молодёжи. Для этой тенденции имеются и вполне объективные причины: прежде всего расширение количества источников получения информации, а также способов заполнения досуга. Тем не менее книга остаётся не только одним из самых оптимальных способов распространения знаний, но и инструментом управления социальными процессами в обществе. В этой связи работа над популяризацией чтения среди молодёжи должна быть важной задачей всего общества. Одним из механизмов такой популяризации является социальная реклама о пользе чтения (далее СР о ПЧ). Мы не разделяем оптимистического мнения о том, что от развития СР «в достаточно большой степени зависит формирование мировоззрения общества» [Давлятова, Кужелева, 2015, с. 32], однако использование указанного механизма весьма полезно и может способствовать улучшению положения.

Прежде всего необходимо провести чёткую границу между коммерческой рекламой издательств, призывающей к покупке новых книг, выпущенных ими, и СР о ПЧ, пропагандирующей чтение как вид деятельности. Специфика СР о ПЧ состоит в том, что большая её часть тоже выпускается издательствами, заинтересованными в том, чтобы люди покупали как можно больше любой книжной продукции. В связи с этим на плакатах чаще всего речь идёт только о количестве прочитанных книг (*Читай книги! Не будь серой массой!; Читать снова модно!*), в то время как их качественная характеристика учитывается несравненно реже. Но и в этом случае указания на критерии определения качества книжной продукции обычно не уточняются (*Хорошие книги поднимут тебя до небывалых высот; Снижайте стресс – читайте добрые книги!*). Лишь в очень редких случаях упоминаются конкретные произведения (*«Три сестры». Шикарнее, чем в кино. Читай в любой библиотеке города; Чтобы девичьи сердца восхищать, надо Есенина, парень, читать*) или виды литературы (*Не забывай «стариков». Расти морально. Читай классику; Читай сказки в детстве!*). В результате создаётся впечатление, что читать полезно любые книги, будь то комиксы, бульварные романы или классика. О формировании с помощью СР эстетических вкусов молодёжи, нравственных и социальных ценностей, мировоззрения и т. п. речь почти нигде не идёт.

Другая проблема связана со степенью распространённости СР о ПЧ. По количеству плакатов кластер о ПЧ занимает третье место среди всех тематических кластеров (об общем объёме исследованной СР и методике распределения её по кластерам см.:

[Анисимова, Чубай, 2020]). Тем не менее почти невозможно встретить плакаты с такой тематикой на улицах наших городов. Она размещается преимущественно в интернете: либо на тематических сайтах (прежде всего на сайтах конкурсов и фестивалей СР), либо на сайтах издательств, и следовательно, редко доходит до своего целевого адресата.

Для решения этой проблемы необходимо, чтобы, во-первых, она производилась по заказу государства или общественных организаций (а не только издательствами), во-вторых, распространялась наравне с остальной СР. Только в этом случае она сможет выполнить своё назначение и повлиять на выработку требуемых поведенческих стереотипов у молодёжи.

Наконец, третья проблема вытекает из предыдущих. Многие исследователи отмечают крайне низкую эффективность СР о ПЧ [Берштадт, 2009 ; Додукова, 2019 и др.], поскольку простые призывы к чтению не оказывают воздействия на сознание адресата. Вместе с тем, чтобы СР подействовала, она должна тем или иным способом «зацепить» внимание адресата. Самый естественный путь состоит в использовании аргументов, объясняющих пользу чтения с опорой на ценности адресата: чтение укрепляет семейные отношения (*Стань героем для своего сына и дочери, помоги им справиться с первой строчкой*), увеличивает шансы познакомиться с достойной девушкой (*Хочу познакомиться с умным. Читайте книги, парни*), позволяет путешествовать в пространстве (*Открой книгу – мир перевернёшь*) и во времени (*Читай книги – путешествуй во времени*), даёт возможность избегать многих проблем в жизни (*Больше книг хороших прочтёшь, меньше шишек в жизни набьёшь*) и т. п. Менее эффективны аргументы, описывающие общие преимущества чтения (*Чтение даёт эмоции и впечатления, зачастую недоступные в обычной жизни; Чтение формирует характер*). Повышает степень эффективности СР и приём сопоставления книг и фильмов (*Если бы ты читал книгу, то знал бы, что Жан-Батист Гренуй убил свою первую жертву не случайно, как ты думал до сих пор, а преднамеренно. А ты всего лишь посмотрел «Парфюмер. История одного убийцы»*), поскольку «напоминает респонденту о том, что фильм снят по книге, а первоисточник почти всегда лучше переработанного материала» [Базарова, Лыкова, 2020, с. 254].

Другой путь повышения эффективности СР – улучшение качества самого текста, состоящее в использовании разнообразных средств привлечения внимания (eye-stoppers), форм интертекстуальности, тропов, фигур и т. п. Все подобные приёмы усиливают выразительность текста, повышают его запоминаемость и персуазивность.

Приёмы повышения степени экспрессивности рекламного текста регулярно привлекают внимание исследователей [Борисова, 2021 ; Верба, Нечипорук, 2021 ; Маяк, Храмцевич, 2021 и др.]. Вместе с тем говорить о создании полноценной классификации всех тропов и фигур, используемых в рекламе, невозможно, поскольку здесь происходит постоянное обновление актуальных приёмов. Творческий характер рекламного дискурса проявляется и в том, что состав и количество тропов и фигур в одних его сегментах может весьма существенно отличаться от других, что зависит не только от характера пропагандируемой идеи или товара, но и от особенностей адресата и степени сложности требуемого от него действия. В связи с этим при описании средств выразительности СР нежелательно рассматривать её как однородную совокупность плакатов.

Ц е л ь ю настоящего исследования является определение специфики использования тропов и фигур в СР о ПЧ по сравнению с СР иных рубрик. Статья продолжает серию работ подобной тематики [Анисимова, Чубай, 2022 а, б и др.], что даёт возможность более детального рассмотрения особенностей функционирования тропов и фигур в рамках СР.

2. Характер средств выразительности в социальной рекламе о пользе чтения [Means of expression in social ads about the benefits of reading]

2.1. Материал и методы исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужила картотека плакатов используемой в России СР, собранная методом сплошной выборки из различных медиабанков сети Интернет. Общий объём картотеки – более 14000 плакатов (более подробно о характере собранного материала см. [Анисимова, Чубай, 2020]. Контекстуальный анализ материала позволил обнаружить около 800 плакатов, посвящённых пропаганде чтения книг. Критерием отбора являлось наличие в смысловой структуре плаката скрытого или явного побуждения к чтению. На втором этапе с помощью типологического и сопоставительного анализа были выявлены средства выразительности, которые и стали объектом исследования. Далее была проведена количественная обработка эмпирического материала. На заключительном этапе для оценки роли средств выразительности в текстах СР о ПЧ применялись системный подход, описательный метод, а также обобщение и дискурсивный анализ.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Исследование показало, что к довольно распространённым и представленным большим количеством примеров в СР о ПЧ относятся следующие виды средств выразительности.

2.2.1. Тропы [Tropes]

Как и следовало ожидать, самым частотным тропом является м е т а ф о р а (18,4% от всех найденных примеров тропов и фигур). Это весьма эффективное средство воздействия на адресата, поскольку оно способно не только оценивать и эмоционально окрашивать образ объекта, но и выступать инструментом познания действительности. Метафора популярна во всех видах рекламы в связи с тем, что нестандартные метафоры способны представить обычные социальные проблемы в новом ракурсе, сформировать требуемое отношение к ним, стать важным доводом при выборе поведенческой модели.

На первом месте по частотности стоит метафорическая модель, представляющая книгу как способ изменить человека: сделать его более умным, образованным, общительным и т. п.: *Наполни себя знаниями; Качай мозги; Чтобы не было дырок в мозгу, ты книгу прочти хоть одну* и т. п. Все эти метафоры довольно непритязательны. Они иллюстрируются на плакатах засыпанием книг (или абстрактных предметов) в голову человека, как в кастрюлю. Вторая модель представляет человека, составленным из книг, которые он прочитал. Идея о том, что не только характер и карьерный рост, но и внешний вид человека в большой степени определяются количеством и качеством прочитанных книг, весьма популярна в СР о ПЧ (рис. 1). Третью по частотности модель представляет метафора *Заряжай мозги*. На плакатах, визуализирующих эту идею, человек для зарядки своего мозга вставляет в него батарейки-книжки; книга имеет форму электрической розетки, и в неё вставляется шнур, соединяющий её с мозгом и т. п. Кроме того книга может представляться как еда, одежда или лекарство человека.

Во всех перечисленных случаях метафора формулируется в слогане, а изображение придаёт ей наглядность, что повышает запоминаемость послания, и таким образом, увеличивает степень эффективности рекламных кампаний. Так, слоган *Открой мир с книгой!* иллюстрируется разнообразными атрибутами путешествий (рис. 2), а слоган *Сытый мозг – счастливый мозг* – изображением мозга, с довольной улыбкой сидящего на книге и т. п. Чаще всего такие изображения не имеют самостоятельного значения, не вносят ни-

каких дополнительных смыслов в тезис послания. В связи с этим особенно интересными представляются плакаты, на которых изображение содержит дополнительную положительную или отрицательную оценку той или иной литературы (не заложенную в тезисе послания), которую должен уловить адресат и сделать соответствующие выводы. Самым ярким примером этого приёма является серия плакатов «Мы то, что мы читаем» (рис. 3). На первом плакате на завтрак вместе с перепелиными яйцами, салатом и апельсиновым соком предлагаются стихи М. Цветаевой. Этот натюрморт вместе с цветами и белоснежной скатертью создаёт весеннее настроение чистоты и свежести. На втором плакате на обед подан примитивный и вредный для здоровья фастфуд на пластмассовом подносе, которому соответствует книга Д. Донцовой. Ценность таких плакатов заключается в том, что они не просто призывают к чтению, но и ненавязчиво формируют вкус читателя.

Рисунок 1. Метафора «Человек сделан из прочитанных им книг»
[Figure 1. Metaphor “A human is made of the books he/she has read”]

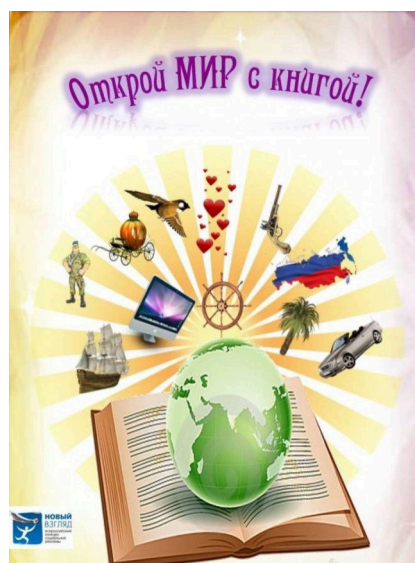

Рисунок 2. Вербальная метафора
[Figure 2. Verbal metaphor]

Рисунок 3. Визуальная метафора
[Figure 3. Visual metaphor]

С р а в н е н и е (10,7% от всех найденных примеров тропов и фигур) в рассматриваемом кластере представлено только в вербальной форме. Это существенно отличает СР о ПЧ от других кластеров, где преобладают послания, построенные только на сопоставлении изображений. С этим связана и вторая особенность: сравнений здесь встретилось на треть меньше, чем в среднем по СР. В большой степени эта особенность

обусловлена характером типичного содержания: легко визуализировать аналогию между ребёнком с синдромом Дауна и Бэтменом (*Дети с лишней хромосомой. Но Бэтмен тоже не такой как все*), между медосмотром человека и техосмотром автомобиля (*Какой осмотр важнее? Пройди бесплатную диспансеризацию!*), однако весьма сложно визуализировать разницу между чтением книги и общением по телефону (*Читать книги так же увлекательно, как и общаться по телефону*). Здесь все отличия лежат в духовной сфере (польза, интерес, общение с другими людьми и т. п.), поэтому их трудно представить в виде конкретной картины.

Среди сравнений выделяются сугубо рациональные аналогии (построенные на сопоставлении однородных предметов или явлений), в которых книги (или чтение книг) сопоставляются с каким-либо другим предметом или явлением: *Есть преступление хуже, чем сжигать книги. Например – не читать их. Рэй Брэдбери; Покупай еду для жёлудка, покупай книги для ума*. Большая же часть сравнений имеет образный эмоциональный характер, сближающий их с метафорами: *Читаешь книги в сокращении? Пьёшь чай без заварки?; Книги – музыка для души*.

Что касается формы представления сравнений, то в рассматриваемом кластере присутствуют популярные и в других кластерах модели: сравнение с помощью союзов (*Книги как парашюты. Они не принесут вам пользы, пока закрыты!; Книги как зеркало: в них лишь отражается то, что у тебя в душе*) и сравнение с помощью кампаратива (*Будь выше! Читай!; Нет ничего вкуснее книги*) и суперлатива (*Лучший телевизор это книга*). Специфичной именно для рассматриваемого кластера является популярность сравнения в форме отождествления: ситуация, когда книга (или чтение) приравнивается (отождествляется) с действием или предметом, безусловно полезным (или привлекательным по другой причине) для человека: *Это нужно человеку: воздух, вода, еда, книга; Книга – твой друг, без неё как без рук; Читать книги – это мыслить и рассуждать*.

Э п и т е т ы (6%) во всех кластерах СР довольно однообразны и не слишком выразительны. В СР о ПЧ эпитеты чаще всего используются для характеристики отношения человека к книге: *Счастье – это пропасть в любимой книге; Снижайте стресс – читайте добрые книги*.

О л и ц е т в о р е н и е (3,6%) в СР о ПЧ встречается только в визуальной форме, причем олицетворяются чаще всего сами книги: они превращаются в птиц и либо сами летают по небу, либо служат летательным аппаратом (рис. 4).

Г и п е р б о л а (2,6%) в визуальной форме регулярно используется во всех рубриках СР, поскольку с её помощью можно легко представить основную идею кластера. В СР о ПЧ она тоже встречается, однако в отличие от других кластеров, где подобные послания не требуют подписи, ибо визуальный ряд достаточно выразителен и понятен без текста, в рассматриваемом кластере гипербола всегда имеет вербально-визуальный характер. Изображение, как правило, состоит из огромной стопки (или кучи) книг (одной огромной книги), на которую взгромоздился (или собирается это сделать) маленький человек. Слоган требуется для объяснения и эмоциональной оценки ситуации (рис. 5).

А л л е г о р и я (2,1%) – троп, вполне уместный в СР. С её помощью абстрактные и сложные понятия предстают в конкретной и наглядной форме, поэтому она присутствует исключительно в визуальном компоненте. В СР о ПЧ встречается только один аллегорический образ, представляющий книгу как дверь в сказочный мир (рис. 6).

Остальные тропы представлены единичными примерами и не влияют на общий характер СР. Сопоставление функционирования тропов в СР о ПЧ с тем, что имеет место в других кластерах, показывает гораздо более скромную долю их использования в рассматриваемом кластере. И метафоры, и эпитеты, и олицетворение не только имеют меньший процент распространения, но и представлены меньшим количеством разных моделей, чем в среднем по СР.

Рисунок 4. Олицетворение
[Figure 4. Personification]

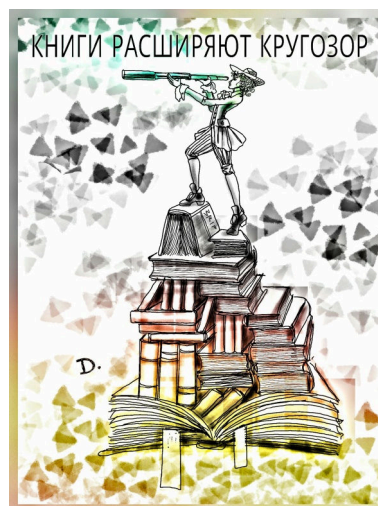

Рисунок 5. Гипербола
[Figure 5. Hyperbole]

Рисунок 6. Аллегория
[Figure 6. Allegory]

Рисунок 7. Параллелизм
[Figure 7. Parallelism]

2.2.2. Стилистические фигуры [Figures of speech]

Анализ стилистических фигур показывает, что в СР о ПЧ они тоже гораздо менее разнообразны, чем в остальной СР (о принципах классификации фигур см. [Пекарская, 2017, с. 92]).

1. Фигуры прибавления. Из всей группы этих фигур в рассматриваемом кластере встретилась только *анафора* (4,4% от всех найденных примеров тропов и фигур). Эта фигура частотна и в других кластерах СР, причём обычно повторяется та лексема, которая несёт основную смысловую нагрузку. В СР о ПЧ этим элементом, как правило, оказываются лексемы *книга* (*Книга учит мыслить. Книга учит говорить. Книга учит понимать людей*) или *читать/чтение* (*Читать – это стильно! Читать – это модно! Читайте повсюду! Читайте свободно!*).

Остальные формы повторов встречаются гораздо реже (1,9%). Так, единичными примерами представлены: *анадиплосис* (повторение последнего слова первой фразы в начале второй): *Чтение вдохновляет, вдохновение окрыляет*; *эпифора* (повторение звуков, слов или словосочетаний в конце речевых конструкций): *У страниц*

нет границ; Грустно? **Читай книги!** Скучно? **Читай книги!** Страшно? **Читай книги!** В любой непонятной ситуации **ЧИТАЙ КНИГИ!**; гомеология (повтор префиксов, суффиксов или окончаний): *Читаешь – качаешь* (изображен мозг, поднимающий штангу из книг), причём повторяемые части слова могут включать не только суффиксы, но и часть корня, что обусловлено рифмой фрагментов: *Хорошая книга – не макулатура!* *Развивай умственную мускулатуру!*

2. Фигуры убавления (экономия). Эти фигуры встречаются в СР о ПЧ гораздо чаще и имеют только вербальное выражение.

К ним относится эллипсис (3,4%): *Успешные всегда читают много. В чтении мотивация, уверенность, сила* (в первом предложении пропущено: *успешные люди*; во втором – *в чтении заключается*). Во всех других кластерах среди фигур, в построении которых используется только вербальный компонент послания, эллипсис является самым частотным. Однако в СР о ПЧ не востребована та дополнительная энергичность, напряжённость или стремительность, которые характерны для дискурса СР в целом. Здесь, напротив, ценятся подробности, часто встречаются диалоги и даже небольшие рассказы.

Более частотным является умолчание (6,3%), которое определяется как «риторический приём, состоящий в таком построении высказывания, когда часть его смысла передаётся не словами (не вербально), а подтекстом, с помощью намёка» [ЭСС, 2011, с. 335]. Обычно этот приём используется для того, чтобы адресат смог сам домыслить важную часть содержания послания. В СР о ПЧ умолчание в этой роли встречается редко и используется в упрощённом виде: в слогане содержатся намёки на какие-либо жизненные ситуации, которые адресат должен реконструировать сам: *Знание – сила, не знание – рабочая сила*. Здесь в свёрнутом виде представляется тезис, который на других плакатах формулируется полностью: *Те, кто читает книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор. Читай книги – будь личностью*.

Гораздо более популярна одна из разновидностей умолчания – апозиция (намеренное усечение предложения), с помощью которого автор интригует адресата, побуждая его к чтению книг: *Му-му – это... Ответ ищите в книге И. Тургенева «Му-му»*. Чаще всего на плакате приводится начало какой-либо известной литературной фразы и адресату предлагается продолжить её или объяснить её значение. При этом очевидно, что большая часть современной молодёжи не сможет этого сделать: *А судьи кто? ...А дальше?* В СР о ПЧ частотность рассматриваемого приема почти в 3 раза выше, чем в среднем по СР.

3. Фигуры размещения. Эти фигуры определяют порядок расположения языковых единиц в тексте. В СР о ПЧ они представлены в основном вербальными фигурами.

Симметричное расположение может быть основано на перестановке (хиазм, инверсия) и параллелизме.

Хиазм – (10,7%) В СР (как и в других сферах общения) встречается редко: *Книгу в каждую руку! Каждому в руку книгу!* Однако специфика этого кластера состоит в том, что в 2011 г. издательство «ЭКСМО» проводило масштабный конкурс, слоганом которого был хиазм *Читать не вредно, вредно не читать*. На него было прислано более 1000 плакатов, причём некоторые из них популярны до сих пор. Наша картотека включает 43 примера плакатов с таким текстом, что и отражается на итоговых цифрах.

Инверсия (1,6%) служит для привлечения дополнительного внимания к переставленному элементу и его интонационного выделения. Чаще всего он переставляется в конец слогана: *С книгой мы растём всегда!* (ср.: Мы всегда растём с книгой). В СР о ПЧ этот приём не популярен, имеющиеся примеры перестановок слов производят впечатление случайных и поэтому являются малоинформативными.

П а р а л л е л и з м (5,8%) служит для создания более чёткой и понятной структуры послания: *Одни книги пробуют на вкус, другие – проглатывают, и лишь немногие – разжёвывают и усваивают (2015: год литературы в России)*. Он часто сочетается с другими тропами и фигурами (повтором, анафорой, метафорой и др.): *Книга учит, книга помогает, книга защищает* и т. п.

В СР параллелизм может быть использован для сопоставления предметов (действий, явлений) или их признаков и свойств. Это помогает выявить те общие черты, которые их объединяют, или подчеркнуть те различия, которые их противопоставляют. В таком случае приём классифицируется как вербально-визуальный. С его помощью достигается большая наглядность и чёткость представления идеи автора (рис. 7).

А с и м м е т р и ч н о е р а с п о л о ж е н и е в СР представлено расчленённостью, или парцелляцией. Обычно с помощью **п а р ц е л л я ц и и** (1,9%) в тексте СР акцентируется наиболее важная часть послания, на которой заостряется внимание адресата: *Любовь и преданность не покупаются. И не зависят от породы!* (о собаках).

В СР о ПЧ этот приём встречается довольно редко и выглядит не так, как в других кластерах. Здесь практически нет плакатов, где бы в качестве парцеллята выступал скрытый призыв. Разделение чаще всего происходит на общую часть серии плакатов, которая изображается более крупным и ярким шрифтом и отделённую от неё вариативную часть (свою у каждого плаката), напечатанную мельче: *Читай... ...и путешествуй; Читай... ...и познавай* и т.п. Таким образом, никакой дополнительной выразительности этот приём здесь не добавляет.

4. Фигуры сопоставления. Сопоставление может быть представлено тождеством (перифраза), контрастом (антитеза) и градацией.

П е р и ф р а з а (2,9%) является сугубо вербальным приёмом. Если за пределами СР более употребительны клишированные перифразы (*царь зверей* вместо лев, *корабль пустыни* вместо верблюды и т. п.), то в СР более популярны перифразы-окказионализмы, причём во всех кластерах этот приём применяется только к наименованию основного объекта внимания данного кластера. Так, в СР о ПЧ перифразе подвергается слово КНИГА: *Помни о пище для ума!; Ключ от двери знаний; Лекарство от глупости* и т. п.

А н т и т е з а (9,4%). В СР о ПЧ чаще всего противопоставляются читающий и не читающий человек, причём первый представляется, как умный и находчивый а второй – как глупый и примитивный: *Кто умён, а кто дурак – один за книгу, другой в кабак*. В этом примере, кроме лексических антонимов *умный / дурак*, использованы и смысловые (окказиональные, контекстуальные) антонимы т. е. слова, в языке не противопоставленные по смыслу: *читающий / ньющий*. Такие антонимы в рассматриваемом кластере встречаются чаще, чем в среднем по СР, ср. ещё: *От чтения не толстеют. Глотай книги, а не булочки; Читай книги, а не SMS; Культура – это не количество прочитанных книг, а количество понятых* и т. п.

Антитеза является наиболее частотным приёмом во всех кластерах СР. Это связано с тем, что на её основе, как правило, строятся базовые альтернативы не только рубрик, но и кластеров. Несмотря на это в СР о ПЧ количество антитез в процентном отношении ко всем примерам существенно ниже, чем в остальной СР.

Можно отметить и ещё одну особенность. Во всех других кластерах антитеза чаще всего усиливается с помощью выбора соответствующей цветовой гаммы и чёткого зрительного противопоставления персонажей. Так, отрицательный член альтернативы (предмет, человек, событие и т.п.) изображается в мрачных серых тонах, причём он грустен, уродлив, а иногда и страшен. В то же время положительный член предстает в ярких и светлых тонах, он весел, здоров, привлекателен. Цветовая гамма и зрительный образ в целом ускоряют понимание и усиливают убедительность тезиса послания. В СР

о ПЧ эта особенность построения плакатов отсутствует: здесь цветовая контрастность практически не используется (рис. 8), облик персонажей различается незначительно.

Все эти особенности обусловлены спецификой базовой альтернативы СР о ПЧ. Как правило, антитеза в СР строится на контрадикторных отношениях, принимающих облик поляризации: курящий или пьющий человек болен и грустен, а не курящий и не пьющий – здоров и весел; замусоренный город выглядит серым и мрачным, а чистый – ярким и солнечным и т. п. Во всех таких случаях отрицательный член базовой альтернативы открыто нарушает установленные в обществе законодательные или этические нормы, а также иные общепринятые правила поведения. Однако не читающий человек не нарушает никаких норм и правил и не отличается на вид от читающего. Кроме того, невозможно и точно измерить степень нарушения рекомендаций по поводу чтения: можно ли считать читающим человеком того, кто читает только посты в соцсетях? Или только новости и комментарии к ним? Или только научную литературу по специальности? Или только детективы? Именно размытость границы между нормой и её нарушением существенно отражается на особенностях использования антитезы в рассматриваемом кластере.

Всё это приводит к тому, что в СР о ПЧ антитеза довольно часто переводится в подтекст: с её помощью адресату обещают те или иные интеллектуальные преимущества, отсутствующие у него в настоящий момент и доступные только для читающих людей. Здесь возможны две модели.

Модель 1. Жизнь, типичная для современного человека, изображается как сложная, полная опасностей и проблем. Она заставляет людей страдать, терпеть неудачи и даже гибнуть. Ей противопоставляется жизнь, возможная для читающего человека, получившего необходимые знания для преодоления всех препятствий на пути к светлому будущему. Так, судьба Наф-Нафа, который прочитал книги и узнал из них, какой именно дом следует построить, противопоставляется судьбе братьев, по незнанию потерявших свои жилища (рис. 9); те, кто читает книги, противопоставляются тем, кто смотрит телевизор (как начальник и подчинённые) и т. п.

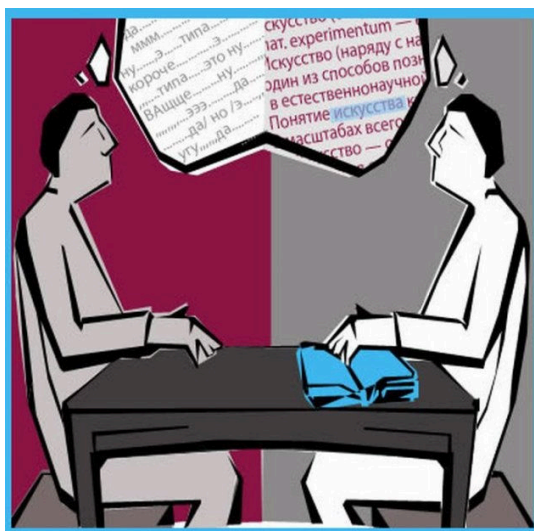

Рисунок 8. Антитеза
[Figure 8. Antithesis]

Рисунок 9. Скрытое
противопоставление: модель 1
[Figure 9. Hidden contrast: Model 1]

Во всех заманчивых обещаниях СР о ПЧ предполагается, что в настоящий момент декларируемых преимуществ у человека нет: *Книги читать – скуки не знать; Чтение убивает безграмотность в человеке; Чтение убивает в человеке глупость* и т. п. В конечном счете, и метафора *Заряди свой мозг* указывает на то, что в настоящее время он разряжен (т. е. пуст). Ср. также плакат на рисунке 10, где чтение представляется как спасительный плот от глупости, безграмотности, бескультурья. На нём читающий человек косвенно противопоставляется остальным людям, утонувшим в этом море пороков. К этой же группе относится и обширная серия провокационных плакатов, построенных по модели предупреждений, печатаемых на пачках сигарет: *Минздравсоцразвития России предупреждает: чтение может стать причиной возникновения повышенного интереса к жизни; Осторожно! Чтение может вызвать развитие фантазии и мозга!*

Модель 2. Реальная обыденная жизнь противопоставляется яркой и красочной жизни, изображаемой в книгах: *Подарите детям прекрасный сказочный мир!; Книга – вот настоящее окно в чудесные неповторимые миры; Чтение книг – это жизнь, полная приключений* (рис. 11).

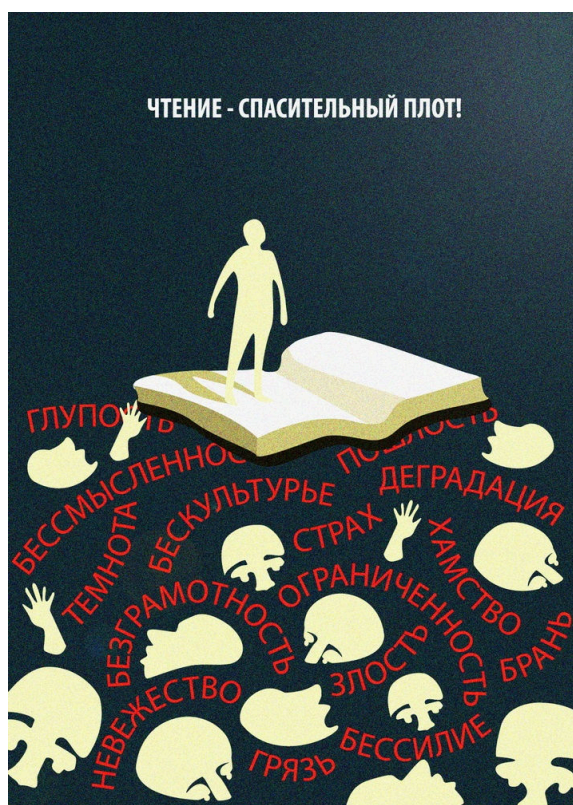

Рисунок 10. Скрытое противопоставление: модель 1
[Figure 10. Hidden contrast: Model 1]

Рисунок 11. Скрытое противопоставление: модель 2
[Figure 11. Hidden contrast: Model 2]

Г р а д а ц и я (1,9%), как и в других кластерах, представлена только в визуальном компоненте. Здесь используется вполне типичная для всей СР модель превращения обезьяны в человека (если она следует рекомендованной модели поведения) и деградация человека до уровня обезьяны (если не следует). Вместе с тем здесь имеются и другие модели градации, с помощью которых человека агитируют развиваться, читать всё более серьезные книги (рис. 12).

Рисунок 12. Градация
[Figure 12. Gradation]

Примыкает к сопоставлению группа приёмов, построенных на алогизмах (двусмысленностях): апофазия, диафора, зевгма, каламбур, оксюморон и т. п. Подобные приёмы довольно частотны в рекламном дискурсе, поскольку позволяют быстро «зацепить» внимание адресата, заставить задуматься над расшифровкой послания (см., напр., [Кузьмина, 2022 ; Ласкова, Попова, 2013] и др.). Такие тексты надолго запоминаются и поэтому являются более эффективными, чем обычные. Вместе с тем в СР эти приемы используются гораздо реже, чем в товарной рекламе, причём игровой элемент здесь, как правило, менее выражен.

Самым распространённым приёмом из этой группы во всех кластерах является а м ф и б о л и я (2,9%), поскольку она позволяет придать высказыванию дополнительный смысл, который разгадывается адресатом и поэтому усваивается лучше, чем прямо декларируемый – «риторический приём двусмысленности, конструктивным принципом которого является нарушение тождества семантики слова посредством постановки его в такой контекст, в котором это слово одновременно реализует два разных значения» [ЭСС, 2011, с. 32]. В кластере о ПЧ этот приём представлен серией плакатов, на которых амфиболия сочетается с олицетворением: на них изображены очеловеченные книги, которые плавают с аквалангом (*Читай глубже*), шьют на швейной машине (*Читай между строк*) и т. п. Во всех таких случаях совмещается прямое значение соответствующих выражений (на картинке) и метафорическое (обычно употребляемое по отношению к книге). Вместе с тем никакого дополнительного смысла, обычно присущего выражениям с амфиболией, в этих примерах не наблюдается. Примеры более тонкой двусмысленности встречаются редко: *У богатых людей – большая библиотека. У бедных людей – большой телевизор*. Между тем и большой телевизор вряд ли доступен бедным людям из-за высокой стоимости. Очевидно, что здесь имеется в виду духовное богатство и бедность людей: развитые, думающие люди имеют библиотеку, а примитивно мыслящие предпочитают телевизор.

Другой весьма популярный в СР о ПЧ игровой приём состоит в построении послания по принципу интернет-мема: известной личности приписывается какое-либо высказывание, явно не соответствующее её взглядам и статусу (3,5%). Так, на плакатах в

серии, призывающей увеличивать словарный запас с помощью чтения, помещены редко используемые слова, над значением которых размышляют скульптурные портреты древнегреческих мудрецов: Горгий (*Эвфемизм. – Ну ты блин ваще...*), Сократ (*Апория. – Что-то типа того...*) и др. В эту же группу мы включаем и известную серию плакатов, на которой русские классики в костюмах школьных физруков дают школьникам советы, как приучить себя к чтению: Лев Толстой: *Не сдавайся – на 500-ой странице откроется второе дыхание.*

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало следующее. Во-первых, средства выразительности в социальной рекламе позволяют сделать её послания более запоминающимися, и следовательно, повысить их эффективность. Образность, наглядность и чёткая структуризация текста, достигаемые с помощью использования средств выразительности, способствуют лучшему пониманию текста, что существенно увеличивает его воздействующий потенциал.

Во-вторых, несмотря на интеллектуальный посыл, содержащийся в социальной рекламе о пользе чтения, в ней обнаружены только самые простые варианты средств выразительности. Так, здесь отсутствует вербально-визуальное умолчание, с помощью которого в других кластерах создаются послания-загадки, которые адресат должен разгадать; мало плакатов, построенных на алогизмах (языковая игра, контаминация, амфиболия, оксюморон, парадокс); не используются возможности инверсии, парцелляции и т. д.

Наконец, в социальной рекламе о пользе чтения основной смысл послания всегда передается вербально, а не визуально. Изображение используется для иллюстрации слога и не имеет самостоятельного значения. В связи с этим и средства выразительности гораздо чаще имеют сугубо вербальную форму. Этот признак весьма существенно отличает данный вид социальной рекламы от других (экологической, о здоровом образе жизни и т. п.), где акцент делается именно на зрительном компоненте, в то время как вербальный компонент выполняет вспомогательную функцию. Это связано с тем, что базовая альтернатива рассматриваемого кластера касается исключительно интеллектуальной стороны жизни человека, и поэтому плохо поддаётся визуализации. Сугубо визуальный характер имеют только олицетворение и аллегория, с помощью которых книги превращаются (соответственно) в птиц или представляются как двери в яркий и увлекательный мир.

Библиографический список

- Анисимова, Чубай, 2020 – Анисимова Т. В., Чубай С. А. Социальная реклама: риторический анализ плакатов социальной тематики. М. : РУСАЙНС, 2020. 278 с.
- Анисимова, Чубай, 2022 а – Анисимова Т. В., Чубай С. А. Стилистические приемы на плакатах социальной рекламы: соотношение вербальных и визуальных компонентов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022а. № 2. С. 192–205. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-192-205>.
- Анисимова, Чубай, 2022 б – Анисимова Т. В., Чубай С. А. Особенности использования стилистических фигур в дискурсе социальной рекламы // Вестник Пермского ун-та. Серия: Российская и зарубежная филология. 2022 б. Т. 14. Вып. 4. С. 5–14. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-4-5-14>.
- Базарова, Лыкова, 2020 – Базарова А. С., Лыкова Т. Д. Исследование эффективности социальной рекламы в популяризации книги и чтения // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 18–19. С. 242–258.
- Берштадт, 2009 – Берштадт А. Б. Этические проблемы в рекламе книги // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2009. № 2. С. 077–080.

- Борисова, 2021 – Борисова И. В. Реализация стилистического потенциала англоязычных рекламных слоганов в интернет-дискурсе // *Litera*. 2021. № 9. С. 66–81. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.9.36239>.
- Верба, Нечипорук, 2021 – Верба М. А., Нечипорук Т. В. Повтор как приём экспрессивного синтаксиса в немецких рекламных текстах // *Филологический аспект*. 2021. № 5 (73). С. 18–25.
- Давлятова, Кужелева, 2015 – Давлятова С. В. Кужелева Е. В. Особенности влияния социальной рекламы на информирование общества о современных социальных проблемах // *Научные дискуссии*. 2015. Т. 4. С. 32–38.
- Додукова, 2019 – Додукова Е. С. Метафора в системе средств воздействия социальной рекламы (на примере плакатов экологической тематики) // *International Journal of Professional Science*. 2019. № 6. С. 18–29.
- Кузьмина, 2022 – Кузьмина Е. К. Особенности «игры слов» и каламбуров в рекламе на материале английского и французского языков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15, № 2. С. 598–602. <https://doi.org/10.30853/phil20220048>.
- Ласкова, Попова, 2013 – Ласкова М. В., Попова Ю. В. Лингвокультурные особенности языковой игры в рекламной картине мира. Ростов-на-Дону : Южный фед. ун-т, 2013. 128 с.
- Маюк, Храмцевич, 2021 – Маюк Е. П., Храмцевич А. И. Коммуникативная роль стилистических средств в репрезентации эстетического образа // *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. 2021. № 26–2. С. 146–149.
- Пекарская, 2017 – Пекарская И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) // *Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова*. 2017. № 3 (21). С. 83–95.
- ЭСС, 2011 – Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА, 2011. 480 с. URL : <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/23.pdf>.

References

- Anisimova, T. V., Chubay, S. A. (2020). *Sotsial'naya reklama: ritoricheskiy analiz plakatov sotsial'noy tematiki [Social advertising: A rhetorical analysis of social posters]*. Moscow : RUSAYNS Press. (In Russ.).
- Anisimova, T. V., Chubay, S. A. (2022 a). Stilisticheskie priemy na plakatakh sotsial'noy reklamy: sootnoshenie verbal'nykh i vizual'nykh komponentov [Stylistic devices on social advertising posters: Verbal and visual means]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 2, 192–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-192-205>
- Anisimova, T. V., Chubay, S. A. (2022 b). Osobennosti ispol'zovaniya stilisticheskikh figur v diskurse sotsial'noy reklamy [Figures of speech as used in social advertising discourse]. *Vestnik Permskogo un-ta. Seriya: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]*, 4, 5–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-4-5-14>
- Bazarova, A. S., Lykova, T. D. (2020). Issledovanie effektivnosti sotsial'noy reklamy v populyarizatsii knigi i chteniya [Research on the effectiveness of social advertising in popularizing books and reading]. *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu [Russian School of Public Relations]*, 18–19, 242–258. (In Russ.).
- Bershchtadt, A. B. (2009). Eticheskie problemy v reklame knigi [Ethical issues in book advertising]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela [News of Higher Educational Institutions. Issues of Printing and Publishing]*, 2, 077–080. (In Russ.).
- Borisova, I. V. (2021). Realizatsiya stilisticheskogo potentsiala angloyazychnykh reklamnykh sloganov v internet-diskurse [Fulfillment of stylistic potential of the English-language advertising slogans in the internet discourse]. *Litera*, 9, 66–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.9.36239>
- Verba, M. A., Nechiporuk, T. V. (2021). Povtor kak priem ekspressivnogo sintaksisa v nemetskiikh reklamnykh tekstakh [Repetition as a device of expressive syntax in German advertising texts]. *Filologicheskii aspekt [Philological aspect]*, 5 (73), 18–25. (In Russ.).

- Davlyatova, S. V. Kuzheleva, E. V. (2015). Osobennosti vliyaniya sotsial'noy reklamy na informirovanie obshchestva o sovremennykh sotsial'nykh problemakh [Features of the influence of social advertising on informing society about modern social problems] *Nauchnye diskussii [Scientific discussions]*, 4, 32–38. (In Russ.).
- Dodukova, E. S. (2019). Metafora v sisteme sredstv vozdeystviya sotsial'noy reklamy (na primere plakatov ekologicheskoy tematiki) [Metaphor in the system of social advertising means of influence (For example, posters on environmental issues)]. *International Journal of Professional Science*, 6, 18–29. (In Russ.).
- Kuzmina, E. K. (2022). Osobennosti «igry slov» i kalamburov v reklame na materiale angliyskogo i frantsuzskogo yazykov [Features of «wordplay» and puns in advertising by the material of the English and French languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 2, 598–602. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20220048>
- Laskova, M. V., Popova, Yu. V. (2013). *Lingvokul'turnye osobennosti yazykovoy igry v reklamnoy kartine mira [Linguistic and cultural features of the language game in the advertising picture of the world]*. Rostov-on-Don : South Federal University Press. (In Russ.).
- Mayuk, E. P., Khramtsevich, A. I. (2021). Kommunikativnaya rol' stilisticheskikh sredstv v reprezentatsii esteticheskogo obraza [Communicative role of stylistic devices in aesthetic image representation]. *Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]*, 26–2, 146–149. (In Russ.).
- Pekarskaya, I. V. (2017). O sushchestvuyushchikh tipologiyakh stilisticheskikh figur (analiticheskiy obzor) [About existing typologies of stylistic figures (analytical review)]. *Vestnik Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov]*, 3 (21), 83–95. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (Ed.). (2011). *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety [Encyclopedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]*. Moscow : FLINTA Press. (In Russ.). <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/23.pdf>.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 05.02.2024.
The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 05.02.2024.

УДК 81.366.5

Афанасьева Арина Алексеевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
arina-af@inbox.ru

Междометные фразеологизмы испанского языка в аспекте межкатегориального взаимодействия

Аннотация

В настоящей статье поставлена цель рассмотреть функционирование междометных фразеологических единиц (МФЕ) в ситуации каузации эмоциональной модификации в испанском языке. Материалом для исследования послужило свыше 2000 контекстов, содержащих МФЕ. Контексты отбирались методами сплошной и направленной выборки. Для обработки материала применялись компонентный и контекстуальный анализ, корпусный метод. В результате построена классификация междометных фразеологизмов в соответствии со спецификой актуализируемой эмоции: положительной модификации, отрицательной модификации, амбивалентные, мультивалентные. К первой группе были отнесены междометные фразеологические единицы, выражающие радость и одобрение. В группу междометных фразеологизмов, актуализирующих отрицательную модификацию эмоционального состояния, были распределены МФЕ, реализующие значение гнева, досады, осуждения. В группу амбивалентных МФЕ попали те, которые в зависимости от контекста вербализовали одну из двух эмоций – положительную либо отрицательную. Наконец, в группу мультивалентных МФЕ попали такие МФЕ, которые могут служить одновременно выражением различных эмоций. МФЕ положительной модификации составили 15% от общего количества МФЕ, отрицательной модификации – 67%, амбивалентные МФЕ – 17%, мультивалентные – 1%. На основании проанализированных данных сделан вывод о наличии взаимодействия категорий эмотивности и каузативности при функционировании междометных фразеологизмов.

Ключевые слова: междометные фразеологизмы, эмотивность, каузативность, ситуация каузации эмоциональной модификации, межкатегориальное взаимодействие, испанский язык

© Афанасьева А. А. 2024

Для цитирования: Афанасьева А. А. Междометные фразеологизмы испанского языка в аспекте межкатегориального взаимодействия // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 20–32.

Arina A. Afanaseva
Perm State University
Perm, Russian Federation
arina-af@inbox.ru

Interjectional phraseological units of the Spanish language in the aspect of intercategory interaction

Abstract

The article aims to consider the functioning patterns of interjectional phraseological units (IPUs) in the situation of causation of emotional modification in Spanish. The material for the study was comprised by 2000 tokens containing an IPU. They were selected using continuous and directed sampling. Further data processing was performed using component analysis, contextual analysis and corpus method. As a result, the classification of interjectional phraseological units was developed in accordance with the specifics of the emotion verbalized: positive modification, negative modification, ambivalent ones, and multivalent ones. The first group included

IPUs expressing joy and approval. The IPUs with the meaning of anger, annoyance, condemnation were distributed to the group of negative modification of the emotional state. The IPUs that, depending on the context, revealed one of two emotions – positive or negative – were interpreted as ambivalent IPUs. Finally, the IPUs that could simultaneously verbalize various emotions were gathered in multivalent group. Positive IPUs accounted for 15% of all analyzed IPUs, negative – 67%, ambivalent – 17%, multivalent – 1%. The data analysis enables to conclude that there is an interaction between the categories of emotivity and causation in the functioning of interjectional phraseological units.

Keywords: interjectional phraseological units, emotivity, causativity, situation of emotional modification causation, intercategory interaction, Spanish language

© Afanaseva A. A. 2024

For citation: Afanaseva, A. A. (2024). Mezhdometnye frazeologizmy ispanskogo yazyka v aspekte mezhkategorial'nogo vzaimodeystviya [Interjectional phraseological units of the Spanish language in the aspect of intercategory interaction]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 20–32.

1. Введение [Introduction]

Эмоции, безусловно, являются неотъемлемым компонентом жизни человека. Они стали предметом различных наук – философии, психологии, физиологии и других. В этом отношении языкознание не является исключением, поскольку эмоции находят своё вербальное выражение. На стыке разных дисциплин возникла эмотиология, которая в широком смысле представляет собой междисциплинарную отрасль науки, предметом которой являются эмоции, их свойства, проявления, роль, функции в деятельности человека. В узком понимании эмотиология трактуется как лингвистика эмоций, возникшая в результате взаимодействия лингвистики и психологии, которая исследует взаимосвязь языка и эмоций, пути и способы их вербального проявления [Шаховский, 2012, с. 24].

Один из крупнейших отечественных специалистов в области эмотиологии В. И. Шаховский, стоящий у истоков лингвистики эмоций, подчёркивает, что «эмоции не только испытываются, но и манифестируются языком, демонстрируются сознательно, имитируются, провоцируются говорящими» [Шаховский, 1990], в том числе и при помощи языковых единиц, которые служат для выполнения определённой функции. Отметим, что в свете функционального подхода одно из основополагающих понятий – функция единиц языка – трактуется как «цель (назначение, предназначение) того или иного языкового средства» [Бондарко, 1987, с. 197] и, наряду с этим, как «свёрнутый» потенциал его функционирования, то есть комплекс основных правил функционирования (поведения), входящих в функциональную характеристику данной единицы» [Там же]. Иными словами, по замечанию А. В. Бондарко, у функции различают два аспекта: результативный (способность единицы языка к реализации определённых целей) и потенциальный [Там же]. В. И. Шаховский отмечает, что и «эмотивную функцию можно понимать, с одной стороны, как реализуемую, то есть как процесс, а с другой – как реализованную, то есть как результат» [Шаховский, 1990]. Исследователь следующим образом трактует эмотивность как характеристику, свойственную языку и речи: «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражённые в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 2012, с. 24].

В лингвистических исследованиях придерживаются тенденции к выделению эмотивной функции языка [Пиотровская, 2015; Сюткина, 2021], цель которой – выражение эмоционального состояния или отношения говорящего к окружающей действитель-

ности. Эмотивность трактуется и как категория (см., напр., [Ульянова, 2011 ; Изосимова, 2021], функционально-семантическая категория [Коростова, 2009], поскольку у неё есть характерные признаки: общность смысловой функции (выражение эмоциональных переживаний и состояний), репрезентация через систему единиц разных уровней языка (уже Ш. Балли подчёркивал, что эмотивные компоненты присутствуют на всех уровнях языка [Балли, 1961, с. 43]).

В. И. Шаховский подчёркивает, что одними из параметров «эмоциональной коммуникации являются её причина – напор чувств коммуникантов, её объект – конкретный получатель или эмоциональный стимул – "виновник"» [Шаховский, 1990]. По замечанию Н. Д. Арутюновой, в отдельных случаях «причина раздваивается на лицо-виновника и событие-причину, а понятие лица-виновника преобразуется, в свою очередь, в понятие объекта чувств – той мишени, которая принимает на себя рикошет эмоций, названных событийным раздражителем» [Арутюнова, 1976, с. 155]. Цель эмоциональной коммуникации состоит в эмоциональном самовыражении, эмоциональном отношении говорящего к чему-либо или кому-либо, или эмоциональном воздействии на получателя» [Шаховский, 1990].

Поддерживая точку зрения о том, что эмотивность представляет собой функционально-семантическую категорию, заметим, что она может вступать во взаимодействие с другими функционально-семантическими категориями и, разделяя взгляд В. И. Шаховского и Н. Д. Арутюновой о наличии в эмоциональном типе коммуникации субъекта-отправителя, объекта-получателя и цели – эмоциональное воздействие на получателя, – закономерно сделать вывод о проявлении другой функционально-семантической категории – каузативности. При осуществлении каузативного сценария проявляется обязательное присутствие следующих компонентов: «каузатора – лица, оказывающего воздействие на другое лицо; объекта каузации – лица, которое подвергается воздействию; факта каузации, представленного единицей / единицами языка» [Шустова, 2010, с. 75]. Каузативность как функционально-семантическая категория имеет обобщённое значение побуждения субъектом объекта каузации к действию или изменению состояния и проявляется в сфере межличностных отношений.

Среди разнообразных вербальных средств выражения каждой из перечисленных выше функционально-семантических категорий сосредоточим внимание на уровне лексики. Одними из наиболее репрезентативных единиц в данном случае являются междометные фразеологизмы. Сам термин подчёркивает, что данные единицы языка имеют свойства междометия и фразеологизма.

В испанской лингвистической традиции актуально понятие «*las locuciones*» (обороты речи, высказывания), которое Г. Копас Пастор определяет как фразеологические единицы системы языка, обладающие следующими отличительными признаками: определённая лексическая сочетаемость, единство значения и невозможность добавления иных элементов. Эти единицы не являются самостоятельными предложениями и обычно функционируют как их элементы¹ [Corpas Pastor, 1996, p. 88]. Х. Касарес трактует данный термин как устойчивое сочетание двух или более слов, функционирующее как элемент предложения, единое значение которого равнозначно семантике составляющих его компонентов [Casares, 1992, p. 170]. В обеих дефинициях прослеживаются схожие признаки: устойчивость сочетания элементов, воспроизводимость в речи, единство значения.

Одним из видов данных высказываний выступают междометные высказывания (=las locuciones interjectivas), которые были предметом научного интереса ряда испанских [Casares, 1992 ; Arribas, 2010 ; Nuñez Bayo, 2016 ; Penadéz Martínez, 2006] и отечественных исследователей [Телия, 1996 ; Шанский, 1985 ; Шишимер, 2016].

¹ Здесь и далее перевод мой – А. А.

Х. Касарес отмечает, что междометные высказывания – это включающие в себя несколько слов пожелания, ругань и проклятия и вообще восклицания: *He robei! Вот это да! Ради Бога! или Чёрт возьми!* [Casares, 1992, p. 172]. Королевская Академия испанского языка (RAE) предлагает более развёрнутую трактовку: междометные высказывания – это устойчивые выражения, похожие на междометия, но состоящие из двух или более слов, объединённых синтаксически, значение которых образует семантика их компонентов [NGLE, 2009, p. 624]. З. Нуньес Байо указывает на некоторую путаницу RAE в употреблении термина: несмотря на попытки Академии создать классификацию, объясняющую положение междометных высказываний по отношению к остальным единицам, она, кажется, не имеет исчерпывающего характера, поскольку помимо того, что на протяжении всего текста (см. NGL) употребляются разные термины относительно различных единиц, иногда для каждого из них используются одни и те же примеры, которые теоретически входят в группы разных единиц [Nuñez Bayo, 2016, p. 57]. В связи с имеющимися терминологическими разногласиями, предпримем попытку определения данного термина.

У междометных фразеологических единиц (далее – МФЕ) проявляются признаки фразеологизмов – наличие нескольких семантически связанных лексем, единого значения, а также междометий – выражение эмоциональных переживаний. Такие фразеологические единицы не имеют номинативной функции, а выполняют эмотивную функцию, однако представляют собой самостоятельные интонационно-обособленные единицы. Они характеризуются неизменяемой грамматической формой, в речи употребляются как отдельные высказывания, семантически связанные с контекстом. Необходимо отметить, что лексическое значение каждого компонента МФЕ полностью или частично десемантизируется, что обуславливает их структурно-семантическую целостность. С процессом десемантизации также связана грамматикализация, которая трактуется как «1) обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания; 2) утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции; 3) превращение словосочетания в аналитическую форму слова» [Ахманова, 2007, с. 114]. Данные процессы характерны для лексем-компонентов МФЕ. Функционируя как фразеологизм, компоненты МФЕ в своей совокупности приобретают единое значение, отдельные единицы языка в таких сочетаниях лишены лексической автономности, становясь частями единой лексико-грамматической конструкции, которая имеет составную, сложную форму, что является признаком аналитизма.

Заметим, что междометные фразеологизмы служат не только для выражения эмоциональных состояний, но и для проявления волеизъявления, что выявляет их специфическую черту – взаимодействие категории эмотивности и каузативности. Иными словами, междометные фразеологизмы могут быть определены как устойчивые в языке и воспроизводимые в речи единицы, обладающие целостным значением, служащие для выражения эмоций и изъявления волевых побуждений.

Заметим, что Н. П. Сюткина на материале немецкого и русского языков выделяет два класса МФЕ – единицы, актуализирующие положительную и отрицательную семантику [Сюткина, 2019, с. 40]. В нашем исследовании создана классификация МФЕ, в которой представлены четыре основных группы в соответствии со спецификой переживаемой эмоции: 1) МФЕ положительной модификации; 2) МФЕ отрицательной модификации; 3) амбивалентные МФЕ; 4) мультивалентные МФЕ. У амбивалентных междометных фразеологизмов выделяется двойственность семантического потенциала, который может сочетать в себе обе модификации эмоционального состояния – и положительную, и отрицательную, – однако лишь одна из них актуализируется в контексте. К группе амбивалентных МФЕ мы также относим те единицы, которые служат проявлением удивления, поскольку данная эмоция может быть как позитивной, так и негативной.

Представляется значимым обособить мультивалентные МФЕ. Подчеркнём, что любая МФЕ может быть отнесена к одной из первых двух групп, то есть данная единица в контексте актуализирует либо положительную, либо отрицательную эмоцию. Однако нами обнаружены такие МФЕ, которые могут служить одновременно выражением различных эмоций (удивления, досады, гнева и прочее). Мультивалентность, соответственно, представляет собой многогранность семантики МФЕ (выражение более двух возможных эмоций), которая при функционировании раскрывает то или иное значение.

Рассмотрим дефиниции эмоций:

Р а д о с т ь – «веселье, услада, наслаждение, утеха, противополог. скорбь, грусть, горе, печаль и пр. внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая» (определение В. И. Даля) [ТС]; «чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, весёлое настроение» (определение Д. Н. Ушакова) [ТС]; «весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения» (определение С. И. Ожегова) [ТС]. *Alegría* – «sentimiento grato y vivo que suele manifestarse con signos exteriores» [DLE] – 'Радость – приятное и живое ощущение, которое обычно проявляется внешне'.

Г н е в – «сильное чувство негодования: страстная, порывистая досада» (определение В. И. Даля) [ТС]; «чувство сильного негодования, возмущения, раздражения» (определение Д. Н. Ушакова) [ТС]; «чувство сильного возмущения, негодования» (определение С. И. Ожегова). *Ira* – «sentimiento de indignación que causa eñojo» [DLE] – 'Гнев – чувство негодования, вызывающее злость'.

Д о с а д а – «чувство раздражения и неудовольствия вследствие неудачи, обиды или какой-нибудь неприятности» (определение Д. Н. Ушакова) [ТС]; «чувство раздражения, неудовольствия вследствие неудачи, обиды» (определение С. И. Ожегова).

У д и в л е н и е – «состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-нибудь, поражающего неожиданностью, необычайностью, странностью или непонятностью» (определение Д. Н. Ушакова) [ТС]; «впечатление от чего-н. неожиданного и странного, непонятного» (определение С. И. Ожегова). *Sorpresa* – «acción y efecto de sorprender» [DLE] – 'Удивление – действие и эффект от неожиданности'. *Sorprender* – «conmover, suspender o maravillarse con algo imprevisto, raro o incomprensible» [Там же] – 'Удивить – потрясти, изумить или поразить чем-то непредвиденным, редким или непонятным'.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Нами был составлен корпус МФЕ испанского языка (кастильский диалект и диалекты стран Латинской Америки), состоящий из 366 единиц. На основе анализа «Испанско-русского фразеологического словаря: 30000 фразеологических единиц» [ИРФС, 1985] вручную методом направленной выборки были выделены единицы, заключающие в своём семантическом потенциале сему эмотивности и сему каузативности. Каждая единица была классифицирована в соответствии с перечисленной выше градацией, а также выражаемой эмоцией (удивление, радость, ободрение, гнев, досада, осуждение). На материале корпуса испанского языка XXI века [CORPES] и ресурса Google Books [GB] было исследовано функционирование МФЕ в контекстах, общее число которых превышало 2000. Контексты отбирались методом сплошной выборки по поисковому запросу.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Распределение выявленных междометных фразеологизмов по группам представлено в таблице 1. Примечательно, что в испанском языке, согласно нашим подсчётам, доминируют МФЕ отрицательной модификации (67% от общего количества).

Т а б л и ц а 1. Количество МФЕ в зависимости от группы и эмоции
[Table 1. Number of IPU depending on group and emotion]

МФЕ положительной модификации		МФЕ отрицательной модификации		Амбивалентные МФЕ	Мультивалентные МФЕ
Радость	17	Гнев	177	61	4
		Досада	22		
Ободрение	38	Осуждение	47		

Перейдём к более детальному анализу функций МФЕ.

1. В испанском языке к МФЕ положительной модификации можно отнести следующие единицы, выражающие:

1.1. **Радость**: *jalegría por todo el barrio!* 'так и сияет!'; *¡pedir más sería avaricia!* 'грех жаловаться!'; *¡cuánto (tanto) bueno por aquí (por mi casa)!* 'какая радость!'; *¡pedir más es gollería!* 'о большем и мечтать нельзя!'; *¡el rey es mi gallo!* 'моя взяла!' [ИРФС 1985] и др.

Проиллюстрируем функционирование МФЕ в контекстах:

- - *Buenas noches, dijo en la puerta Bartolo.*
- *¡Oh amigo Bartolo!, dijo Caralmuro: cuánto bueno por esta casa. Pase usted, pase usted ...* (Vicente Riva Palacio “Calvario y Tabor”, 1886)

- Добрый вечер, – сказал Бартоло у двери.

- О, друг Бартоло! – ответил Каральмуру, – **Какая радость!** Заходите, заходите².

- *Y, por último, para no dejarte en los labios la hiel de la derrota de los tuyos, te diré que moralmente no fueron derrotados los balompédicos. Dieron de sí cuanto tienen. ¡Pedir más, sería gollería! Un apretón de manos de tu desconocido amigo* (Alberto del Campo Tejedor “El gran teatro del fútbol”, 2022) – 'И напоследок, чтобы не оставлять на ваших устах горечь вашего поражения, скажу вам, что футболисты не потерпели морального поражения. Они выложились по полной. **О большем и мечтать нельзя!** Жму вашу руку, тайный друг'.

1.2. **Ободрение**: *¡ancha Castilla!* 'смелей! / была не была!'; *¡a la danza!* 'за дело!'; *¡andando se quita el frío!* 'под лежащий камень вода не течёт!' [ИРФС 1985] и др.

- *¡Ancha Castilla! Voy a ver mi pueblo. ¡Ampárame, Dios, en este último goce de mi vida!* (Benito Perez Galdos “Santa Juana de Castilla”, 2020) – '**Была не была!** Я собираюсь увидеть свою деревню. Защити меня, Боже, в этой последней радости моей жизни!'

- *Soto consultó el reloj y lanzó su grito de guerra: ¡Andando se quita el frío! Todo el mundo al todoterreno* (Joel Franz Rosell “Mi tesoro te espera en Cuba”, 2023) – 'Сото посмотрел на часы и издал боевой клич: **под лежащий камень вода не течёт!** Все на внедорожник'.

2. Модификацию отрицательного эмоционального состояния актуализируют следующие междометные фразеологизмы испанского языка:

2.1. **Гнев**: *¡esta flor le faltaba al ramo!* 'этого ещё не хватало!'; *¡que se vaya a los quintos infiernos!* 'пусть убирается ко всем чертям!'; *¡hasta ahí podían llegar las bromas!* 'это переходит всякие границы!'; *¡ya te ajustaré a ti las cuentas!* 'доберусь я до тебя!' [ИРФС 1985] и др.

Приведём следующие примеры:

- *¡Esta flor le faltaba al ramo!* – *murmuró entre dientes el pobre de don Luis ...* (Juan Valera, James Whiston “Pepita Jimenez: a Novel by Juan Valera”, 2012) – '**Этого ещё не хватало!** – пробормотал сквозь зубы бедный дон Луис'.

² Здесь и далее перевод примеров выполнен мною – А. А.

• *Nada, ponedla ahora mismo en la calle, y que se vaya a los quintos infernos, que es donde debe estar* (Benito Pérez Galdós “Colección de Benito Pérez Galdós: Obra Completa”, 2023) – 'Ничего, выпусти её прямо сейчас на улицу и *пусть убирается ко всем чертям*, где ей и место'.

• *No puedo hacerlo ... ¡Hasta ahí podían llegar las bromas! Yasim estaba dispuesto a traicionar a cualquiera, pero no a Akef – ¡Jamás!* (Yashmina Shawki “Baghdad”, 2020) – 'Я не могу этого сделать... *Это переходит всякие границы!* Ясим был готов предать кого угодно, но только не Акефа – никогда! нет Акефу – Никогда!'.

2.2. **Досада:** *¡para bromas estaba yo!* 'мне было совсем не до шуток!'; *¡adiós mis flores!* 'плакали мои денежки!'; *¡esto es el acabóse!* 'хуже некуда!' [ИРФС 1985] и др.

• *Tardé cuatro días en recibir carta de Gloria. ¡Cuatro días mortales! Estaba desesperado. Las vueltas que di a la calle de San José fueron incalculables. Esperé a Paca a la salida de la Fábrica, pero no logré verla. Isabel tampoco parecía por casa de Anguita. Con Villa no quise desahogarme, porque temía que lo echase a broma. ¡Para bromas estaba yo!* (Armando Palacio Valdés “La hermana San Sulpicio”, 2023) – 'Мне потребовалось четыре дня, чтобы получить письмо от Глории. Четыре смертельных дня! Я был в отчаянии. Повороты, которые я совершал на улице Сан-Хосе, были неисчислимы. Я ждал Паку у выхода с фабрики, но не смог её увидеть. Изабель тоже не появилась в доме Ангиты. Я не хотел ссориться с Виллой, потому что боялся, что она посмеётся над этим. *А мне было совсем не до шуток!*'.

• *Yo ya tengo 50 años y si la dejo pasar, adiós mis flores, porque con más edad, ¿para qué intentar una cosa así?* (Miguel Salguero “Las historias de Aniceto Valderrama”, 2006) – 'Мне уже 50 лет, и если я пропущу это, *плакали мои денежки*, потому что зачем пытаться сделать что-то подобное в старости?'.

• *¡Esto es el acabóse, pues mujer, el acabóse! ¡No ve que andan drogadictos y violadores por todas partes!* (María Ángeles Martínez García “Violencia de género en las áreas rurales”, 2022) – '*Хуже некуда*, ну, дорогая, некуда! Разве вы не видите, что повсюду наркоманы и насильники!'.

2.3. **Осуждение:** *¡cuándo no!* 'а то как же!'; *¡ni que hablara en griego!* 'чего тут не понять?!'; *¡bueno está el horno para bollos (para tostar rosquillas)!* 'нашёл время!'; *¡fíate y no corras!* 'как бы не так!'; *¡la bolilla que faltaba!* 'это уже чересчур!' [ИРФС 1985] и др.

• *Y esa, tan modosita que parecía, tan melindres como su madre, tan mosquita muerta, ¡zas!, ahí que te di. Fíate, fíate y no corras; ahí se echa de ver que no puede una confiar en nadie* (Ángel Ruiz Cediel “Germen de dios, semilla del diablo”, 2022) – 'А вот эта, такая скромная, что казалась такой же привередливой, как и её мать, такая дохлая муха, бах! И я тебя ударила. *Как бы не так*; посмотри-ка, нельзя никому доверять'.

• *También se incorporó la esposa de un banquero, quien estaba acusada de delitos económicos, y hasta la novia de un funcionario del gobierno de Isabel. Y, ¡la bolilla que faltaba!, una noche, después del recuento, trajeron a Norma Kennedy, conocida por su militancia junto a Osinde y López Rega* (Viviana Beguán “Nosotras presas políticas”, 2020) – 'Присоединились и жена банкира, которого обвиняли в экономических преступлениях, и даже подруга чиновника Изабель. И, *это уже чересчур!* Однажды ночью, после пересчёта голосов, вместе с Осинде и Лопесом Регой привели Норму Кеннеди, известную своей воинственностью'.

3. К а м б и в а л е н т н ы м МФЕ могут быть отнесены следующие единицы, имеющие функцию:

3.1. **Удивление:** *¡miren qué caso!* 'ну и дела!'; *¡ésa es buena!* 'вот так так!'; *¡qué mundo éste!* 'надо же!' [ИРФС 1985] и проч.

Проиллюстрируем их функционирование в контекстах.

• актуализация отрицательного состояния: ... *y quedóse con la boca abierta y los ojos espantados, viéndonos a todos como diciendo: «¡Miren qué caso!», esto es, «¡qué*

injusticia!» (Manuel José Othón, Joaquín Antonio Peñalosa “Cuentos completos de Manuel José Othón”, 1995) – ‘...И он остался с открытым ртом и испуганными глазами, глядя на всех нас, как бы говоря: «**Ну и дела!**», то есть «Какая несправедливость!»’.

- Актуализация положительного состояния: *...carruaje, visto lo cual por uno de los monjes, exclamó con sonrisa: «¡Santa María! ¡Miren qué caso! ¡Una calesa a la portería del convento de la Rábida...!»* (José de la Luz y Caballero, Alfredo Zayas, Alicia Conde, Roberto Agramonte “Obras IV”, 2019) – ‘...карета, увидев которую, один из монахов воскликнул с улыбкой: «Дева Мария! **Ну и дела!** Карета в монастыре Ла-Рабиде...!»’.

- МФЕ в функции отрицательного состояния: - *BESTALIA. <...> tu abominable hermosura no es nada comparada con tu egoísmo.*

ADONIS. ¿Egoísta yo? ¡Esa es buena! (Cristian Cortez “El bello y la muy bestia”, 2012) – ‘- ВЕСТАЛИЯ. <...> твоя отвратительная красота — ничто по сравнению с эгоизмом.

АДОНИС. Я эгоистичен? Вот так так!

- МФЕ в функции положительного состояния: *Es la dialéctica de las cosas, asere. El más desguarneció tiene también padre y madre, consorte. Y si está con el proceso, el proceso está con él. /MANOLO (haciendo un gesto afirmativo): ¡Esa es buena!* (Antonia María Tristán Pérez, Gisela Cárdenas Molina “Diccionario ejemplificado del español de Cuba”, 2017) – ‘Это диалектика вещей, так сказать. У самого обездоленного тоже есть отец и мать, супруга. И если он с процессом, то процесс с ним. /МАНОЛО (соглашаясь): **вот так так!**’.

- МФЕ отрицательного состояния: *‘¡Qué mundo este!’*, *se lamentó ante Mary Holmes, quien había tratado de interesar al novelista en el catolicismo, qué despreciables son aquellos que buscan su parte* (Ian Ker “John Henry Newman”, 2010) – ‘**Надо же!** – жаловался он Мэри Холмс, пытавшейся заинтересовать романиста католицизмом, – Насколько презренны те, кто ищет своей доли!’.

- МФЕ положительного состояния: *Bajo la vista. Me complazco en mirar los troncos de la paja, el yuyo, el pastizal. ¡Qué mundo éste de lo infinitamente pequeño! Las hormigas, los cascarudos, las arañitas vagabundas...* (Enrique Amorim “La trampa del rajonal”, 2021) – ‘Я опустил взгляд. Я получаю удовольствие, глядя на стволы соломы, сорняки, пастбище. **Надо же** – мир бесконечно малого! Муравьи, жуки, странствующие пауки...!’.

3.2. **Восхищение, гнев, досада, ободрение:** *¡qué barbaridad!* (восхищение, гнев) ‘потрясающе!’, ‘безобразие!’; *¡ya escampa y llovían chuzos / guijarros!* (досада, гнев) ‘час от часу не легче!’, ‘ещё чего!’; *¡la gran siete!* (восхищение, раздражение) ‘подумать только!’; *¡ya ves tú!* (радость, удивление) ‘ну и ну!’, ‘до чего же здорово!’; *¡buen viaje!* = *¡feliz viaje!* (ободрение, гнев) ‘счастливого пути!’, ‘скатертью дорожка!’ [ИРФС 1985] и проч.

Проиллюстрируем функции амбивалентных МФЕ в контекстах:

- Восхищение: *¡Qué barbaridad!* *¡Cómo te quiero!* *¡Cuánto quisiera ir al baile contigo!* (Tim Gautreaux “El paso siguiente en el baile”, 2019) – ‘**Потрясающе!** Как же я тебя люблю! Как бы я хотел пойти с тобой на танцы!’.

- Гнев: *¡Qué barbaridad!* – *exclamó Marta indignada–, una comunidad de intereses* (M.a Antonia García Quesada “Inventario de otoño”, 2009) – ‘**Безобразие!** – возмутилась Марта, – общность интересов!’.

- Восхищение: *Pitoto se estremeció de placer, abrió tamaña boca, sacudió los dedos y una exclamación murió ahogada en su garganta: recién después de media hora de estupefacción contemplativa pudo exclamar: – ¡La gran siete!* (El Gladiador, 1903) – ‘Питото вздрогнул от удовольствия, широко открыл рот, потряс пальцами, и восклицание замерло в его горле: только через полчаса созерцательного оцепенения он смог воскликнуть: «**Подумать только!**»’.

- Гнев: – *¡Pero la gran siete!!! ¡Ojalá que Signorelli tenga que pagar por robar esa plata!* – *Si m’hijo, ojalá que lo prendan fuego...* (David E. Paz “Anecdotes de La Patria

Gaucha”, 2010) – ‘– Но **подумать только!!!** Надеюсь, Синьорелли придется заплатить за кражу этих денег! – Да, сынок, я надеюсь, что они его подожгли...’.

• Гнев: *–Y añadí en un susurro –: **Buen viaje, imbécil, Comendador** (Javier Marías “Tomás Nevinson”, 2021). – И я добавил шёпотом: **скатертью дорожка, Командир-идиот!***

• Ободрение: *¡Adiós, adiós, gracias, muchas gracias, hasta pronto, **¡buen viaje!*** (Ernesto Marcos “Fade in / Fade out”, 2013) – ‘Пока, пока, спасибо, спасибо большое, до скорой встречи, счастливого пути!’.

4. Среди **мультивалентных** МФЕ мы выделяем: *¡bueno está!* (одобрение, гнев, удивление) ‘ладно!, с меня довольно!, вот те на!’; *¡ni el demonio!* (восхищения, удивления, страх) ‘ах, чёрт возьми!, ух ты!’; *¡la gran perra!* (удивление, восхищение, досада, страх) ‘фу ты!, ух ты!, вот чёрт!’; *¡por (todos) los santos (del cielo / de la corte celestial)!* (удивление, просьба, гнев) ‘боже мой!, господи!, ради бога!, боже сохрани!’ [ИРФС 1985].

Проиллюстрируем функционирование мультивалентных МФЕ на примере следующих контекстов:

• Досада: *Conque resulta, entonces, que vos no sos colla sino una miserable falsificación?... **¡La gran perra!...*** (Fray Mocho “Cuadros de la ciudad”, 2021) – ‘Выходит, что ты не что иное, как жалкий фальсификатор?... **Фу ты!..!**

• Досада / Гнев: *...el patrón agrega con un gemido de dolor: –¡La gran perra! No puedo abrirlo; me parece como que lo tuviera reventado!...* (Esteban Echeverría “Antología de cuento clásico argentino”, 2023) – ‘...шкипер добавляет, издавая стон от боли:

«**Вот чёрт!**» Я не могу открыть это; Мне кажется, будто он лопнул!...’.

• Восхищение: *El Patrón. – ¡Nada, che!... ¡Nada!... ¡Qué suerte!... **¡La gran perra!...*** (Benito Lynch “De los campos portenõs”, 1941) – ‘Босс. – Ничего, старик!.. Ничего!.. Какая удача!.. **Ух ты!..!**

• Просьба: *Y ya que los Sánchez, bien es sabido, son irreprochables en este asunto, asina es que cástate conmigo, prietita. **Por todos los santos del cielo, cástate conmigo!*** (A. Gabriel Meléndez “The Book of Archives and Other Stories from the Mora Valley, New Mexico”, 2017) – ‘А поскольку семья Санчес хорошо известна, они в этом деле безупречны, так что выходи за меня замуж, маленькая Приетита. **Ради бога**, женитесь на мне!’.

• Удивление: *Conan se quitó el yelmo y, tras menear la negra melena se quedó mirando al comandante. El poitainio se quedó pálido, incapaz de apartar la vista.*

–*¡Por todos los santos del cielo!* – exclamó –. *¡El rey! ¡Vivo!*

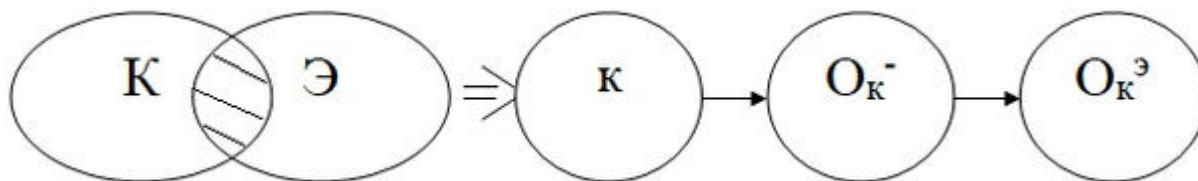
Los demás se miraron unos a otros y, de pronto, un rugido de asombro y alegría escapó de sus gargantas. Se arracimaron alrededor de Conan, sin dejar de lanzar consignas de guerra ... (Robert E. Howard “Las Crónicas Nemedias”, 2022) – ‘Конан снял шлем и, встряхнув чёрные волосы, уставился на командира. Пойтанец побледнел, не в силах отвести взгляд. «**Господу!**» – воскликнул он. «Король! Живой!»

Остальные переглянулись, и внезапно из их горла вырвался рёв удивления и радости. Они столпились вокруг Конана, продолжая скандировать военные лозунги...’.

• Гнев: *¡Por todos los santos del cielo y las siete legiones del infierno! ¡Oh, mierda! ... Showard maldijo con más ímpetu... (Suzette Haden Elgin “Lengua materna”, 2020) – **Господу!** Вот дерьмо! ...Шовард выругался ещё сильнее...’.*

Теперь опишем межкатегориальное взаимодействие (см. рис. 2: К – каузативность, Э – эмотивность, к – каузатор, O_k – объект каузации, имеющий некоторое исходное эмоциональное состояние, O_k^3 – объект каузации, имеющий изменённое эмоциональное состояние). Как уже было отмечено, МФЕ могут сочетать в себе эмотивный и каузативный компоненты. Они имеют функцию не только выражения, но и побуждения к определенной эмоции. В ситуации каузации эмоциональной модификации при межперсональном взаимодействии каузатор выражает своё эмоциональное состояние при помощи МФЕ, ко-

торая, имея специфику междометия, служит для проявления эмоций, тем самым оказывая влияние на объект каузации и меняя его эмоциональное состояние.

Р и с у н о к 1. Модель ситуации каузации эмоциональной модификации
[Figure 1. Model of the situation of causation of emotional modification]

Проиллюстрируем на примере контекста:

• *Ya te ajustaré yo a ti las cuentas* cuando despiertes. Y, dirigiéndose a Rosendin, le dijo: – *Tú quédate aquí que yo tengo que trabajar y si despierta me avisas. – Yo no quiero... Me da mucho miedo, papa* (Ezequías Blanco “Solo hay una clase de monos que estornudan”, 2023) – ‘... *Доберусь я до тебя*, когда ты проснёшься, – и, повернувшись к Розендину, сказал: ты оставайся здесь, потому что я должен работать, и если он проснётся, дай мне знать.

– Я не хочу... *Я очень боюсь*, папа!.

Каузатор воздействует на объект каузации и изменяет его первоначальное эмоциональное состояние, что подтверждает наличие каузативной и эмотивной функций. МФЕ «*Ya te ajustaré yo a ti las cuentas*» служит выражением эмоционального состояния говорящего – проявление гнева, однако оно оказывает воздействие на объект каузации, что выражено при помощи фразы «*Me da mucho miedo, papa*».

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ литературных источников и экспериментального материала позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, согласно предложенному авторскому определению, под междометными фразеологизмами следует понимать лексически неделимые, целостные по значению словосочетания, воспроизводимые в виде готовой речевой единицы, служащие для выражения эмоций и волеизъявления. Специфика МФЕ заключается в их использовании в различных ситуациях общения. Выявлено, что, с одной стороны, данные единицы обладают свойствами фразеологических единиц, с другой стороны, как междометные единицы они являются средством выражения эмоционального отношения говорящего к предмету, не называя конкретный аспект действительности.

Во-вторых, экспериментальный анализ позволил разделить междометные фразеологизмы на четыре группы: МФЕ положительной модификации; МФЕ отрицательной модификации; амбивалентные МФЕ; мультивалентные МФЕ. У амбивалентных МФЕ выявляется дуализм функций (одна единица служит проявлением положительного, либо отрицательного эмоционального состояния). Специфика мультивалентных МФЕ заключается в том, что одна единица актуализирует различные эмоции. Помимо этого, междометные фразеологизмы в контексте могут проявлять каузативную семантику, поэтому они актуализируют межкатегориальное взаимодействие эмотивности и каузативности. Количественная обработка данных показала, что МФЕ положительной модификации составили 15% от общего количества исследуемых единиц, отрицательной модификации – 67%, амбивалентные МФЕ – 17%, мультивалентные – 1%, из чего можно сделать вывод о явном преобладании МФЕ отрицательной модификации. Высокий процент МФЕ отрицательной модификации может быть связан со спецификой эмоциональных проявлений, особенностями менталитета рассматриваемой языковой общности, что открывает новые перспективы для дальнейших исследований.

Библиографический список

- Арутюнова, 1976 – Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М. : Наука, 1976. 383 с.
- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд. М. : КомКнига, 2007. 569 с.
- Балли, 1961 – Балли Ш. Французская стилистика. М. : УРСС, 1961. 393 с.
- Бондарко, 1987 – Бондарко А. В. К истолкованию понятия «функция» // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка, 1987. Т. 46. № 3. С. 195–207.
- Изосимова, 2012 – Изосимова И. В. Реализация функционально-семантической категории эмотивности в тексте // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2012. № 2-2. С. 43–46.
- ИРФС, 1985 – Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц / под ред. Э. И. Левинтовой. М. : Русский язык, 1985. 1080 с.
- Коростова, 2009 – Коростова С. В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 85–93.
- Пиотровская, 2015 – Пиотровская Л. А. Эмотивность и дейксис // Избранные труды XLIII международной филол. конф. 2015. С. 321–332.
- Сюткина, 2021 – Сюткина Н. П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 54–59.
- Сюткина, 2019 – Сюткина Н. П. Междометные фразеологические единицы в ситуации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 38–43.
- Телия, 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- ТС – Толковые словари. URL : <https://glosum.ru> (дата обращения : 30.08.2023).
- Ульянова, 2011 – Ульянова М. А. Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 18. С. 237–248.
- Шанский, 1985 – Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1985. 160 с.
- Шаховский, 1990 – Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград : Волгоградский гос. ун-т, 1990. С. 29–40.
- Шаховский, 2012 – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 4-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 208 с.
- Шишимер, 2016 – Шишимер Л. Ф. О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск : Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2016. С. 125–129.
- Шустова, 2010 – Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 2-е изд., испр. и доп. Пермь : Изд-во Прикамского соц. Ин-та, 2010. 248 с.
- Arribas, 2010 – Arribas N. La fluctuante cuestión de los límites fraseológicos // *Frontiere: soglie e interazioni. I linguaggi ispanici nella tradizione e nella contemporaneità. Volume II. – Lingua.* Trento : Università degli Studi di Trento, 2010. P. 73–96. URL : https://cvc.cervantes.es/literatura/aispi/frontiere_soglie_interazioni_2.htm (дата обращения : 25.07.2023).
- Casares, 1992 – Casares J. Introducción a la lexicografía moderna. Madrid : CSIC, 1992. 354 p.
- Corpas Pastor, 1996 – Copras Pastor G. Manual de Fraseología española. Madrid : Gredos, 1996. 334 p.
- CORPES – Corpus del Español del Siglo XXI. URL : <https://www.rae.es/corpes/> (дата обращения : 26.07.2023).
- DLE – Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. URL : <https://dle.rae.es> (дата обращения : 15.08.2023).
- GB – Google Books. URL : <https://books.google.es> (дата обращения : 25.07.2023).
- NGLE, 2009 – Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española. Madrid : Espasa-Calpe, 2009. 1049 p.
- Nuñez Bayo, 2016 – Nuñez Bayo Z. Fórmulas oracionales en el español coloquial. Tesis Doctoral. Alcalá de Henares, 2016. 502 p. URL : <https://1library.co/document/nzw2lwgz-las-formulas-oracionales-en-el-espanol-coloquial.html> (дата обращения : 25.07.2023).

Penadéz Martínez, 2006 – Penadéz Martínez I. Las locuciones interjectivas en fraseología española // Caminos actuales de la historiografía española. Tomo I. Murcia: Universidad de Murcia. 2006. P. 1197–1208. URL : <https://books.google.ru/books?id=quKXAQwp1VoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения : 25.07.2023).

References

- Arutyunova, N. D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl [Sentence and its meaning]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ).
- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [The dictionary of linguistic terms]*. 4th edn. Moscow : KomKniga Press. (In Russ).
- Bally, Ch. (1961). *Frantsuzskaya stilistika [French stylistics]*. Translated from French. Moscow : URSS Press. (In Russ).
- Bondarko, A. V. (1987). K istolkovaniyu ponyatiya «funktsiya» [Interpreting the notion “function”]. *Izvestiya AN SSSR. Sep. literatury i yazyka [The Bulletin of the Soviet Union Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 46 (3), 195–207.
- Izosimova, I. V. (2012). Realizatsiya funktsional'no-semanticheskoy kategorii emotivnosti v tekste [Actualization of functional semantic category of emotiveness in text]. *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]*, 2-2, 43–46.
- Levintova, E. I. (Ed.). (1985). *Ispansko-russkiy frazeologicheskiy slovar': 30000 frazeologicheskikh edinits [Spanish-Russian phraseological dictionary: 30000 phraseological units]*. Moscow : Russkiy yazyk Press. (IRFS).
- Korostova, S. V. (2009). Emotivnost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya: k voprosu o terminologii [Emotiveness as a functional and semantic category: On the terminology problem]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]*, 103, 85–93.
- Piotrovskaya, L. A. (2015). Emotivnost' i deysis [Emotivity and deixis]. *Izbrannye trudy XLIII mezhdunarodnoy filol. Konf. [43d International Philological Conference]: Selected articles* (pp. 321–332). St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Syutkina, N. P. (2021). Potentsial emotivnykh kauzativov s pozitsiy funktsional'nogo podkhoda [The potential of emotive causatives from a position of functional approach]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanities Journal]*, 1, 54–59.
- Syutkina, N. P. (2019). Mezhdometnye frazeologicheskie edinitsy v situatsii emotsional'noy modifikatsii [Interputing phraseological units in the situation of emotional modification]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanities Journal]*, 1, 38–43.
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvo-kul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguo-cultural aspects]*. Moscow : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Press.
- Tolkovye slovari (n. d.). [Explanatory dictionaries]*. Retrieved August 30, 2023 from <<https://glosum.ru>>. (TS).
- Ulyanova, M. A. (2011). Kategoriya emotivnosti kak lingvisticheskoe ponyatie i osnovnye podkhody k ee izucheniyu [The category of emotivity as a linguistic notion and the major approaches to its study]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki [Current Issues of Modern Science]*, 18, 237–248.
- Shanskiy, N. M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Modern Russian phraseology]*. 3d edn., corrected, with addenda. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Shakhovskiy, V. I. (1990). Emotivnaya semantika slova kak kommunikativnaya sushchnost' [Emotive semantics as communicative essence]. *Kommunikativnye aspekty znacheniya [Communicative aspects of meaning]* (pp. 29–40). Volgograd : Volgograd State University Press.
- Shakhovskiy, V. I. (2012). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [The category of emotivity in lexical-semantic system of language]*. 4th edn. Moscow : LIBROKOM Press.
- Shishimer, L. F. (2016). O lingvisticheskom statuse mezhdometnykh frazeologicheskikh edinits [On linguistic status of interjectional phraseological units]. *Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU [Proc. PSLU readings]* (pp. 125–129). Pyatigorsk : Pyatigorsk State Linguistic University Press.

- Shustova, S. V. (2010). *Funksional'nye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod* [Functional features of causative verbs: Dynamic approach]. 2nd edn., corrected, with addenda. Perm : Prikamskiy Social Institute Press.
- Arribas, N. (2010). La fluctuante cuestión de los límites fraseológicos. *Frontiere: soglie e interazioni. I linguaggi ispanici nella tradizione e nella contemporaneità* (Vol. II: Lingua, pp. 3–96). Trento : Università degli Studi di Trento. https://cvc.cervantes.es/literatura/aispi/frontiere_soglie_interazioni_2.htm
- Casares, J. (1992). *Introducción a la lexicografía moderna*. Madrid : CSIC.
- Corpas Pastor, G. (1996). *Manual de Fraseología española*. Madrid : Gredos.
- Corpus del Español del Siglo XXI. (n. d.). <https://www.rae.es/corpes/> (CORPES).
- Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española*. (n. d.). <https://dle.rae.es> (DLE).
- Google Books. (n. d.). <https://books.google.es> (GB).
- NGLE. (2009). *Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua española*. Madrid : Espasa-Calpe.
- Nuñez Bayo, Z. (2016). Fórmulas oracionales en el español coloquial. Tesis Doctoral. Alcalá de Henares. Retrieved July 25, 2023 from <<https://1library.co/document/nzw2lwgz-las-formulas-oracionales-en-el-espanol-coloquial.html>>.
- Penadéz Martínez, I. (2006). Las locuciones interjectivas en fraseología española. *Caminos actuales de la historia española* (Tomo I, pp. 1197–1208). Murcia : Universidad de Murcia. Retrieved July 25, 2023 from <<https://books.google.ru/books?id=quKXAQwp1VoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>>.

Статья поступила в редакцию 17.09.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.
The article was submitted 17.09.2023; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

УДК 811

Бай Линсяо

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

blingkong2008@yandex.ru

Когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ в оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в китайских чэньюй

Аннотация

Новый вектор российско-китайских отношений диктует необходимость более глубокого понимания специфики китайской лингвокультуры, столь отличной от индоевропейской. Фразеологические единицы наилучшим образом отражают эту специфику. Цель настоящей статьи состоит в описании когнитивного признака ОТНОШЕНИЕ, актуализирующего оппозицию «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ». Материалом для исследования послужили 243 чэньюй, символизирующие «ОТНОШЕНИЕ», как счастливое или несчастливое. Материал отбирался из фразеологических словарей, корпуса китайского языка Пекинского университета и корпуса современного китайского языка методами сплошной и направленной выборки. Далее применялись семантический и контекстный анализ. Собранные чэньюй удалось распределить по семи оппозитивным парам: *спокойствие – беспокойство, удовольствие – неудовольствие, радость – грусть, бодрость – вялость, оптимизм – пессимизм, внимательность – небрежность, великодушие – бездушие*. В результате анализа типичных контекстов, в которых функционируют такие чэньюй, установлено, что ОТНОШЕНИЕ представляется базовой когнитивной категорией оппозиции СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ, широко представленной в виде чэньюй и формирующей ментальное пространство человека.

Ключевые слова: оппозиция, чэньюй, когнитивный признак, китайский язык, фразеология

© Бай Л. 2024

Для цитирования: Бай Л. Когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ в оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в китайских чэньюй // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 33–43.

Bai Lingxiao

Perm State University

Perm, Russian Federation

blingkong2008@yandex.ru

Cognitive Features of the Concept “ATTITUDE” in the opposition “HAPPINESS – UNHAPPINESS” in Chinese idioms

Abstract

The new vector in Russian-Chinese relationship determines the necessity of a deeper understanding of the Chinese language and culture specifics that are so different from the Indo-European model. Phraseological units are the best to reflect these specifics. The current paper aims to describe the cognitive feature of ATTITUDE in the “HAPPINESS – UNHAPPINESS” opposition. 243 Chinese idioms expressing the feature comprised the material for the study. The tokens were selected by continuous and directed sampling from phraseological dictionaries and Chinese corpora (Beijing University Corpus and Modern Chinese Corpus). Further processing enabled to classify the idioms into 7 pairs of opposites: *quietness – anxiety, pleasure – dissatisfaction, joy – sadness, cheerfulness – weakness, optimism – pessimism, carefulness – carelessness, generosity – callousness*. The results of analyzing the typical contexts of the idioms’ functioning show that ATTITUDE is the basic cognitive category of the “HAPPINESS – UNHAPPINESS” opposition which forms a person’s mental space and is widely represented by idioms.

Keywords: opposition, idioms, cognitive feature, the Chinese language, phraseology

© Bai L. 2024

For citation: Bai, L. (2024). Kognitivnyy priznak OTNOSHENIE v oppozitsii «SCHAST'Е – NESCHAST'Е» v kitayskikh chen"yuy [Cognitive Features of the Concept “ATTITUDE” in the opposition "HAPPINESS – UNHAPPINESS" in Chinese idioms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 33–43.

1. Введение [Introduction]

Отражение окружающей действительности в словесной форме, иными словами её вербализация, включает семиотическое кодирование и категоризацию знания. Последнее предполагает, что в нашем языковом сознании наш опыт представлен в виде отдельных элементов, между которыми сформированы связи и отношения, построенные на основе сходства, тождества, различия. Обогащение языка как семиотической системы осуществляется как благодаря опыту когнитивного освоения действительности, так и лингвистическими знаниями, включающими самые разные аспекты языка – лексико-семантические, грамматические, прагматические [Алефиренко, 2005, с. 51]. Категоризация как когнитивный процесс приводит к вычленению когнитивных классификационных признаков, выделяемых как в группах концептов, так и в отдельно взятых концептах. В рамках отдельного концепта эти признаки упорядочивают в единую структуру многочисленные дифференциальные когнитивные признаки, образующие содержание концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 315].

Выделение когнитивных признаков индивидуально-авторского концепта представляет собой непростой и неоднозначный процесс, способный вызвать немало затруднений у исследователя. Поскольку именно текст придаёт «внешний облик» языковому сознанию, в основе данного процесса обычно лежит анализ авторского текста [Попова, Стернин, 2007, с. 140]. При наличии коммуникативной необходимости вербализация концепта может происходить как отдельными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), так и целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 8–9].

Мы познаём и осваиваем внешний мир главным образом посредством языка. В этом уникальном комплексном культурном феномене отражены менталитет народа, национальные стереотипы и традиции. Жизнь человека представлена в языковой картине мира, которая формируется опытом народа с древних времён. Исследования языковой картины мира ведутся в разных научных направлениях. В лингвистике под языковой картиной мира понимается отражённый в языке и используемый данным языковым сообществом образ восприятия действительности [Арекеева, 2022].

В настоящей статье рассматривается бинарная категория языкового сознания «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ», которую без сомнений можно назвать универсальной. Будучи одной из древнейших культурных констант, данная оппозиция включена в систему базовых нравственных ценностей любого этноса. Оппозиция «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» – это комплексное ментальное образование, многомерность которого позволяет рассматривать его как бинарную оппозицию, как концепт, как мифологему и как категорию. Общей для всех позиций характеристикой является бинарность оппозиции, отражающей ценностную ориентацию общества. Когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ представлен большим количеством детализирующих их дифференциальных признаков, отражающих антропологическое, общественное проявление «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ».

Необходимость анализа актуализации данной оппозиции обусловлена новейшими тенденциями в мировой и национальной политике, изменением вектора отношений между Китаем и Россией, расширением экономических, дипломатических, научных контактов с носителями китайского и русского языков [Арекеева, 2023].

Одним из способов вербализации подобных бинарных категорий языкового миропонимания являются фразеологизмы. В китайском языке им соответствует феномен чэньюй (成语), под которыми понимаются устойчивые обороты, представляющие собой композицию из четырех (иногда пяти) иероглифов. Чэньюй занимают особое место в лексической системе китайского языка, поскольку отражают национально-культурную специфику и особенности народного менталитета, быта, исторические события [Арекеева, 2020]. По определению Чэнь Шуан, чэньюй – это фразеологические связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырёхсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно вербализуют различные понятия реальной действительности китайского этноса [Чэнь, 2007]. З. И. Баранова понимает чэньюй как устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырёхсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно-переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения [Баранова, 1969, с. 98].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для настоящего исследования послужили 973 чэньюй, вербализующие оппозицию «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в китайской культуре. Главными источниками материала послужили Словарь китайских идиом [СКИ, 2020], Большой китайско-русский словарь [ДБКС] и Собрание чэньюй [СЧ, 2023].

Чэньюй отбирались по китайским фразеологическим словарям. Сначала нас интересовали чэньюй, содержащие собственно лексемы 幸福 и 不幸 'счастье' и 'несчастье'. Однако чэньюй, содержащих лексему 幸福 'счастье', найдено не было. Был найден один чэньюй, содержащий лексему 不幸 'несчастье'. Далее был проведён поиск чэньюй на основе представленных в словарях значениях каждой из двух лексем, выраженных с помощью синонимичных либо близких по значению лексем. Анализ словарной дефиниции, представленной в Словаре современного китайского языка [ССКЯ, 2023] позволил выявить, что единица 幸福 'счастье' может выражать три значения: 1) моление блага, счастья и благополучия; 2) хорошее настроение и комфортная жизнь; 3) удовлетворённость жизнью. Благодаря этим значениям были найдены синонимы слова 幸福 'счастье': 快乐 'радость', 美满 'благополучие', 甜蜜 'сладкая жизнь' [КЧ, 2023]. Дефиниция слова 不幸 'несчастье' в указанном словаре включает следующие значения: 1) разочарывающий, печальный и тяжёлый; 2) печальные и трагические события, катастрофы, включая смерть; 3) неожиданно произошедший случай. Благодаря этим значениям были найдены следующие синонимы слова 不幸 'несчастье': 灾祸 'катастрофа', 厄运 'беда', 悲惨 'горе' [КЧ, 2023].

Благодаря расширению спектра лексем в словарях было найдено около 2000 чэньюй, актуализирующих значения счастья и несчастья. Эти чэньюй посвящены удаче, любви, семье, работе и т. д. Из них 243 чэньюй являются выражениями ОТНОШЕНИЯ. Таким образом удалось выделить когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ. Далее анализировалось употребление этих чэньюй в двух корпусах китайского языка – корпусе китайского языка Пекинского университета и корпусе современного китайского языка. Для каждого чэньюй было проанализировано по 10 контекстов.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа материала выявлено, что когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ конкретизируется семью оппозитивными парами: *спокойствие – беспокойство, удовольствие – неудовольствие, радость – грусть, бодрость – вялость, оптимизм – пессимизм, внимательность – небрежность, великодушные – бездушные*. Далее опишем особенности манифестации оппозиции для каждой оппозитивной пары, опираясь на этимологию, словарные дефиниции, имеющиеся синонимы и примеры контекстов.

2.2.1. Оппозитивная пара «спокойствие – беспокойство» [Opposition “quietness – anxiety”]

Ниже представлена детализация признаков пары.

Положительные характеристики

Чэньюй 从容不迫 *cóng róng bù pò* [СКИ, 2020] происходит из книги «*庄子·秋水* (Чжуан Цзы. Цю Шуй)» и означает 'спокойствие и уравновешенность', описывает спокойное и неторопливое поведение в беде или любой сложной ситуации.

【释义】从容：不慌不忙，很镇静；不迫：不急促。不慌不忙，沉着镇定。[СКИ, 2020] – *cóng róng* 'не торопясь, спокойно и неторопливо'; *bù pò* 'без спешки, не спеша, спокойствие'¹. В китайском языке выделяется синонимический ряд: *从容自若* *cóng róng zì ruò* 'спокойно вести себя'; *处之泰然* *chǔ zhī tài rán* 'спокойное отношение'; *处变不惊* *chǔ biàn bù jīng* 'вести себя спокойно в любой ситуации'. Отдалённо связано с выражением *一团和气* *tuán hé qì*, означающее 'доброжелательное отношение к вещам'.

(1) 江西粉碎敌人第一次，第二次，第四次“围剿”的战役，都从容不迫地对付了敌人。[ЛБ, 2023] – 'Во время операций по разгрому первого, второго и четвёртого "карательных походов" в Цзянси мы уверенно и спокойно справились с противником'.

(2) 他看见这位女大夫走上手术台时从容不迫，很有信心，精神也很好。怎么可能发生这样意外的不测呢？[Цяньи, 2023] – 'Он видел, как этот врач спокойно и неторопливо подходила к операционному столу и выглядела уверенной, бодрой. Как же могло случиться такое неожиданное несчастье?'

(3) 终于！安托妮蒂一定很从容不迫。我的钱呢？(大 БКРС) – 'Наконец-то! Антуанетта явно не торопилась. Где мои деньги?'

Отрицательные характеристики

Чэньюй 心烦意乱 *xīn fán yì luàn* [СКИ, 2020] происходит из книги «*楚辞·卜居* (Чуан Цы. Бу Цзюй)», означает 'неспокойный, мятущийся; мятежная душа'.

【释义】意：心思。心情烦躁，思绪纷乱。[СКИ, 2020] – 'Значение: мысль. На душе беспокойство, в мыслях хаос'. Синонимы: *心神不宁* *xīn shén bù níng* 'не в себе'; *忐忑不安* *tǎn tè bù ān* 'боязнь, беспокойство'; *心急如焚* *xīn jí rú fén* 'сердце пылает'; *心事重重* *xīn shì zhòng zhòng* 'поглощённый беспокойством'.

(4) 可这次失利显然令人心烦意乱，失望至极。[СС, 2023] – 'Но это поражение явно *расстраивает и разочаровывает*';

(5) 燥热的夏季，你常感到心烦意乱、注意力难以集中？[WL, 2023] – 'Сухое лето, вы часто чувствуете себя *расстроеным*. Трудно сосредоточиться?'

(6) “不……我了解她。”他心烦意乱地看向楼上。“她只是一个走投无路的女孩。”(大 БКРС) – 'Не... я её знаю. – Он *рассеянно* смотрит вверх. – Она просто девочка, попавшая в передрагу, которая ей не по зубам'.

На эту оппозитивную пару было найдено 66 чэньюй.

¹ Перевод мой – Б. Л.

2.2.2. *Оппозитивная пара «удовольствие – неудовольствие» [Opposition “pleasure – dissatisfaction”]*

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ОТНОШЕНИЕ происходит также за счёт детализации признаков *удовольствие – неудовольствие*.

Положительные характеристики

Чэньюй 心满意足 *xīn mǎn yì zú* [СКИ, 2020] происходит из книги «晋论 (Цзинь лунь)». Китайское слово 满足、满意 *mǎn zú, mǎn yì* часто переводится на русский как 'удовольствие', описывает состояние и чувства человека.

【释义】形容心中非常满意。[СКИ, 2020] означает 'быть полностью удовлетворённым'. Синонимы: 自得其乐 *zì dé qí lè* 'испытывать внутреннее удовольствие'; 心旷神怡 *xīn kuàng shén yí* 'удовольствие'; 兴致勃勃 *xīng zhì bó bó* 'с большим интересом'; 自得其乐 *zì dé qí lè* 'испытывать внутреннее удовольствие'; 两全其美 *liǎng quán qí měi* 'устраивать и ту и другую сторону'; 含饴弄孙 *hán yí nòng sūn* 'забавляться с внуками'; 怡然自得 *yí rán zì dé* 'удовольствие'.

(7) 如此繁花似锦，富贵天下，爱情亲情相伴，自是心满意足。[WL, 2023] – 'Такой цветущий, богатый мир, любовь и привязанность сопровождают, сам доволен'.

(8) 心满意足的建筑工走出<...>, 向医生道谢。[WL, 2023] – 'Довольный строитель вышел <...> и поблагодарил врача'.

При переводе с китайского языка на русский мы сталкиваемся с проблемой дефразеологизации. В китайском языке сохраняется чэньюй, но при переводе на русский язык необходимо использовать прилагательное в качестве определения, при этом фразеологизм нейтрализуется.

(9) 我待在这里非常心满意足，已经很久了。但是最近……现在我想念我的故乡了。中国。(大 БКРС) – 'Я был рад, что долго жил здесь. Но в последнее время... Я начал скучать по своей Родине. По Китаю'.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 怨天尤人 *yuàn tiān yóu rén* [СЧ, 2023] происходит из книги «论语·宪问 (Лунь Юй. Сянь Вэнь)», букв. 'роптать на небо и винить людей', т. е. 'винить других'.

【释义】遇到挫折或出了问题，一味抱怨天，责怪别人。[СЧ, 2023] – столкнувшись с неудачей или проблемой, недальновидно жаловаться, обвинять других. Синонимы: 怒发冲冠 *nù fā chōng guān* 'в ярости'; 恼羞成怒 *nǎo xiū chéng nù* 'гнев'; 暴跳如雷 *bào tiào rú léi* 'метать громы и молнии, выйти из себя'; 天怒人怨 *tiān nù rén yuàn* букв. 'небо гневается и люди ропщут'; 'вызывающий общее возмущение'; 火冒三丈 *huǒ mào sān zhàng* 'в сердцах'.

(10) 但请记住，无论你们怎么发泄怨天尤人的私愤，我们都要坚持尽到自己的责任。…… [КРС, 2023] – 'Но помните, что никакие потоки жалких слов не помешают нам исполнять нашу обязанность ...'.

(11) 心理疲劳最主要来自生活其他方面的受挫感，心理受挫之后打击和削弱了自信心，唉声叹气、怨天尤人。[WL, 2023] – 'Психологическая усталость в основном исходит от разочарования в других аспектах жизни, психологическое разочарование после удара и ослабления уверенности в себе, от обиды'.

На эту оппозитивную пару было найдено 23 чэньюй.

2.2.3. *Оппозитивная пара «радость – грусть» [Opposition “joy – sadness”]*

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ОТНОШЕНИЕ происходит за счёт детализации признаков *радость – грусть*.

Положительные характеристики

Чэньюй 兴高采烈 *xīng gāo cǎi liè* [СКИ, 2020] происходит из книги «文心雕龙·体性 (Вэнь синь дяо лун. Ти синь)»; означает 'засиять от восторга; бурная радость'. В от-

личие от слова *удовольствие* в китайском языке слово 高兴、快乐 *gāo xīng, kuài lè* часто переводится на русский 'радость'; его можно описать как хорошее настроение, радостное выражение лица человека.

【释义】兴：原指志趣，后指兴致；采：原指神采，后指精神；烈：旺盛。原指文章志趣高尚，言词犀利。后多形容兴致高，精神饱满。[СКИ, 2020]. *xīng*: интерес; *cǎi*: дух; *liè*: бодрость. Раньше этот чэньюй означал 'интересные статьи и острое перо', в настоящее время означает 'бурная радость'. Синонимический ряд включает следующие единицы: 心悦诚服 *xīn yuè chéng fú* 'радость'; 手舞足蹈 *shǒu wǔ zú dǎo* 'танцевать от радости'; 乐不可支 *lè bù kě zhī* 'очень весёлые'; 乐不可言 *lè bù kě yán* 'неудержимо радостный'; 乐在其中 *lè zài qí zhōng* 'испытывать радость от работы'; 欢天喜地 *huān tiān xǐ dì* 'радоваться небу и земле'; 欢呼雀跃 *huān hū què yuè* 'танцевать и радоваться'; 其乐无穷 *qí lè wú qióng* 'безграничная радость'.

(12) 球迷早早守候，打着横幅，兴高采烈。[СС, 2023] – 'Восторженные фанаты уже давно ждали с баннерами'.

(13) 闹事知青以为问题得到解决，兴高采烈，沉浸在即将回城的喜悦中。[WL, 2023] – 'Беспокойная образованная молодёжь думает, что проблема решена, в восторге, погружена в радость предстоящего возвращения в город'.

(14) 换点别的吧，米凯尔。留点气力和伤感给你的女性朋友。我的顾主需要的是活泼的，要兴高采烈的！（大 БКРС）– 'Сколько раз тебе говорить, Микаэль! Оставь все эти охи-вздохи для своих подружек. А клиентам нужно *веселье! Радость!*'

Отрицательные характеристики

Чэньюй 痛哭流涕 *tòng kū liú tì* [СКИ, 2020] происходит из книги «汉书·贾谊传 (Хань Шу. Биография Цзя И)», означает 'горько плакать; лить слёзы'.

【释义】涕：眼泪。形容伤心到极点。[СКИ, 2020] – *tì*: слёзы, означает горе до крайности. Синонимы: 悲痛欲绝 *bēi tòng yù jué* 'с горестью'; 呼天抢地 *hū tiān qiǎng dì* букв. 'взывать к небу и биться лбом о землю', 'впасть в крайнее отчаяние'; 悲不自胜 *bēi bù zì shèng* 'печально'; 泪流满面 *lèi liú mǎn miàn* 'в слезах'; 痛心疾首 *tòng xīn jí shǒu* 'сердце болит'; 痛不欲生 *tòng bù yù shēng* 'очень больно'.

(15) 那老人越是滔滔不绝，他越发疑窦丛生。“真是苍天有眼，今天，我总算找到自己的亲人啦。”说着那老人又痛哭流涕，泪水满面。[ККЯПУ, 2023] – 'Чем больше старик болтал, тем больше он сомневался. – У неба и правда глаза есть, сегодня я наконец нашёл своих близких. – Сказал старик и снова заплакал, слёзы потекли по лицу'.

(16) 事故发生后，面对死亡的妻子，伤心不已的丈夫痛哭流涕，一直捶头自责。[WL, 2023] – 'После несчастного случая, перед лицом погибшей жены, грустный муж плакал, бил себя в грудь'.

(17) 他的舌头跟他的拳头一样有力！他的反击能让大男人痛哭流涕！（大 БКРС）– 'Его язык ранит не хуже кулаков! От его слов взрослые мужчины убегают в слезах!'

На эту оппозитивную пару было найдено 55 чэньюй.

2.2.4. Оппозитивная пара «бодрость – вялость» [Opposition “cheerfulness – weakness”]

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ОТНОШЕНИЕ происходит за счёт детализации признаков *бодрость – вялость*.

Положительные характеристики

Чэньюй 生龙活虎 *shēng lóng huó hǔ* [СЧ, 2023] происходит из книги «痛史 (Тун Ши)», букв. 'как живой дракон и живой тигр', т. е. 'энергичный и сильный человек; полный бодрости'.

【释义】形容活泼矫健，富有生气。[СЧ, 2023] – Живой и энергичный. Синонимы: 乐此不疲 *lè cǐ bù pí* 'увлекаться чем-то и забыть усталость'; 生机勃勃 *shēng jī bó bó* 'энергичный'; 神采奕奕 *shén cǎi yì yì* 'энергичный'. Ближе, но не синонимично выраже-

ние 坚韧不拔 jiān rèn bù bá, означающее человека, твёрдого в своих убеждениях, упорного в своей воле, непоколебимого и сильного'. Имеется определённая связь с оборотом 活灵活现 huó líng huó xiàn, означающим человека, описывающего или имитирующего действие или движение другого человека настолько ярко и реалистично, что создаётся впечатление, будто вы видели это своими глазами. Есть отдалённая связь с выражением 生动活泼 shēng dòng huó pō, означающим 'богатый и динамичный', которое применяется по отношению к содержанию текста (напр., художественного произведения).

(18) 尽管我自己体力上有点筋疲力尽，但是精神上生龙活虎。
(go.rss.sina.com.cn) – 'Несмотря на то, что я физически истощён, мой ум жив'.

(19) 新的一周，新的起点，新的开始。... 新年上班第一天，一切顺利、生龙活虎、大吉大利! [ВСС, 2023] – 'Новая неделя, новый старт, новое начало... Первый день работы Нового года, всё идёт хорошо, живо, счастливо!'

Отрицательные характеристики

Чэньюй 垂头丧气 chuí tóu sāng qì [СКИ, 2020] происходит из книги «送穷文 (Сун цюнь взнь)», означает 'повесить голову и пасть духом; быть унылым'.

【释义】垂头：耷拉着脑袋；丧气：神情沮丧。形容因失败或不顺利而情绪低落、萎靡不振的样子。[СКИ, 2020] – chuí tóu: 'повесить голову'; sāng qì: 'пасть духом'. Показывать депрессию или вялость из-за неудачи. Синонимы: 萎靡不振 wěi mí bù zhèn 'вялый'; 暮气沉沉 mù qì chén chén 'сумерки'; 无精打采 wú jīng dǎ cǎi 'безумие'; 玉减香消 yù jiǎn xiāng xiāo букв. 'яшма потускнела и аромат пропал'.оборот используется как метафора, означающая худобу и увядание красавицы.

(20) 二人见天色已晚，无可奈何，只得垂头丧气，回归旧路。 [Цяньи, 2023] – 'Уже наступил вечер, и друзья – что же поделаешь! – вынуждены были, повесив головы, отправиться назад на джонку'.

(21) 不料园门锁着，贾芸只得垂头丧气的回来。 [Цяньи, 2023] – 'Но неожиданно для него ворота, ведущие в сад, оказались запертыми. Цзя Юнь совершенно пал духом, так как опять приходилось возвращаться ни с чем.'

(22) 咦？大家怎么好像垂头丧气的，不是刚打败了大怪兽吗！（大 БКРС）– 'Чего это все такие грустные? Мы же только что разделались с гигантским чудовищем!'

На эту оппозитивную пару было найдено 26 чэньюй.

2.2.5. Оппозитивная пара «оптимизм – пессимизм» [Opposition “optimism – pessimism”]

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ОТНОШЕНИЕ происходит за счёт детализации признаков оптимизм пессимизм.

Положительные характеристики

Чэньюй 无忧无虑 wúyōuwúlǜ [СКИ, 2020] происходит из книги «忍字记 (Жэнь цзы цзи)», букв. 'ни печали, ни забот'; означает 'жизнерадостный, беспечный'.

【释义】没有一点忧愁和顾虑。[СКИ, 2020] – Не было ни печали, ни забот. Синонимы: 乐以忘忧 lè yǐ wàng yōu 'веселье помогает забыть грусть'; 苦中作乐 kǔ zhōng zuò lè 'с оптимизмом относиться к беде'; 逍遥自在 xiāo yáo zì zài 'на свободе'; 豁然开朗 huō rán kāi lǎng 'выбраться на широкий простор'.

(23) 多数时候他们非常独立，无忧无虑，而举止有如公众人物，像明星般作态，引人注目，因此人缘极佳。 [WL, 2023] – 'Большую часть времени они очень независимы, беззаботны, и ведут себя как публичные люди, ведут себя как звезды, привлекают внимание, поэтому популярность превосходна'.

(24) 几位留下来的同学，合租一个小房间，条件简陋，生活简单，却无忧无虑。 [WL, 2023] – 'Несколько оставшихся одноклассников, совместно арендовали небольшую комнату, условия были скромными, жизнь была простой, но беззаботной'.

(25) “没错，是真的，的确是可以无忧无虑。”他点点头。“真的留给你很多时间，在精神层面上提升自己。”(大 БКРС) – 'Так и есть. Такая жизнь практически *свободна от забот*, – кивает он. – Остаётся достаточно времени на духовное совершенствование'.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 唉声叹气 āi shēng tàn qì [СЧ, 2023] происходит из книги «二刻拍案惊奇 (эр кэ пай ань цзин ци)», означает 'охать да ахать; тяжело вздыхать'.

【释义】因伤感郁闷或悲痛而发出叹息的声音。[СЧ, 2023] – Тяжело вздыхать от печали и грусти. Синонимы: 心灰意冷 'разочарование'; 心如死灰 'сердце как пепел'; 万念俱灰 'совершенно пасть духом'; 愁眉苦脸 'грустное лицо'.

(26) 这会子又唉声叹气，你那些还不足，还不自在？[Цяньи, 2023] – 'Ты чего *вдыхаешь*? Чего тебе не хватает или что тебя тревожит?'

(27) 闺臣听了，闷闷不乐，每日在船惟有唉声叹气。[Цяньи, 2023] – 'После этого разговора Гуйчэнь загрустила. Каждый день на джонке только и слышны были её *горестные вздохи*'.

(28) 我早已厌倦你那被眼泪所扭曲的脸了！我赋予了你预言天赋，你这傻瓜！我赋予了你思维和理性！而你却在唉声叹气！这有什么意义？你原本那只猫的躯壳应该都死了好几个世纪了！[大 БКРС, 2023] – 'Как мне надоели твои стенания! Я дала тебе дар речи, глупец! Дала разум, логику! А ты *все ноешь*! О чем?! Остаешься ты котом – умер бы много веков назад!'

На эту оппозитивную пару было найдено 20 чэньюй.

2.2.6. Оппозитивная пара «внимательность – небрежность» [Opposition “carefulness – carelessness”]

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ОТНОШЕНИЕ происходит за счёт детализации признаков *внимательность – небрежность*.

Положительные характеристики

Чэньюй 兢兢业业 jīng jīng yè yè [СКИ, 2020] происходит из книги «诗经 (Ши Цзин)», означает 'усердный и осмотрительный'.

【释义】形容做事谨慎、勤恳。[СКИ, 2020] – относиться к делу усердно и осмотрительно. Синонимы: 尽职尽责 jìn zhí jìn zé 'выполнять свои обязанности'; 尽善尽美 jìn shàn jìn měi 'стремиться к совершенству'.

(29) 上下不振作，没有兢兢业业的劲儿，纵然看来是几百年的一统天下，也会亡国。[Цяньи, 2023] – 'Если вся страна не соберётся, если не будет *усердия и осмотрительности* в работе, то, находясь под единым управлением на протяжении нескольких сотен лет, она исчезнет'.

(30) 我们要坚持建党几十年来最好时期的传统，就要艰苦奋斗，谨慎办事，兢兢业业。[Цяньи, 2023] – 'Мы должны неуклонно следовать лучшим традициям нашей партии, накопленным за десятилетия со дня её основания, или, другими словами, проявлять дух упорства и самоотверженности в борьбе, действовать *усердно и осмотрительно*'.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 粗心大意 cū xīn dà yì [СКИ, 2020] происходит из книги «朱子语类 (чжу цзы юй лэй)», означает 'небрежность; невнимательность; неосторожность'.

【释义】指做事马虎，不细心。[СКИ, 2020] – 'делать небрежно, невнимательно'. Синонимы: 马马虎虎 mǎ mǎ hū hū 'спустя рукава'; 丢三落四 diū sān luò sì букв. 'отбрасывать третье, опускать четвёртое', 'с пропусками с пятого на десятое'; 粗制滥造 cū zhì làn zào 'низкий уровень мастерства'; 心不在焉 xīn bù zài yān 'рассеянность'.

(31) 这东西找到找不到不重要，他把它忘掉放在什么地方，总是粗心大意的表现。[Цяньи, 2023] – 'Найдут эту вещь или нет, конечно, неважно. Но то, что он *вовсе забыл*, где её оставил, – это всё-таки проявление *невнимательности*'.

(32) 我记起来了, 去年周开林兑铁水, 就倒了一两吨在地上, 事前就是他没有把小车弄好, 工作上粗心大意。[Цяньи, 2023] – 'Я вспомнил, в прошлом году Чжоу Кайлинь пролил на землю тонны две жидкого металла, а всё из-за того, что проявил непростительную *халатность* – не подготовил как следует вагонетки'.

(33) 两周以来大路上都没什么有趣的收获。而且, 我们又有人被流浪骑士给抓走了。两个人死了, 另一个受伤逃跑。我们损失的装备值好大一笔钱。菲力伯特下令鞭打受伤的那家伙, 惩罚他的粗心大意。他的身体承受不了, 结果死了。(大 БКРС) – 'Почти что две недели на большаке ничего не происходит. Зато странствующие рыцари напали на нескольких наших. Погибли двое, один, раненый, бежал. Мы потеряли амуницию, а она стоит немало. Филиберт велел бить раненого батогами за *неосторожность*, тот не выдержал и умер'.

На эту оппозитивную пару было найдено 23 чэньюй.

2.2.7. Оппозитивная пара «внимательность – небрежность» [Opposition “generosity – callousness”]

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ОТНОШЕНИЕ происходит за счёт детализации признаков *великодушие – бездушие*.

Положительные характеристики

Чэньюй 宽宏大量 *kuān hóng dà liàng* [СКИ, 2020] происходит из книги «鱼樵记 (Юй Цяо Цзи)», означает 'великодушный; широкая натура'.

【释义】形容度量, 能容人。[СКИ, 2020] – 'великодушие, снисходительность'.
Синонимы: 化干戈为玉帛 *huà gān gē wéi yù bó* 'превратить меч в шёлк'; 乐善好施 *lè shàn hǎo shī* 'заниматься благотворительностью'; 好生之德 *hǎo shēng zhī dé* 'добрая душа'; 和蔼可亲 *hé ài kě qīn* 'приветливость'; 厚德载物 *hòu dé zài wù* 'великодушие'; 兼济天下 *jiān jì tiān xià* 'делать всем добро'.

(34) 奶奶素日宽宏大量, 今日老祖宗千秋, 奶奶生气, 岂不惹人议论? [Цяньи, 2023] – 'Вы госпожа, всегда *снисходительны ко всем*. Нынче день рождения старой госпожи – неудобно в такой день сердиться! Разве этим вы не даёте повод разговорам?'

(35) 对待同事我们应该本着尊重理解, 真诚相处, 宽宏大量的原则。[WL, 2023] – 'Обращаясь с коллегами, мы должны руководствоваться принципами уважения понимания, искренности и *великодушия*'.

(36) 我... 我并没有预期你会这样答复。你真的是宽宏大量。(大 БКРС) – 'Я... честно говоря, не такого ответа я ожидал. Как *великодушно* с вашей стороны'.

Отрицательные характеристики

Чэньюй 斤斤计较 *jīn jīn jì jiào* [СКИ, 2020] происходит из книги «诗经 (Ши Цзин)», означает 'учитывать каждую мелочь'.

【释义】只对无关紧要的事过分计较。[СКИ, 2020] – *слишком придираться к пустякам*. Синонимы: 锱铢必较 *zī zhū bì jiào* 'считать каждую копейку'; 小肚鸡肠 *xiǎo dù jī cháng* 'мелочный, ограниченный'; 睚眦必报 *yá zī bì bào* 'мстительный по мелочам'; 鼠肚鸡肠 *shǔ dù jī cháng* 'мелочный, ограниченный'.

(37) 很多事情, 我并不是不知道, 不在意, 只是不想斤斤计较! [ВСС, 2023] – 'Дело не в том, что я многого не знаю, мне все равно, я просто не хочу *придираться к пустякам*!'

(38) 明白了自己的使命, 我不再觉得命运不公, 不再斤斤计较, 心中豁然开朗。[WL, 2023] – Понимая свою миссию, я больше не чувствую несправедливости судьбы, больше не *считаю каждую копейку*, моё сердце внезапно становится ясным.

На эту оппозитивную пару было найдено 30 чэньюй.

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итоги анализа актуализации оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в аспекте когнитивного признака ОТНОШЕНИЕ через использование чэньюй в китайском языке, мы приходим к выводу, что ОТНОШЕНИЕ является базовой когнитив-

ной категорией, широко представленной в чэньюй. Когнитивные признаки, участвующие в категоризации оппозиции, являются основополагающими для формирования образа мира, упорядочивающими действительность.

Анализ чэньюй позволил выделить семь оппозитивных пар: *спокойствие – беспокойство, удовольствие – неудовольствие, радость – грусть, бодрость – вялость, оптимизм – пессимизм, внимательность – небрежность, великодушие – бездушие*. Анализ системы средств репрезентации оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» продемонстрировал, что большинство чэньюй, описывающих хорошее ОТНОШЕНИЕ человека, выражают радостное, спокойное, бодрое, внимательное и великодушное состояние, которое проявляются через «СЧАСТЬЕ». «СЧАСТЬЕ» во фразеологизмах китайского языка имеет положительную оценку, при этом принадлежность к «НЕСЧАСТЬЕ» в китайском языке прежде всего проявляется в описании негативных эмоций и отношений, «НЕСЧАСТЬЕ» вербализуется прежде всего во фразеологизмах, содержащих указание на беспокойство, неудовольствие, грусть, вялость, пессимизм, небрежность и бездушие.

Библиографический список

- Алефиренко, 2005 – Алефиренко Н. Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семиологические корреляции // *Жанры речи*. 2005. № 4. С. 50–63.
- Арекеева, 2020 – Арекеева Ю. Е. ЧЭНЬЮЙ в системе китайской фразеологии и паремиологии // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2020. № 1. С. 21–29.
- Арекеева, 2022 – Арекеева Ю. Е. Концептуальная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ в китайской языковой картине мира // *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*. 2022. Т. 32. Вып. 4. С. 793–801.
- Арекеева, 2023 – Арекеева Ю. Е. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в китайском художественном дискурсе (на материале чэньюй) // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2023. Т. 9. № 1. С. 21–35. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21
- Баранова, 1969 – Баранова З. И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка : дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969. 24 с.
- Максимюк, 2012 – Максимюк Е. В. Образы СЧАСТЬЯ в наивном сознании (экспериментальный аспект) // *Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Известия Саратовского университета*. 2012. Т. 12. № 4. С. 31–35.
- Попова, Стернин, 2007 – Попова З. Д., Стернин И. А. *Когнитивная лингвистика*. М. : АСТ, Восток-Запад, 2007. 226 с.
- Чэнь, 2007 – Чэнь Ш. Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза : автореф ... канд. пед. наук : 13.00.02. Иркутск, 2007. 23 с.
- СКИ, 2020 – *汉语大字典编纂处, 汉语成语词典*, 四川: 四川辞书出版社, 2020: 912 页。[Словарь китайских идиом. Сычуань : Изд-во Сычуаньские словари, 2020. 912 с].
- СЧ – *成语宝典 [Собрание чэньюй]*. URL : <https://chengyu.duwenz.com/> (дата обращения : 22.08.2023).
- 大 БКРС – *Большой китайско-русский словарь*. URL : <https://bkrs.info/> (дата обращения : 12.06.2023).
- КЧ – *汉典 [Кодекс чести]*. URL : <https://www.zdic.net/> (дата обращения : 12.07.2023).
- Цяньи – *千亿词霸 [Словарь Цяньи]*. URL : <https://w.qianyuix.com> (дата обращения : 12.07.2023).
- ССКЯ – *现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]*. URL : <https://cidian.bmcx.com/> (дата обращения : 10.08.2023).
- КРС – *中俄字典 [Китайско-русский словарь]*. URL : <http://www.jsred.cn/euy/> (дата обращения : 16.08.2023).
- ККЯПУ – *北京大学汉语语料库 [Корпус китайского языка Пекинского университета]*. URL : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения : 12.07.2023).
- ВСС – *汉语语料库 [Корпус современного китайского языка]*. URL : <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения : 15.07.2023).

- ЛБ – 个人图书馆 [Личная библиотека]. URL: http://www.360doc.com/content/23/0221/16/74691726_1068779105.shtml (дата обращения: 12.06.2023).
- СС – 搜狐体育 [Soxu спорт]. URL: <https://sports.sohu.com>. (дата обращения: 15.07.2023).
- WL – Wortschatz Leipzig. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=zho-simp_news_2010 (дата обращения: 16.08.2023).

References

- Alefirenko, N. F. (2005). Kontsept i znachenie v zhanrovoy organizatsii rechi: kognitivno-semasiologicheskie korrelyatsii [Concept and meaning in the genre organization of speech: cognitive-semasiological correlations]. *Zhanry rechi [Speech genres]*, 4 (50–63). (In Russ.).
- Arekeeva, Yu. E. (2020). Chenyu v sisteme kitayskoy frazeologii i paremiologii [Chenyu in the system of Chinese phraseology and paremiology]. *EvrAziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 1, 21–29. (In Russ.).
- Arekeeva, Yu. E. (2022). Kontseptual'naya oppozitsiya SVOY – CHUZHROY v kitayskoy yazykovoy kartine mira [Conceptual opposition OWN – ALIEN in the Chinese language image of the world]. *Seriya istoriya i filologiya. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]*, 32 (4), 793–801. (In Russ.).
- Arekeeva, Yu. E. (2023). Binarnaya oppozitsiya “svoj – chuzhoy” v kitayskom khudozhestvennom diskurse (na materiale chen"yuy) [Binary opposition “friend – foe” in Chinese fiction (Based on chengyu)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 21–35. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21
- Baranova, Z. I. (1969). *Chengyu kak razryad frazeologizmov kitayskogo yazyka [Chengyu as a category of phraseological units in Chinese]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Maksimiyuk, E. V. (2012). Obrazy SHCHAST'YA v naivnom soznanii (eksperimental'nyy aspekt) [Happiness images in the naive consciousness (Experimental aspect)]. *Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. Izvestiya Saratovskogo universiteta [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism]*, 12 (4), 31–35. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]*. Moscow: AST Press, Vostok-Zapad Press. (In Russ.).
- Chen, Sh. (2007). Metodika obucheniya studentov ponimaniyu i interpretatsii kitayskikh idiom chen"yuy na prodvnutom etape yazykovogo vuza [Methods of teaching students to understand and interpret Chinese idioms Chengyu at an advanced stage of a language university]. Author's abstract of PhD dissertation. Irkutsk. (In Russ.).
- CID (2020). *汉语大字典编纂处, 汉语成语词典, 四川: 四川辞书出版社 [Chinese Idioms Dictionary. Chinese Idioms Dictionary Compilation Bureau]*. (In Chinese).
- CC (n. d.). *成语宝典 [Chengyu Collection]*. (In Chinese). <https://chengyu.duwenz.com/>
- 大BCRD (n. d.). *Big Chinese-Russian Dictionary*. <https://bkrs.info/>
- CH (n. d.). *汉典 [Code of honor]*. (In Chinese). <https://www.zdic.net/>
- Qianyi (n. d.). *千亿词霸 [Qiānyì dictionary]*. (In Chinese). <https://w.qianyix.com>
- MCD (n. d.). *现代汉语词典 [Modern Chinese Dictionary]*. (In Chinese). <https://cidian.bmcx.com/>
- CRD (n. d.). *中俄字典 [Chinese-Russian dictionary]*. (In Chinese). <http://www.jsred.cn/eyu/>
- PUCLC (n. d.). *北京大学汉语语料库 [Peking University Chinese Language Corpus]* (In Chinese). http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
- BCC – *汉语语料库 [Corpus of Modern Chinese]*. (In Chinese). <http://bcc.blcu.edu.cn/>
- PL (n. d.). *个人图书馆 [Personal library]*. (In Chinese). http://www.360doc.com/content/23/0221/16/74691726_1068779105.shtml
- SS (n. d.). *搜狐体育 [Sohu Sports]*. (In Chinese). <https://sports.sohu.com>
- WL (n. d.). *Wortschatz Leipzig*. https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=zho-simp_news_2010

УДК 811.521

Ермишина Екатерина Сергеевна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Российская Федерация
kyermishina@mail.ru

Знаки препинания в цитатах: на материале блогов на японском языке

Аннотация

В настоящей работе ставится цель выявить основные закономерности употребления знаков препинания в японских цитатах. Материалом исследования послужил авторский корпус примеров цитаций, отобранных из блогов на японском языке методом сплошной выборки. В качестве источника материала была взята платформа www.ameba.jp, содержащая блоги (электронные дневники) на бытовую тему. Особенность подхода состоит в анализе нескольких текстов одного автора для определения языковых приёмов, характерных для данного автора. Отобранные цитаты подверглись контекстно-семантическому анализу. В результате, вместо подчинения пунктуация строго регламентирована правилами, в японских блогах выявлено преобладание «авторских» знаков, выбираемых для достижения необходимого влияния на читателя посредством передачи целевых модально-экспрессивных особенностей в конкретной цитате. Знаки препинания в конце цитаты позволяют создать яркую, «театрализованную» картину присутствия у читателей. Самыми частотными оказались вопросительный знак (ранг 1), точка (ранг 2) и восклицательный знак (ранг 3). Тот факт, что точка в выборке не была самым частотным знаком, оказался неожиданным. Это свидетельствует о высокой эмоциональной нагрузке изученных цитат. Полученные результаты углубляют понимание феномена цитации в целом и особенностей использования знаков препинания в современном неформальном японском языке – в частности.

Ключевые слова: цитация, нарратор, говорящий, знаки препинания, прагматическая функция, японский язык

© Ермишина Е. С. 2024

Для цитирования: Ермишина Е. С. Знаки препинания в цитатах: на материале блогов на японском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 44–59.

Ekaterina S. Ermishina
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
kyermishina@mail.ru

Punctuation marks in quotations: Based on the Japanese blogs

Abstract

The current paper aims to identify the major patterns of punctuation use in Japanese quotations. The material for the study comprised quotes selected from Japanese electronic blogs by continuous sampling. The platform www.ameba.jp containing electronic diaries on everyday topics was chosen as the source of the material. An approach of using several authentic Japanese texts from one author was adopted to identify the patterns characteristic for that particular author. A contextual-semantic analysis was used to examine the quotes. As a result, it was found that punctuation marks in modern informal-style Japanese was author-dependent: rather than adhering to strict rules, an author could employ them freely to convey his/her modal and expressive messages in particular quotes. Quote-final marks enable to create a vivid “theatrical” atmosphere of presence in the readers’ minds. The most frequently used marks were question mark (Rank 1), full stop (Rank 2) and exclamatory mark (Rank 3). Full stop turned out less frequent than expected. This fact shows high emotional load of the examined

quotes. The obtained results provide deeper insights concerning the phenomenon of quotation in general and the patterns of punctuation in modern informal Japanese in particular.

Keywords: citation, narrator, speaker, punctuation marks, pragmatic function, Japanese language

© Ermishina E. S. 2024

For citation: Ermishina, E. S. (2024). Znaki prepiniya v tsitatakh: na materiale blogov na yaponskom yazyke [Punctuation marks in quotations: Based on the Japanese blogs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 44–59.

1. Введение [Introduction]

Настоящее исследование посвящено знакам препинания, встречающимся в цитате в современной живой японской речи.

1.1. История вопроса [History of the question]

Система норм пунктуации в японском языке начала складываться лишь после Второй мировой войны [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 22]. Начало же изучения этих знаков лингвистами было положено позже, в 80-х годах прошлого века [Зверев, 2014, с. 92]. Знаки препинания в современном японском языке не являлись приоритетной областью изучения. Например, ещё 20 лет назад в учебниках родного языка лишь упоминалось о наличии определённых знаков (напр., точки или запятой), но ничего не говорилось о конкретных способах их употребления [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 98]. В новых учебниках уже появляются более чёткие критерии использования знаков препинания, а также варианты неверного применения пунктуации (напр., точки и запятой). Так, в третьем издании справочника по японской стилистике указывается, что запятую можно свободно использовать для того, чтобы избежать проблем в понимании предложения. При этом в качестве примера, когда рекомендуется поставить запятую, даётся предложение с большим количеством иероглифов, которое можно неверно прочесть без разделения словосочетаний запятыми. Подобные варианты (часто в виде рекомендаций) даются и для других знаков. Таким образом, можно отметить, что в настоящее время в современном японском языке происходит постепенное формирование норм пунктуации [Тэкуникару Комюникэта кёкай, 2017]. Теперь о конкретных способах употребления точки, запятой, восклицательного и вопросительного знаков написано в официальных руководствах 2021 года по составлению государственных документов от Комитета по японскому языку Совета по культуре (文化審議会国語分科会).

Знаки препинания в конце предложения (или цитаты) в японистике иногда квалифицируются как подкласс заключительных частиц. Под заключительными частицами (или заключительными модально-экспрессивными частицами) в японском языке понимается класс служебных показателей, находящихся в конце предложения (в нашем случае – в конце цитаты) и являющихся маркером границы этого предложения [Киэда, 2010, с. 615–616; Зверев, 2014, с. 95–96]. Но роль данных частиц не ограничивается лишь маркированием границы предложения. Они также способны придать различную модально-экспрессивную окраску фразе, что подчёркивается в их втором названии – модально-экспрессивные частицы [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 97; Зверев, 2014, с. 95–96; Зверев, 2018, с. 27–29]. Всё это привело к тому, что заключительные частицы получили широкое распространение в рекламе, манге, неформальных текстах, в том числе и в блогах [Зверев, 2014, с. 97; Robertson, 2022, pp. 8–10]. В данном исследовании мы не используем термин «заключительные частицы» применительно к знакам препинания в кон-

це цитаты, чтобы избежать сравнения с частицами как сегментными языковыми элементами. Вместо этого был выбран более традиционный термин «знаки препинания».

Отличие этого исследования от работ перечисленных выше авторов состоит в том, что наш фокус внимания приходится именно на цитату. Стоит отметить, что изучение собственно пунктуации в цитате в японском языке не является приоритетной областью научных исследований ввиду различных факторов (напр., продолжающихся дискуссий о природе цитации в японском языке, о самой возможности разделения цитации на прямую и косвенную, о фактическом применении знаков пунктуации в языке и прочее). Знаки препинания в цитатах неформальных блогов на японском языке ранее не изучались. Цитация в целом (и прямая речь – в частности) является своего рода «театрализованной» передачей речевого события, что позволяет проявиться тем свойствам знаков, которые выражают чувства и эмоции говорящего. Кроме того, неформальный характер многих цитат в блогах на бытовые темы позволяет увидеть, какие знаки препинания являются более предпочтительными для их авторов, а какие используются реже.

1.2. Знаки препинания в японском языке [Punctuation marks in Japanese]

В японском языке можно найти два варианта точек: собственно японский знак *tagu* (。), который может употребляться внутри цитаты (в кавычках), и знакомую нам точку (.), которая так употребляться не может [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 43–44]. В рамках нашего корпуса респонденты в цитатах использовали лишь японский вариант точки, поэтому далее речь пойдёт только о *tagu*. Ещё в начале XX века точка и запятая в японском языке никак не разделялись, а считались разными графическими формами одного и того же показателя [Зверев, 2014, с. 105]. В целом, точка в японском языке служит в качестве граничного маркера для сегментации потока речи. Также знак может использоваться при парцелляции для усиления категоричности [Зверев, 2014, с. 103–104; Vitucci, 2022, p. 59].

З а п я т а я (также *ten*) в конце часто противопоставляется уже рассмотренной нами точке [Зверев, 2014, с. 103]. В отличие от точки (граничного маркера для сегментации потока речи) запятая прежде всего обозначает паузу в чтении, выделяет тему [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 100–104]. Запятая также используется для отделения частей сложного предложения (или обособленных оборотов в осложнённом простом), в частности, в прямой речи, когда авторская ремарка представлена после цитаты [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 51–52, 100, 104]. Запятая может быть правонаправленной (японской) или левонаправленной (европейской) [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 45, 53], но в данной работе мы не учитываем отличия по типам запятых, так как они служат схожим целям. Как и многие другие знаки препинания, запятая является «авторским знаком», т. е. ставится там, где автор хочет сделать паузу, выделить фрагмент цитаты. Как показано на материале корпуса сообщений в соцсетях, такая запятая выполняет конкретную прагматическую функцию, а её структурно-функциональные модели реализации вовсе не хаотичны [Nogiuchi, Nakayama, 2023, p. 146–149].

В японском языке стандартным показателем вопроса является вопросительная частица *ka* [Прасол, 1999, с. 8; Данилов, Сыромятников, 2001, с. 86]. Знакомый же нам в о п р о с и т е л ь н ы й з н а к (?), называющийся в японском языке *gimonfu*, используется в большей степени для придания фразе экспрессии [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 85–86]. Этот знак является необязательным «авторским» знаком письменного языка [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 86] и имеет неформальную окраску [Зверев, 2014, с. 99]. Также вопросительный знак можно часто встретить в сфере электронной коммуникации [Зверев, 2014, с. 99], к которой можно отнести и рассматриваемые нами блоги.

В о с к л и ц а т е л ь н ы й з н а к выступает графическим референтом разнообразных интонационных оттенков, выполняя универсальную для многих языков функ-

цию обозначения повышенной эмоциональной нагрузки в высказывании (см., напр., результаты аудиторского эксперимента на материале стихотворения А. Блока [Гусева, 2021]). Как и вопросительный знак, восклицательный знак (или *kantanfu*) в японском языке не является обязательным, а потому является в большей степени «авторским» [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 86]. Этот знак больше служит целям побуждения, придания фразе эмоциональной окраски, поэтому часто встречается в императивных конструкциях [Зверев, 2014, с. 99–100].

Многоточие (или *gidaa*) в японском языке используется в схожей с русским языком манере. Прежде всего, этот знак препинания применяется для резкой смены контекста, эллипсиса части цитаты, что объединяет его с рассмотренным далее тире. Многоточие также может указывать на молчание в цитате [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 70]. В конце цитаты данный знак может также применяться для смягчения тона цитаты, он указывает на неуверенность, колебание говорящего, выражает некоторую недосказанность, незавершённость цитаты. Всё это позволяет назвать многоточие суггестивной единицей, т. е. единицей, функция которой – воздействие на эмоциональную сферу собеседника [Зверев, 2014, с. 101].

Тире (или *dasshu*) в конце предложения близко по своей функции многоточию – используется, когда автор хочет показать резкую смену темы. Также данный знак может указывать на опущение части (тире может указывать, что цитата не окончена). Кроме того, знак может передавать интонацию недосказанности (кто знает?, как знать?) [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 67–70].

Новым прецедентам использования **тильды** посвящено крайне мало работ (см., напр., об использовании тильды в сообщениях китайском мессенджере WeChat в конце предложения, предполагающего звуковую реакцию, для компенсации потери звуковой информации [Ху, Хиа, 2023]). Тильда (или *namigata*) является достаточно новым знаком в японской пунктуации: информация о нём в научной и учебной литературе появилась лишь в 90-х годах прошлого века [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 74]. В блогах и других неформальных текстах этот знак в конце фразы служит для придания ей эмоциональной нагрузки, экспрессии, т. е. тильду можно отнести к экспрессивным знакам [Зверев, 2014, с. 102–103].

Комбинация двух разных знаков, в числе которых и комбинация **вопросительного и восклицательного знаков** (?!), обычно не приветствуется редакторами и/или корректорами [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 87], но, поскольку рассматриваемые блоги являются авторскими неформальными текстами, то их создатели обычно применяют те знаки пунктуации, которые считают нужными. Комбинация ?! в цитате имеет интонационно-экспрессивную нагрузку, т. е. указывает одновременно на вопросительность и восклицательную интонацию говорящего.

В японском языке цитата зачастую заключается в **кавычки**. Это могут быть, как и специфические японские угловые кавычки *kagi* (「」, 『』) так и европейские кавычки (“”) [Алпатов, 2008, с. 319–320; Данилов, Сыромятников, 2001, с. 65; Подлеская, Ермишина, 2021, с. 46–48]. Кроме того, цитата может вообще не выделяться кавычками (или отделяться запятой как в (9)). Некоторые исследователи считают, что так называемая «эталонная цитация» должна сопровождаться именно японскими кавычками, другие же типы являются менее предпочтительными [Сунакава, 1988, pp. 73–75; Данилов, Сыромятников, 2001, с. 65–66; Oshima, 2006; Кадокура, 2000, pp. 65–67].

Гипотеза настоящего исследования состояла в том, что в японских блогах, в силу их близости устной речи и высокой эмоциональности, ожидался рост частотности нехарактерных и необязательных для конца предложения знаков, являющихся референтами повышенной экспрессивности, равно как и знаков, выражающих коммуникативность. Для проверки данной гипотезы был проведён естественный лингвистический эксперимент.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Источником материала послужила платформа www.ameba.jp, содержащая различные блоги (электронные дневники) на бытовые темы. Причина такого выбора заключается в том, что данный тип письменного дискурса является спонтанным и неформальным, т. е. близким к устной бытовой речи. Таким образом, тексты, письменные по модусу, по стилю являются разговорными и, как таковые, используют особые стратегии передачи чужой речи.

Случайным образом было выбрано девять блогов, содержащих цитационные конструкции (семь авторов – женщины и двое – мужчины). В каждом блоге случайным образом выбиралось три поста, из которых методом сплошной выборки были выделены и задокументированы все цитационные конструкции. Всего было задокументировано 324 цитационные конструкции. В каждой конструкции выделялись знаки пунктуации в конце цитаты. Если цитата состояла из нескольких предложений, то анализировался знак, маркирующий правую границу цитаты. Для выявления частотности отдельных знаков использовался статистический метод: простой количественный подсчёт и ранжирование. Будучи, теоретически, обязательным элементом любой цитаты, кавычки из подсчётов ранга частотности были исключены. Каждая цитата подверглась контекстно-семантическому анализу для выявления закономерностей употребления пунктуационных знаков.

Кратко сформулируем основные понятия, необходимые для описания цитационных конструкций как самостоятельных единиц исследования. Для этого рассмотрим пример:

(1) *Анна заявила мне: «Пойдём в кафе»*. В этом случае *Анна заявила мне* – авторская ремарка, слово *заявила* – цитационный глагол говорения, а *«Пойдём в кафе»* – цитата.

Анна – говорящий, т. е. тот, чья фраза транслируется. Я (здесь *мне*) – нарратор, тот, кто транслирует фразу говорящего (зд. – Анна), одновременно являющийся и адресатом Анны. В данном примере нарратор и говорящий – разные люди. Встречаются случаи, где нарратор и говорящий – одно лицо: *Я заявила (Анне): «Пойдём в кафе»*. В этом случае нарратор и говорящий – одно лицо, выраженное через местоимение *я* в ремарке.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В таблице 1 представлено количество употреблений каждого знака в выборке.

Т а б л и ц а 1. Знаки препинания в цитате ¹
[T a b l e 1. Punctuation marks in a quotation]

Знак	Количество	Ранг частотности
Вопросительный знак (?)	63	1
Восклицательный знак (!)	50	3
Многоточие (...)	24	4
Тильда (~)	9	5
Точка (.)	54	2
Тире (—)	5	8
Комбинация вопросительного и восклицательного знаков (?!)	7	6
Запятая (,)	6	7
Каги и кавычки (「」 «»)	264	—

¹ Материал таблицы взят из корпуса японских блогов, собранного автором

3.1. Вопросительный знак (?) [Question mark (?)]

В нашей выборке вопросительный знак в конце цитаты находится на первом месте по частоте использования, за исключением кавычек, обрамляющих цитату (63 употребления). Рассмотрим некоторые примеры.

(2) 1.1.30²

「 <i>nan ja</i>	<i>sorya?</i> 」	<i>to</i>	<i>omow-are-ru</i>
что COP.PRS	это	QUOT	думать-PASS-PRS
<i>kamoshire-masen</i>	<i>ga,....</i>		
возможно-ADR	но		

“[Вы] можете подумать: "Это вообще что?" Но...”

В примере (2) говорящий (женщина) рассказывает об астрологии как методе анализа партнёра. Говорящий предполагает, что читатели – адресаты цитаты – будут удивлены, узнав о её методах. Стоит отметить, что в цитации используется *sorya* ‘это’, стяжение местоимения *sore* и частицы *wa*, что характерно для разговорной речи и говорит о неформальном характере цитаты. Здесь вопросительный знак скорее всего используется для придания цитате экспрессивности.

(3) 8.3.39

<i>Hitokuchi</i>	<i>nom-i,</i>	<i>musuko</i>	<i>ni</i>	<i>hanashikake-ta.</i>
глоток	пить-CNВ	сын	DAT	заговорить-PST

「 <i>Naa Natsuo,</i>	<i>ima</i>	<i>date</i>	<i>Doraemon</i>	<i>no</i>
Эй Нацуо	сейчас	ведь	Дораэмон	GEN

<i>eiga</i>	<i>yat-te-ta</i>	<i>kana?</i> 」
фильм	делать-CNВ-AUX.PRG.PST	EVD

‘Выпив глоток [алкоголя] , [муж] заговорил с сыном. «Эй, Нацуо, сейчас ведь идёт фильм "Дораэмон"?»’

В (3) говорящий (женщина) транслирует фразу своего мужа (нарратор), обращённую к их общему сыну (адресат). Стоит отметить, что нарратор использует разговорный неформальный стиль (простая форма глагола в прошедшем времени *yatteta*, разговорная частица *kana*, часто употребляемая мужчинами [Алпатов, 2008, с. 459]. Нарратор пытается уговорить адресата пойти посмотреть данный фильм, что подтверждается дальнейшим предложением пойти посмотреть фильм (8.3.48 「*Doraemon, miniikanee?*」 ‘Не пойти ли [нам] посмотреть «Дораэмона»?’). Как можно предположить, вопросительный знак в примере является сигналом коммуникативности, выражает запрос на подтверждение и, далее, на следующие за подтверждением действия. Он служит для того, чтобы добавить экспрессивности цитате в условиях письменного блога.

Таким образом, вопросительный знак в японском языке может служить сигналом коммуникативности, что особенно уместно в условиях письменных блогов на неформальные темы.

3.2. Точка (.) [Dot (.)]

В выборке точка встретила 54 раза – второе место по частоте использования после вопросительного знака. Тот факт, что точка оказалась менее популярной в данной выборке можно объяснить тем, что нами анализируются неформальные блоги на бытовые темы. Возможно, нарраторы неформальных блогов предпочитают использовать именно «авторские» знаки препинания для выражения экспрессивности.

(4) 6.3.103

<i>Senmenjo</i>	<i>kari-te,</i>	<i>shitaku-shi-te,</i>	<i>Nao no</i>
туалетная.комната	одолжить-CNВ	готовность-VRB-CNВ	Нао GEN

² Индекс примера формируется так: 1 – номер блога, 1 – номер поста, 30 – номер строки в посте.

<i>heya</i>	<i>ni</i>	<i>modot-te</i>	[<i>Nao,</i>	<i>Nao.</i>	<i>Watashi</i>
комната	DAT	вернуться-CNV	Нао	Нао	я
<i>shigoto</i>	<i>ik-u</i>	<i>ne.</i>]			
работа	идти-PRS	PRT			

‘Зайдя в туалет, собравшись, вернувшись в комнату Нао [я сказала]: «Нао, Нао. Я иду на работу.»’

В данном примере женщина-нарратор, также являющаяся говорящей, транслирует свою фразу, обращённую к бойфренду (адресат). Точка в конце цитаты призвана показать, что цитата представляет собой законченное самостоятельное предложение.

(5) 5.1.205

[<i>Okaasan,</i>	<i>daijoobu.</i>	<i>Kekkyoku</i>	<i>oyaji ga</i>	<i>shin-dara,</i>
мама	хорошо	в.итоге	отец NOM	умирать-COND
<i>zenbu bokutachi</i>	<i>ga</i>	<i>soozoku</i>	<i>su-ru</i>	<i>kara.</i>]
все мы	NOM	наследство	делать-PRS	так.как
<i>to,</i>	<i>kodomotachi ga</i>	<i>it-te-i-ta</i>		<i>rashi-i.</i>
QUOT дети	NOM	говорить-CNV-AUX.PRG-PST		похожий-PRS

‘Похоже, дети говорили: «Мама, все хорошо. В итоге, когда отец умрёт, мы всё унаследуем»’

В данном примере женщина-нарратор передаёт цитату своих сыновей (говорящие) о том, что они будут делать в будущем. Точка служит для сегментации цитаты.

В итоге точка в конце цитаты используется как показатель окончания предложения и представляет собой нейтральный разделитель. Следует отметить, что в современном интернет-дискурсе роль точки часто выполняют эмодзи. Так было и в нашем корпусе, но не в самой цитате, а в авторских ремарках.

3.3. Восклицательный знак (!) [Exclamation mark (!)]

Восклицательный знак встречался в 50 случаях из 324, занимал третье место по частотности использования (исключая кавычки).

(6) 5.2.184

<i>Haha wa</i>	<i>"chichioya</i>	<i>no</i>	<i>yakuwari</i>	<i>mo</i>	<i>shi-nakutewa!!"</i>
мать TOP	отец	GEN	роль	тоже	выполнять-IMP
<i>to</i>	<i>omot-te-i-ta</i>		<i>rashi-ku</i>		<i>tonikaku</i>
QUOT	думать-CNV-AUX.PRG-PST		похожий-ADV		в.общем
<i>kibishi-katta.</i>					
	строгий-PST				

‘Мать, похоже, думала: «Нужно выполнять и отцовские обязанности!!», и в целом была строгой’.

В (6) женщина (нарратор) транслирует фразу своей матери (говорящий) о необходимости взять на себя воспитательную роль отца. В цитате используется двойной знак восклицания, который характерен исключительно для неформальных письменных текстов и обычно не разрешается для использования редакторами [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 87]. В условиях же блога на бытовые темы такого ограничения нет, так что авторы часто используют двойные знаки. Отметим, что нарратор использует не прямой императив *shinakutewa* (*shinakutewa* ‘нужно делать’, букв. ‘нельзя не делать’) в значении общего требования к самой себе. *Shinakutewa* представляет собой разговорный вариант (стяжение) конструкции *-nakutewa ikenai* [Алпатов, 2008, с. 396]. Восклицательный знак в примере (4) может усиливать категоричность не прямой императивной цитаты, указывать на готовность говорящей взять на себя обязанности отца.

(7) 6.2.17

Soshite	「 <i>dame</i>	<i>da!</i>	<i>Nemur-e-na-i!</i>	」	<i>to</i>
затем	нельзя	COP.PRS	заснуть-POT-NEG-PRS	QUOT	
<i>it-te,</i>		<i>gabaa</i>	<i>to</i>	<i>oki-ta.</i>	
сказать-CNV	резко	ADV	встать-PST		

‘И сказав «Нет! Не могу заснуть!», [он] резко встал’.

В примере (7) женщина (нарратор) передает фразу своего бойфренда (говорящий), страдающего бессонницей. Восклицательный знак в цитате скорее всего подчеркивает эмоциональное состояние говорящего, его фрустрацию от невозможности заснуть. Данное предположение подтверждается дальнейшей дискуссией между говорящим и нарратором, в которой первый жалуется на проблемы со сном.

Таким образом, восклицательный знак в нашей выборке служит для того, чтобы придать цитате эмоциональную окраску, показать состояние говорящего.

3.4. Многоточие (...) [Ellipsis (...)]

В нашей выборке многоточие встретилось 24 раза.

(8) 3.3.99

「 <i>Haа.....</i> 」	<i>to</i>	<i>tameiki</i>	<i>o</i>	<i>tsui-te,</i>	<i>shattodaun</i>
Хаа.....	QUOT	вздых	ACC	сделать-CNV	шатдаун
<i>sh-i,</i>		<i>damarikokur-u.</i>			
делать-CNV	замолчать-PRS				

‘[он] вздохнёт: «ха...», закроется и замолчит’

В (8) нарратор-женщина передаёт типичную реакцию говорящего (её мужа) на просьбу не ехать к родителям говорящего в гости. Многоточие показывает недосказанность, колебание говорящего, так как он не делится своим мнением с нарратором, предпочитая замолчать. Соответственно, нарратор передаёт колебание говорящего через многоточие, выполняющее в (8) суггестивную функцию, указывая читателям блога, как нарратор передаёт сомнения говорящего. Это согласуется с дальнейшим текстом, где автор описывает вероятные негативные последствия решения не ехать к родителям мужа.

(9) 6.3.56

<i>Soshite,</i>	<i>kakomaka-i</i>	<i>koe</i>	<i>de</i>
Потом	очень.тонкий-PRS	голос	INS
Прекра	прекра		
「 <i>...yame.....yame...</i> 」			

‘Затем тоненьким голоском [он сказал] «...прекра...прекра...»’

В примере (9) женщина-нарратор транслирует фразу говорящего (её бойфренда), которому снится кошмар. Здесь многоточие используется для того, чтобы показать обрыв словоформы. Данное предположение согласуется с тем, что в следующем предложении нарратор восстанавливает цитату из контекста, полагая, что в (9) говорящий хотел сказать «прекрати» (6.3.59 “*yamete tte iitai no kamo*” ‘наверное, [он] хочет сказать «прекрати»’).

В целом многоточие в рассмотренных нами блогах может использоваться для того, чтобы показать недосказанность, пропуск части фразы, а также колебание говорящего и прежде всего выполняет суггестивную функцию.

3.5. Тильда (~) [Tilde (~)]

В выборке тильда встретилась 9 раз.

(10) 8.1.74

「 <i>Kookoo</i>	<i>no</i>	<i>bukatsu no</i>	<i>senpai</i>	<i>da.</i>	<i>Ano</i>
старшая.школа	GEN	клуб	GEN Семпай	COP.PRS	тот

<i>hito</i>	<i>ni</i>	<i>papa o-sewa</i>	<i>ni</i>	<i>nat-ta</i>	<i>n</i>
человек	DAT	папа HON-забота	DAT	статья-PST	NML
<i>da</i>	<i>yo~</i>]				
COP.PRS	PRT				

‘«[это] Семпай из клуба в старшей школе. Этот человек заботился обо мне [букв. о папе] ~»’.

Пример (10) представляет собой цитату без авторской ремарки, в которой нарратор (женщина) передаёт слова своего мужа (говорящий), адресованные их общему сыну (адресат). Говорящий объясняет адресату, почему он так вежлив по отношению к незнакомому человеку. Здесь тильда вместе с частицей усиления уверенности *yo* служит для придания эмоциональности цитате, эмфатически выделяет *yo*, что позволяет читателю понять состояние говорящего, его тон, желание убедить адресата в своей правоте.

(11) 8.3.99

<i>Musume</i>	<i>ni</i>	<i>iken</i>	<i>deki-na-i</i>
дочь	DAT	мнение	мочь-NEG-PRS
<i>moraotto</i>	<i>wa</i>	[<i>Sookaa~</i> , <i>ik-aneekaa~</i>]	
муж-абыюзер	TOP	вот.как	идти-NEG.PRSQ
<i>to,</i>	<i>akirame-ta</i>	<i>rashi-i.....</i>	
QUOT	сдаться-PST	похожий-PRS	

‘Муж-абыюзер, который не мог возражать дочери, похоже сдался «Вот как~. Не пойдёшь~».....’

В (11) нарратор (женщина) передаёт слова своего мужа (говорящий), обращённые к их дочери (адресат). В данном примере говорящий выражает своё огорчение отказом дочери пойти вместе с ним в кино. Тильда усиливает эмоциональный эффект цитаты, указывает на огорчённый тон говорящего, что подтверждается в самом тексте, указывающем, что говорящий был не в состоянии перечить дочери.

Здесь необходимо оговориться, что, поскольку перед нами письменная речь блогов на бытовые темы, а не аудиозапись и не манга, сложно сделать однозначный вывод о том, что это – тильда для эмфатии или волнистое тире, употребляемое, чтобы указать на тёон, или же ситуация соединения эмфатической функции с тёон. Однако, учитывая то, что экспрессия в (10), (11) и подобных примерах из корпуса явно играет роль, на данном этапе исследования можно сказать, что тильда в нашей выборке служит для усиления эмоциональной окраски фразы, придания конкретным цитатам экспрессии.

3.6. Запятая (,) [Comma (,)]

В выборке этот знак встречается 9 раз в конце цитаты.

(12) 7.3.34

<i>Kore</i>	<i>ijoo</i>	<i>watas-e-na-i</i>	<i>kara</i>	<i>hitsuyoo-na</i>
это	больше	передать-POT-NEG-PRS	так.как	необходимый-PRS
<i>bun</i>	<i>wa</i>	<i>jibun de</i>	<i>hatarai-te,</i>	<i>soo</i>
часть	TOP	сам	INS	работать-CNV
			так	говорить-PASS-ADR-PST

‘[мне] было сказано так: больше этого передать не могу, поэтому сама зарабатывать [на] необходимую часть.’

В (12) женщина-нарратор транслирует цитату своего бывшего мужа, отказывающегося помогать ей с деньгами. Запятая после цитаты, скорее всего, поставлена, чтобы отделить прямую цитату, не заключённую в кавычки, от следующей за ней авторской ремарки.

(13) 1.2.182

<i>Hakkirii-ima-su.</i>	<i>Kodomo,</i>	<i>un-de</i>
прямо говорить-ADR-PRS	Ребёнок	родить-CNV

<i>gorannasai.</i>	<i>Soo</i>	<i>su-reba,</i>	<i>hontoo</i>	<i>no</i>
AUX.HON.M.IMP	так	делать-COND	ИСТИНА	GEN
<i>ai</i>	<i>ga</i>	<i>waka-ru</i>	<i>yo,</i>	<i>tte.</i>
любовь	NOM	понимать-PRS	PRT	QUOT

‘Скажу прямо. Родите ребёнка! Если вы это сделаете, то поймёте, [какова] истинная любовь, так [там сказано].’

В примере (13) женщина-нарратор транслирует фразу блогера (нарратор). Цитата отделена от авторской ремарки запятой, как и в предыдущем примере. В данном случае, как и в (12), выбор автором запятой вероятно обусловлен тем, что ею цитата, не выделенная кавычками, отделяется от комплементаризера *tte*.

В итоге, запятая скорее всего используется авторами для разделения авторской ремарки и цитаты, паузы в чтении. Кроме того, в отличие от точки, запятая может отделять прямую цитационную конструкцию от авторской ремарки после неё.

3.7. Восклицательный знак и вопрос (!?) [Exclamation mark and question mark (!?)]

В выборке комбинация восклицательного и вопросительного знаков встретилась 7 раз.

(14) 9.1.15

<i>Tamai san</i>	<i>ga</i>	[<i>Do, doo</i>	<i>shi-ta</i>	<i>n</i>	<i>de-su</i>
Тамаи HON	NOM	что	что	делать-PST	NML COP.ADR-PRS
<i>ka!?</i>]	<i>to,</i>	<i>pasokon</i>	<i>gamen ni</i>	<i>sekkin</i>	
Q	QUOT	компьютер	экран DAT	приближение	
<i>shi-nagara</i>	<i>odoroi-te-imash-ita</i>				
делать-CNV	удивиться-CNV-AUX.PRG.ADR-PST				

‘Тамаи сан, приближаясь к экрану компьютера, удивился «Что, что случилось?!»’

В примере (14) женщина-нарратор транслирует фразу своего несостоявшегося бойфренда (Тамаи сан), обращённую к ней. Говорящий увидел лицо нарратора на экране и был шокирован её усталым видом. Сочетание вопросительного и восклицательного знака показывает степень удивления говорящего, его желание узнать причину произошедшего. И действительно, далее в блоге говорящий продолжает настойчиво расспрашивать нарратора, чем вызывает её негативную реакцию.

(15) 2.3.26

<i>Moshi danna no</i>	<i>kasegi</i>	<i>ga</i>	<i>waru-i</i>	<i>na</i>	<i>to</i>
если муж GEN	заработок	NOM	плохой-PRS	PRT	QUOT
<i>oto-u</i>	<i>to</i>	[<i>e?</i>	<i>nande</i>	<i>sonna</i>	
думать-PRS	COND	э	почему	такой	
<i>kaseg-e-na-i</i>		<i>shigoto</i>	<i>shi-te-ru</i>		
зарабатывать-POT-NEG-PRS		работа	VRB-CNV-AUX.PRG.PRS		
<i>no?</i>	<i>okashi-kuna-i!?</i>]	<i>to</i>	<i>shiteki</i>	<i>su-ru.</i>	
PRT	странный-NEG-PRS	QUOT	указание	VRB-PRS	

‘Если она думает, что заработок мужа плохой, то [жена – светская львица] указывает: «Э? Почему ты занимаешься такой неприбыльной работой?!»’

В (15) говорящий-мужчина передаёт фразу «жены-светской львицы» (говорящая), обращённой к мужу (адресат). В цитате говорящая показывает своё возмущение мужу, занимающемуся неприбыльной работой. Соответственно, комбинация !? в конце цитаты показывает интонационно-экспрессивную нагрузку цитаты, раздражённый тон говорящей.

Таким образом, комбинация знака вопроса с восклицанием в цитате может служить для усиления эмфатического эффекта цитаты, указывает читателю на тон говоря-

шего, помогает создать яркую картину ситуации, что, несомненно, важно в блогах для удержания интереса аудитории.

3.8. Тире (—) [Dash (—)]

В выборке тире встретилось 5 раз. Характер противопоставления тире и многоточия в японском языке достаточно комплексный и заслуживает отдельного исследования [Зверев, 2014, с. 100], поэтому в настоящей статье рассматриваться не будет.

(16) 7.2.14

Musume [*Nan to!! Papa ni kanojo ga dek-imash-ita-*]
дочь вот что папа DAT девушка NOM получить-ADR-PST
'Дочь [сказала]: «[Вот что что случилось!] А у папы появилась девушка-»

В (16) женщина-нарратор передаёт фразу своей дочери (говорящий), сообщившей ей новости о бывшем муже. Тире в конце цитаты показывает, что цитата не окончена, поэтому тире здесь выражает недосказанность. Это согласуется с тем, что далее говорящая подробно описывает произошедшее, сообщает подробности (7.2.26 *Watashi* [*Ha, Hanako? E?E? Chotto Morahara kun Kanojo dekita no?*] 'Я [Ха, Ханакo [имя девушки отца]? Э?Э? Подожди, у Абызер-куна появилась девушка?]'), а также использованному автором графическому изображению человека (использование в качестве реакции).

(17) 9.3.44

[*Chotto-, Sayuri neesan chanto*
Эй Саюри ст.сестра.HON внимательно
mi-te-tte] to
смотреть-CNV-AUX.DIR.IMP QUOT
warai-nagara oikake-teki-mashi-ta.
смеяться-CNV преследовать-CNVAUX.DIR-ADR-PST
'«Эй, старшая сестра Саюри! Смотрите внимательно!», – смеясь, [он] догнал [меня].'

В (17) женщина-нарратор (Саюри) передаёт высказывание своего знакомого (говорящий). Тире в цитате используется для резкой смены контекста, когда говорящий обращает внимание нарратора на свой новый костюм и тем самым меняет тему разговора.

Как и ожидалось, тире в цитате имеет схожие черты с многоточием, используется для резкой смены темы, опущения части цитаты и / или выражает недосказанность.

3.9. Каги и европейские кавычки [Kagi and European quotation mark]

В анализируемом материале встретились следующие типы двустороннего оформления цитаты (из выборки в 324 единицы): японские кавычки – в 257 случаях, европейские кавычки – в 6 случаях, скобки () – в 1 случае, в 60 случаях цитата не обрамлялась двусторонним знаком. Во всех случаях оформления цитаты кавычки сопровождались другими знаками препинания, что можно увидеть в примерах выше. При этом в нашей выборке кавычки-каги не сопровождались запятыми. Если же цитата никак не выделялась двусторонним знаком, то в выборке она не сопровождалась точкой (но сопровождалась запятой, восклицательным знаком и т. д.). Это может быть связано с уже озвученной выше идеей о том, что запятая, а не точка (а также другие знаки в нашей выборке) используется для отделения частей сложного предложения, в том числе в прямой речи [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 51–52]. Что касается сравнительно редко встречающихся в выборке европейских кавычек, то они могли сопровождаться вопросительным и восклицательным знаками. Таким образом, вопрос связи типа кавычек и некоторых знаков (точка, запятая) с прямой / косвенной цитацией требует отдельного исследования.

Последовательно рассмотрим различные примеры употребления кавычек на нашем материале.

(18) 9.3.53

「 <i>Saikoo</i>	<i>no</i>	<i>o-mise</i>		<i>de</i>	<i>yoyaku-shi-te</i>	
лучший	GEN	HON-ресторан		INS	бронирование-VRB-CNV	
<i>ok-u</i>	<i>nde</i>	<i>o</i>	<i>nichi</i>	<i>0</i>	<i>ji</i>	<i>kara ake-toi-te</i>
AUX.O-PRS	т.к.	х	день	х	время	с
<i>kudasai!</i> 」	<i>to</i>	<i>iw-are-mashi-ta.</i>				
AUX.IMP	QUOT	говорить-PASS-ADR-PST				

‘[мне] было сказано: «Так как [я] забронирую лучший ресторан, освободите х день с х часов!»’

В примере (18) женщина-нарратор передаёт цитату своего знакомого (говорящий-мужчина), пригласившего её в ресторан. Данная цитата выделяется японскими кавычками-каги, после цитаты стоит комплементаризатор *to*, имеется цитационный глагол. Стоит отметить, что на протяжении трёх постов автор блога при цитации либо использует кавычки-каги, либо вообще не оформляет цитацию. Также можно видеть, что каги в конце цитаты сопровождается восклицательным знаком, передающим эмоции говорящего.

(19) 5.2.328

" <i>O-kane</i>	<i>wa</i>	<i>at-te</i>	<i>mo</i>	<i>jibun wa</i>	<i>taisetsu-ni</i>
HON-деньги	TOP	быть-CNV	хоть	REFL TOP	заботливый-ADV
<i>s-are-naka-tta"</i>		<i>to.</i>			
делать-PASS-NEG-PST	QUOT				

‘[мне] «Хоть и были деньги, обо мне не заботились»’

В (19) женщина-нарратор транслирует фразу своей матери (говорящий), описывающую семейную жизнь с отцом нарратора. При этом для оформления цитаты выбраны европейские кавычки, после которых стоит комплементаризатор *to*. При этом цитационный глагол отсутствует. В рассмотренных трёх постах автора цитаты оформляются не только европейскими кавычками, но и каги, а также могут не оформляться вообще. В (19) в цитате, оформленной кавычками, отсутствуют какие-либо другие знаки препинания (в других примерах с европейскими кавычками встречаются вопрос и восклицательный знак).

(20) 8.1.81

<i>Kono toki musuko</i>	<i>wa</i>	<i>(anna ni</i>	<i>kowasoo-na</i>	<i>noni</i>
это время сын	TOP	такой DAT	пугающий-PRS	хоть
<i>koohai</i>	<i>no</i>	<i>hahaoya</i>	<i>no</i>	<i>shinpai</i>
млад.товарищ	GEN	мать	GEN	переживание ACC
<i>shi-te</i>	<i>kure-te,</i>	<i>hahaoya</i>	<i>no</i>	<i>sewa o</i>
VRB-CNV	AUX.BEN-CNV	мать	GEN	забота ACC
<i>to chuui</i>	<i>made</i>	<i>shi-te</i>	<i>kure-ru</i>	<i>nante,</i>
QUOT предупреждение	до	VRB-CNV	AUX.BEN-PRS	такой
<i>angai</i>	<i>i-i</i>	<i>hito</i>	<i>nanda</i>	<i>na....</i>
неожиданно	хороший-PRS	человек	PRT.NML	COP.PRS.PRT
<i>hito</i>	<i>wa</i>	<i>mitame</i>	<i>ja-na-i</i>	
человек	TOP	внешний.вид	COP.PRS-NEG-PRS	
<i>n da.....)</i>	<i>to</i>	<i>osanagokoro</i>	<i>ni kanji-ta</i>	<i>soo.</i>
NML COP.PRS	QUOT	детское.сердце	DAT	чувствовать-PST EVD

‘Тогда сын [по его словам] почувствовал своим детским сердцем, что «хоть [тот мужчина] и пугающий человек, но беспокоится о матери младшего товарища, даже предупреждает, что лучше позаботься о матери, [так что] на удивление хороший человек. Человек – это не внешний вид»’

В примере (20) женщина-нарратор транслирует фразу своего сына (говорящий), сообщившего ей свои мысли о знакомом отца. Цитата выделяется скобками, что является единственным случаем в выборке. В других постах этот автор оформляет цитаты либо японскими кавычками-каги, либо никак не оформляет. Возможно, скобки были выбраны, чтобы показать тот факт, что цитата является именно мыслями говорящего (цитационный глагол *kanjita* ‘чувствовал’). Однако в других примерах автор использует каги для оформления подобных неречевых цитационных глаголов (например, *omotta* ‘думал’). Кроме того, вместе со скобками в (20) в конце цитаты также можно увидеть редупликацию многоточия, возможно, указывающую на эмоциональное состояние говорящего.

(21) 4.2.35

<i>Otto</i>	<i>wa</i>	<i>jikka</i>	<i>ni</i>	<i>sun-de</i>	<i>kara</i>	<i>mo,</i>
муж	TOP	родной.дом	DAT	жить-CNV	с.тех.пор	тоже
<i>rikon</i>	<i>shir-o</i>	<i>to,</i>	<i>moo</i>	<i>yat-te</i>	<i>ik-e-na-i</i>	
развод	VRB-IMP	QUOT	уже	делать-CNV	PRG-POT-NEG-PRS	
<i>to</i>	<i>semat-te</i>	<i>i-ta</i>		<i>no</i>	<i>deshi-ta.</i>	
QUOT	настаивать-CNV	AUX.PRG-PST		NML	COP.ADR-PST	

‘[по словам клиентки] Муж, с тех пор, как он начал жить в родном доме, стал убеждать: «Давай разводишься! Так больше не могу!»»

В примере (21) автор-мужчина передаёт слова своей клиентки (нарратор), которая в свою очередь транслирует слова своего мужа (говорящий). При этом цитата мужа никак не выделяется. Границы цитаты можно выделить благодаря запятой (...*kara mo*...) и комплементаризатору *to* ‘что’ перед цитационным глаголом. Выделение цитации запятой достаточно часто встречается у различных авторов нашей выборки (см. пункт 3.6).

Таким образом, наиболее часто цитата оформляется через японские кавычки-каги, что в целом соответствует идее об «эталоне цитации» и может говорить о понимании авторами роли каги в предложении. Однако в выборке те же авторы могут вообще не использовать кавычки какого-либо типа, либо применять европейские кавычки. Связи определённых кавычек с каким-либо видом цитации в нашей выборке найдено не было. В одном случае цитация с глаголом говорения и комплементаризатором *to* может оформляться через японские кавычки-каги, а в другом – не оформляться вовсе. Кроме того, в выборке кавычки могли как сочетаться с другим знаком препинания в цитате, так и не иметь знака вовсе. Выбор конкретного типа оформления цитации, скорее всего, зависит от авторской интенции, а не конкретных правил.

4. Заключение [Conclusion]

Результаты проведённого исследования показали, что в неформальных блогах авторы достаточно часто прибегают к использованию нестандартных для конца предложения пунктуационных знаков для передачи тона и эмоционального состояния говорящего: вопросительный и восклицательный знаки, тильда. Эти знаки препинания в конце цитаты позволяют создать яркую картину присутствия у читателей, что соотносится с идеей, что цитация в такого рода неформальных блогах представляет собой «театрализованную» передачу речевого события. Возможно, «театрализация» цитаты и является предпосылкой предпочтения авторами знаков, придающих фразе модально-экспрессивную окраску. Точка и запятая ожидаемо использовались только как нейтральные разделители. Тире, многоточие и комбинация вопросительного знака с восклицательным использовались в своих стандартных функциях.

Полностью подтвердилась выдвинутая гипотеза о высокой частотности нехарактерных и необязательных для конца предложения знаков, сигнализирующих о повышенной экспрессивности и выражающих коммуникативность в неформальных блогах. При

сохранении высокой частотности точки (ранг 2), вопросительный и восклицательный знаки занимали первое и третье место по частотности, что может говорить о важности их функций (подчёркивание запроса на коммуникацию у вопросительного знака и эмотивная окраска у восклицательного знака) для блогеров. Тот факт, что точка в выборке не была самым частотным знаком объясняется тем, что материал представлял собой неформальные блоги, где блогеры предпочитали использовать «авторские» знаки для более красочной картины цитаты.

При использовании кавычек самыми частотными оказались японские кавычки-каги, что может говорить о том, что этот способ остаётся наиболее предпочтительным для носителей японского языка как в условиях формальной, так и неформальной цитации (другие виды кавычек встречались значительно реже). Если же цитата не имела кавычек, то часть авторов выделяла её посредством запятой (другие же не выделяли вовсе). Вместе с кавычками в конце цитаты встречались и другие знаки препинания (запятые, восклицательный знак, точка). Кавычки-каги ни разу не сопровождалась запятыми, а при отсутствии кавычек между цитацией и авторской ремаркой не встречалась точка, что может говорить об ограничении использования этих знаков в данных условиях, возможно связанных с прямой и косвенной цитацией, что требует отдельного исследования.

Перспективу исследования составит расширение выборки, более глубокое изучение знаков прямой и косвенной цитации, а также сравнение пунктуационного оформления блогов с другими речевыми жанрами японского языка.

Список сокращений и условных обозначений

ACC – аккузатив, ADR – адрессив, ADV – адвербиальная форма, ATR – атрибутивная форма, AUX – вспомогательный глагол, AUX.O – вспомогательный глагол подготовительного действия оку, BEN – бенефактив, CNV – деепричастие, COP – связка, COND – условная форма, DAT – датив, DEB – дебитив, DIR – директивный вспомогательный глагол (iku, kuru), DSD – дезиратив, EVD – эвиденциальность, GEN – генетив, HON – гоноратив, IMP – императив, INS – инструменталис, NEG – отрицание, NML – субстантиватор, NOM – номинатив, PASS – пассив, PMT – презумптив, POT – потенциалис, PRG – прогрессив, PRS – настоящее-будущее время, PRT – частица, PST – прошедшее время, Q – вопросительная частица, QUOT – цитационный союз, TOP – топик, VRB – вербализатор

Библиографический список

- Алпатов и др., 2008 – Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга II. М. : Наталис, 2008. 464 с.
- Гусева, 2021 – Гусева С. И. К вопросу о небуквенных знаках письма. Восклицательный знак // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 29–38. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_29_38
- Данилов, Сыромятников, 2001 – Данилов А. Ю., Сыромятников Н. А. Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М. : ИД «Муравей-Гайд», 2001. 128 с.
- Зверев, 2018 – Зверев А. С. Графическая связность: линейно-синтагматический статус японских пунктуационных показателей // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 426. С. 27–38. <https://doi.org/10.17223/15617793/426/3>
- Зверев, 2014 – Зверев А. С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 92–110.
- Киэда, 2010 – Киэда М. Грамматика японского языка. Т 1. М. : URSS, 2010. 936 с.
- Кадокура, 2000 – Кадокура М. Размышление о японской цитации // Сборник гос. ун-та Йогогама. 2000. № 7. С. 60–73.
- Подлесская, Ермишина, 2021 – Подлесская В. И., Ермишина Е. С. Цитационные конструкции в живой японской речи: грамматика и прагматика // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3 (42). С. 43–59.

- Прасол, 1999 – Прасол А. Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. 136 с.
- Horiuchi, Nakayama, 2023 – Horiuchi F., Nakayama T. Commas as a constructional resource: The use of a comma in a formulaic expression in Japanese social media texts // *Journal of Japanese Linguistics*. 2023. Vol. 39, Iss. 1. P. 145–163. <https://doi.org/10.1515/lass-2023-0009>
- Oshima, 2006 – Oshima D. Y. Perspectives in reported discourse : Ph.D. thesis, Stanford University. 260 p.
- Robertson, 2022 – Robertson W. C. Ojisan gokko shiyo! [Let's pretend to be old men!]: Contested graphic ideologies in Japanese online language play // *Japanese Studies*. 2022. Vol. 42, Iss. 2. P. 1–20.
- Vitucci, 2022 – Vitucci F. Interpunctive analysis in the interlingual subtitles of *Manbiki kazoku* (2018, Kore'eda Hirokazu): A comparison between Japanese and four European languages // *Studia Translatorica*. 2022. Vol. 13. P. 55–93.
- Xu, Xia, 2023 – Xu H., Xia D. Digital tildes (“~”) may convey more: analyzing innovative uses of tildes in Chinese WeChat messages // *Language and Semiotic Studies*. 2023. <https://doi.org/10.1515/lass-2023-0009>
- Сунакава, 1988 – 砂川有里子. 引用文の構造と機能 : 引用文の3つの類型について. 文藝言語研究. 言語篇, 1988, 13: 73-91 [Сунакава Ю. Функции и формы цитации: о трех типах цитации // Исследования литературы и языкознания. Языкознание. 1988. № 13. 73–91 с.].
- Тэкуникару Комюникэта Кёкай, 2017 – テクニカルコミュニケーター協会. 日本語スタイルガイド (第3版). テクニカルコミュニケーター協会出版事業部, 2017. 300. [Коллектив специалистов по технической коммуникации. Справочник по стилистике японского языка. 3-е изд. Изд-во специалистов по технической коммуникации. 2017. 300 с.].

References

- Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaya, V. I. (2008). *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretical grammar of the Japanese language]*. Moscow : Natalis Press. (In Russ.).
- Guseva, S. I. (2021). К вопросу о небуквенных знаках пис'ма. Vosklitsatel'nyy znak [To the question of non letter characters of the letter. Exclamation mark]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (4), 29–38. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_29_38
- Danilov, A. U., Syromyatnikov, N. A. (2001). *Yaponskiy yazyk. Puntuatsiya, znaki povtora, vspomogatel'nye pomety [Japanese language. Punctuation, repetition marks, auxiliary marks]*. Moscow : Muravey-Gayd Press. (In Russ.).
- Zverev, A. S. (2018). Graficheskaya svyaznost': lineyno-sintagmicheskiy status yaponskikh puntuatsionnykh pokazateley [The graphic coherence: Studying the syntagmatic status of Japanese punctuation markers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal]*, 426, 27–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/426/3>
- Zverev, A. S. (2014). Znaki prepiniya kontsa predlozheniya kak zaklyuchitel'nye chastitsy pis'mennogo yaponskogo yazyka [End of sentence punctuation marks as final particles in written Japanese]. *Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 6, 92–110. (In Russ.).
- Kieda, M. (2010). *Grammatika yaponskogo yazyka [Japanese Grammar]*. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Kadokura, M. (2000). Nihongo no «vakhoo» koo [Thoughts about Japanese quotation]. *Iokokhama kokuritsu daigaku dzookhoo ripodzitori [Compilation from Yokohama State University]*, 7, 60–73.
- Podlesskaya, V. I., Ermishina, E. S. (2021). Tsitatsionnye konstruksii v zhivoi yaponskoi rechi: grammatika i pragmatika [Quotatives in informal Japanese discourse: Grammar and pragmatics]. *Uralo-altaiskie issledovaniya [Ural-Altai Studies]*, 3 (42), 43–59. (In Russ.).
- Prasol, A. F. (1999). *Zaklyuchitel'nye modal'no-ekspressivnye chastitsy v yaponskoy rechi [Final modal-expressive particles in Japanese speech]*. Vladivostok : Far Eastern University Press. (In Russ.).
- Sunakawa, Y. (1988). Inyoobun no kizoo to kinoo: inyoobun no mitsu no ruikai nit suite [Functions and forms of citation: about three types of citation]. *Bungeigengo kenkyuu. Gengoben [Studies of Literature and Linguistics. Linguistics]*, 13, 73–91.

- Horiuchi, F., Nakayama, T. (2023). Commas as a constructional resource: The use of a comma in a formulaic expression in Japanese social media texts. *Journal of Japanese Linguistics*, 39 (1), 145–163. <https://doi.org/10.1515/lass-2023-0009>
- Oshima, D. Y. (2006). Perspectives in reported discourse. Ph.D. thesis, Stanford University.
- Robertson, W. C. (2022). Ojisan gokko shiyō! [Let's pretend to be old men!]: Contested graphic ideologies in Japanese online language play. *Japanese Studies*, 42 (2), 1–20.
- Vitucci, F. (2022). Interpunctive analysis in the interlingual subtitles of *Manbiki kazoku* (2018, Kore'eda Hirokazu): A comparison between Japanese and four European languages. *Studia Translatorica*, 13, 55–93.
- Xu, H. & Xia, D. (2023). Digital tildes (“~”) may convey more: analyzing innovative uses of tildes in Chinese WeChat messages. *Language and Semiotic Studies*. <https://doi.org/10.1515/lass-2023-0009>
- 砂川有里子. 引用文の構造と機能 : 引用文の3つの類型について. 文藝言語研究. 言語篇, 1988, 13: 73–91 [Sunagawa, Yu. (1988). Functions and forms of citations: Three citation types. *Studies in Literature and Language. Linguistics*, 13, 73–91].
- テクニカルコミュニケーター協会. 日本語スタイルガイド (第3版), テクニカルコミュニケーター協会出版事業部. 2017. [Tekunikaru Komuniketa Kyookai. (2017). *Stylistics of Japanese*. 3d edn. Tekunikaru Komuniketa Kyookai Publisher.].

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 26.02.2024.
The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 26.02.2024.

УДК 81'42

Ищенко Ирина Геннадьевна✉, Ермолина Елизавета Константиновна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
iirinagen@mail.ru

Языковая игра в современной анимации (на примере сериала «DuckTales»)

Аннотация

Цель статьи состоит в сравнении приёмов языковой игры на текстовом материале анимационных сериалов «DuckTales» 1987 и 2017 годов. Методом сплошной выборки был отобран 281 пример языковой игры в двух версиях сериалов, реализованной единицами различных языковых уровней. Далее применялись контекстуальный, семантический, словообразовательный, стилистический типы анализа, а также инструменты описательной статистики. В результате было выявлено, что в новой версии мультсериала языковая игра используется намного чаще (200 примеров), чем в первой версии (81 пример). В сериале 1987 года наиболее распространёнными средствами создания языковой игры оказались единицы лексического (44 примера) и фонетического (29 примеров) уровней. В версии 2017 года фонетические приёмы составили большинство случаев языковой игры (109), за которыми следовали единицы морфологического уровня (57). В обеих версиях сериала выявлено минимальное количество примеров на синтаксическом уровне (3 и 4 соответственно). Полученные результаты отражают тенденцию к более активному и менее агрессивному использованию разнообразных приёмов языковой игры в новой версии для более эффективной реализации комической, развлекательной, языкотворческой и смыслообразующей функций.

Ключевые слова: языковая игра, анимация, лингвокреативность, окказионализм

© Ищенко Е. Г., Ермолина Е. К. 2024

Для цитирования: Ищенко Е. Г., Ермолина Е. К. Языковая игра в современной анимации (на примере сериала «DuckTales») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 60–70.

Irina G. Ishchenko✉, Elizaveta K. Ermolina
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
iirinagen@mail.ru

Language game in modern animation (Based on the series «DuckTales»)

Abstract

The current article aims to compare the manifestations of language game based on the text material of animated series «DuckTales» of 1987 and 2017. 281 examples of language game expressed by units of different language levels were identified. Contextual, semantic, word-building and stylistic analyses together with statistical instruments were used for further data processing. The results indicate that language game in the new version of «DuckTales» is used considerably more often (200 examples) than in the first version (81 examples). In «DuckTales» of 1987, the most common means of creating language game were lexical level units (44 examples) and phonetic level units (29 examples). In the version of 2017, phonetic devices comprised the majority of language game examples (109) followed by morphological level units (57). The minimal number of examples in both versions was found at the syntactic level (3 and 4 respectively). The results show the trend towards a more active and less aggressive use of language game techniques in the newer version to boost comic, entertaining and sense-forming effects.

Keywords: language game, animation, linguistic creativity, nonce word

© Ishchenko E. G., Ermolina E. K. 2024

For citation: Ishchenko, E. G., Ermolina, E. K. (2024). Yazykovaya igra v sovremennoy animatsii (na primere seriala «DuckTales») [Language game in modern animation (Based on the series «DuckTales»)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 60–70.

1. Введение [Introduction]

Несмотря на то, что феномен языковой игры стал объектом лингвистических исследований сравнительно недавно – во второй половине XX века, можно утверждать, что творческое, нестандартное и оригинальное использование языковых средств отмечалось во все времена и проявлялось в различных типах коммуникативной деятельности человека. Австрийский философ Людвиг Витгенштейн, который ввёл в научный обиход термин и понятие языковой игры, понимал под этим явлением соединение речи и действия. Использование языка в различных видах речевой деятельности для реализации тех или иных коммуникативных интенций рассматривалось Витгенштейном как проявление динамики языка, его жизнеспособности [Витгенштейн, 1994, с. 83]. Такое восприятие языковой игры как любого действия с использованием языковых единиц с определённой целью отражает широкий взгляд на это явление. Созвучен данной трактовке языковой игры и взгляд современных исследователей: «Игра (языковая в том числе) – традиционное занятие человечества. Игра универсальна, она имеет свою историю, она – сама жизнь, в том смысле, что там, где есть жизнь, в той или иной форме обязательно присутствует игра» [Нухов, Войцех, 2020, с. 170].

Подходы к пониманию языковой игры в современной лингвистике разнообразны. Один из наиболее распространённых – это намеренное нарушение языковой или речевой нормы, системных отношений языка, создание неканонических языковых форм и структур [Голованова, 2017 ; Гридина, 2008 ; Ильясова, 2015 ; Кожина, 2006 ; Куманици-на, 2005 ; Санников, 2002 ; Сковородников, 2011].

Сторонники другого понимания явления языковой игры не делают акцента на обязательном выходе за рамки языковой нормы, но допускают отклонения от стилистической нейтральности благодаря использованию «внушительного арсенала стилистических приёмов, с помощью которых можно придать мысли искомую новизну формы выражения» в рамках существующих норм [Воронин, 2015, с. 1356]. «Языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм», она может быть реализована благодаря оригинальному и нестандартному варьированию языковых средств [Шаховский, 2008, с. 367]. Игровой эффект достигается способностью к лингвокреативной деятельности, словотворчеству, экспериментированию с языковыми формами.

Лингвокреативность считается основной сутью понимания языковой игры и в рамках психолингвистического подхода: «языковая игра как разновидность лингвокреативной деятельности – природное свойство человеческого сознания» [Алефиренко, 2012, с. 70], «языковая игра является отражением проявления лингвокреативности человека, его умений, способности к словотворчеству, которая связана с уровнем лингвистической компетенции и психологического типа личности» [Коновалова, 2008, с. 162–163].

В данной работе языковая игра понимается как целенаправленная речевая деятельность человека, осуществляемая посредством использования языковых ресурсов, в том числе преднамеренного нарушения языковой нормы, и направленная на создание экспрессивного и людического эффектов.

Феномен языковой игры рассматривается на текстовом материале мультсериалов «DuckTales» 'Утиные истории' (1987 и 2017 гг.). Анимация является одним из самых по-

пулярных жанров современного киноискусства. Под термином «анимация» понимают «детские фильмы и фильмы, предназначенные для просмотра всей семьёй, созданные при помощи технических приёмов иллюзии движущихся изображений с помощью последовательности неподвижных изображений (кадров), сменяющих друг друга с некоторой частотой» [Кабылкина, 2016, с. 230]. В современном кинематографе анимация расширила рамки зрительской аудитории, создавая фильмы и сериалы, ориентированные не только на детей, но и на другие возрастные категории. Актуальность изучения приёмов языковой игры в кинотексте, в том числе на материале анимации, подтверждается работами современных исследователей [Войцех, 2021 ; Книга, 2018 ; Романова, 2023 ; Сокол, 2021 и др.].

Язык мультипликации, как и язык других художественных произведений для детей, реализует образовательную и воспитательную функции: он не только позволяет обучать детей определённым ценностным установкам, но также является средством изучения как родного, так и иностранного языков. Здесь прослеживается связь с мнением Л. Витгенштейна относительно языковой игры: благодаря языковой игре человек изучает язык и овладевает им.

Другой важной задачей анимации является развлечь и рассмешить зрителя. Как известно, основными функциями языковой игры в разговорной речи являются комическая и развлекательная. Наконец, как и в любом другом художественном произведении, языковая игра помогает создать индивидуальный стиль повествования и диалогов, раскрыть художественные образы. Благодаря языковым средствам, в анимационном произведении удастся отразить окружающую действительность, различные ценности и взгляды, что крайне важно для развития кругозора и мышления зрителей. Языковая игра представляет собой наиболее лёгкий и доступный способ передачи информации и репрезентации авторской интенции ввиду того, что информация подаётся при помощи юмора [Кабылкина, 2016, с. 229].

Таким образом, языковая игра важна в анимации, поскольку она соответствует целям и задачам мультипликационного произведения. Языковая игра может использоваться для создания забавных и запоминающихся персонажей, диалогов и сюжетов, названий серий, что способствует привлечению внимания аудитории, особенно детей, а также делает мультипликационное произведение более интересным и запоминающимся.

В данной статье для анализа способов создания языковой игры были взяты диалоги из двух одноимённых анимационных сериалов «DuckTales», которые вышли на экран с разницей в 30 лет. Цель работы заключается в выявлении приёмов создания языковой игры в текстовом материале мультсериалов «DuckTales» (1987 г.) и «DuckTales» (2017 г.) и проведении сравнительного анализа реализации игрового эффекта в этих сериалах.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования послужили тексты 31 серии мультсериала «DuckTales» 1987 года и 31 серии мультсериала «DuckTales» 2017 года, в которых было выявлено 81 и 200 примеров языковой игры соответственно. Оба мультсериала были созданы телевизионным подразделением американской студии Walt Disney и основаны на оригинальных комиксах и иллюстрациях Карла Баркса о Дональде Дакке (*Donald Duck*) и Скрудже Макдаке (*Scrooge McDuck*).

Оригинальный мультсериал был создан в 1987 году под руководством Джима Мэйгона и со стремительной скоростью стал одним из наиболее успешных диснеевских телевизионных анимационных сериалов. Сюжет мультсериала повествует о приключениях селезня-миллиардера Скруджа Макдака и его двоюродных племянников-близнецов Билли (*Huey*), Вилли (*Dewey*) и Дилли (*Louie*). Помимо этого, главными персонажами также являются ровесница тройняшек Поночка (*Webby*), личный пилот Зигзаг (*Launch*

Pad), Винт Разболтайло (*Gyro Gearloose*), а также Дональд Дак. Мультсериал стал классикой телевизионной мультипликации, собрав многочисленные положительные отзывы как со стороны критиков, так и зрителей разных возрастных категорий по всему миру.

Сериал 2017 года представляет собой перезапуск «DuckTales» 1987 года, который был создан Франциско Ангонесом и Мэттом Янгбергом в честь 30-летней годовщины оригинального сериала. За основу были взяты как оригинальный мультсериал, так и комиксы авторства Карла Баркса и Дона Росы. Данный мультсериал, согласно мнению критиков и фанатов, отличается от своего предшественника более глубоким и сложным сюжетом, тщательно прописанными персонажами и отношениями между ними, раскрытием различных важных для современного общества тем.

При проведении исследования прежде всего был применён метод сплошной выборки для выявления примеров языковой игры на разных языковых уровнях. Для анализа создания игрового эффекта использовались различные лингвистические методы: контекстуальный, семантический, словообразовательный, стилистический анализ. Сравнительный анализ позволили выявить отличия в реализации приёмов языковой игры в двух сериалах. Также использовался приём количественных подсчётов с целью определения степени частотности тех или иных способов создания языковой игры.

3. Языковая игра в мультсериале «DuckTales» (1987 г.)

[Language game in animated series «DuckTales» (1987)]

Вопрос выявления случаев языковой игры в том или ином тексте не имеет однозначного решения в лингвистике, поскольку это связано с разными интерпретациями самого понятия языковой игры. Так, С. Ж. Нухов отмечает широкий диапазон языковых средств для реализации этого явления. «Языковые средства, формы и жанры, которые используются для достижения игрового эффекта – весьма разнообразны: остроты, каламбуры, парадоксы, присловья, прибаутки, словесные дуэли, розыгрыши, детские дразнилки, разложение и обновление фразеологизмов, искажение орфографии, произношения, метафорические номинации, сравнения, шутки, насмешки, подтрунивания, загадки, модные словечки и фразы, аллюзии, пародии, ирония, сатира, рифмовки, повторы-отзвучия, анаграммы, акrostихи, кроссворды, мнемоника, лимерики, литературный нонсенс, настенные надписи (граффити), шуточные призывы, лозунги, заголовки, подписи под рисунками, карикатурами и т. п.» [Нухов, 2020, с. 166].

Наиболее распространённой среди лингвистов является классификация способов создания языковой игры, основанная на использовании единиц разных языковых уровней [Войцех, 2021 ; Гермашева, 2017 ; Гридина, 2008 ; Книга, 2018 ; Ковыляева, 2015]. Данный подход представляется наиболее целесообразным в рамках нашего исследования.

В результате анализа диалогов примеры языковой игры были распределены по четырём группам в зависимости от задействованного языкового уровня: лексического, фонетического, морфологического, синтаксического.

Приёмы, связанные с использованием средств **лексического уровня**, составляют самую многочисленную группу (44 примера). Наиболее часто в диалогах персонажей можно наблюдать языковую игру, основанную на полисемии лексических единиц. Так, в одном из диалогов на реплику племянников

We missed ya, Uncle Scrooge – 'Мы **скучали** по тебе, дядя Скрудж',

Скрудж переспрашивает:

Missed me? What did you throw at me? – '**Промажнулись?** Чем вы в меня швырнули?'

Источником языковой игры в данном случае является полисемия глагола *to miss*: 1) *to fail to hit something*; 2) *to feel sad that a person is not present*. Таким образом создаётся комическая ситуация, которая в итоге разрешается уточнением: No, we **missed** seeing you – 'Нет, мы **скучали** по тебе'.

Трансформация фразеологизмов также является распространённым приёмом реализации языковой игры в мультсериале. В диалоге из первого эпизода сериала Братья Гавс (*Beagle Boys*), находясь в тюрьме, обсуждают свои тщетные попытки пробраться в денежное хранилище Скруджа:

Big Time: As near as I can figure, we've hit Scrooge's money bin 299 times. – 'Насколько я помню, мы пытались проникнуть в сокровищницу Скруджа 299 раз'.

Bouncer: Well, 300's the charm. – 'А трёхсотый будет счастливым'.

В данном примере языковая игра основывается на трансформации, а именно приёме лексической замены известного фразеологизма *the third time is the charm*, который имеет следующее значение: *two efforts at something have already failed but perhaps the third will be successful* 'две попытки уже провалились, но, возможно, третья будет успешной'. Комический эффект достигается за счёт того, что зрителю уже известно о многочисленных провальных попытках Братьев Гавс пробраться в хранилище Скруджа, а использование данной идиомы только усиливает обречённость их положения.

Языковая игра на **фонетическом уровне** (29 примеров) реализуется посредством использования рифмы, аллитерации, ассонанса, звукоподражания, омофонов. Рифма является наиболее частым приёмом. Например, персонаж Магика Де Гипноз (*Magica De Spell*) в своих заклинаниях обращается к магическим силам:

Powers of darkness, heed my call. Blow this jerk into that wall. – 'Силы тьмы, внимайте моему **призыву**. Размажь этого придурка по **стене**'. Финальные слова каждой фразы *call* и *wall* рифмуются и придают комичное игровое звучание заклинанию.

Другим характерным приёмом является использование **омофонов**:

Waiter: Welcome to the Moosehead. Today's specials are moose flambe, cajun moose, and for you, Greek lovers, our world-famous moose-saka. – 'Добро пожаловать в "Лосиную голову". Сегодняшние фирменные блюда - фламбе из **лося**, каджунский **лось**, а для вас, любителей Греции, наша всемирно известная **мусака из лося**'.

Scrooge: What, no chocolate mousse? – 'Что, шоколадного **мусса** нет?'

Waiter: Never heard of it. – 'Никогда о таком не слышал'.

В диалоге между Скруджем и официантом в кафе «Moosehead» эффект языковой игры создаётся на основе созвучности лексем *moose* (*a large deer* 'олень') и *mousse* (*a light cold food made from eggs mixed with cream* 'лёгкий десерт из яиц и сливок').

Приёмов создания языковой игры на **морфологическом** уровне не так много, всего 5 случаев. К примеру, в одном из диалогов юмористический эффект создаётся **дезаббревиацией**, т. е. игровым декодированием аббревиатуры:

Scrooge: Launchpad, get up here ASAP. – 'Зигзаг, поднимайся сюда как можно скорее'.

Launchpad: Yo. ASAP, whatever that means. As sour as pickles? As sweet as popsicles? As stupid as possible? Yeah, that's it. – 'Эй. ASAP (как можно скорее), что бы это значило? Кислый, как маринованный огурец? Такой же сладкий, как фруктовое мороженое? **Настолько глуп, насколько это возможно?** Да, именно так'.

В данной ситуации Зигзаг, не зная смысла довольно распространённой аббревиатуры ASAP (*as soon as possible*), предлагает свои варианты расшифровки данной лексической единицы.

Также стоит отметить пример образования **оказиональной грамматической формы** в следующей реплике:

Scrooge: Ah, lads, I can't wait to show you Dangerous Dan's Honky-tonk. It's the wildest, rootin'-tootin'-est on Earth! – 'Ах, ребята, мне не терпится показать вам бар Опасного Дэна. Это самое дикое, **самое захватывающее дух место** на Земле!'

Здесь языковая игра проявляется в образовании превосходной степени сленгового сложносоставного прилагательного *rootin'-tootin'* (*enthusiastic, cheerful and lively* 'восторженный, жизнерадостный, оживлённый'), что является нарушением грамматической нормы.

Единицы **синтаксического уровня** образовали наименьшее количество игровых ситуаций (3 примера). Рассмотрим один из примеров:

Scrooge: Money will get you through times of no luck, my boy. Better than luck will get you through times of no money. – '**Деньги помогут пережить трудные времена, мой мальчик. Лучшие, чем удача поможет тебе пережить времена безденежья**'.

В данном ироничном высказывании о силе и могуществе денег игровое звучание создаётся благодаря х и а з м у, т. е. повторяющимся в обратном порядке частям синтаксических конструкций.

Ввиду специфики мультипликации как художественного жанра, основополагающими функциями языковой игры являются комическая и развлекательная и, следовательно, эти функции реализуются во всех выявленных нами примерах. Языковая игра способствует нестандартному, творческому и юмористическому отражению действительности в мультипликационных фильмах. Однако, помимо этих основных функций, в ряде случаев могут быть актуализированы и другие функции. Так, языковая игра часто ассоциируется с лингвокреативной деятельностью говорящего, в результате которой создаются окказиональные образования, характерные только для соответствующего языкового контекста. В таких случаях языковая игра выполняет *языкотворческую функцию*:

Duckworth: There, there, don't cry. You're not losing a boss, you're gaining a bossy in-law. – 'Ну, ну, не плачь. Ты не теряешь **босса**, ты приобретаешь **нового босса** – жену босса'.

В данном эпизоде свадьбы Скруджа и Миллионеры дворецкий Скруджа по имени Дакворт (Duckworth) успокаивает другую работницу Скруджа – Миссис Клювдию (Mrs. Beakley), говоря о том, что после свадьбы Миллионера станет их начальницей. Окказионализм *bossy in-law* создан по известной модели образования терминов родства в результате вступления в брак. В данном случае после свадьбы слуги приобретают новую хозяйку *bossy in-law*. Соответственно с изменённой структурой слова модифицируется и смысл созданной единицы. Так, при этом реализуется и смыслообразующая функция. Эта функция проявляется и при использовании узуальных лексических единиц, но приобретающих в контексте новое, окказиональное значение. Например, в одной из сцен, когда Билли, Вилли и Дилли были пойманы Братьями Гавс и Эль Капитано (El Capitán) последний, угрожая, сказал детям:

Give me the ship, niños, or I'll play castanets with your empty little heads! – 'Отдайте мне корабль, дети, или я **поиграю на кастаньятах** вашими пустыми маленькими головами!'

Известно, что кастаньеты – это парный музыкальный инструмент, состоящий из двух округлых пластин-ракушек, связанных шнурком. Таким образом, словосочетание *play castanets* приобретает новое содержание – угрозу применить силу и использовать головы персонажей вместо кастаньет.

Однако несмотря на то, что основной целью анимации является развлечение аудитории, создание позитивного настроения, в мультипликации также отражается жизнь во всех её проявлениях, с положительными и отрицательными её сторонами. Так, было выявлено несколько примеров, в которых посредством языковой игры выражалась вербальная агрессия, т. е. реализовывалась дискредитирующая функция. К примеру, в диалоге между Скруджем и Зигзагом, когда последний примерял одежду, типичную для дровосека (*lumberjack*), Скрудж, раздражённый поведением Зигзага, оскорбляет его словом *lumber-jerk*, заменив второй компонент слова на *jerk* 'болван'.

4. Языковая игра в мультсериале «DuckTales» (2017 г.)

[Language game in animated series «DuckTales» (2017)]

В новой версии мультипликационного сериала 2017 года было выявлено значительно больше случаев языковой игры – 200 примеров, которые также основаны на использовании единиц разных языковых уровней.

В новом мультсериале языковая игра главным образом строится на создании звукового эффекта благодаря рифме, аллитерации, звукоподражанию, омофонам, паронимам. Приёмы с использованием средств **фонетического уровня** составляют самую многочисленную группу – 109 примеров. Р и ф м а является одним из самых часто используемых средств:

Della: Uh, I mean, Huey. Sorry, I'll get it. Huey has a hat, and the hue is red. – 'Э-э, я имею в виду, **Хьюи**. Извините, я сам разберусь. У **Хьюи шляпа красного цвета**'.

В данном примере Делла, пытаясь облегчить для себя запоминание имени одного из тройняшек, создала короткую рифму, основанную на созвучии слов *hat – red* и *паронимов*: имени персонажа *Huey* и созвучного с ним слова *hue* 'a color'.

Другим примером языковой игры на основе фонетических средств является использование **о м о ф о н о** в *tummy* 'мумия' и *mommy* 'мамочка' в ситуации, когда главные герои, исследуя египетские пирамиды, встретили живых мумий:

Hey, if those are mummies, I'd hate to see daddies, am I right? – 'Эй, если это мамочки (мумии), то я бы не хотел видеть папочек, я прав?'

Следующей по многочисленности является группа примеров языковой игры, созданных на **морфологическом уровне** – 57 единиц. Все они являются результатом языкового творчества персонажей и представляют собой окказиональные образования грамматических форм или новых лексических единиц посредством тех или иных способов словообразования. В одном из эпизодов персонаж, пытаясь выразить свою радость по поводу приближающегося к городу урагана, соединяет восклицание *hooray* 'ура' с *hurricane* 'ураган', используя приём **к о н т а м и н а ц и и** и тем самым образуя слово *hooraysane*.

Интересный пример языкового экспериментирования с грамматическими формами выявлен в сцене первого знакомства Скруджа с его племянниками, которые заявили, что их дядя *раньше был* отличным искателем приключений. Через пару минут зрителям уже показывают разозлившегося от такого комментария Скруджа:

Nonsense, I'm no has-been, they're the has-beens. I am a am-now. – 'Чепуха, я не **бывший**, это они **бывшие**. Я и есть **такой и есть прямо сейчас**'.

Из средств создания языковой игры **лексического уровня** (30 примеров) наиболее распространённым приёмом оказался **к а л а м б у р** – использование в одном контексте разных значений многозначного слова с целью создания юмористического игрового эффекта:

The crowd hated you! You hit your solo, and they hit you with a chair! – 'Ты им не понравился! Ты **блестяще исполнял** своё соло, а они **били** тебя стулом!'

В данной ситуации идёт речь о музыкальном выступлении одного из персонажей. Комический эффект создаётся посредством одновременной актуализации прямого (*to touch something with a sudden force* 'нанести удар') и вторичного (*to succeed in reaching or achieving something* 'преуспеть в достижении чего-то') лексических значений глагола *hit*.

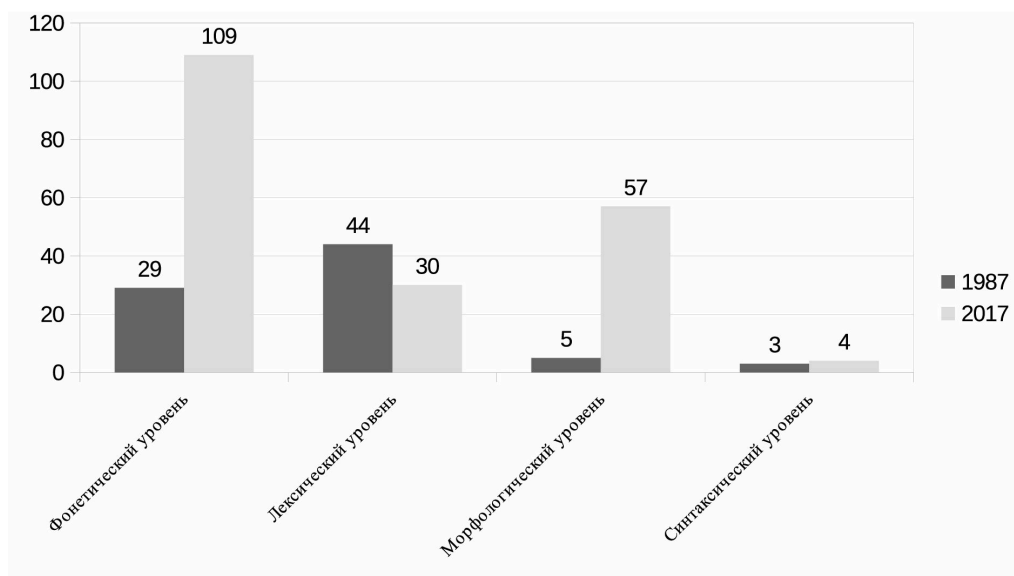
В рамках **синтаксического уровня** языковая игра была реализована в 4 ситуациях. Рассмотрим пример:

My insides are on fire!... With love for my mom! – 'У меня всё внутри горит!... С любовью к моей маме!'

Здесь наблюдается использование двух приёмов: **д в о й н о й а к т у а л и з а ц и и** **з н а ч е н и й** фразы *my insides are on fire* (в прямом и переносном смысле) и **п а р ц е л л я ц и и**. В эпизоде, когда Делла впервые встретила со своими детьми, она ещё не имела родительского опыта, тем не менее была рада видеть своих детей. В честь своего возвращения она приготовила для них торт, с запрещённой для употребления шипучкой в качестве начинки. Вилли, переполненный радостью в связи с возвращением

своей мамы, съедает этот торт. Естественно, он реагирует на боль, вызванную шипучкой (что выражено метафорой *my insides are on fire* 'всё горит внутри'), однако, не желая расстроить свою маму, резко меняет интонацию и смысл своей последующей реплики. Вследствие этого актуализируется одно из значений *to be on fire* – *to be very enthusiastic, excited, or passionate about something* 'быть радостным, взволнованным'.

Все выявленные и проанализированные случаи языковой игры в новой версии мультсериала направлены на то, чтобы вызвать у зрителя улыбку, привлечь забавными и остроумными репликами персонажей. Так же, как и в первой версии сериала 1987 года, помимо комической и развлекательной функций, использование приёмов языковой игры приводит к созданию новых единиц и реализации новых смыслов.

Р и с у н о к 1. Количественное соотношение использования единиц разных языковых уровней в сериалах 1987 г. и 2017 г.

[F i g u r e 1. Quantitative ratio of different language level units in the series of 1987 and 2017]

5. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ приёмов создания языковой игры и её функциональных особенностей в мультсериалах «*DuckTales*» 1987 и 2017 годов дал определённые результаты, на основе которых можно сделать выводы о том, как изменилась языковая игра в мультипликационном дискурсе за последние 30 лет.

Прежде всего стоит отметить очевидное количественное превосходство случаев языковой игры в новой версии мультсериала, в сравнении с оригинальной – 81 (1987 г.) и 200 (2017 г.). То же самое можно сказать и о разнообразии используемых языковых средств для создания языковой игры.

В оригинальном мультсериале 1987 года чаще всего использовались приёмы лексического языкового уровня, а именно полисемия и трансформация фразеологизмов. Фонетические средства были распространены в меньшей степени, а языковая игра на морфологическом и синтаксическом уровнях реализовывалась редко.

В мультсериале 2017 года фонетические и морфологические средства являются самыми распространёнными, в речи персонажей часто появляются новые языковые единицы и формы слов, а также используются разнообразные фонетические приёмы. Данные изменения можно объяснить тем, что использование фонетических, морфологических и

лексических средств характерно для языковой игры в современном медиа дискурсе, главным образом в интернет-коммуникации. Поскольку современный массовый зритель является активным пользователем сети Интернет и используемые приёмы обыгрывания различных языковых средств ему знакомы, он готов к их восприятию и интерпретации в анимационных фильмах.

Что касается функциональных особенностей использования языковой игры, то можно выделить общие черты. К примеру, ввиду особенностей мультипликации как развлекательного жанра, языковая игра реализуется в обеих версиях мультсериала с целью осуществления комической и развлекательной функций, которые являются доминирующими. Поскольку приёмы языковой игры часто приводят к образованию новых языковых единиц или наполняют существующие единицы иным смыслом, то выделяются языкотворческая и смыслообразующая функции.

Однако в оригинальной версии мультсериала языковая игра сравнительно часто реализуется с целью дискредитации кого-то из персонажей, что практически отсутствует в новой версии. Мультсериал 2017 года, очевидно, создавался с учётом ценностей современного общества, таких как отказ от насилия, агрессии и проявление толерантности и терпимости.

Проведённое исследование показало, что языковое содержание мультипликации динамично, оно меняется в соответствии с временем и запросами целевой аудитории и старается соответствовать современным тенденциям мультипликационного жанра. Именно поэтому языковая игра является одним из основных средств передачи информации и реализации авторской интенции. Благодаря использованию языковой игры, речь персонажей становится яркой и выразительной, что привлекает внимание зрителей младшего возраста, в то время как разгадывание замысловатых языковых головоломок может заинтересовать и взрослую аудиторию, что делает анимацию, в частности «DuckTales», универсальным для любой возрастной категории произведением киноискусства.

Библиографический список

- Алефиренко, 2012 – Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-дискурсивные механизмы языковой игры в сфере фразеологии // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. : Филология. Социальные коммуникации, 2012. № 2. С. 70-76.
- Витгенштейн, 1994 – Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. 612 с.
- Воронин, 2015 – Воронин З. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность (современные концепции языковой игры) // Научный альманах, 2015. № 7 (9). С. 1352–1361. <https://doi.org/10.17117/na.2015.07.269>
- Войцех, 2021 – Войцех К.Д. Языковая игра в кинематографическом дискурсе: лексико-семантический уровень. // Вестник Башкирского ун-та, 2021. № 1. С. 235–240. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.1.37>
- Гермашева, 2017 – Гермашева Т. М. Языковая игра как инструмент актуализации лингвистической креативности // Вестник АГУ. Сер. 2 : Филология и искусствоведение, 2017. № 1 (192). С. 30–33.
- Голованова, 2017 – Голованова Е.И. Языковая игра в профессиональной коммуникации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива, 2017. № 2. С. 39–52.
- Гридина, 2008 – Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 166 с.
- Ильясова, 2015 – Ильясова С. В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика, 2015. № 1 (6). С. 91–100. URL : <https://medialing.ru/yazykovaya-igra-slovoobrazovatel'naya-graficheskaya-orfograficheskaya-na-materiale-tekstov-sovremennyh-rossijskih-smi/> (дата обращения : 13.07.2023).

- Кабылкина, Ломтева, 2016 – Кабылкина Н. С., Ломтева Т. Н. Анимационный текст как речевой жанр и способы его языковой реализации // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 229–233.
- Книга, 2018 – Книга Ю. А. Гендерный аспект языковой игры в юмористическом дискурсе (на материале американского ситкома «Scrubs») // Вестник Минского гос. лингв. ун-та. Сер. 1: Филология. 2018. № 2 (93). С. 13–20.
- Ковыляева, 2015 – Ковыляева Н. Е. Языковая игра как средство формирования семантики и прагматики дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; Кабардино-Балкарский гос. ун-т. Нальчик, 2015. 186 с.
- Кожина, 2011 – Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 696 с.
- Коновалова, 2008 – Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 196 с.
- Куманицина, 2005 – Куманицина Е. И. Феномен языковой игры в СМИ // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание, 2005. № 4. С. 165–168.
- Нухов, 2012 – Нухов С. Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления // Вестник Башкирского ун-та, 2012. № 1. С. 165–170.
- Нухов, Войцех, 2020 – Нухов С. Ж., Войцех К. Д. Особенности языковой игры в кинематографическом дискурсе // Вестник Башкирского ун-та, 2020. № 25. С. 382–389.
- Романова, 2023 – Романова Т. А. Функции языковой игры в англоязычной профессиональной коммуникации работников сферы анимации (на примере деятельности студии Disney) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 3. С. 54–64.
- Санников, 2002 – Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 533 с.
- Сковородников, 2011 – Сковородников А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.
- Сокол, 2021 – Сокол В. В. Синтаксическая языковая игра в ситкоме «The Big Bang Theory» // Немецкий язык – лингводидактическое обеспечение и методика преподавания: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. семинара. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2021. С. 127–130.
- Шаховский, 2008 – Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

References

- Alefirenko, N. F. (2012). Kognitivno-diskursivnie mekhanizmi yazikovoy igry v sfere frazeologii [Cognitive mechanisms of language game in the field of phraseology]. *Uchenie zapiski Tavricheskogo Universiteta. Seria Filologiya. Sotsialnaya kommunikatsia [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series: Philology. Social Communications]*, 2 (1), 70–76. (In Russ.).
- Wittgenstein, L. (1994). *Folosofskie raboty [Logical and Philosophical Treatise]*. Moscow. (In Russ.).
- Voronin, R. A. (2015). Yazikovaya igra kak lingvokreativnaya deyatelnost (kontseptsii yazikovoy igry) [Language game as a linguo-creative activity (modern conceptions of language game)]. *Nauchniy almanakh [Scientific almanac]*, 7 (9), 1352–1361. (In Russ.). <https://doi.org/10.17117/na.2015.07.269>
- Voitsekh, K. D. (2021). Yazikovaya igra v kinematograficheskom diskurse: leksiko-semanticheskiy uroven' [Word play in film discourse: lexical-semantic level]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*, 1, 235–240. (In Russ.).
- Germasheva, T. M. (2017). Yazikovaya igra kak instrument aktualizatsii lingvisticheskoy kreativnosti. [Language game as instrument of updating linguistic creativity]. *Vestnik Adigeiskogo gos. un-ta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of Adygeya State Univerisity. Series 2: Philology and Art studies]*, 1 (192), 30–33. (In Russ.).
- Golovanova, E. I. (2017). Yazykovaya igra v professional'noy kommunikatsii [The language game in professional communication]. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa [Bulletin of Udmurt University. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity]*, 2, 39–52. (In Russ.).

- Gridina, T. A. (2008). *Yazikovaya igra v khudozhestvennom tekste [Language game in literary text]*. Ekaterinburg : Urals State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Ilyasova, S. V. (2015). Yazikovaya igra: slovoobrazovatel'naya, graficheskaya, orfograficheskaya (na material tekstov sovremennykh rossiyskikh SMI) [Language game: Word-formation, graphic, orthographic (On the material of the modern Russian mass media texts)]. *Medialingvistika [Media Linguistics]*, 1 (6), 91–100. (In Russ.). <https://medialing.ru/yazykovaya-igra-slovoobrazovatel'naya-graficheskaya-orfograficheskaya-na-materiale-tekstov-sovremennyh-rossijskikh-smi/>
- Kabilkina, N. S., Lomteva, T. N. (2016). Animatsionnyy tekst kak rechvoy zhanr i sposoby ego yazykovoy realizatsii [Animation text as speech genre and ways of its language realization]. *Gumanitarniye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and Law Research]*, 3, 229–233. (In Russ.).
- Kniga, Y. A. (2018). Genderniy aspekt yazikovoy igry v yumoristicheskom diskurse (na materiale amerikanskogo sitkoma «Scrubs») [Gender aspect of language play in humorous discourse (Based on sitcom “Scrubs”)]. *Vestnik Minskogo gos. Lingv. un-ta [Bulletin of Minsk State Linguistic University]*, 2 (93), 13–20. (In Russ.).
- Kovilyaeva, N. E. (2015). Yazikovaya igra kak sredstvo formirovaniya semantiki i pragmatiki diskursa [Language game as a means of forming semantics and pragmatics of discourse]. PhD in Philological sci. diss. Nalchik : Kabardino-Balkarian State University. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (2011). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]*. 2nd edn. Moscow : Flinta Press. (In Russ.).
- Konovalova, Yu. O (2008). *Yazikovaya igra v sovremennoy russkoy razgovornoy rechi [Language game in modern Russian colloquial speech]*. Vladivostok : VGUES Press. (In Russ.).
- Kumanitsina, E. I. (2005). Fenomen yazykovoy igry v SMI [The phenomenon of the language game in mass media]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2 : Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 4, 165–168. (In Russ.).
- Nukhov, S. Zh. (2012). Yazikovaya igra: vozmozhniye podkhody i traktovki yavleniya [Language play: Different approaches and interpretations]. *Vestnik Bashkirskogo un-ta [Bulletin of Bashkir University]*, 1, 165–170. (In Russ.).
- Nukhov, S. Zh, Voitsekh, K. D. (2020). Osobennosti yazikovoy igry v kinematograficheskom diskurse [Peculiarities of word play in movie discourse]. *Vestnik Bashkirskogo un-ta [Bulletin of Bashkir University]*, 25, 382–389. (In Russ.).
- Romanova, T. A. (2023). Funktsii yazikovoy igry v professionalnoy kommunikatsii rabotnikov sferi animatsii (na primere deyatelnosti studii Disney) [The functions of the language game in professional communication among English-speaking animators (In the context of the Disney animation studio production)]. *Vestnik Moskovskogo un-eta. Ser. 9. Filologiya [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology]*, 3, 54–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-5>.
- Sannikov, V. Z. (2002). *Russkiy yazik v zerkale yazikovoy igry [Russian language in the mirror of the language game]*. Moscow : Yaziki slavyanskoy kulturi. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2011). *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Virazitelnie sredstva russkogo yazyka i rechevie oshibki i nedochety [Encyclopedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and errors]*. Moscow : Flinta Press. (In Russ.).
- Sokol, V. V. (2021). Sintaksicheskaya yazikovaya igra v sitkome «The Big Bang Theory» [Syntactic language game in sitcom «The Big Bang Theory»]. *Nemetskiy yazik – lingvididakticheskoe obespechenie i metodika prepodavaniya [German language: Linguodidactic support and teaching methods]* (pp. 127–130). Mogilev. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii [Linguistic theory of emotions]*. Moscow. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42

Козловский Дмитрий Валентинович
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
г. Саратов, Российская Федерация
kozlovskydv@yandex.ru

Категория «эвиденциальность» как инструмент передачи слухов в англоязычном медиадискурсе

Аннотация

Детальное изучение источника получения информации, а также характера передаваемых сведений в настоящее время весьма востребовано в разных областях социогуманитарного знания. В данной работе рассматривается отвечающая за это модусная категория «эвиденциальность». Цель работы – описание специфики обращения к эвиденциальности в процессе передачи слухов в пространстве англоязычного массмедийного дискурса. Исследование проведено на материале 1000 эвиденциальных высказываний, репрезентирующих медиаслухи категории «celebrity gossip» 'светские сплетни', размещённых в электронных версиях британских газет в 2023 году, а также данных словарных дефиниций из словарей Cambridge Dictionary, Collins Online Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries. Близость структуры эвиденциальных высказываний и высказываний, обладающих значением 'слухи', позволила выявить различные виды категории «эвиденциальность», основывающиеся на коммуникативных установках автора, прототипических признаках концепта СЛУХ, особенностях представления источника информации, а также интерпретации транслируемых сведений: аутентичскую (20,9%), авторитетностную (20,5%), перцептивную (34,1%) и эмфатическую эвиденциальность (24,5%). Было установлено, что обращение автора к тому или иному виду эвиденциальности слухов зависит от коммуникативных намерений автора и определяет восприятие сведений конечным адресатом / читателем. При помощи эвиденциальности слухов автор информирует / убеждает / развлекает читателя слухов / вызывает у него желаемую эмоциональную реакцию. Приведённая классификация также способствует дифференциации слухов от другой информации, актуализируемой с помощью эвиденциальной семантики.

Ключевые слова: вид эвиденциальности, эвиденциальная семантика, массмедийный дискурс, медиаслухи, расширение функциональной нагруженности, эвиденциальный оператор

© Козловский Д. В. 2024

Для цитирования: Козловский Д. В. Категория «эвиденциальность» как инструмент передачи слухов в англоязычном медиадискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 71–85.

Dmitry V. Kozlovsky
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Saratov, Russian Federation
kozlovskydv@yandex.ru

The category of “evidentiality” as a tool for transmitting rumors in the English-language media discourse

Abstract

A detailed study of the source of information as well as the nature of the transmitted information is currently in great demand in various fields of Humanities. This paper considers the modus category of “evidentiality” responsible for the source of information and its nature. The aim is to describe the specifics of referring to the category of “evidentiality” in the process of transmitting rumors in the space of the English-language mass media

discourse. The material for the study included 1000 evidential statements representing media rumors of the “celebrity gossip” category published in electronic versions of British newspapers in 2023; definitions from Cambridge Dictionary, Collins Online Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Oxford Learner’s Dictionaries were also used. The proximity of the structure of evidential statements and statements with the meaning of “rumors” enabled to identify various types of categories based on the author’s communicative attitudes, prototypical features of the concept of “rumour”, features of the presentation of the source of information as well as the interpretation of the transmitted information: authentic (20.9%), authoritative (20.5%), perceptual (34.1%) and emphatic evidentiality (24.5%). It was found that the author’s appeal to a particular type of evidentiality of rumors depends on their communicative intentions and determines the perception of information by the final addressee / reader. With the help of the evidentiality of rumors, the author informs / convinces / causes the desired emotional reaction / entertains the reader of rumors. The offered classification helps differentiate rumors from other information updated with the help of evidential semantics.

Keywords: evidentiality type, evidential semantics, mass media discourse, media rumors, functional load expansion, evidentiality operator

© Kozlovsky D. V. 2024

For citation: Kozlovsky, D. V. (2024). Kategoriya «evidentsial'nost'» kak instrument peredachi slukhov v angloyazychnom mediadiskurse [The category of "evidentiality" as a tool for transmitting rumors in the English-language media discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 71–85.

1. Введение [Introduction]

В настоящее время большое количество информации человек получает из средств массовой информации. В своих сообщениях журналисты зачастую ссылаются на авторитетных деятелей культуры, политиков, предпринимателей, учёных, юридически значимые документы, а также известные организации. Истинность такого рода сведений, как правило, не вызывает сомнения у читателя. Однако в последние годы СМИ всё чаще публикуют недостаточно проверенные / ложные данные, способствующие распространению слухов в социуме. Слухи становятся медийным инструментом воздействия на читателя, облакаются в различные языковые формы и маскируют истинные цели автора с помощью вербальных и невербальных показателей [Иванова, Хакимова, 2020, с. 388]. В пространстве англоязычного медиадискурса такого рода информация может актуализироваться при помощи ресурсов категории «эвиденциальность» – эвиденциальные маркеры используются для идентификации различных типов сообщаемых сведений по характеру их авторства [Чанышева, Хазиева, 2015, с. 974].

Предлагаемая статья посвящена описанию специфики употребления лексических средств категории «эвиденциальность» в ходе передачи слухов в англоязычном медиадискурсе. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью эвиденциальности в данном ракурсе, а также значимостью интерпретации содержания и исследования оценочных эвиденциальных смыслов, порождаемых автором в ходе конструирования медиадискурса. Для достижения поставленной цели было проанализировано 1000 эвиденциальных высказываний, представляющих собой медиаслухи рубрики *celebrity gossip* (светские слухи), размещённые в электронных версиях британских газет Daily Mail, Daily Mirror, The Sun в 2023 году. Выбор материала исследования обусловлен тем, что данный текстотип представляет слухи в наиболее «чистом» виде.

Впервые термин «эвиденциальность» был введён в научный обиход Ф. Боасом [Boas, 1911], хотя широкое распространение он получил после публикации работы Р. О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» [Jakobson, 1957]. Согласно Р. О. Якобсону, эвиденциальность учитывает три факта: сообщаемый

факт, факт сообщения и передаваемость факта сообщения, иными словами, обозначение источника информации о сообщаемом факте.

Изучением категории «эвиденциальность» занимались многие российские учёные. Наиболее значимые теоретические разработки представлены в исследованиях [Козинцева, 1994; Кобрина, 2003; Плунгян, 2003; Храковский, 2007]. Представляется, что наиболее исчерпывающая трактовка категории «эвиденциальность» предложена В. А. Плунгяном. Под эвиденциальностью следует понимать различные структурные и функциональные показатели, маркирующие источник информации, а также характер и способ получения сведений. При помощи эвиденциальности автор сообщения / субъект коммуникации указывает, каким образом он узнал о событии [Плунгян, 2003, с. 321]. Выделяется три типа категории «эвиденциальность» [Плунгян, 2003, с. 324; Ферхеес, 2019, с. 5]:

1) прямая непосредственная эвиденциальность: автор / субъект коммуникации сообщает о личном свидетельстве ситуации, а также обозначает тип источника сведений (аудиальный, визуальный, сенсорный);

2) косвенная непосредственная эвиденциальность: автор сообщения / субъект коммуникации делает выводы о ситуации на основании инференции (умозаключений, основанных на известных фактах) или презумптива (логических соображений общего характера и гипотез, формулируемых в соответствии с восприятием действительности говорящего);

3) косвенная опосредованная эвиденциальность: автор сообщения / субъект коммуникации пересказывает сведения, полученные от конкретного лица, обобщённого, неспецифицированного источника либо общего фонда знаний.

В свете концепции Н. Н. Болдырева [Болдырев, 2006], получившей отражение в работах [Лунина, 2020; Хазиева, 2018; Чанышева, 2016], эвиденциальность относится к числу модусных категорий, служащих цели выражения различной интерпретации говорящим определённого содержания и формирования на этой основе отдельных смыслов. В подобном ракурсе рассмотрения смысловое поле эвиденциальности включает категориальные признаки авторизации, аппроксимации, восприятия, модальности, отрицания, оценочности, персональности, персуазивности, темпоральности, экспрессивности и эмотивности. Тем самым модусная категория «эвиденциальность» связана с квалификацией и интерпретацией передаваемых сведений автором / субъектом коммуникации в контексте их авторства, верифицируемости, вероятности, возможности, временной отнесённости, достоверности, информативности, осознанности, субъективности, уверенности.

Модусная категория «эвиденциальность» характеризуется эксплицитным либо имплицитным набором языковых показателей, к числу которых принадлежат существительные, прилагательные, глаголы, наречия, модальные вводные слова, устойчивые словосочетания. Они образуют 10 групп эвиденциальных операторов: явного указания, косвенного указания, усиления значимости высказывания, мыслительной деятельности, выражения мнения, уверенности в знании, сомнения, прогнозирования, умственного восприятия, а также чувственного восприятия [Козловский, 2023].

Одним из важных ракурсов исследования модусной категории «эвиденциальность» выступает её рассмотрение в рамках дискурсивного подхода, возникновение которого связано с общей сменой приоритетов гуманитарной парадигмы и переходу к изучению человека говорящего [Чудинов, Нахимова, 2015]. Важность анализа функционирования эвиденциальности в пространстве медиадискурса не вызывает сомнения, поскольку определение источника передаваемых сведений относится к числу его неотъемлемых составляющих. Дискурсивный подход к рассмотрению эвиденциальности предполагает интерпретацию содержания и исследование аксиологических смыслов, порождаемых автором / субъектом коммуникации в процессе формирования медиадискурса. При этом особая роль категории «эвиденциальность» определяется её воздействующим потенциалом на читателя [Козловский, Спиридонова, 2021].

Исследование специфики актуализации категории «эвиденциальность» в медиадискурсе представляет собой комплексное изучение эвиденциальных высказываний с учётом роли контекста, социального взаимодействия участников дискурса, их коммуникативных намерений наряду с характерной для эвиденциальности семантикой указания на источник информации о событии. В структуре любого эвиденциального высказывания выделяется профаза, в ходе развёртывания которой автор/субъект коммуникации обозначает источник сообщения и квалифицирует сведения при помощи того или иного эвиденциального оператора, а также эпифаза, трансформирующая либо суммирующая значение, актуализируемое профазой [Герман, 2000]. Формируемая семантика обеспечивает возможность смыслообразования с целью оказания воздействия на конечного адресата эвиденциального высказывания и определяется преобладающей интенциональной доминантой дискурса: информировать, разъяснить с опорой на анализ и оценки / убеждать, рационально и эмоционально воздействуя / развлекать, привлекать и побуждать [Шмелёва, 2012, с. 43].

В целом, эволюция взглядов на категорию «эвиденциальность» в лингвистике привела к изменению границ её значимости. Эвиденциальные высказывания стали отражать более широкие сведения об источнике информации, включая оценку истинности пропозиции, что допускает их различную интерпретацию автором сообщения. Полифункциональный характер категориальных значений и оттенков эвиденциальности обуславливает её широкое использование в разных коммуникативных ситуациях и стилях, в том числе в рамках «слуховой» коммуникации [Хакимова, 2021, с. 1709].

Слухи представляют собой форму передачи социально-значимых неофициальных сведений. Слухи характеризуются важностью, неопределённостью, формируются лицом-инициатором их распространения, имеют форму суждений, оценок и прогнозов, соответствуют ожиданиям адресата. Источник слухов, как правило, неизвестен, а сами сведения не обладают надёжной информационной основой [Тишина, 2012, с. 116].

Слухи обнаруживаются в пространстве массмедийного дискурса и актуализируются в высказываниях, возникающих в результате взаимопроникновения форм устного и письменного сообщения. В основе структуры высказываний со значением «слухи» лежат следующие базовые элементы: 1) эмоционально-оценочный компонент (трансформирующая часть); 2) информационный компонент, содержащий исходные сведения о сообщаемом факте, событии, объекте слуха [Рабенко, 2013, с. 47].

На содержательном уровне интенциональная структура англоязычных медиаслухов основывается на коммуникативных установках их авторов / продуцентов: воздействующей, информирующей, оценивающей или развлекающей. В качестве интенциональной доминанты слухов выступает фатическая функция, актуализируемая при помощи рекреативной и гедонистической установок [Дементьев, 2010, с. 228]. Интенциональный комплекс медиаслухов формируется, исходя из коммуникативных намерений автора / продуцента: выразить эмотивную оценку, доставить эмоциональное удовольствие, информировать, развлечь, сформировать определённую точку зрения и восприятие ситуации, удивить или убедить адресата в достоверности передаваемых сведений [Хакимова, Артёмова, 2021, с. 182].

2. Специфика актуализации эвиденциальности слухов в дискурсивном пространстве массмедиа [The specifics of the actualization of the evidentiality of rumors in the discursive space of mass media]

Общность структуры эвиденциальных высказываний, характеризующихся профазой и эпифазой, и высказываний со значением «слухи», обладающих трансформирующим и информационным компонентами, а также возможность

репрезентации содержательного уровня архитектоники слухов посредством эвиденциальной семантики в дискурсивном пространстве массмедиа позволяет говорить о существовании «эвиденциальности слухов» – виде модусной категории «эвиденциальность», направленной на достижение коммуникативных целей автора / субъекта коммуникации за счёт передачи различных слухов с помощью языковых эвиденциальных ресурсов и с целью оказания желаемого воздействия на адресата / читателя дискурса. Указанное воздействие формируется на основе коммуникативных установок автора (воздействующей, информирующей, оценивающей, развлекающей), базовых характеристик слухов (степень уверенности автора относительно содержания, верифицируемости, достоверности и осознанности транслируемых сведений) и осуществляется посредством определённой подачи информации об источнике сведений, а также интерпретации транслируемых данных. При этом обозначенные факторы предопределяют выбор эвиденциальных операторов. Немаловажно, что мастерство автора заключается в умении внедрить в сознание читателя конкретные желания, намерения, отношения, оценки, убеждения, установки или цели.

Исходя из вышесказанного, отметим, что при передаче слухов с помощью языковых средств модусной категории «эвиденциальность» иницилирующей стороной выступает автор, в то время как объектом воздействия является читатель. В данный процесс может вовлекаться третий участник, выступающий посредником, передающим сведения, обработанные автором. В качестве посредника выступает неподтверждённый / неустановленный / обобщённый субъект-источник рассматриваемого эвиденциального высказывания. Таким образом, в зависимости от коммуникативных установок автора, базовых характеристик слухов, специфики репрезентации источника сведений, а также квалификации сообщаемых фактов, в рамках эвиденциальности слухов представляется возможным выделить следующие подвиды: аутентичная эвиденциальность, авторитетная эвиденциальность, перцептивная эвиденциальность, эмфатическая эвиденциальность.

2.1. Аутентичная эвиденциальность [Authentic evidentiality]

Данный подвид модусной категории «эвиденциальность» связан с оценкой достоверности / недостоверности распространяемых слухов и их источника автором / субъектом коммуникации. В процессе градуирования степени достоверности сообщаемых фактов автор может прибегать как к эксплицитным, так и к имплицитным эвиденциальным ресурсам. Описываемые сведения чаще всего актуализируются с помощью нейтральных и несвидетельских глагольных форм. Рассматриваемый подвид эвиденциальности является наиболее нейтральным по эмоциональной и смысловой нагрузке и служит для информирования адресата / читателя о тех или иных событиях. Данное обстоятельство обуславливает обращение к эвиденциальным операторам явного и косвенного указания. В этой связи особый интерес вызывают эвиденциальные высказывания (1) и (2):

(1) *A source who has observed the Royal Family at close quarters for years **told** me directly that: 'Fawcett was there because he was doing a "recce", finding out how the Japanese did an event like that [Pepinster, 2023] – 'Источник, который был много лет близок с королевской семьёй, прямо **сказал** мне: «Фосетт был там, потому что он проводил «разведку», выясняя, как японцы организовали подобное мероприятие»'* (Здесь и далее перевод наш – Д. К.).

Рассматриваемое эвиденциальное высказывание является фрагментом газетной статьи, описывающей предстоящую коронацию Карла III в качестве короля Соединённого королевства и других королевств Содружества. Эвиденциальная семантика передаётся при помощи оператора явного указания *tell / сказать (to say something to someone, often*

giving them information or instructions [Cambridge Dictionary, 2023] – 'сказать что-то кому-то, часто в форме информации или инструкций'), обнаруживаемого в профазе высказывания. Использование данного оператора указывает на достоверный характер представленных в эпифазе сведений, в то время как анонимность источника информации одновременно обеспечивает автору возможность отчуждения от передаваемого сообщения. Данный слух призван проинформировать читателя о причине, по которой в 2019 году принц Чарльз в сопровождении своего старшего камердинера Майкла Фосетта посетил коронацию императора Японии Нарухито.

(2) *A royal insider suggested that while the exchange was warm in tone, it had not eased the tension between the two sides* [Bowkett, 2023] – 'Королевский инсайдер **предположил**, что, хотя обмен мнениями был тёплым по тону, он не ослабил напряжённости между двумя сторонами'.

Анализируемое эвиденциальное высказывание представляет конфликт между герцогиней Меган Маркл и королём Карлом III. Во время своего скандального интервью с Опррой Уинфри, Принц Гарри и Меган Маркл обвинили королевскую семью в расизме. Они заявили, что в Букингемском дворце опасались за цвет кожи их наследника Арчи. Эвиденциальность актуализируется с помощью оператора косвенного указания *suggest / предполагать (to communicate or show an idea or feeling without stating it directly or giving proof* [Cambridge Dictionary, 2023] – 'сообщать или демонстрировать идею или чувство, не заявляя об этом прямо или не приводя доказательств') профазы высказывания *a royal insider suggested* 'королевский инсайдер предположил'. Обращение к данному оператору демонстрирует непроверенный / недостоверный характер информации об итогах беседы между герцогиней и королём Соединённого королевства, содержащейся в эпифазе высказывания. Косвенный характер эвиденциальной семантики также указывает на то, что данные сведения ещё не были публично подтверждены или опровергнуты официальным источником. Тем самым автор знакомит читателя с мнением одного из королевских инсайдеров, не гарантируя достоверность транслируемых сведений.

2.2. Авторитетностная эвиденциальность [Authoritative evidentiality]

Настоящий подвид эвиденциальности слухов обращён к оценке уверенности / неуверенности автора относительно значимости, а также релевантности описываемых сведений и их источника. В контексте авторитетностной эвиденциальности возможно два случая: 1) автор уверен, что представляемые слухи настолько важны, драматичны, непредсказуемы и сенсационны, что они в обязательном порядке привлекут внимание читателя / адресата; 2) автор сомневается в ценности и актуальности транслируемых слухов для читателя, а также не подтверждает их истинность. Актуализация описываемой семантики обуславливает необходимость эвиденциального воздействия на читателя с опорой на ту или иную коммуникативную установку. Немаловажно, что подобное воздействие осуществляется посредством операторов уверенности в знании и сомнения. Для того, чтобы проследить актуализацию рассматриваемого эвиденциального подвида, обратимся к примерам (3) и (4):

(3) *The people, who spoke on the condition of anonymity to discuss internal deliberations, said they were aware that a final decision on timing had been made, but that Biden had been eyeing Tuesday, April 25, four years to the day since the Democrat entered the 2020 race* [Walker, 2023] – 'Люди, которые говорили о происходящих внутри штаба политика обсуждениях на условиях анонимности, сообщили, что им **известно**, что окончательное решение о сроках выступления было принято и что Байден ожидает вторника, 25 апреля – того самого дня, когда четыре года назад демократ вступил в предвыборную кампанию 2020 года'.

Представленное эвиденциальное высказывание освещает возможность выдвижения президента США Джо Байдена на второй срок. По информации, полученной от членов штаба политика, он может объявить о своём решении принять участие в президентской кампании 25 апреля. Косвенная эвиденциальность репрезентируется в профазе высказывания с помощью оператора уверенности в знании *aware* 'осведомлённый' (*knowing that something exists, or having knowledge or experience of a particular thing* [Cambridge Dictionary, 2023] – 'знать о том, что что-либо существует, или обладать знаниями или опытом в чём-либо определённом'). Указанный оператор свидетельствует об абсолютной уверенности анонимного источника в штабе президента в решении мистера Байдена повторно баллотироваться на пост президента. В силу того, что почти три четверти граждан США не хотят, чтобы Джо Байден участвовал в выборах главы государства 2024 года [Franeу, 2023], данный слух несомненно привлечёт внимание читателей статьи, а также вызовет бурные обсуждения как внутри интернет-сообщества, так и за его пределами.

(4) *Rumours that there's a spark between Taylor Swift and Fernando have left fans reeling... A couple of Spanish magazines have been posting about TS and Spanish F1 driver Fernando Alonso. According to them, the couple has been seeing each other for a week now. Nothing serious though since they are both recently single. It remains to be seen if the rumours prove true - or if Fernando could be the inspiration for one of the hitmaker's new songs* [Allcock, 2023] – 'Слухи о том, что между Тейлор Свифт и Фернандо вспыхнула искра, повергли фанатов в шок... Несколько испанских журналов опубликовали информацию о Тейлор Свифт и испанском гонщике Формулы-1 Фернандо Алонсо. По их словам, пара встречается уже неделю. Ничего серьёзного, хотя они оба недавно расстались со своими партнёрами. **Ещё неизвестно**, подтвердятся ли слухи – или же Фернандо может стать источником вдохновения ещё одной из песен хитмейкера'.

Данный дискурсивный отрывок является частью газетной статьи, размещённой в рубрике *gossip column* 'светские сплетни' электронной версии британской газеты-таблоида *The Sun*. В статье затрагивается тема взаимоотношений американской певицы Тейлор Свифт и испанского автогонщика Фернандо Алонсо. Семантика эвиденциальности слухов актуализируется в профазе высказывания при помощи операторов сомнения *rumours* 'слухи' (*an unofficial interesting story or piece of news that might be true or invented, and quickly spreads from person to person* [Cambridge Dictionary, 2023] – 'неофициальная история или новость, которая может быть правдивой или вымышленной и которая быстро распространяется от человека к человеку') и *it remains to be seen* 'ещё неизвестно' (*to be not exactly known or decided: be uncertain* [Merriam-Webster Dictionary, 2023] – 'не быть точно известным или решённым: неточный'). Указанные эвиденциальные операторы маркируют отсутствие уверенности автора статьи в истинности слухов о любовных отношениях между Т. Свифт и Ф. Алонсо, а также в авторитетности их источника. Автор делает выводы о возможных последствиях романа на основании имеющихся данных, при этом обращение к оператору сомнения *it remains to be seen* 'ещё неизвестно' позволяет ему снять с себя ответственность за релевантность транслируемых сведений. Наконец, выбор операторов сомнения в качестве средств передачи эвиденциальной семантики может свидетельствовать о низкой, по мнению автора, значимости распространяемых слухов для читателя.

2.3. Перцептивная эвиденциальность [Perceptual evidentiality]

Данный подвид эвиденциальности описывает осознанное / неосознанное обращение автора к совокупности языковых эвиденциальных средств для управления восприятием действительности со стороны читателя посредством передачи различного рода слухов. Автор осуществляет ментальную оценку транслируемых сведений,

полученных из имплицитного непрямого и опосредованного источника, при этом в своих суждениях он также может опираться на чувственный канал восприятия. Тем самым высказывания со значением перцептивной эвиденциальности могут основываться на слухах *per se* (слухах в наиболее «чистом» виде), пересказываемости и инференциальности. В качестве средств передачи данного подвида эвиденциальности слухов используются операторы выражения мнения, мыслительной деятельности, умственного восприятия, а также чувственного восприятия. Для того, чтобы продемонстрировать, каким образом перцептивная эвиденциальность находит выражение в эвиденциальном высказывании, обратимся к анализу высказываний (5), (6), (7):

(5) *One of North's eagle-eyed fans noticed that her chin looked distorted and uneven in the first photo* [Lusk, 2023] – 'Один из зорких поклонников Норт **заметил**, что на первой фотографии её подбородок выглядит искажённым и неровным'.

Данный пример представляет слух о старшей дочери американской актрисы Ким Кардашьян. Фанаты Норт заподозрили Ким в том, что она отредактировала одну из фотографий своей дочери для того, чтобы улучшить её внешний вид. Ранее певица уже подвергалась критике поклонников за то, что наложила фильтр на один из видеороликов, размещённых в Сети. Обращение к обобщённому источнику, квалифицирующему сведения с помощью эвиденциального оператора чувственного восприятия *notice* 'замечать' (*to see or hear somebody / something; to become aware of somebody / something* [Cambridge Dictionary, 2023] – 'видеть или слышать кого-либо / что-либо; узнавать о ком-либо / о чём-либо') позволяет автору, с одной стороны, отстраниться от оценки достоверности информации, содержащейся в эпифазе эвиденциального высказывания *her chin looked distorted and uneven in the first photo* – 'на первой фотографии её подбородок выглядит искажённым и неровным', а, с другой стороны, указывает на непосредственный характер получения сведений источником. Автор может стремиться вызвать у читателя желание самостоятельно интерпретировать представленные факты, воспользовавшись альтернативными источниками информации – в частности, изучить данную фотографию, размещённую в сети Интернет.

(6) *It appears that those joining them at the LA Lakers game last night were staff who work for their charitable foundation Archewell as well as on other projects for the couple – meaning they could have been treating their team to a night out* [Newton, 2023] – '**Представляется**, что те, кто присоединился к ним на вчерашнем матче «Лос-Анджелес Лейкерс», были сотрудниками их благотворительного фонда «Арчвел», а также других проектов пары – это **означает**, что они могли бы устроить своей команде вечеринку'.

Настоящее эвиденциальное высказывание является фрагментом статьи, описывающей совместное появление на публике Меган Маркл и принца Гарри на фоне непрекращающихся слухов о разводе. Кадры свидания бывших членов королевской семьи были засняты журналистами. Автор статьи описывает неожиданную встречу пары со своим персоналом во время баскетбольного матча, строит догадки о запланированном характере данной встречи, а также её возможных последствиях. Мнение автора передаётся при помощи эвиденциальных операторов выражения мнения *appear* 'представляться' (*if you say that something appears to be the way you describe it, you are reporting what you believe or what you have been told* [Collins Online Dictionary, 2023] – 'если вы говорите, что что-либо представляется таковым, как вы описываете это, вы высказываете своё мнение или передаёте то, что вам сообщили') и *mean* 'означать' (*to express or represent something such as an idea, thought, or fact* [Cambridge Dictionary, 2023] – 'выразить или представить что-либо, например, идею, мысль или факт'). Тем самым анализируемый пример репрезентирует недостоверный слух с элементами правдоподобия – конкретные и правдивые факты о свидании Меган Карл и принца Гарри дополняются субъективным мнением автора статьи, искажающим объективное

содержание транслируемых сведений. Целью подобного переплетения достоверной и искажённой информации является попытка убедить читателя в истинности слуха.

(7) *It's **understood** Harry misses aspects of British life, and could be keen to start spending more time here, despite having had Frogmore Cottage taken away... It's **thought** Meghan is staying behind as the Coronation date clashes with son Archie's fourth birthday, with speculation she was unsure as to how the British public would receive her after a headline-hitting year for the Sussexes* [Leishman, 2023] – ‘**Понятно**, что Гарри скучает по некоторым аспектам британской жизни и, возможно, хотел бы начать проводить здесь больше времени, несмотря на то, что у него отобрали коттедж Фрогмор... **Считается**, что Меган остаётся дома, поскольку дата коронации совпадает с четвёртым днём рождения сына Арчи, и ходят слухи, что она не уверена в том, как британская общественность примет её после года, когда заголовки газет пестрели упоминаниями о семье Сассексов’.

Анализируемый эвиденциальный контекст содержит слухи о стремлении принца Гарри вернуться в Великобританию на коронацию короля Карла III, а также планах Меган Маркл остаться в Калифорнии. Эвиденциальность актуализируется посредством оператора умственного восприятия *understand* 'понимать' (*to believe something is true because you have been told something that causes you to think it* [Cambridge Dictionary 2023] – 'верить в истинность чего-либо, потому что вам сообщили то, что заставляет вас так думать'), а также оператора мыслительной деятельности *think* 'считаться' (*to have a particular idea or opinion about something/somebody; to believe something* [Oxford Learner's Dictionaries 2023] – 'обладать определённым мнением о ком-либо / чём-либо или верить во что-либо'). Представленные слухи базируются на мнении неопределённого круга лиц, что свидетельствует о нежелании автора высказывать категоричные и директивные суждения о взаимоотношениях внутри королевской семьи ввиду отсутствия целостного восприятия действительности, а также невозможности проверить имеющиеся сведения. Формируемая семантика призвана предоставить читателю пищу для размышлений, одновременно углубляя понимание причин поступков Меган Маркл, принца Гарри и Карла III.

2.4. Эмфатическая эвиденциальность [Emphatic evidentiality]

Данный подвид эвиденциальности слухов связан с оценкой степени верифицируемости передаваемой информации, а также спецификой её восприятия. Актуализируемые при помощи такого рода эвиденциальной семантики слухи дифференцируются в соответствии с эмоционально-экспрессивной характеристикой сведений автором, а также общим типом вызываемой эмоциональной реакции читателя. Важно подчеркнуть, что особенности квалификации транслируемых сведений определяются конкретными эмоциями автора дискурса. Кроме того, в контексте эмфатической эвиденциальности автор может выразить свои ожидания, а также потенциальную возможность осуществления того или иного события, ввиду чего в качестве языковых средств передачи данного подвида выступают операторы усиления значимости высказывания, а также прогнозирования. Проанализируем примеры (8), (9), обладающие значением эмфатической эвиденциальности:

(8) *In June 2022, a rumour **claimed** that Amber hadn't been brought back to step into her role and that bosses were in the process of recasting the position* [Bird, 2023] – ‘В июне 2022 года **утвердился** слух, что Эмбер не будет возвращена на свою роль и что боссы находятся в процессе поиска новой актрисы’.

Посредством настоящего эвиденциального высказывания передаётся слух о том, что известная американская актриса Эмбер Хёрд могла лишиться роли Меры в сиквеле «Аквамена». Причиной этого могли послужить недостаточно яркие экранные

отношения с Джейсоном Момоа, а также продолжающиеся судебные процессы с Джонни Деппом. Косвенная эвиденциальная семантика передаётся посредством оператора усиления значимости высказывания *claim* 'утверждать' (*to state that something is true or is a fact* [Cambridge Dictionary, 2023] – 'заявить, что что-либо является правдой или фактом'). Отказ от указания источника слуха об отстранении от роли Э. Хёрд позволяет автору снять с себя ответственность за его валидность, а также даёт ему большую свободу в выборе языковых средств воздействия на читателя. Обращение к оператору *claim* 'утверждать' может быть обусловлено стремлением автора убедить читателя в достоверности представленной без каких-либо доказательств информации, а также вызвать его интерес к событиям, происходящим в личной жизни актрисы.

(9) *Ed Sheeran is expected to testify in a case which claims his hit 2014 song Thinking Out Loud violates the copyright of the Marvin Gaye classic Let's Get It On* [Roberts, 2023] – 'Ожидается, что Эд Ширан даст показания по делу, в котором утверждается, что его хитовая песня 2014 года Thinking Out Loud нарушает авторские права на известный трек Марвина Гэя Let's Get It On'.

Анализируемое эвиденциальное высказывание содержит сведения о британском певце и авторе песен Эде Ширане. По слухам, музыканту в скором времени предстоит дать показания в суде по делу о нарушении авторских прав. Потенциальный характер предстоящего судебного процесса передаётся при помощи эвиденциального оператора прогнозирования *expect* 'ожидать' (*to think or believe that something will happen or that somebody will do something* [Oxford Learner's Dictionaries, 2023] – 'думать или верить, что что-либо произойдет или что кто-либо сделает что-то'), в то время как посредством оператора усиления значимости высказывания *claim* 'утверждать' (*to state that something is true or is a fact* [Cambridge Dictionary, 2023] – 'заявить, что что-либо является правдой или фактом') описываются возможные причины передачи дела в суд. Тем самым данное эвиденциальное высказывание репрезентирует «желаемый слух» – сообщение, содержащее эмоциональное желание, отражающее актуальные потребности и ожидания автора статьи. Немаловажно, что употребление автором эвиденциальных операторов прогнозирования и усиления значимости высказывания повышает вероятность того, что читатель воспримет транслируемые сведения как истинные.

3. Заключение [Conclusion]

Как показало проведённое исследование, помимо указания на источник и характер транслируемых сведений, категория «эвиденциальность» может выполнять вспомогательную функцию передачи слухов. Подобное расширение функциональной нагруженности эвиденциальности обусловлено универсальным характером данной категории, определяющим её модусный статус. Структурная близость эвиденциальных высказываний и высказываний со значением «слухи» позволила выявить и описать специфику актуализации эвиденциальности слухов в дискурсивном пространстве масс-медиа. Было установлено, что при помощи указанного вида эвиденциальности автор маркирует достоверный / недостоверный, осознанный / неосознанный характер сообщаемых сведений. Кроме того, эвиденциальность слухов связана с обозначением верифицируемости / неверифицируемости сообщаемых фактов, а также степени уверенности / неуверенности автора в значимости и релевантности информации для конечного адресата / читателя. В соответствии с обозначенными оттенками значений, в рамках эвиденциальности слухов выделяется четыре подвида: аутентичная эвиденциальность, авторитетная эвиденциальность, перцептивная эвиденциальность и эмфатическая эвиденциальность. Указанные эвиденциальные подвиды характеризуются использованием определённых эвиденциальных ресурсов (операторов), посредством

которых осуществляется авторская интерпретация информации об источнике транслируемых сведений. Тем самым различные подвиды эвиденциальности слухов непосредственным образом связаны с контролем подачи информации и формированием оценки, определяющей особенности восприятия сведений адресатом / читателем. Подобные операции с информацией способствуют осуществлению коммуникативных установок дискурса (информирующей, развлекающей, оценивающей и воздействующей), а также коммуникативных намерений автора и позволяют: 1) проинформировать адресата / читателя о тех или иных слухах; 2) достичь прагматического эффекта убеждения адресата / читателя в достоверности / недостоверности предоставленных слухов; 3) вызвать желаемую эмоциональную реакцию адресата / читателя на распространяемые слухи; 4) развлечь адресата / читателя слухов.

Проведённый количественный анализ высказываний, обладающих значением эвиденциальности слухов в пространстве англоязычного медиадискурса демонстрирует следующее процентное соотношение эвиденциальных подвидов: перцептивная эвиденциальность (34,1% примеров), эмфатическая эвиденциальность (24,5% примеров), аутентическая эвиденциальность (20,9% примеров), авторитетностная (20,5% примеров). Подобная представленность эвиденциальной семантики связана с числом операторов, характеризующих тот или иной подвид эвиденциальности. Кроме того, преобладание эмфатической и перцептивной эвиденциальности объясняется экспрессивным и аксиологическим потенциалом медиадискурса, объективируемым с помощью эксплицитных эвиденциальных показателей, а также отсутствием необходимости аргументации высказываемых суждений в контексте передачи слухов.

В целом, эвиденциальность слухов выступает инструментом воздействия автора на адресата / читателя. В пространстве массмедийного дискурса слухи могут как информировать и развлекать, так и ориентировать и направлять читателя в окружающей действительности, сообщая определённую оценку передаваемых сведений. При этом описываемые события могут быть уже произошедшими или ожидаемыми. Слухи служат средством формирования мыслей, чувств и эмоций читателей. В свою очередь, категория «эвиденциальность» используется для передачи слухов в массмедийном дискурсе в силу своей многоплановости, а также благодаря возможности обращения автора дискурса к эвиденциальной семантике в зависимости от коммуникативной цели и пресуппозиции. Перспективу исследования составит более глубокое изучение модусных категорий.

Библиографический список

- Болдырев, 2006 – Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). С. 5–22.
- Герман, 2000 – Герман И. А. Лингвосинергетика. Барнаул : Изд-во Алтайской академии экономики и права. 2000. 168 с.
- Дементьев, 2010 – Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
- Иванова, Хакимова, 2020 – Иванова С. В., Хакимова Г. Ш. Жанр светских слухов в дискурсе англоязычных массмедиа // Russian Journal of Linguistics. 2020. № 2. С. 386–418. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418>
- Кобрин, 2003 – Кобрин О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: Семантика и средства выражения : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 ; СПб, 2003. 159 с.
- Козинцева, 1994 – Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–194.
- Козловский, 2023 – Козловский Д. В. Реализация категории эвиденциальности в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект. Саратов : Амирит, 2023. 184 с.
- Козловский, Спиридонова, 2021 – Козловский Д. В., Спиридонова Т. А. Эвиденциальность как ресурс убеждения в новостном медиадискурсе // Языки и культуры: междисциплинарные

- исследования : сб. статей II Междунар. конф. СПб, 25–26 сентября 2020 года. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2021. С. 392–402.
- Лунина, 2020 – Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2020. № 5 (148). С. 92–97.
- Плунгян, 2003 – Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику: учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.
- Рабенко, 2013 – Рабенко Т. Г. Сплетня: юмористический профиль жанра (на материале рассказа А. Аверченко «Сплетня») // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2013. № 13 (3). С. 45–50.
- Тишина, 2012 – Тишина Н. В. Слухи как канал и инструмент политических коммуникаций // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания : сб. материалов XII Молодежной междунар. науч.-практ. конф. № 10 (1). Новосибирск : Изд-во НГТУ. 2012. С. 115–118.
- Ферхеес, 2019 – Ферхеес Я. Х. Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.19 ; НИУ ВШЭ, 2019. 221 с.
- Хазиева, 2018 – Хазиева Р. Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности : автореф. дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 ; Уфа, 2018. 24 с.
- Хакимова, Артёмова, 2021 – Хакимова Г. Ш., Артёмова О. Е. Жанр англоязычных медиаслухов о селебрити в аспекте категории интенциональности // Русский лингвистический бюллетень. 2021. № 4 (28). С. 178–184. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.50>
- Хакимова, 2021 – Хакимова Г. Ш. Феномен слухов как объект штудий в современной отечественной лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 14 (6). С. 1705–1712. <https://doi.org/10.30853/phil210280>
- Храковский, 2007 – Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб. : Наука, 2007. С. 600–632.
- Чанышева, 2016 – Чанышева З. З. Репрезентация модусной категории эвиденциальности в модальной рамке переводного текста // Вестник Башкирского ун-та. 2016. № 21 (2). С. 402–408.
- Чанышева, Хазиева, 2015 – Чанышева З. З., Хазиева Р. Р. Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2015. № 20 (3). С. 974–980.
- Шмелева, 2012 – Шмелева Т. В. Медийное речеведение // Медiateкст как полиинтенциональная система : : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т., 2012. С. 56–62.
- Allcock, 2023 – Allcock B. Right formula are Taylor Swift and Fernando Alonso dating? Rumours explained // The U.S. Sun. April 23, 2023. URL : <https://www.the-sun.com/entertainment/7942663/taylor-swift-fernando-alonso-dating-rumours-explained/>
- Bird, 2023 – Bird D. Amber Heard makes brief Aquaman 2 cameo after petition to axe her from role // Mirror. April 26, 2023. URL : <https://www.mirror.co.uk/3am/us-celebrity-news/amber-heard-makes-brief-aquaman-29813635>
- Boas, 1911 – Boas F. (ed.). Handbook of American Indian Languages. Part I. Washington : Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, 1911. Bulletin 40. 158 p.
- Bowkett, 2023 – Bowkett B. Meghan Markle wrote to Charles after her Oprah interview naming royal who made 'skin colour' comment about Archie and accusing monarchy of 'unconscious bias' - and isn't attending the Coronation because she was unhappy with the response, sources say // MailOnline. April 22, 2023. URL : <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12001035/Meghan-Markle-wrote-King-Charles-unconscious-bias-Royal-Family-Oprah-interview.html>
- Cambridge Dictionary, 2023 – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения : 27.04.2023).
- Collins Online Dictionary, 2023 – Collins Online Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения : 27.04.2023).
- Franey, 2023 – Franey J. Just over a quarter of Americans want Joe Biden to run again, new poll shows, as the 80-year-old eyes second term in the White House with announcement due on Tuesday //

- MailOnline. April 21, 2023. URL : <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12000111/Americans-cool-Joe-Biden-second-term.html>
- Jacobson, 1957 – Jakobson R. Shifter, verbal categories, and the Russian verb. Harvard University ; Russian language Project. Department of Slavic Languages and Literature, 1957. 14 p.
- Leishman, 2023 – Leishman F. Homesick Prince Harry 'desperate' to be at Coronation and 'willing' to fix royal feud // Mirror. April 21, 2023. URL : <https://www.mirror.co.uk/news/royals/homesick-prince-harry-desperate-coronation-29779329>
- Lusk, 2023 – Lusk D. Basket Bawl North West, 9, seemingly has a meltdown as Kim Kardashian restrains her daughter at basketball game in wild new photos // The Irish Sun. April 23, 2023. URL : <https://www.thesun.ie/tvandshowbiz/television/10592680/north-west-cries-kim-kardashian-basketball-game-parenting/>
- Merriam-Webster Dictionary, 2023 – Merriam-Webster Dictionary. URL : <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения : 27.04.2023).
- Newton, 2023 – Newton J. Meghan Markle and Harry's basketball entourage as they carry out kind gesture for staff // Mirror. April 25, 2023. URL : <https://www.mirror.co.uk/news/royals/meghan-markle-harrys-basketball-entourage-29804085>
- Oxford Learner's Dictionaries, 2023 – Oxford Learner's Dictionaries. URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения : 27.04.2023).
- Pepinster, 2023 – Pepinster J. From a revamped guest-list packed with international nobility to the £100m cost – we reveal that King Charles has been taking tips from the Japanese on how to run a coronation // MailOnline. April 23, 2023. URL : <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11844765/King-Charles-taking-tips-JAPANESE-run-coronation.html>
- Roberts, 2023 – Roberts J. Ed Sheeran expected to testify in latest copyright lawsuit for Thinking Out Loud // Mirror. April 24, 2023. URL : <https://www.mirror.co.uk/3am/us-celebrity-news/ed-sheeran-expected-testify-latest-29794603>
- Walker, 2023 – Walker W. Joe Biden to announce US Presidency bid to fight disgraced Donald Trump's comeback // Mirror. April 20, 2023. URL : <https://www.mirror.co.uk/news/us-news/breaking-joe-biden-announce-presidency-29769375>

References

- Boldyrev, N. N. (2006). Yazykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic categories as a format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 5–22. (In Russ.).
- German, I. A. (2000). *Lingvosinergetika [Linguosynergetics]*. Barnaul : Altai Academy of Economics and Law Press. (In Russ.).
- Demytyev, V. V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov [The theory of speech genres]*. Moscow : Znak Press. (In Russ.).
- Ivanova, S. V., Khakimova G. Sh. (2020). Zhanr svetskikh slukhov v diskurse angloyazychnykh massmedia [Celebrity gossip as a genre in English language mass media discourse]. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 386–418. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418>
- Kobrina, O. A. (2003). Kategoriya evidentsial'nosti v sovremennom angliyskom yazyke: Semantika i sredstva vyrazheniya [The category of evidentiality in the modern English language: Semantics and means of representation]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg. (In Russ.).
- Kozintseva, N. A. (1994). Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [The Category of evidentiality. Problems of typological analysis]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 3, 92–194. (In Russ.).
- Kozlovsky, D. V. (2023). *Realizatsiya kategorii evidentsial'nost' v diskursivnom prostranstve massmedia: lingvosinergeticheskiy aspekt [Realization of the category of evidentiality in discursive space of mass media: Linguosynergetic aspect]*. Saratov : Amirit Press. (In Russ.).
- Kozlovsky, D. V., Spiridonova T. A. (2021). Evidentsial'nost' kak resurs ubezhdeniya v novostnom mediadiskurse [Evidentiality as a Resource of Persuasion in the News Media Discourse], *Yazyki i kul'tury: mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Languages and Cultures: International studies]* (pp. 392–402). St Petersburg : St Petersburg State University Press. (In Russ.).

- Lunina, T. P. (2020). O sredstvakh vyrazheniya kosvennoy evidentsial'nosti v russkom yazyke [Means of reported evidentiality expression in the Russian language]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*, 5 (148), 92–97. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku [General morphology: Introduction to the issues]*. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2013). Spletnya: yumoristicheskiy profil' zhanra (na materiale rasskaza A. Averchenko «Spletnya») [Gossip: Humorous genre type (On the material of the story by A. Averchenko «Gossip»)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta [Izvestia of Saratov State University. Philology. Journalism]*, 13 (3), 45–50. (In Russ.).
- Tishina, N. V. (2012). Slukhi kak kanal i instrument politicheskikh kommunikatsiy [Rumours as a channel and instrument of political communications]. *Intellektual'nyy potentsial XXI veka: stupeni poznaniya [Intellectual perspective of the 21st century: Stages of knowledge]: International youth conf. proc.* (Vol. 10, Iss. 1, pp. 115–118). Novosibirsk : NSTU Press (In Russ.).
- Ferkhees, Ya. Kh. (2019). Evidentsial'nost' kak chast' vido-vremennoy sistemy glagola v nakhsko-dagestanskikh yazykakh [Evidentiality as part of the type-time system of the verb in the Nakh-Dagestan languages]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. HSE University. (In Russ.).
- Khazieva, R. R. (2018). Ispol'zovanie lozhnoy informatsii v diskursivnom lingvopoliticheskom modelirovanii deystvitel'nosti [The use of false information in discursive linguopolitical modeling of reality]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Ufa. (In Russ.).
- Khakimova, G. Sh., Artemova, O. E. (2021). Zhanr angloyazychnykh mediaslukhov o selebriti v aspekte kategorii intentsional'nosti [Genre of English-language celebrity-themed media rumors in the aspect of the category of intentionality]. *Russkiy lingvisticheskiy byulleten' [Russian Linguistic Bulletin]*, 4 (28), 178–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.50>
- Khakimova, G. Sh. (2021). Fenomen slukhov kak ob'ekt shtudiy v sovremennoy otechestvennoy lingvistike: sistematischeskiy obzor [The phenomenon of rumours as a study subject in modern Russian linguistics: a systematic review]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 14 (6), 1705–1712. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil210280>
- Khrakovskiy, V. S. (2007). Evidentsial'nost', epistemicheskaya modal'nost', admirativnost' [Evidentiality, epistemic modality, admirativity]. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]* (pp. 600–632). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Chanysheva, Z. Z. (2016). Reprezentatsiya modusnoy kategorii evidentsial'nosti v modal'noy ramke perevodnogo teksta [Representing the modus category of evidentiality in modal frame of target text]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*, 2, 402–408. (In Russ.).
- Chanysheva, Z. Z., Khazieva, R. R. (2015). Diskursivnye praktiki ispol'zovaniya agressivnoy lzhi v konfliktogennom diskurse [Discursive practices of resorting to aggressive lie in conflict-generating discourse]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*, 20 (3), 974–980. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (2012). Mediynoe rechevedenie [Media speech studies]. In L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova (Eds), *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema [Media text as poliintentional system] : A collection of articles* (pp. 56–62). St Petersburg : St Petersburg State University Press.
- Allcock, B. (2023, April 23). Right Formula Are Taylor Swift and Fernando Alonso dating? Rumours explained. *The U.S. Sun*. <https://www.the-sun.com/entertainment/7942663/taylor-swift-fernando-alonso-dating-rumours-explained/>
- Bird, D. (2023, April 26). Amber Heard makes brief Aquaman 2 cameo after petition to axe her from role. *Mirror*. <https://www.mirror.co.uk/3am/us-celebrity-news/amber-heard-makes-brief-aquaman-29813635>
- Boas, F. (1911). Handbook of American Indian Languages. Part. I. Washington : Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. *Bulletin 40*.
- Bowkett, B. (2023, April 22). Meghan Markle wrote to Charles after her Oprah interview naming royal who made 'skin colour' comment about Archie and accusing monarchy of 'unconscious bias' - and isn't attending the Coronation because she was unhappy with the response, sources say.

- MailOnline*. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12001035/Meghan-Markle-wrote-King-Charles-unconscious-bias-Royal-Family-Oprah-interview.html>
- Cambridge Dictionary*. (n. d.). <https://dictionary.cambridge.org/>
- Collins Online Dictionary*. (n. d.). <https://www.collinsdictionary.com>
- Franey, J. (2023, April 21). Just over a quarter of Americans want Joe Biden to run again, new poll shows, as the 80-year-old eyes second term in the White House with announcement due on Tuesday. *MailOnline*. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12000111/Americans-cool-Joe-Biden-second-term.html>
- Jakobson, R. (1957). *Shifter, verbal categories, and the Russian verb*. *Russian language Project*. Department of Slavic Languages and Literature. Harvard University.
- Leishman, F. (2023, April 21). Homesick Prince Harry 'desperate' to be at Coronation and 'willing' to fix royal feud. *Mirror*. <https://www.mirror.co.uk/news/royals/homesick-prince-harry-desperate-coronation-29779329>
- Lusk, D. (2023, April 23). Basket Bawl North West, 9, seemingly has a meltdown as Kim Kardashian restrains her daughter at basketball game in wild new photos. *The Irish Sun*. <https://www.thesun.ie/tvandshowbiz/television/10592680/north-west-cries-kim-kardashian-basketball-game-parenting/>
- Merriam-Webster Dictionary*. (n. d.). <https://www.merriam-webster.com/>
- Newton, J. (2023, April 25). Meghan Markle and Harry's basketball entourage as they carry out kind gesture for staff. *Mirror*. <https://www.mirror.co.uk/news/royals/meghan-markle-harrys-basketball-entourage-29804085>
- Oxford Learner's Dictionaries*. (n. d.). <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- Pepinster, J. (2023, April, 23). From a revamped guest-list packed with international nobility to the £100m cost – we reveal that King Charles has been taking tips from the Japanese on how to run a coronation. *MailOnline*. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11844765/King-Charles-taking-tips-JAPANESE-run-coronation.html>
- Roberts, J. (2023, April 24). Ed Sheeran expected to testify in latest copyright lawsuit for Thinking Out Loud. *Mirror*. <https://www.mirror.co.uk/3am/us-celebrity-news/ed-sheeran-expected-testify-latest-29794603>
- Walker, W. (2023, April 20). Joe Biden to announce US Presidency bid to fight disgraced Donald Trump's comeback. *Mirror*. <https://www.mirror.co.uk/news/us-news/breaking-joe-biden-announce-presidency-29769375>

УДК 81'42

Ли Вэньгэ^{1✉}¹Харбинский политехнический университет
г. Харбин, Китайская Народная Республика¹yuqili@126.comПетрова Татьяна Евгеньевна², Чжан Тун³^{2,3}Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Интернет-мем как креативный тип поликодового текста (на материале русскоязычных мемов о пандемии Covid-19)

Аннотация

Цель статьи заключается в выявлении особенностей интернет-мема как креативного жанра поликодового текста и способов реализации креативности. Материалом для исследования послужили русскоязычные интернет-мемы о пандемии Covid-19, извлечённые методом сплошной выборки из аутентичных контекстов интернет-пространства по ключевым словам *мем, пандемия, ковид, коронавирус* в период с января 2021 по май 2022 года (всего 450 единиц). Структурные и лексико-семантические особенности отобранных единиц изучены с помощью описательного метода, контекстуального и структурного анализа, а также статистических методов. Выявлено три основных способа образования интернет-мема, определена частота их встречаемости: «фотожаба» (83,6%), использование гиперссылок (20,4%), трансформации вербальной составляющей на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях (5,8%). Полученные результаты позволяют говорить об интернет-меме как об особом типе поликодового текста, обладающем гипертекстуальностью, симметричностью, возможностью креативного изменения изобразительной и вербальной составляющих и способностью к трансформации языковых единиц на разных лингвистических уровнях.

Ключевые слова: интернет-мем, поликодовый текст, вербальный компонент, невербальный компонент, креативность

© Ли В., Петрова Т. Е., Чжан Т. 2024

Для цитирования: Ли Вэньгэ и др. Интернет-мем как креативный тип поликодового текста (на материале русскоязычных мемов о пандемии Covid-19) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 86–99.

Li Wenge^{1✉}¹Harbin Institute of Technology
Harbin, China¹yuqili@126.comTatiana E. Petrova², Zhang Tong³^{2,3}St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation

Internet meme as a creative type of polycode text (Based on Russian memes about the Covid-19 pandemic)

Abstract

This article aims to identify the features of internet memes as a genre of polycode text creation and methods for achieving creativity. Russian internet memes related to the COVID-19 pandemic were selected by continuous sampling from authentic contexts of the Internet space using the keywords *мем, пандемия, ковид, коронавирус*

(=meme, pandemic, covid, coronavirus) in the period from January 2021 to May 2022. A total of 450 units were selected. The analysis of the structural and lexico-semantic features of the selected units using the descriptive method, contextual and structural analysis, statistical methods enabled to identify three major ways of Internet meme formation and determine the frequency of occurrence of each of them: photoshop (83.6%), the use of hyperlinks (20.4%), transformations of the verbal component at the phonetic, morphological and lexical levels (5.8%). The results obtained enable to interpret the internet meme as a special kind of polycode text characterized by hypertextuality, symmetry, the ability to creatively transform images and text as well as by the ability to transform certain language units on different levels of the language.

Keywords: internet memes, polycode text, verbal component, nonverbal component, creativity

© Li W., Petrova T. E., Zhang T. 2024

For citation: Li, W., Petrova, T. E., Zhang, T. (2024). Internet-mem как kreativnyy tip polikodovogo teksta (na materiale russkoyazychnykh memov o pandemii Covid-19) [Internet meme as a creative type of polycode text (Based on Russian memes about the Covid-19 pandemic)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 86–99.

1. Введение [Introduction]

По мере развития информационного общества Интернет перестал быть простым инструментом передачи и поиска информации, а превратился в «демонстратора», отражающего действительность в жизни человека и тем самым в создателя её электронного аналога, охватывающего разные аспекты обыденной жизни людей [Горина, 2010], которые воплощаются в интернет-мемах в виде спонтанного лавинообразного распространения информации в интернет-среде [Ксенофонтова, 2009].

Актуальность данной работы обусловлена, с одной стороны, тем, что у лингвистов возрастает интерес к изучению поликодовых текстов, совмещающих в себе знаки из разных семиотических систем, а интернет-мем как относительно недавно зародившийся тип поликодового текста заслуживает особого внимания; с другой стороны, тем, что интернет-мем как объект лингвистического исследования был малоизучен, фундаментальные исследования интернет-мема на материале русского языка практически отсутствуют.

Термин «интернет-мем» восходит к понятию «мема» (англ. *Meme*, от греч. *Mimeme*), впервые введённому Р. Докинзом в 1976 г. в своей работе «Эгоистичный ген» («*The Selfish Gene*»), где автор рассматривает мем как аналог гена в аспекте культуры [Цит. по: Denisova 2019], считая его подобным биологическим генам производным геном культуры, эволюционирующим через репликацию, имитацию, мутации и отбор [Dawkins 2006]¹. Интернет-мем зародился и существует именно в среде интернета, которому учёные начали уделять внимание совсем недавно. В связи с этим, изучение интернет-мема в основном сосредоточено на определении его понятия, характеристик, структуры, прагматической функции, жанровых разновидностей. Как указано в работе Л. К. Бёрзея, большинство определений интернет-мема основаны на концепции эволюционной биологии, предложенной Р. Докинзом [Börzsei 2013]. С учётом роли интернет-мема как носителя культуры и единицы информации определение интернет-мема было модернизировано на основе теории меметики и специфики современного коммуникативного пространства, что дало возможность рассматривать его как «хранилище культурных кодов сетевого сообщества» [Марченко, 2013, с. 113], «отклик на актуальные события современной действительности» [Горобцова, Киселёва, 2014, с. 141] и «зеркало общественных настроений и тенденций» [Блинова, 2019, с. 80], а также как разновидность цифровой информации, намеренно созданной несколькими участниками и рас-

¹ Третье издание (30 лет со дня выхода книги).

пространяющейся онлайн [Shifman, 2014]. К настоящему времени исследователями проанализированы особенности этапов становления, распространения, использования и угасания интернет-мемов [Кронгауз, 2014], прагматический потенциал интернет-мема [Лысенко, 2017; Ковалевич, Корсакова, 2018; Левченко, Изгаршева, 2018; Марченко, 2019; Костоготов, 2021 и др.] с такими функциями, как фактическая, номинативная, информирующая, коммуникативная, познавательная, побудительная, репрезентирующая, идентифицирующая, пропагандирующая, эстетическая, эмоционально-экспрессивная и аксиологическая. Изучена особая структура интернет-мема как особого типа поликодового текста, или креолизованного текста², состоящего из естественного языкового кода и кода другой семиотической системы [Щурина, 2010; Качмазова, 2016; Канашина, 2017 а, б; Никитина и др., 2018; Карташова, Ахмедзянова, 2019]. Рассматривая Интернет как среду порождения и функционирования поликодовых текстов, исследователи отмечают, что будучи комическим речевым жанром интернет-коммуникации интернет-мемы обладают жанровым многообразием – среди многочисленных видов поликодового текста в Интернете к числу интернет-мемов относят следующие жанровые разновидности: демотиватор, эдвайс, карикатура, интернет-комикс, саркастические открытки, пост, интернет-цитаты и др. [Щурина, 2010; Качмазова, 2016; Левченко, Изгаршева, 2018; Скворцова, Петрова, 2021]. Активно изучается вопрос о типологии интернет-мемов: по принципу дихотомий [Зиновьева, 2015], по принципу технологий создания и с позиций структурно-семиотической организации [Марченко, 2019], на основе описания разных способов образования мема (текстовый мем, мем-изображение, медиамем, гифы, креолизованный мем) [Щурина, 2014, с. 86–87].

Ранее выявлено наличие семантической спаянности невербальной (картинки) и вербальной составляющих как дифференциального признака интернет-мема [Чжан, 2023]. В данной работе будут рассмотрены статичные креолизованные мемы, в которых вербальная составляющая (текстовый мем) и невербальная составляющая (мем-изображение) используются как шаблон или основа создания поликодового мема, имеют особую семантическую нагрузку и/или эмоциональную окраску и являются важными для понимания интернет-мема. Мы предлагаем называть текстовый мем «текстовым шаблоном», или «шаблоном-надписью», а мем-изображение – «шаблоном-изображением», или «шаблоном-рамкой». Цель нашего исследования – выявить особенности интернет-мема как креативного жанра поликодового текста и описать способы реализации креативности.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом данного исследования послужили русскоязычные интернет-мемы на тему пандемии Covid-19, выложенные в социальных сетях «ВКонтакте» и «Фейсбук» (Facebook) (дата обращения: 17.02.2022). Методом сплошной выборки было отобрано 501 мем по указанной теме. Далее применялся метод направленной выборки с опорой на следующие критерии: 1) наличие поликодовой структуры – вербальной составляющей в форме надписи, текста и т. п. и статичного изображения или нескольких изображений в качестве невербальной составляющей; 2) отсутствие нецензурных выражений; 3) отсутствие невербальных компонентов, включающих неприличные картинки; 4) отсутствие оскорбительного, клеветнического отношения к какой-либо стране, в частности к Китаю, где были выявлены первые случаи заболевания коронавирусом. В результате выяснилось, что 41 из 501 мема

² Поликодовый текст – это текст, в котором «сочетается естественный языковой код с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [Ейгер, Юхт, 1974, с. 105]. Это термин, введенный Г. В. Ейгером и В. Х. Юхтым, а креолизованный текст, использованный Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, рассматривается в нашей статье как его синоним.

не соответствовали вышеперечисленным критериям, поэтому они были исключены из дальнейшего анализа и количество отобранных единиц сократилось до 460.

В работе были использованы: 1) описательный метод для описания структуры интернет-мемов, 2) метод контекстуального анализа при описании шаблона-рамки и контекстуально обусловленных этой рамкой текстовых фрагментов интернет-мема, 3) метод структурного анализа для изучения трансформации единиц разных лингвистических уровней, 4) статистические методы анализа данных.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. «Фотожаба» [*Photoshopped image*]

Интернет-мем считается креативным жанром поликодового текста, популярным форматом интернет-коммуникации, характеризующимся лаконичной формой, содержательной насыщенностью, высокой степенью зависимости содержания вербальных и невербальных компонентов и юмористической направленностью, сглаживающей остроту восприятия той или иной ситуации [Ребрина, 2022]. Креативность интернет-мема определяется способностью создателя мема, хорошо владеющего языком, захватить фокус события и творчески переосмыслить и обработать изображение. Анализ материала показал, что «доля креативности» при размещении поликодового мема в интернете очень высока – 97,8%. Лишь 10 интернет-мемов из 460 рассмотренных нельзя считать креативными (они представляли собой лишь фото-копии других поликодовых объявлений, инструкций, образов и изображений, которые понравились автору, но он их творчески не переработал). В остальных 450 интернет-мемах наблюдались те или иные способы реализации креативности.

При создании мема его автор может изменить любую часть интернет-мема для того, чтобы реципиент смог легче и точнее интерпретировать заложенную в меме мысль. В этом плане важную роль играет так называемая фотожаба – обработанное изображение, выполненное в графическом редакторе «Adobe Photoshop» или при помощи другого удобного приложения-редактора [Щурина, 2012; Ковалевич, Корсакова, 2018], с помощью которого интернет-пользователи могут создавать разнообразные мемы, изображающие состояние человека, его мнение по тому или иному вопросу, отношение к различным событиям и ситуациям, различные эмоции.

Анализ материала показал, что фотожаба – это наиболее частотный и вариативный шаблон интернет-мема. Она была использована в 376 из 450³ рассмотренных интернет-мемов (83,6%). Выявлены следующие способы реализации креативности с использованием фотожабы в интернет-меме:

1. Добавление к оригинальному невербальному тексту универсальных, выделительных элементов. Например, известное во всём мире произведение живописи Леонардо да Винчи «Джоконда» служит шаблоном-рамкой для невербальной составляющей мема на тему «коронавирус» (рис. 1). С помощью фотожабы улыбающейся Моне Лизе придаётся элемент «маска» – изображается пандемическая ситуация в мире. К картинке добавляется письменный текст, выступающий в качестве своего рода совета – в выделенной ярким цветом вербальной части «НОСИШЬ МАСКУ – ВСТРЕТИШЬ ПАСХУ» используется синтаксическая структура обобщённо-личного предложения.

2. Изменение текстовой части интернет-мема, сопровождающей изображение. Например, в мемах, появившихся в сети в мае 2020 г., посвящённых майским праздникам (рис. 2), в качестве невербальной части используется флаг в форме красной маски, которая символизирует эпидемиологическую ситуацию. Вербальные составляю-

³ Здесь и далее для вычисления процента от общего количества исследуемых единиц будут учитываться 450 интернет-мемов, в которых так или иначе была реализована креативность их создателя.

щие мемов сильно различаются: слева использовано уходящее из употребления слово «товарищи», заставляющее реципиента ассоциировать красную маску с флагом СССР, что создаёт комический эффект и вызывает у читателя смех; а справа автор мема изменяет вербальную часть шаблона-рамки: текст «Мир закрыт. Труд запрещён. Май взаперти», состоящий из трёх односоставных предложений, описывает неприятную жизненную ситуацию в период борьбы с коронавирусом, отражает негативное отношение автора мема и его потенциальных читателей к происходящему.

НОСИШЬ МАСКУ - ВСТРЕТИШЬ ПАСХУ.

Р и с у н о к 1. Мем в стиле «Джоконды»
[Figure 1. Gioconda-style meme]

С ПРАЗДНИКОМ, ТОВАРИЩИ!

**МИР ЗАКРЫТ, ТРУД
ЗАПРЕЩЁН, МАЙ ВЗАПЕРТИ**

Р и с у н о к 2. Вариации мема в стиле 1 мая
[Figure 2. First-of-May-style meme variations]

3. Использование разных картинок для иллюстрации одного и того же текстового фрагмента. Например, в мемах на рисунках 3–4 вербальный компонент представлен одним и тем же текстом: в диалоге описывается, почему у персонажа картинки такие большие уши. В меме на рисунке 3 в качестве невербального компонента используются кадры из фильма «Волшебная страна», в меме на рисунке 4 – фотография обезьянки с большими ушами. Несмотря на то, что используются разные картинки, общее смысловое содержание мемов полностью совпадает благодаря идентичной семантике их невербальных частей, а именно идентичной семантике шаблонов-изображений.

Если смысл шаблона-изображения понятен пользователю (адресату мема), получившему этот мем от другого пользователя (адресанта), то он может его переосмыслить и создать новый мем с помощью того же набора картинок – тогда он превращается из получателя / потребителя / адресата информации в отправителя / создателя / адресанта, проявляющего свою креативную способность. Таким образом, те, кто намеренно используют интернет-мем в коммуникативном процессе, становятся креативными субъек-

тами, имеющими право решать, что удалить или что добавить к первоначальному мему. Рассмотрим ряд примеров таких видоизменений.

Р и с у н о к 3. Шаблоны с одним и тем же текстом: вариант 1
[F i g u r e 3. Templates with the same text: Variant 1]

Р и с у н о к 4. Шаблоны с одним и тем же текстом: вариант 2
[F i g u r e 4. Templates with the same text: Variant 2]

4. Видоизменение невербальной части интернет-мема в зависимости от содержания текстового компонента. Например, в мемах на рисунках 5–7 использована одна и та же типичная картинка-шаблон – обезьяна с «косящимися глазами». Серия последовательных картинок описывает состояние субъекта коммуникации (автора мема или его реципиента/ адресанта): картинка слева означает «я в шоке», «меня пугает что-либо», картинки справа – «что же делать?», «я растерян». В зависимости от вербального компонента мема картинка видоизменяется. На рисунке 5 речь идёт о ситуации в магазине, когда кто-то из покупателей чихнул, обезьянке пририсована маска как обязательное средство защиты от вируса в период пандемии. На рисунке 6 шаблон-изображение остаётся прежним, к нему не добавляются никакие другие элементы, мем представляет собой реакцию на содержание вербальных высказываний о случае неожиданной проверки работы в дистанционном режиме. На рисунке 7 описывается болезненное состояние автора посредством добавления элемента «красных глаз» как возможного симптома заражения коронавирусом. Комический эффект здесь достигается за счёт неоднозначности картинки: красные глаза могут быть как симптоматическим показателем первых стадий заболевания коронавирусом, так и синдромом усталости от длительного сидения за компьютером.

Р и с у н о к 5. Использование одинаковой картинка-шаблона: вариант 1
[F i g u r e 5. The use of similar picture template: Variant 1]

работа на удалёнке

босс в рабочем чате: "пришли тот отчет СРОЧНО"

я, стою в очереди на кассу в Ашане с полной тележкой продуктов:

Р и с у н о к 6. Использование одинаковой картинка-шаблона: вариант 2

[Figure 6. The use of similar picture template: Variant 2]

"Красные и слезящиеся глаза могут быть ранним симптомом заражения коронавируса, об этом говорит растущее число жалоб инфицированных пациентов на красноту, зуд, слезоточивость", - цитирует медиков издание Bild.

Я, ЦЕЛЫМИ ДНЯМИ СИДЯЩИЙ ЗА КОМПЬЮТОМ:

Р и с у н о к 7. Использование одинаковой картинка-шаблона: вариант 3

[Figure 7. The use of similar picture template: Variant 3]

На наш взгляд, в этом типе интернет-мемов проявляется наибольшая степень креолизации между вербальной и невербальной составляющими текста, что может объясняться тем, что иконическое сообщение иногда имеет несколько вариантов прочтения, а вербальное даёт контекст, то есть его уточняет, конкретизирует. Это значит, что вербальная и невербальная составляющие интернет-мемов взаимосвязаны и взаимообусловлены.

2.2.2. Использование гиперссылок [The use of hyperlinks]

Интернет-мем может рассматриваться как гипертекст, который служит важной технологией при организации пространства Интернета. В большинстве случаев гипертекст реализуется за счёт использования гиперссылок как его неотъемлемых составляющих. В интернет-меме нередко «замаскированно» существует прецедентный феномен, которым может служить как текст, так и картинка. Интернет-пользователь при создании интернет-мема выражает своё мнение или эмоцию с помощью короткого текста с картинкой, отсылающего читателя к его прошлому коммуникативному опыту, к известной ему информации. В результате такого соединения гипертекст в меме рассматривается уже не как способ связи, а как креативный «продукт со специфической организацией» мысли субъекта коммуникации [Мичурин, 2014, с. 31]. И это неудивительно, ведь в коммуникативном пространстве Интернета «сложилась особая среда, в которой всякий пользователь получил возможность выступить не только потребителем информации <...> но и её источником, создателем» [Мичурин, 2014, с. 31]. В нашем материале было найдено 92 примера (20,4%) использования мема как гипертекста.

Так, в меме на рисунке 8 изображён волк, который попадает в полную растерянность, когда понимает, что он уже не пугает овец. Смысл этого поликодового текста – русские не боятся коронавируса. При создании мема его автор намеренно сначала картинкой привлекает внимание других интернет-пользователей к устоявшимся отношениям между овцами и волками, которые являются прецедентной ситуацией для носителей русского языка. С помощью реплики одной из овец – словосочетания «коллективный иммунитет» (как одного из способов борьбы с коронавирусом) – автор мема заставляет читателя сопоставить фактическую ситуацию с прецедентной и успешно интерпретировать смысл текста. В данном случае интернет-мем служит «гиперссылкой» на реальное событие и отношение пользователей к нему.

Р и с у н о к 8. Мем как гипертекст: волк и овцы
[F i g u r e 8. Meme as hypertext: A wolf and sheep]

2.2.3. Трансформация вербальной составляющей [Verbal content transformation]

Творческий потенциал пользователей интернет-мемов проявляется не только в оформлении графической части мема, но и в трансформации вербальной составляющей мема на разных лингвистических уровнях. Анализ материала позволил выделить три типа трансформации – трансформация на фонетическом, на морфологическом и на лексическом уровнях. Всего было зафиксировано 26 случаев трансформации (5,8%). Рассмотрим примеры трансформации на разных уровнях.

1. Трансформация на фонетическом уровне. Мем на рисунке 9 представляет собой шуточный «QR-код», который служит одной из административных ограничительных мер в период развития пандемии. Процедура оформления QR-кода сложная, поэтому многие жители больших городов негативно относятся к обязательности его получения. Неизвестный интернет-пользователь создал данный юмористический мем, чтобы выразить свою отрицательную эмоцию: квадратный QR-код представлен в виде улыбающегося кота, внизу зафиксирована соответствующая данной трансформации надпись «QR-кот», которая образуется за счёт языковой (в данном случае – фонетической) игры на основе омофонии: фонемный состав слов-омофонов *кот* и *код* одинаков, в то время как пишутся они по-разному. Такое средство относится к способам фонетической деформации.

2. Трансформация на морфологическом уровне. В меме на рисунке 10 представлен поликодовый анекдот следующего содержания: через два года дистанционки мальчик уже забыл все правила русского языка и разучился правильно писать. Картинка в меме играет роль декоративного элемента, не имеющего семантической нагрузки. Таким образом, смысл мема образуется только на основе текста. В тексте выделены слова «КАКАЕШЬ» и «КАКАИШЬ» прописными буквами: оба слова содержат в себе два типа морфем – корень вопросительного прилагательного *какой* (*как-*) и суффикс формы склонения глагола настоящего времени второго лица единственного числа (*-ешь* и *-ишь*). Одно из сочетаний приводит к появлению грамматически неверной, ненормативной словоформы, смысл использования которой – показать неэффективность дистанционного режима, который привёл к низкому уровню владения родным языком. Такая трансформация – намеренно неверное сочетание морфем – называется морфологической деформацией.

3. Трансформация на лексическом уровне. В меме на рисунке 11 прописными буквами выделена номинация объекта мема и внизу – его толкование. Под ядерным словом мема «COVИкулы» подразумевается указ правительства России об установлении

нерабочих дней в период с 30-го октября по 7-е ноября 2021 года в целях недопущения дальнейшего распространения коронавируса. Такая трансформация получила название окказионализм, или авторский неологизм, который представляет собой необычное слово, придуманное автором интернет-мема в особый период.

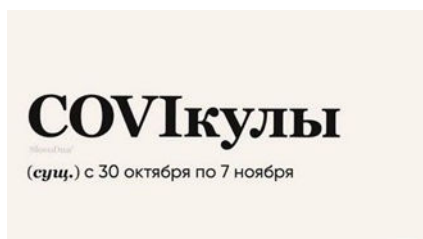

Р и с у н о к 9. Трансформация «код – кот»
[Figure 9. “Kod – kot” transformation (= code – cat)]

Шёл второй год дистанционного обучения....

Р и с у н о к 10. Морфологическая деформация
[Figure 10. Morphological deformation]

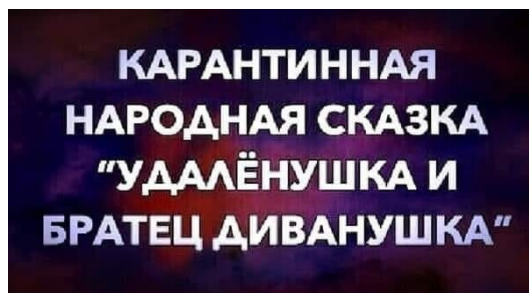

Р и с у н о к 11. Лексическая трансформация
[Figure 11. Lexical transformation]

2.2.4. Одновременное использование нескольких средств в интернет-меме [Simultaneous use of several means in an Internet meme]

Возможно одновременное использование нескольких способов реализации креативности при создании интернет-мема. Приведём пример. На рисунке 12 в меме сочетаются все три средства. Во-первых, с помощью фотожабы к вербальной части прилагается фон с тёмно-пурпурным цветом, придающим таинственную и гнетущую атмосферу всему изображению. Во-вторых, в вербальном фрагменте мема появляются два авторских неологизма «удалёнушка» и «диванушка», под которыми подразумеваются состояния человека в карантинный период («учёба и работа в удалённом режиме» и «дома нечего делать, кроме как лежать на диване»). В-третьих, вербальный текст, выделенный особым шрифтом и заглавными буквами, вызывает у реципиентов ассоциации с названием русской народной сказки «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка». Юмористический эффект от данного мема достигается за счёт гиперссылок и трансформации вербальной части, а подавленное настроение людей в период карантина передаётся с помощью установленного фотожабой тёмного фона.

Анализ исследуемых интернет-мемов позволил выявить 88 случаев смешанного использования разных средств креативности: «фотожаба + гиперссылка» (73 случая, 83%), «фотожаба + трансформация» (13 случаев, 14,8%) и «фотожаба + гиперссылка + трансформация» (2 случая, 2,3%).

Р и с у н о к 12. Одновременное использование средств
«фотожаба + гиперссылка + трансформация»

[F i g u r e 12. Simultaneous use of means of «Photoshop + hyperlink + transformation»]

3. Заключение [Conclusion]

Анализ 450 поликодовых русскоязычных интернет-мемов позволяет сделать вывод о том, что интернет-мем, в отличие от текстов традиционной массовой коммуникации с однонаправленным информированием, носит симметричный характер: он служит не только средством воздействия на реципиента, но и удобным средством для последующего создания реципиентом новых мемов. Таким образом, пользователь при создании поликодового текста в системе Интернета из пассивного реципиента превращается в креативного «мастера».

Анализ материала позволил выявить вариативность использования различных средств при создании интернет-мемов. Креативность создания интернет-мемов во многом обусловлена изменяемостью и вариативностью шаблонов, которые используются для создания интернет-мемов, таких как «фотожаба» (83,6%), добавление к оригинальному невербальному тексту универсальных, выделительных элементов, изменение текстовой части интернет-мема, использование разных картинок для иллюстрации одного и того же текстового фрагмента, видоизменение невербальной части интернет-мема в зависимости от содержания текстового компонента, а также использование гиперссылок (20,4%) и трансформации вербальной составляющей интернет-мема (5,8%). Возможно и одновременное функционирование нескольких средств в интернет-меме.

Выявленные средства создания интернет-мема как универсального феномена массовой интернет-коммуникации позволяют говорить о нём как об особом типе поликодового текста, обладающем гипертекстуальностью, симметричностью, возможностью креативного изменения вербальной и изобразительной составляющих в зависимости от целей участников коммуникации и способностью к трансформации языковых единиц на разных лингвистических уровнях, получившей название языковой игры. Именно в данных характеристиках интернет-мема закреплена его креативность.

Благодарности [Acknowledgments]

Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект № ID 94034584 «Механизмы чтения и интерпретации текста на родном и неродном языках: междисциплинарное экспериментальное исследование с использованием методов регистрации движения глаз, визуальной аналитики и технологий виртуальной реальности».

Библиографический список

- Блинова, 2019 – Блинова О.А. Мультимодальность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии // Научный диалог. 2019. № 10. С. 79–93. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-79-93>
- ВКонтакте, 2022 – ВКонтакте. URL : <https://vk.com/> (дата обращения : 20.02.2022).

- Горина, 2010 – Горина Е. В. Когнитивное взаимодействие как конституирующий признак Интернет-дискурса // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 1 (71). С. 58–66.
- Горобцова, Киселёва, 2014 – Горобцова И. В., Киселёва Н. Ю. Речевой жанр интернет-мема в современном англоязычном сетевом пространстве // Современные тренды развития социогуманитарного знания: сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество», 2014. С. 140–151.
- Ейгер, Юхт, 1974 – Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. 1. М., 1974. С. 103–109.
- Зиновьева, 2015 – Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195–201.
- Канашина, 2017 а – Канашина С. В. Интернет-мем как поликодовый текст // Языковое бытие человека и этноса: материалы XIII Березинских чтений (Москва, 15 мая 2017 г.). Вып. 19 / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 106–112.
- Канашина, 2017 б – Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). С. 84–90.
- Карташова, Ахмедзянова, 2019 – Карташова Е. П., Ахмедзянова А. Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего» // Вестник Марийского гос. ун-та. 2019. Т. 13, № 3. С. 426–430.
- Качмазова, 2016 – Качмазова А. У. Креолизованный текст как жанр интернет-дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 108–110.
- Ковалевич, Корсакова, 2019 – Ковалевич Е. П., Корсакова В. А. К вопросу о модели интернет-мема // Вестник Армавирского гос. пед. ун-та. 2019. № 2, Т. 1. С. 117–127.
- Костоглотов, 2021 – Костоглотов Д. А. Историческое сознание в интернет-мемах: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 9. С. 126–138.
- Ксенофонтова, 2009 – Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор: сб. ст. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.
- Левченко, Изгаршева, 2018 – Левченко М. Н., Изгаршева А. В. Креолизованный текст в системе «Интернет» // Вестник Московского гос. обл. ун-та (электронный журнал). 2018. № 4. С. 200–216. URL : <https://www.evestnik-mgou.ru>
- Лысенко, 2017 – Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодёжи // Вестник СПбГУ. Сер.: Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 410–424. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.403>
- Марченко, 2013 – Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. № 1. С. 113–115.
- Марченко, 2019 – Марченко Т. В. Интернет-мем как феномен медиакommunikации: типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. Вып. 16 / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел: ООО «Горизонт», 2019. С. 209–220.
- Мичурин, 2014 – Мичурин Д. С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации Интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2014. 162 с.
- Никитина, и др., 2018 – Никитина О. А., Гудкова О. А., Зандер Ф. Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса // Язык и культура. 2018. № 43. С. 74–87. <https://doi.org/10.17223/19996195/43/5>
- Ребрина, 2022 – Ребрина Л. Н. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии: тематическая группа «Большая коалиция» // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 239–257.
- Скворцова, Петрова, 2021 – Скворцова Д. Е., Петрова Т. Е. Текст, звук, изображение: какие интернет-мемы интересны современным подросткам? // Язык-Музыка-Жест: информационные перекрестки (LMGIC-2021): материалы междунар. конф., Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2021 года. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. С. 110–111.

- Щурина, 2012 – Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 160–172.
- Щурина, 2014 – Щурина Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2014. № 6. С. 85–89.
- Щурина, 2010 – Щурина Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2010. № 57. С. 82–86.
- Кронгауз, 2014 – Кронгауз М. А. Мем в русскоязычном интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии / под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 87–95.
- Börzsei, 2013 – Börzsei L. K. Makes a meme instead: A concise history of internet memes // New Media Studies Magazine. 2013. №. 7. P. 1–28. <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:54915682>
- Dawkins, 2019 – Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford : Oxford University Press, 2006. 360 p.
- Denisova, 2019 – Denisova A. Internet Memes and Society : Social, Cultural, and Political Contexts. Routledge : New York Press, 2019. 203 p.
- Facebook, 2022 – Facebook. [Электронный ресурс]. URL : <https://www.facebook.com/> (дата обращения : 17.02.2022)
- Shifman, 2014 – Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge MA : The MIT Press, 2014. 200 p.

References

- Blinova, O. A. (2019). Mul'timodal'nost' v setevom politicheskom diskurse: internet-memy o nezavisimosti Shotlandii [Multimodality in online political discourse: Internet memes about Scottish independence]. *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, 10, 79–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-79-93>
- VKontakte, 2022 – VKontakte. Retrieved February 20, 2020 from <<https://vk.com/>>.
- Gorina, E. V. (2010). Kognitivnoe vzaimodeystvie kak konstituiruyushchiy priznak Internet-diskursa [Cognitive interaction as a constituting feature of Internet discourse]. *Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture]*, 1 (71), 58–66. (In Russ.).
- Gorobtsova, I. V., Kiseleva, N. Yu (2014). Rechevoy zhanr internet-mema v sovremennom angloyazychnom setevom prostranstve [The speech genre of internet-meme in modern English-language net space]. *Sovremennye trendy razvitiya sotsiologicheskogo znaniya [Modern trends of developing knowledge in Social sciences and Humanities] : Proc. IV International. conf.* (pp. 140–151). Rostov-on-Don : Nauchnoe sotrudnichestvo Press.
- Eyger, G. V., Yukht, V. L. (1974). K postroeniyu tipologii tekstov [Developing the typology of texts]. *Lingvistika teksta [Text linguistics] : Conf. proc.* (Ch. 1, pp. 103–109). Moscow : The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages.
- Zinovieva, 2015 – Zinovieva, N. A. Vozdeystvie memov na internet-pol'zovateley: tipologiya internet-memov [Impact of memes on Internet users: Typology of Internet-memes]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [The Review of Economy, the Law and Sociology]*, 1, 195–201.
- Kanashina S. V. (2017 a). Internet-mem kak polikodovyy tekst [Internet meme as a multimodal text]. In V. A. Pishchal'nikova (Ed.), *Yazykovoye bytie cheloveka i etnosa [Language being of a human and ethnos] : Proc. XIII Berezinskie readings*, Moscow, May 15, 2017 (Vol. 19, pp. 106–112). Moscow : INION RAS Press.
- Kanashina S. V. (2017 b). Chto takoe internet-mem? [What is an Internet meme]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Belgorod State University Scientific Bulletin. The Humanities]*, 28 (277), 84–90.
- Kartashova, E. P., Akhmedzyanova, A. R. (2019). Internet-mem kak osnovnoy vid kreolizovannogo teksta v samoprezentatsii «cheloveka tvoryashchego» [Internet meme as the basic type of creolized texts in self-presentation of the “creative human”]. *Vestnik Mariyskogo gos. un-ta [Vestnik of the Mari State University]*, 13 (3), 426–430. (In Russ.).

- Kachmazova, A. U. (2016). Kreolizovanny tekst kak zhanr internet-diskursa [Creolized text as a genre of internet discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 3, 108–110. (In Russ.).
- Kovalevich, E. P., Korsakova, V. A. (2019). K voprosu o modeli internet-mema [To the question of the model of Internet meme]. *Vestnik Armavirskogo gos. ped. un-ta [The Bulletin of Armavir State Pedagogical University]*, 2 (1), 117–127. (In Russ.).
- Kostoglotov, D. A. (2021). Istoricheskoe soznanie v internet-memakh: k postanovke problemy [Historical consciousness in internet memes: towards a problem statement]. *Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya [RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"]*, 9, 126–138. (In Russ.).
- Ksenofontova, I. V. (2009). Spetsifika kommunikatsii v usloviyakh anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling [The specifics of anonymous communication: Memetics, imageboards, trolling]. *Internet i fol'klor [Internet and Folclore]: A collection of papers* (pp. 285–294). Moscow: Gos. resp. tsentr russkogo fol'klora Press.
- Levchenko, M. N., Izgarsheva A. V. (2018). Kreolizovanny tekst v sisteme «Internet» [Creolized text in the internet-system]. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta [Moscow Region State University]*, 4, 200–216. (In Russ.). URL: <https://www.evestnik-mgou.ru>
- Lysenko, E. N. (2017). Internet-memy v kommunikatsii molodezhi [Internet memes in youth communication]. *Vestnik SPbGU. Ser.: Sotsiologiya [Vestnik SPbSU. Sociology]*, 10 (4), 410–424. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.403>
- Marchenko, N. G. (2013). Internet-mem kak khranilishche kul'turnykh kodov setevogo soobshchestva [Internet-meme like storage of the cultural code of internet-community]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 1, 113–115. (In Russ.).
- Marchenko, T. V. (2019). Internet-mem kak fenomen mediakommunikatsii: tipologicheskie kharakteristiki i potentsial pretsedentnosti [Internet Meme as a Phenomenon of Media Communication: Typological Features and Precedence Potential]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse [Genres and types of text in scientific and media discourse]: A collection of papers* (Vol. 16, pp. 209–220). Orel: Gorizont Press.
- Michurin, D. S. (2014). Pretsedentnyy polikodovyy tekst v verbal'no-izobrazitel'noy kommunikatsii Internet-soobshchestv (na materiale russkoyazychnykh imidzh-forumov) [Precedent multimodal text in verbal and artistic communication in Internet communities: Based on Russian image forums]. PhD in Philological sci. diss. Tver.
- Nikitina, O. A., Gudkova, O. A., Zander, F. (2018). Internet-mem kak mul'timodal'nyy fenomen nemetskoyazychnogo internet-diskursa [Internet meme as a multimodal phenomenon of the german Internet-discourse]. *Yazyk i kul'tura [Language and culture]*, 43, 74–87. (In Russ.). <https://doi:10.17223/19996195/43/5>
- Rebrina, L.N. (2022). Internet-memy kak aktual'nyy fenomen politicheskoy internet-kommunikatsii v Germanii: tematicheskaya gruppa «Bol'shaya koalitsiya» [Internet memes as a current phenomenon of political Internet communication in Germany: Grand coalition thematic group]. *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, 11 (4), 239–257. (In Russ.). <https://doi:10.24224/2227-1295-2022-11-4-239-257>
- Skvortsova, D. E., Petrova, T. E. (2021). Tekst, zvuk, izobrazhenie: kakie internet-memy interesny sovremennym podrostkam? [Text, language, picture: what Internet-meme interesting for modern teenagers] *Yazyk-Muzyka-Zhest: informatsionnye perekrestki (LMGIC-2021) [Language-Music-Gesture: Informational Crossroads (LMGIC-2021)]: International conf. proc., St Petersburg, April 19–21, 2021* (pp. 110–111). St Petersburg: Skifiya-print. (In Russ.).
- Shchurina, Yu. V. (2012). Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet meme as a phenomenon of Internet communication]. *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, 3, 160–172. (In Russ.).
- Shchurina, Yu. V. (2014). Internet-memy: problema tipologii [Internet memes: Typology problem]. *Vestnik Cherepovetskogo gos. un-ta [Cherepovets State University Bulletin]*, 6, 85–89. (In Russ.).
- Shchurina, Yu. V. (2010). Komicheskie kreolizovannye teksty v internet-kommunikatsii [Comic creolized texts in Internet communication]. *Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta [Vestnik NovSU]*, 57, 82–86.

- Krongauz, M. A. (2014). Mem v russkoyazychnom internete: opyt dekonstruktsii [Meme in the Russian-language Internet: Deconstruction experience]. In M. V. Akhmetova, V. I. Belikov (Eds), *Russkiy yazyk i novye tekhnologii [The Russian language and new technologies]* (pp. 87–95). Moscow : Novoe lit. obozrenie Press.
- Börzsei, L. K. (2013). Makes a meme instead: A concise history of internet memes. *New Media Studies Magazine*, 7, 1–28. <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:54915682>
- Dawkins, R. (2006). *The Selfish Gene*. Oxford : Oxford University Press, 360 p.
- Denisova, A. (2019). *Internet Memes and Society : Social, Cultural, and Political Contexts*. Routledge : New York Press, 203.
- Facebook. (n. d.). Retrieved February 17, 2022 from <<https://www.facebook.com/>>.
- Shifman, L. (2014). *Memes in Digital Culture*. Cambridge MA : The MIT Press.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.
The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

УДК 81'42

Лужная Мария Михайловна
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
г. Москва, Российская Федерация
nota_maria@mail.ru

Прагматическая омонимия контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов несогласия, возражения и прямых речевых актов вопроса в повседневном общении

Аннотация

Целью данной статьи является описание речевых актов с одинаковым лексико-грамматическим составом и синтаксическим строением, а именно – прямых речевых актов вопроса (рогативов) и контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов (КСКРА) несогласия, возражения (в том числе их иронических реализаций), репрезентирующих явление прагматической омонимии. В основе формирования этих омонимичных высказываний лежит явление прагматической транспозиции. Вопросы выступают в качестве транспонируемого средства, а результатом транспозиции являются КСКРА несогласия и возражения. В рамках данной статьи рассматриваются омонимичные высказывания со значением вопроса, несогласия и возражения, содержащие вопросительные слова *кто* и *почему* в повседневной русскоязычной коммуникации. Материалом для исследования послужили записи устной речи, текстовые фрагменты из русской художественной литературы XXI века, диалоги пользователей интернет-форумов (повседневная коммуникация), фрагменты эпизодов российских телесериалов. С помощью контекстно-ситуативного (дискурсивного) и количественного анализа, а также описательно-аналитического метода 1) выявлена доля КСКРА с вопросительными словами *кто* и *почему* от общего числа реализаций КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса, 2) описаны прагматические значения речевых реализаций, представляющих собой моноинтенциональные КСКРА несогласия, возражения и полиинтенциональные КСКРА несогласия, возражения, осложнённые коммуникативными смыслами иронии и упрёка.

Ключевые слова: повседневная коммуникация, прагматическая омонимия, прагматическая транспозиция, вопрос, контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты, несогласие, возражение

© Лужная М. М. 2024

Для цитирования: Лужная М. М. Прагматическая омонимия контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов несогласия, возражения и прямых речевых актов вопроса в повседневном общении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 100–123.

Maria M. Luzhnaya
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation
nota_maria@mail.ru

Pragmatic homonymy of indirect speech acts of disagreement, objection and interrogative statements in everyday communication

Abstract

The paper aims to describe speech acts with the same lexical and grammatical composition and syntactic structure representing the pragmatic homonymy of utterances. These are direct speech acts (interrogatives) and contextually indirect speech acts of disagreement, objection (including their ironic implementations). Such homonymous

utterances patterns are based on the pragmatic transposition. Interrogatives are transposable elements while contextually and situationally indirect speech acts (CSISA) of disagreement and objection are the result of the transposition. The focus is made on homonymous statements with the meaning of a question, disagreement and objection containing the interrogative words *who* and *why* in everyday Russian-language communication. Discursive and quantitative analysis as well as descriptive and analytical methods were used to process the material of daily Russian oral speech samples, XXI century Russian fiction examples, Internet communication user's dialogues and Russian television series episodes. Quantitative method, discursive analysis (context and situation) and descriptive-analytical method enabled to 1) discover the share of CSISA with question words *who* and *why* among all CSISAs of disagreement and objection expressed in the form of a question; 2) describe the pragmatic meanings of speech implementations, which represent monointentional CSISA of disagreement, objection and polyintentional CSISA of disagreement, objection and identify the accompanying meaning of reproach and irony.

Keywords: everyday communication, pragmatic homonymy, pragmatic transposition, question, contextual and situational indirect speech acts, disagreement, objection

© Luzhnaya M. M. 2024

For citation: Luzhnaya, M. M. (2024). Pragmaticheskaya omonimiya kontekstual'no-situativnykh kosvennykh rechevykh aktov nesoglasiya, vozrazheniya i pryamykh rechevykh aktov voprosa v povsednevnom obshchenii [Pragmatic homonymy of indirect speech acts of disagreement, objection and interrogative statements in everyday communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 100–123.

1. Введение [Introduction]

Явление прагматической омонимии в современном языкознании получило двойное толкование. Во-первых, этот термин может трактоваться как употребление одного и того же речевого акта (далее – РА) в несходных коммуникативных ситуациях для реализации разных интенций [Андреева, 1984 ; Михальская, 1998 ; Матевосян, 2005 ; Глазкова, 2007 ; Бирюкова, 2008 ; Нестерова, 2021 а и др.]. В частности, «с различными намерениями говорящий может использовать, например, риторический вопрос (отрицательные и положительные оценки, привлечение внимания, выражение иронии, сарказма и пр.)» [Михальская, 1998, с. 167]. Так, высказывания *Зачем ты это сделал?*; *Чьи это носки?* в зависимости от коммуникативной ситуации могут представлять собой РА запроса информации или РА упрека [Михальская, 1998, с. 167–168]. С. В. Андреева, исследуя интенции, которые могут быть реализованы в вопросительных по форме РА, пишет о возможности «омонимичных совпадений вопросительных высказываний и высказываний других коммуникативных типов» – запрос информации, несогласие с мнением и побуждение, – демонстрируя это на специальном вопросе *Почему не поможешь?* в разных контекстах [Андреева, 1984, с. 170–172]. Согласно С. Н. Глазковой, прагматические омонимы имеют формальное совпадение при различном ситуативном контексте, который меняет их семантическую структуру [Глазкова, 2007, с. 63]. Значения, которые способны выражать высказывания с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом, включают собственно вопрос, сообщение, побуждение, благодарность, согласие, разрешение, отрицания, несогласия, возражения, отказ, упрек, запрет (о моно- и полиинтенциональных контекстуально-ситуативных косвенных РА см. в [Нестерова, 2021 а]). Так, просьба может быть выражена: 1) сообщением об испытываемом дискомфорте в сочетании с запросом мнения адресата (*Как-то душно здесь, тебе не кажется?* (= открой окно)); 2) вопросом о наличии данного предмета у адресата (*У тебя есть мобильный?* (=дай позвонить)); 3) вопросительным высказыванием, представляющим собой шутивную просьбу-напоминание (*А мы сегодня будем обедать?* (= накрывай на стол)) [Нестерова, 2021 а, с. 55]. Механизмом порождения этих РА является прагматическая транспозиция [Нестерова, 2021 а,

с. 52]. При этом вопросительное значение в транспонированной конструкции может сохраняться или элиминироваться. Т. В. Нестерова подробно рассматривает феномен прагматической омонимии применительно к этикетным РА (контактивы), функционирующим в повседневной русскоязычной коммуникации (в том числе в поликодовой коммуникации) [Нестерова, 2013 б, 2019, 2021 б].

Во-вторых, термин «прагматическая омонимия» может использоваться по отношению к ситуации, когда коммуниканты употребляют схожие лингвистические приёмы для достижения разных целей [Lakoff, Tannen, 1984]). В этой связи Р. Лакофф и Д. Таннен описывают приёмы «шквал вопросов» [Lakoff, Tannen 1984] и «пулемётный вопрос» [Tannen, 1980]. РА, выражающие различное значение в зависимости от ситуации общения, авторы не рассматривают.

Ц е л ь данной статьи – описать прагматическую омонимию высказываний разных коммуникативных типов в повседневной коммуникации на примере РА несогласия, возражения и РА вопроса. В рамках данной статьи нас интересуют прагматические транспозиции прямых РА (далее – ПРА) с вопросительными словами *кто* и *почему* в контекстуально-ситуативные косвенные РА (далее – КСКРА), реализующие интенции несогласия, возражения. Под КСКРА мы вслед за Н. И. Формановской понимаем «высказывания, которые в изолированном от контекста виде не распознаются носителями языка со стороны того интенционального значения, ради которого они произведены» [Формановская, 2002, с. 118].

О б ъ е к т данной статьи – повседневная (русскоязычная) коммуникация, под которой вслед за А. Ю. Константиновой мы понимаем «устное, неофициальное, межличностное, непубличное, непринужденное общение с ярко выраженными признаками спонтанности или невысокой степени подготовленности и разговорности» [Константинова, 2017, с. 27]. В сферу повседневной коммуникации входит «и неофициальное общение людей, объединённых одной профессией (например, разговор в школьной учительской или на кафедре в вузе), и индивидов, связанных общим увлечением (автомобилистов, рыбаков, любителей бани и т. п.). Сюда же следует отнести многие формы речевого взаимодействия родственников и друзей» [Седов, 2011, с. 34].

2. Обзор литературы [Literature Review]

2.1. Прагматическая омонимия в исследованиях по фонетике и грамматике [Pragmatic homonymy in phonetics and grammar studies]

Коммуникативно-прагматическое изучение языка развивается на базе системного представления о его уровне устройстве [Формановская, 2007], поэтому необходимо различать такие понятия, как «предложение» (единица синтаксиса) и «высказывание / РА» (единица речи). Вслед за Е. В. Падучевой, под РА (высказыванием) мы понимаем актуализированное в речи предложение, обладающее определённым коммуникативным намерением (иллокутивной функцией) [Падучева, 2008, с. 38]. Высказывание наделено интонацией, которая играет «огромную роль в реализации интенционального, эмоционального, оценочного значения / смысла» [Формановская, 2002, с. 30].

РА со значением несогласия, возражения часто описываются через понятие отрицания [Бердник, 1974 ; Брызгунова, 1979 ; Фёдорова, 1996 и др.]. Мы принимаем точку зрения тех авторов, которые считают, что отрицание является формально-логической и грамматической категорией, на основе которой могут актуализироваться РА несогласия и возражения [Ремизова, 2001 ; Боргер, 2004 ; Болдырев, 2011 и др.].

Интересующие нас прагматические омонимы, образованные с помощью механизма **п р а г м а т и ч е с к о й т р а н с п о з и ц и и**, рассматриваются в исследованиях, ведущихся как «на уровне языка», так и «на уровне речи». Эта ситуация стала

причиной анализа обширного пласта научной литературы: мы изучили явление прагматической омонимии, описанное не только в работах по прагмалингвистике, но и фонетике, морфологии, синтаксису. Несмотря на то, что данное явление исследуется на разных языковых уровнях и иллюстрируется значительным практическим материалом, сам термин «прагматическая омонимия» в трудах учёных по фонетике и грамматике не используется. Надо отметить, что в работах некоторых авторов можно наблюдать терминологический сбой: в качестве номинации речевых реализаций, содержащих прагматические омонимы, они используют термин «предложение», а не «высказывание / РА».

В первую очередь обратимся к работам, в которых описаны различные типы интонационных конструкций – формально совпадающие высказывания со значением собственно вопроса и несогласия, возражения [Брызгунова, 1979; Муханов, 1988; Скворцова, 1988 и др.]. Так, Е. А. Брызгунова, исследуя смыслоразличительные возможности интонации, акцентирует внимание на высказываниях «с одинаковой синтаксической конструкцией и лексическим составом» [Брызгунова, 1979, с. 81–82], проводя сравнение собственно вопросительных высказываний и ответных вопросительных реплик со значением несогласия, возражения (*Почему неправильно?* и *Какая девочка?*), и отмечает, что интонация не является различительным признаком приведённых конструкций, их значение дифференцируется за счёт контекста. Аналогичного мнения о ведущей роли контекста придерживается Е. В. Скворцова, которая исследовала интонацию местоименного вопроса [Скворцова, 1988, с. 52, 64].

И. Л. Муханов, анализируя интонацию экспрессивно-отрицательных предложений со словом *какой*, приходит к выводу, что эти конструкции могут вступать в омонимичные отношения, выражая вопрос, экспрессивную оценку и экспрессивное отрицание действия, наличия, признака, причины (примеры см. [Муханов, 1988, с. 81–82]. По мнению лингвиста, «экспрессивное отрицание действия» формирует значение «запрета, отказа» [Муханов, 1988, с. 48]. Коммуникативные значения других видов отрицания не описываются. На наш взгляд, «экспрессивное отрицание наличия» и «экспрессивное отрицание тождества» способны формировать значение возражения: при помощи приведённых автором ответных реплик говорящий может возражать на фактуальную информацию, содержащуюся в утверждении. «Экспрессивное отрицание признака» и «экспрессивное отрицание причины» могут реализовывать значение несогласия, например, с положительной оценкой, данной партнёром по коммуникации, либо с оценкой ситуации, выраженной в иницирующем высказывании. По мнению И. Л. Муханова, «интонация приведённых реплик-реакций во многих случаях совпадает» [Муханов, 1988, с. 87–88]. Автор отмечает, что «наибольшей различительной силой обладает ИК-7, которая является верным сигналом отрицательного содержания высказывания» [Муханов, 1988, с. 88], однако «вопрос и отрицание наличия могут произноситься с одинаковой интонацией – нейтральной ИК-2» [Муханов, 1988, с. 89]. Вследствие этого автор так же, как и Е. А. Брызгунова и Е. В. Скворцова, приходит к выводу, что интонация не является главным средством для различения значений этих предложений, здесь необходим учёт сопровождающих реплик и кинетических средств (мимика, жесты) [Муханов, 1988, с. 87].

На уровне грамматики учёные описывают явления синтаксической и функциональной омонимии [Адамец, 1992; Ахманова, 2005; Бабайцева, 2000; Данеш, 1964; Ким, 1978; Колесников, 1981 и др.]. Обратимся к первому понятию. С и н т а к с и ч е с к и омонимичным является любое предложение, которому слушатель может дать более чем одну (семантическую) интерпретацию [Данеш, 1964, с. 3; Адамец, 1992, с. 46–47]. По мнению Л. В. Фёдоровой, возникновение синтаксической омонимии между предложениями с собственно вопросительным значением и со значением отрицания связано «со способностью определённой конструкции выражать и вопрос, и сообщение», её результатом становится «неразличение со стороны слушателя семантики риториче-

ческого вопроса и принятие его за собственно вопрос», при этом показателем ошибочного восприятия характера вопроса со стороны слушателя является то, что он даёт ответ на риторический вопрос [Фёдорова, 1996, с. 67]. Ещё одним случаем синтаксической омонимии вопросительных предложений Л. В. Федорова называет формальное совпадение частных и «цитатных» вопросов. Под «цитатными» вопросами автор, вслед за Н. Д. Арутюновой, понимает «диалогическую реакцию на предшествующее высказывание, из которого и происходит заимствование чужих слов» [Арутюнова, 1986, с. 55]. Отметим, что автор термина «цитатный вопрос», Н. Д. Арутюнова, пишет, что иницирующие высказывания для этих вопросов «стимулируют развитие целого спектра экспрессивно окрашенных реакций, таких, как <...> несогласие, возражение» [Арутюнова, 1986, с. 57]. К сожалению, примеры синтаксической омонимии между вопросительными высказываниями и «цитатными вопросами» со значениями несогласия, возражения Л. В. Федорова не рассматривает. Синтаксические омонимы, описанные автором, представляют собой результат синтаксической транспозиции, заключающейся в употреблении предложения одного структурно-коммуникативного типа в функции другого типа [Походня, 1984 ; Михайлов, 1994 ; Арнольд, 2002].

Далее перейдём к рассмотрению явления функциональной омонимии. Этот термин был введён О. С. Ахмановой [Ахманова, 2005] и получил подробное описание в трудах В. В. Бабайцевой [Бабайцева, 2000]. Функциональные омонимы определяются как «этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи» [Бабайцева, 2000, с. 194]. Авторы обращаются к вопросительным предложениям при изучении изменения морфологического статуса и синтаксической функции вопросительных местоимений и наречий (явление переходности) [Бабайцева, 2000 ; Шмелёв, 2002 ; Шигуров 2009 ; Степанова, 2009] и др. Однако существуют и исследования, авторы которых выходят за пределы грамматического уровня языка и анализируют формально совпадающие вопросительные конструкции, выражающие разное значение [Кубарев, 1963 ; Бердник, 1974 ; Чернова, 2002 ; Власова, 2020 и др.]. Так, Е. М. Кубарев, обращаясь к исследованию функционального омонима *какой (врач)*, указывает, что он может входить в обычную вопросительную конструкцию, имеющую целью запрос информации, либо в конструкцию, синонимичную предложению с обычным выражением отрицания [Кубарев, 1963, с. 38] (см. также омонимы *какая (книга)* [Чернова, 2002, с. 50], *что (читать / скажешь)* [Бердник, 1974, с. 117 ; Власова, 2020, с. 91]). Как видим, авторы зачастую используют прагматический подход для того, чтобы охарактеризовать изменение частеречного статуса вопросительных слов, т. е. обращаются к анализу функционирования этих единиц в речи. В основе формирования функциональных омонимов, по мнению учёных [Бабайцева, 2000 ; Гребенева, 2012 ; Ярцева, 2002 и др.], лежит явление функциональной транспозиции, которая понимается как «перевод слова (или основы слова) из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи» [Ярцева, 2002, с. 519].

2.2. Вопросы vs речевые акты несогласия / возражения [Questions vs disagreement speech acts]

В «Словаре экспрессивных устойчивых фраз русского языка» отражены РА, способные в зависимости от контекста выражать значения как собственно вопроса, так и несогласия, возражения [Меликян, 2016]: *Куда там ему ехать?* [Меликян, 2016, с. 89]; *Откуда он может быть?* [Меликян, 2016, с. 136]. Данные единицы, выражая значение отрицания, «стремятся к конвенциализации» [Меликян, 2016, с. 4]. Г. В. Колшанский, рассуждая о связи коммуникативной функции высказывания с контекстом его произнесения, приводит пример вопроса *Не слышали ли Вы о «сроке давности»?!*, способного «менять свою коммуникативную направленность в зависимости от условий конкретного

акта коммуникации, а также интенции говорящего» [Колшанский, 1984, с. 71]: 1) действие спрашивания когда, «говорящему известен лишь факт существования закона о сроке давности, но не известны его основные положения, при этом говорящий предполагает, что слушатель имеет необходимые ему сведения об этом законе» [Колшанский, 1984, с. 70–71]; 2) угроза привлечь к суду за пособничество в годы войны немецким фашистам [Колшанский, 1984, с. 69], при этом собеседник, на которого направлена угроза, считает невозможным (нереальным) осуществление этой угрозы другим собеседником, поскольку знает о существовании закона, согласно которому преследование нацистских преступников прекращено [Колшанский, 1984, с. 70]. Отсюда следует вывод о том, что данное вопросительное высказывание по существу представляет собой утверждение, выражающее оценку степени реальности осуществления угрозы и передающее эмоциональное состояние говорящего [Колшанский, 1984, с. 70]. На наш взгляд, рассматриваемое высказывание может быть описано как РА возражения, при помощи которого говорящий оценивает информацию, представленную собеседником, как недостоверную.

Многие авторы разделяют мнение Г. В. Колшанского о том, что ответное вопросительное высказывание, являясь негативной реакцией на иницирующее высказывание, переходит из класса РА вопроса (рогатив) в класс РА утверждения, сообщения (репрезентатив, ассертив) [Андреева, 1984 ; Егорова, 1989 ; Мирсеитова, 1991 ; Цурикова, 1992 ; Балашова, 2006 ; Минина, 2006]. В этом случае наблюдается отсутствие соответствия между формой и содержанием РА: «один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путём осуществления другого» [Сёрль, 1986, с. 196], т. е. происходит формирование косвенного РА (КРА) [Сёрль, 1986]. Все КРА подразделяются на конвенциональные КРА (ККРА), которые «распознаются в своём интенциональном значении в единичном высказывании, изолированном от контекста» [Формановская, 2002, с. 118], и контекстуально-ситуативные КРА (КСКРА) [Формановская, 2002, с. 118].

На материале многочисленных примеров Т. В. Нестерова, рассматривает различные типы прагматических транспозиций [Нестерова, 2021 а, с. 57–58]:

1) транспозиций вопросов (прямое значение – запрос информации) в экспрессивы со значением отрицания, несогласия, возражения или невозможности (иногда в сочетании с упрёком) (КСКРА): *Чему они тебя научили? – Плавать с аквалангом. – Чему они тебя научили?! (=ничему не научили; эмоциональный ряд: недовольство, возмущение, негодование) – Неправда. Кое-чему научили и т. д.;*

2) транспозиций вопросов (прямое значение – запрос информации) в экспрессивы со значением несогласия, возражения, отказа (иногда в сочетании с неодобрением, иронией, насмешкой) (КСКРА): *– Принеси, пожалуйста, воды! – А больше ничего не хочешь? Может быть, тебе бутерброд сделать? – Я хочу «Лексус»! – А больше ничего не хочешь?! (отказ, неодобрение, ирония, насмешка; эмоциональный ряд: удивление, недовольство, возмущение, негодование) и т. д.*

Необходимо отметить, что несмотря на большую распространённость РА (в том числе КСКРА) несогласия и возражения в повседневной коммуникации, данные реализации не получили исчерпывающего описания в работах лингвистов. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что данные РА не имеют чёткого разграничения. Я. В. Боргер даёт общую дефиницию этим высказываниям: «реактивный акт, отражающий позицию говорящего, противоположную позицию собеседника, представляющий собой информативное или оценочное высказывание с различными эмоциональными оттенками (осуждения, неодобрения и другие) и имеющий в речи определённое воплощение» [Боргер, 2004, с. 100]. Однако нам представляется целесообразным различать РА несогласия и возражения по тому, с какой частью иницирующего высказывания они соотносятся (подробнее об этом см. [Лужная, 2022]). Такая дифференциация РА на материале русского языка предложена Н. Д. Арутюновой: «среди типов стимулов и реакций

существенно различать стимулы и реакции, прямо ориентированные на сообщение, или диктум, и стимулы и реакции, связанные с субъективным отношением говорящего к сообщению, или модусом» [Арутюнова, 1998, с. 656]. На наш взгляд, возражение связано с диктумом (в другой терминологии – «пропозитивная часть высказывания» [Формановская, 2007, с. 31]), а несогласие – с модусом («отражает точку зрения, оценки, отношения говорящего» [Формановская, 2007, с. 31]). Продемонстрируем это различие на двух примерах, где несогласие и возражение являются реакциями на комплимент [Иссерс, 1999, с. 179–181]: 1) – *Браво, Наташка! Остальные рядом с тобой уродины. – Не преувеличивай* [Иссерс, 1999, с. 179]; 2) – *Ты удачно купила это платье. Как раз под цвет глаз. – А у меня глаза серые, между прочим* [Иссерс, 1999, с. 181]. По нашему мнению, первый пример демонстрирует несогласие говорящего с оценочной составляющей комплимента, а второй – возражение на информацию, представленную в иницирующем РА.

Конечно, в реальной коммуникации зачастую «формируя ответный речевой ход, адресат реагирует как на содержание сообщения иницирующей реплики, так и на её модусную составляющую» [Гельпей, 2007, с. 116]. В этом случае происходит реализация полиинтенционального РА несогласия-возражения, как, например, в диалоге молодого человека с бабушкой его девушки, которой он рассказывает о смерти родителей: *А как так получилось? Выпивали, наверное, тоже... – На машине разбились* (из телесериала «Обычная женщина»). При помощи ответного РА адресант возражает на фактическую информацию, а также не соглашается с вероятностной оценкой.

РА несогласия и возражения являются потенциально конфликтными [Боргер, 2004] и относятся к «ликоущемляющим» (противоречащим интересам адресата [Кунаева, 2009]), поэтому большинство реализаций этих РА являются косвенными. Причём наиболее приспособленной формой для косвенного выражения интенций несогласия и возражения является вопрос [Смирнова, 2002]. Реализации РА несогласия и возражения, имеющие форму вопроса, становились объектом изучения многих учёных [Андреева, 1984; Егорова, 1989; Мирсеитова, 1991; Цурикова, 1992; Смирнова, 2002; Боргер, 2004; Балашова, 2006; Минина, 2006; Нестерова, 2021 а]. Однако фундаментальные исследования именно КСКРА несогласия и возражения на сегодняшний день отсутствуют. Данные единицы являются всего лишь иллюстративным материалом к анализу функционирования КРА негативной реакции и не всегда рассматриваются авторами как примеры РА «второй степени косвенности». В частности, Я. В. Боргер не разграничивает РА «первой» и «второй степени косвенности» и не подвергает последние специальному изучению.

Как уже было отмечено выше, механизмом образования ККРА и КСКРА несогласия, возражения, имеющих форму вопроса, является прагматическая транспозиция [Андреева, 1984; Походня, 1984; Егорова, 1989; Михайлов, 1994; Балашова, 2006; Ляшенко, 2020; Нестерова, 2021 а и др.], которая заключается «в замене одной речесмысловых коммуникативной цели другой в рамках акта общения» [Почепцов, 1980, с. 8]). Данные единицы, согласно Л. М. Михайлову, репрезентируют явление нейтрализации: «происходит полное снятие интенции вопросительности (интеррогативности) и приобретение интенции "изложение информации"» [Михайлов, 1994, с. 121] (также см. об этом [Андреева, 1984; Кобозева, 1988; Егорова, 1989; Цурикова, 1992; Ремизова, 2001 и др.]). Т. Г. Егорова, анализируя особенности прагматических транспозиций вопросительных высказываний в английском языке (не разграничивая при этом несогласие и возражение), пишет, что такое транспонированное высказывание «в терминах теории речевых актов представляет собой косвенный констатив» [Егорова, 1989, с. 8]. К аналогичному выводу приходит И. М. Кобозева по поводу риторических вопросов типа *Что я мог предпринять в такой ситуации?* [Кобозева, 1988, с. 43]. На наш взгляд, в ответной реплике диалога этот РА может выражать значение несогласия: *Ты ужасно поступил. – Что я мог предпринять в такой ситуации?* С. В. Андреева считает, что при прагматической транспози-

ции вопросительного высказывания в несогласие и возражение «происходит процесс нейтрализации вопросительного значения и актуализации значения сообщения» [Андреева, 1984, с. 168], как в примере *Мне опять самое трудное! – А мясо молотье разве не трудно?* [Андреева, 1984, с. 133], где говорящий, не соглашаясь, сообщает о ложной оценке ситуации партнёром по коммуникации (см. пример с аналогичной интерпретацией [Ремизова, 2001, с. 16]).

Л. В. Цурикова на материале французского и английского языков рассматривает вопросительное предложение как довольно распространённую форму выражения ассертива (констатива) [Цурикова, 1992, с. 100]. Решающим коммуникативным условием использования вопросительной структуры для выражения ассертивного РА, согласно автору, является отсутствие информационной лакуны в знаниях говорящего и, как следствие, отсутствие намерения её заполнить / и наличие коммуникативной интенции сообщить адресату некоторую информацию о каком-либо событии, явлении действительности или его аксиологическую оценку [Цурикова, 1992, с. 100]. Анализируя РА *Кто придумал такую глупость?*, С. В. Минина пишет, что, используя данный РА, говорящий выражает «ассертивную иллокутивную цель, то есть информирует собеседника о том, что [ему] известны некоторые факты действительного мира» [Минина, 2006, с. 103]. Данный РА может выражать значение возражения: *Тональный крем портит кожу. – Кто придумал такую глупость?!* [https://m.vk.com/wall-134861779_5085].

Мы принимаем точку зрения В. М. Труба, который пишет о том, что РА несогласия и возражения, выражающие негативную оценку истинности, следует рассматривать как виды утверждений корректирующего типа [Труб, 1994, с. 44]. В. М. Труб аргументирует эту позицию тем, что при утверждении «мысль <...> о ситуации Р уже находилась или появляется в общем текущем поле зрения говорящего и слушающего» [Труб, 1994, с. 44], в то время как «цель сообщения состоит в том, чтобы подать в рамках текущей смысловой порции новую информацию (рему) об элементе, являющемся темой данной смысловой пропозиции» [Труб, 1994, с. 45].

Результатом прагматической транспозиции вопросительных высказываний могут быть иронические РА (в том числе несогласия, возражения) [Жаров, 1997; Мирсеитова, 1991; Нестерова, 2013 б, 2019, 2021 б; Походня, 1984; Слепцова, 2008; Чумак, 2005 и др.]. В частности, С. И. Походня, анализируя речевые явления на синтаксическом уровне, отмечает, что ироническое значение в транспонируемых конструкциях появляется за счёт того, что одновременно реализуются прямое (структурное вопросительное) и переносное (контекстуальное утвердительное) значения [Походня, 1984, с. 77]. Однако автор рассматривает только иронический РА отказа, полученный в результате транспозиции РА запроса информации. С. С. Мирсеитова считает, что в транспонируемом вопросительном высказывании со значением несогласия выражаются две интенции: «ирония и вопрос» [Мирсеитова, 1991, с. 13]. Автор поясняет эту мысль следующим примером: – *Потому что так пожелал Бог в своей бесконечной мудрости. – Что это за Бог, который терпит столько страданий?* [Мирсеитова, 1991, с. 12]. По мнению автора, ироническим выделенный РА несогласия становится за счёт того, что в нём сохранено значение вопроса [Мирсеитова, 1991, с. 12]. В. Е. Жаров пишет о том, что при транспозиции вопросительного высказывания в иронический РА значение вопроса полностью «не уходит», иллюстрируя свою точку зрения при помощи следующей реализации: – *Семья. Нужно обязательно сообщить семье. – Почему бы не дать сообщение в газету?* [Жаров, 1997, с. 124]. По мнению В. Е. Жарова, используя данный иронический РА возражения в форме вопроса, говорящий делает вид, что принимает точку зрения собеседника и уточняет некоторые детали [Жаров, 1997, с. 124].

Между тем, существует мнение, что интенция вопроса нейтрализуется [Боргер, 2004; Слепцова, 2008; Чумак, 2005 и др.]. М. А. Слепцова, исследуя иронические РА (в

том числе и вопросительные высказывания со значением несогласия, возражения) на материале французского языка, указывает, что данные РА полностью соответствуют асертивам, поскольку при помощи этих единиц говорящий всегда сообщает собеседнику о своей негативной оценке [Слепцова, 2008, с. 38]. Как отмечает В. В. Чумак, говорящий, использующий вопросительный иронический РА, задаёт вопрос, делая вид, что его интересует ответ, тогда как «в действительности адекватный серьёзный ответ на иронический вопрос невозможен» [Чумак, 2005, с. 46]. Обратимся к следующему примеру автора: *Джон. – Вот увидишь, я больше тебя не расстрою. Ларита (улыбаясь) – Правда, Джони?* [Чумак, 2005, с. 54]. Комментируя данную реализацию, автор пишет, что адресант иронического вопроса отрицает «возможность выполнения Джоном принятого им обязательства» [Чумак, 2005, с. 54]. Ирония в данном примере возникает за счёт того, что говорящим нарушаются «условия искренности, предусматривающего то, что говорящий хочет получить информацию от адресата» [Чумак, 2005, с. 42], т. е. вопросительное значение в данном РА отсутствует. Я. В. Боргер считает, что в ответной реплике приведённого далее диалога реализуется иронический РА несогласия в форме вопроса: – *Американец этот из Краснодарского края – брачный аферист, за версту видать. <> – И откуда только вы такой, Евгений, грамотный? Из какой деревни? То да потому, то да потому, толкует, толкует чего-то* [Боргер, 2004, с. 147]. По мнению автора, адресант иронического высказывания не соглашается с негативной оценкой поведения своего жениха, данной партнёром по коммуникации. В этом РА отсутствует интенция вопросительности, он «имеет целью высмеять собеседника» [Боргер, 2004, с. 147]. Мы принимаем точку зрения тех авторов [Боргер, 2004; Слепцова, 2008; Чумак, 2005 и др.], которые пишут о том, что при транспозиции вопросительного высказывания в иронические РА несогласия, возражения значение вопроса «уходит», а иронический смысл появляется за счёт нарушения максимы качества: «не говори того, что считаешь ложным» [Грайс, 1985, с. 213]. Реализуя иронические РА несогласия и возражения в форме вопроса говорящий произносит высказывание, в содержание которого он не верит, и это очевидно и ему самому, и его собеседнику [Грайс, 1985]. В этом случае, вопросительная форма – это сигнал «роли "несведущего простака", маски, которую надевает на себя говорящий» [Шилихина, 2014, с. 81].

Мы согласны с теми учёными, которые определяют иронию как КРА [Дементьев, 2000; Слепцова, 2008; Шатуновский, 2016 и др.] (а именно – КСКРА), «иллокутивная сила которого порождается в результате взаимодействия иллокутивной силы простого речевого акта с ироническим намерением говорящего» [Шатуновский, 2016, с. 78]. Иронические РА выражают «коммуникативные смыслы, которые могут иметь только не прямое выражение», в случае же прямого выражения они представляют собой «иллокутивные самоубийства» [Нестерова, 2015, с. 157]. Таким образом, ирония – это «характерная разновидность не прямой коммуникации, не имеющая стандартной формы выражения» [Дементьев, 2000, с. 20], так как «используется адресатом с целью оригинального, вызывающего, непредсказуемого реагирования на высказывание говорящего» [Капитонова, 2015, с. 587].

Исследуемые нами КСКРА функционируют в иронической тональности, которая определяется как «категория, служащая эксплицированию эмоционально-оценочной информации» [Тупикова, Семухина, 2017, с. 311]. Маркёрами иронической тональности являются: 1) паралингвистические знаки («улыбка, усмешка, ухмылка» [Шатуновский, 2016, с. 267]; 2) «специфическая ироническая интонация» [Шатуновский, 2016, с. 268]; 3) стилистические приёмы, например, цитация, игра слов, метафора (их использование направлено на «смещения семных компонентов, тем самым формируется иронический код, который меняет смысл текста на негативный» [Каличкина, 2022, с. 182]); 4) «специальные слова, <...> где функция сигнализации иронии фиксирована в словарном порядке» [Шатуновский, 2016, с. 268]. Решающее значение при экспликации иронии имеет коммуникатив-

ная ситуация, «включающая некое негативное событие и пресуппозиции собеседников; вне ситуации речи невозможно верно декодировать иронию» [Слепцова, 2008, с. 9].

3. Эксперимент [Experiment]

3.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили диалоги из произведений русской художественной литературы XXI века и современных отечественных сериалов, записи устной речи, диалоги пользователей интернет-форумов, а также данные Национального корпуса русского языка, где производился поиск по ключевым вопросительным словам, (повседневная коммуникация). Обращаясь к художественной прозе XXI века и современным сериалам, мы разделяем мнение тех учёных, которые считают их правомерными источниками изучения разговорно-обиходной речи [Винокур, 1980; Федосюк, 1997 и др.]. Диалоги, представленные в данных источниках, характеризуются «необходимостью подражать устной речи и воспроизводить её нормы, т.е. структурные особенности устного высказывания» [Агапова, 2003, с. 11].

В ходе исследования нами было проанализировано 46 произведений русской художественной прозы XXI века суммарным объёмом 10241 страниц и 23 современных отечественных сериала, содержащих 341 эпизод общей продолжительностью 151 час. При обработке материала мы опирались на классификацию прагматических транспозиций, представленную в работах Т.В. Нестеровой [Нестерова, 2019, 2021 б]. КСКРА несогласия и возражения были извлечены методом сплошной выборки. Определение конкретного значения высказывания в примерах осуществлялось при помощи метода контекстно-ситуативного анализа (с учётом параметров коммуникативной ситуации). В статье также был применён метод количественного анализа (подсчёт частотности употребления данных единиц).

Общий корпус примеров КСКРА с интенциями несогласия и возражения насчитывает 983 реализации. Доля КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса из общего объёма этих примеров составила 14,2% (139 реализаций, из которых 30 – 21,6% – являются ироническими). Эти высказывания способны вступать в омонимичные отношения с ПРА вопроса и оформляются как при помощи вопросительных слов *где, куда, когда, кто, что, почему, как, какой, откуда, зачем, сколько*, так и без них. Данные реализации образуются в результате прагматической транспозиции: вопросительные высказывания являются транспонируемым средством, КСКРА несогласия и возражения – транспозитами. Нами выявлено, что ПРА вопроса (как с вопросительными словами *где, куда, кто, что, зачем, какой, почему, откуда, сколько*, так и без них) в результате прагматической транспозиции могут переходить в разряд иронических КСКРА с интенциями несогласия, возражения. Данные речевые реализации также вступают в отношения омонимии. Согласно полученным данным, наиболее употребительными в повседневной коммуникации являются КСКРА (в том числе и их иронические реализации), содержащие вопросительные слова *кто и почему*, что и послужило мотивом их выбора для анализа.

3.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Доля КСКРА с вопросительными словами *кто* и *почему* составила 22% от общего числа реализаций КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса (12% и 10% соответственно).

Мы провели сравнение функционирования в повседневной коммуникации рогативов с вопросительными словами *кто* и *почему* (ПРА) и их транспозитов (КСКРА несогласия и возражения). Обратимся к примерам прагматической омонимии высказываний разных коммуникативных типов.

3.2.1. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом **почему** и (иронический) КСКРА возражения [Why-question and (ironic) CSISA of objection]*

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 женщины, около 30 лет. Обсуждают вакцинацию детей. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Ребёнку сделали прививку от коклюша. Почему он заболел?*

К2. – *Бывает, что организм не выработал антитела, причины разные* (форум «Мамы Стерлитамака»).

КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – женщины, около 70 лет, коллеги, работают в НИИ. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Александр Иванович заболел. Сегодня не придёт.*

К2. – *Почему он заболел? Я его только что видела* (запись устной речи).

При помощи КСКРА возражения в форме вопроса оценивается как не соответствующее действительности иницирующее утверждение, а также передаётся эмоция удивления. Возражая собеседнику, говорящий использует «убеждающий аргумент», содержащий «ссылку на проверенный факт» [Нестерова, 2014, с. 201].

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – женщины, им около 30 лет. Общение ведётся на интернет-форуме, где идёт обсуждение кормления грудных детей. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *С какого возраста вы начали вводить прикорм? Педиатр говорит, что можно с пяти месяцев. А почему не с трёх?*

К2. – *Прислушайтесь к себе и ребёнку))) Я в 4 месяца начала давать кабачок* (форум «Woman.ru»).

Иронический КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 – женщина, ей 30 лет. К2 – её молодой человек того же возраста. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *У тебя всего пятнадцать лет водительского стажа. Это не так много.*

К2. – *Это у меня права пятнадцать лет, а я вожу машину с пяти. Улавливаешь разницу?*

К1. – *А почему не с трёх?* (Шилова Ю., Интриганка, или Бойтесь женщину с вечной улыбкой)

К2, желая произвести впечатление на К1, преувеличивает свой опыт вождения. Эта ситуация становится причиной для реализации вопросительного иронического высказывания, при помощи которого К1 делает вид, что уточняет детали о водительском стаже К2. Имплицитный смысл этого РА – возражение на информацию, не соответствующую действительности. Ирония в выделенном РА достигается за счёт приёма «доведение до абсурда» слов собеседника: содержание риторического вопроса противоречит здравому смыслу.

3.2.2. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом **почему** и (иронический) КСКРА несогласия [Why-question and (ironic) CSISA of disagreement]*

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 30 лет, участники Интернет-форума, на котором обсуждаются причины поломок машин. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Машина VW golf 6 2010 года. Не всегда закрываются двери и иногда глохнет движок при снятии с охраны. Почему глюк?*

К2. – *Необходимо с помощью дилерского диагностического оборудования активировать функцию «Управление штатной сигнализации с помощью личинки» (форум «Starline»).*

КСКРА несогласия

Коммуникативная ситуация: К1 – молодой человек, около 20 лет, разработчик приложения для знакомств. К2 – девушка того же возраста, с которой К1 познакомился в рамках данного коммуникативного эпизода. К1 настроил своё приложение таким образом, что оно демонстрирует профиль К1 всем девушкам. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Что он там показывает?*

К2. – *Да какой-то глюк. Ты выпал.*

К1. – *Почему глюк? Я тоже в этой базе есть.*

К2. – *Ты хочешь сказать, что мы с тобой подходим на 97 процентов? (из т/с «Жуки»).*

К1 не согласен с оценкой ситуации, высказанной его новой знакомой. Рассматриваемый КСКРА передаёт эмоцию удивления.

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 30 лет, пользователь платформы экспертного сообщества, где можно получить ответы на интересующие вопросы от профессионалов. К2 – мужчина, около 40 лет, эксперт этой платформы. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *А почему на Луну [сейчас] не полететь?*

К2. – *Это очень дорого. При отсутствии политических стимулов и экономической необходимости нет смысла отправлять людей в рискованные и дорогие экспедиции туда, где всё могут сделать роботы (веб-сервис «Яндекс.Кью»).*

Иронический КСКРА несогласия

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 40 лет. Общение ведётся на Интернет-форуме. Участники говорят о смысле жизни. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Что такое истинная жизнь и где шкала для её измерения?*

К2. – *Вам шкалу в виде номограммы или 3D графика? Изучать будете или жить? Мне кажется, жениться Вам, барин, надо.*

К1. – *А почему на Луну не полететь?* (форум «В гостях у Александра Клячина»)

К2 реагирует на ПРА запроса информации при помощи иронических РА предложения, а также выражает иронический совет, содержащий цитату из к/ф «Формула любви» (режиссёр – Марк Захаров). В качестве реакции на этот непрошенный совет чужого человека К1 реализует иронический КСКРА в форме вопроса, который имплицитно несогласие с оценочной частью инициирующего РА. Иронический эффект создаётся за счёт использования приёма «доведение до абсурда» высказывания партнёра по коммуникации: содержание риторического вопроса противоречит нашим знаниям об устройстве окружающего мира.

*3.2.3. Вопросительное высказывание с вопросительным словом **кто** и (иронический) КСКРА возражения [Who-questions and (ironic) CSISA of objection]*

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 50 лет. Общение происходит на форуме. К1 не может решить кроссворд и обращается за помощью к пользова-

телям данного сообщества. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – **Кто ругается?** Загаданное слово из 11 букв.

К2. – Я считаю, правильный ответ будет «сквернослов». Хотя просторечное слово «матерщинник» тоже 11 букв (форум «Большой вопрос.ru»).

КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, около 40 лет. Общение происходит на форуме. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – *Прочистите глаза и уши, пожалуйста!*

К2. – *Не ругайся. Нас могут читать дети.*

К1. – **Кто ругается?** (форум «Virtualireland.ru»)

К1 возражает на информацию, содержащуюся в иницирующем РА просьбы-запрета. При помощи данного КСКРА адресант выражает эмоцию удивления.

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 – женщина, около 40 лет. К2 – мужчина, около 30 лет. К3 – мужчина, около 40 лет. Общение происходит в социальной сети «ВКонтакте» в группе, посвящённой новостям района. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Кто отвечает за порядок на пруду? Где лавочки, которые были в прошлом году?*

К2. – *Их переставили ближе к лесу.*

К1. – **А кто их переставил?**

К3. – *Компания какая-то (социальная сеть «ВКонтакте»).*

Иронический КСКРА возражения

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 40 лет. К2 – его жена того же возраста. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Юль, а где мои кроссовки?*

К2. – *Что?*

К1. – *Кроссовки. Я здесь их оставил.*

К2. – *Я не видела.*

К1. – **А кто их переставил?** (запись устной речи)

Говорящий знает, что именно К2 переставила кроссовки с привычного места, поэтому оценивает её высказывание как не соответствующее действительности. Он использует иронический КСКРА, в котором под вопросом имплицитно выражается возражение. Данный вопрос нарушает условие искренности: говорящий надевает речевую маску несведущего человека и притворяется, что его интересует ответ.

3.2.4. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом **кто** и КСКРА возражения / несогласия-упрёка*

[Who-questions and CSISA of objection / disagreement-reproach]

(1)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 30 лет. К2 – женщина, около 30 лет. Общение происходит в группе социальной сети «ВКонтакте», в которой публикуются новости районной школы. К1 и К2 обсуждают открытие спортивной секции. Отношения между коммуникантами: «равный-чужой». Гармоничное общение.

К1. – **А кто тренер?**

К2. – *Сергей Алексеевич. Он чудный тренер!* (социальная сеть «ВКонтакте»)

КСКРА возражения-упрёка

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 40 лет, главный тренер команды вуза по волейболу. К2 – мужчина, около 30 лет, помощник тренера. К1 и К2 вместе со сборной приехали в другой город на соревнование. К1 встретил своих старых друзей, которым боится признаться в том, что тренирует любительскую команду (раньше К1 работал в сборной страны), поэтому на время проведения турнира К1 передал свои полномочия К2. Волейболистки нарушили спортивный режим и отправились в ночной клуб, где встретили К1 и его друзей. Спортсменки отказали мужчинам в знакомстве, один из них оказался судьёй и во время матча принимал спорные решения в пользу соперниц. Отношения между коммуникантами: «вышестоящий-свой». Дисгармоничное общение.

К1. – *В знак протеста мы покидаем площадку. За мной!*

К2. – *Михаил Петрович! Это же техническое поражение будет! И вы не тренер!*

К1. – *А кто тренер? Ты, что ли? Ты даже нормально проследить не можешь, чтобы они по клубам не шастали* (из т/с «Дылды»).

Возражая на иницилирующее утверждение, К1, к тому же, упрекает К2 за невыполнение профессиональных обязанностей. Выделенный КСКРА реализуется на фоне эмоций возмущения, раздражения говорящего.

(2)

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – мужчины, коллеги, работают в полиции, около 40 лет. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *А кто, по-твоему, хищение проморгал?*

К2. – *Артёмьев. Но он будет до последнего отрицать своё соучастие* (Тыналин А., Гипнотизёр в МВД).

КСКРА несогласия-упрёка

Коммуникативная ситуация: К1 – мужчина, около 50 лет, директор сельской школы. К2 и К3 – мужчины, около 40 лет, работают учителями в этой школе. К1, К2 и К3 являются давними друзьями. К4 – мужчина, около 40 лет, работает в местной полиции. К1, К2, К3, К4 ожидают приезд губернатора. Этот визит для них крайне нежелателен, поскольку К1, К2 и К3 растратили на личные нужды деньги, выделенные на ремонт школы. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Гармоничное общение между К1, К2 и К3. Дисгармоничное – между К1, К2, К3 и К4.

К1. – *Так, это у нас накладная на краску. На фасад школы. Тридцать банок.*

К2. – *Было дело. Я баню покрасил в два слоя. Осталось пару банок.*

К1. – *А вот это? Деньги на новую сантехнику. Четыре унитаза и две раковины.*

К3. – *Ну один унитаз и раковина у нас точно стоят.*

К4. – *А остальные где?*

К1. – *Не шуми, Маслов. Один, между прочим, мы тебе на днюху подогнали.*

К2. – *О, всё, хана, мужики! Теперь не отмажемся. Баскетбольная площадка, два кольца, разметка, мячи.*

К1. – *Сваливать надо.*

К4. – *Я тебе сейчас сваю! А мне тут потом одному, за вас за всех дуплиться?*

К3. – *Ну, тебе-то что.*

К4. – *А кто, по-твоему, хищение проморгал? Тем более у детей* (из т/с «Жуки»).

К4 не согласен с оценкой ситуации, реализованной в иницилирующей реплике К3, и выражает упрёк за коммуникативное поведение К3. Использование лексемы «проморгать», имеющую в словаре помету «разг.-сниж» [Ефремова, 2000], а также вопросительного по форме РА помогают говорящему выразить эмоции раздражения, возмущения.

3.2.5. *Вопросительное высказывание с вопросительным словом кто и иронический КСКРА несогласия [Who-questions and ironic CSISA of disagreement]*

Вопрос (запрос информации)

Коммуникативная ситуация: К1, К2, К3 – подростки старшего школьного возраста. К1 и К2 познакомились в данном коммуникативном эпизоде. К1 и К3 встречаются. К2 – бывшая девушка К1. Отношения между К1 и К2 – «равный-чужой», между К1 и К3, К2 и К3 – «равный-свой». Гармоничное общение.

К1. – *Кирилла нет дома.*

К2. – *Тогда я подожду его в гостиной.*

К1. – *Но...*

К2. – *Я его подруга. А кто ты такая?*

К3. – *Она моя девушка (Грин Э., Ворон).*

Иронический КСКРА несогласия

Коммуникативная ситуация: К1 и К2 – жена и муж, 30 лет. Отношения между коммуникантами: «равный-свой». Дисгармоничное общение.

К1. – *Да что же ты такое творишь?! – закричала я что было сил, и, выключив телевизор, спрятала пульт в карман махрового халата. – Ты на часы смотришь?*

К2. – *Смотрю. Уже семь часов утра, – невозмутимо ответил Андрей.*

<...>

К1. – *Но ведь ты тут живёшь не один и должен со мной считаться.*

К2. – *А кто ты такая?*

Последний вопрос прозвучал как издевательство <...>.

К1. – *Я твоя жена. Я всю ночь работала. Я очень устала и хочу спать (Шилова Ю., Обновление чувств, или Зачем придумали любовь?).*

Выделенный РА функционирует в рамках конфликтной ситуации общения между собеседниками и нарушает максимум вежливости. В этом случае, по мнению О. П. Ермаковой, ирония может реализовывать свой «агрессивный потенциал» и «часто содержит насмешку или даже издевательство» [Ермакова, 2014, с. 75]. В. И. Карасик пишет о том, что насмешка – коммуникативное действие, состоящее в понижении значимости объекта оценки <...> с намерением причинить ему зло и получить от этого удовольствие» [Карасик, 2011, с. 120]. Автор выделяет особый вид насмешки – «издевательскую насмешку», которая «акцентирует жестокость и стремление унижить человека, над которым подобным образом насмеваются» [Карасик, 2011, с. 123]. Использование этого вида насмешки, по мнению учёного, сигнализирует о том, что ирония «переходит» в сарказм [Карасик, 2011, с. 127]. Под сарказмом мы вслед за В. В. Чумаком понимаем «форму иронии», которая «обладает более высокой эмоциональной напряжённостью, относительной открытостью иронического намерения» [Чумак, 2005, с. 152–153]. На наш взгляд, выделенный иронический КСКРА содержит издевательскую насмешку (это отражено в авторской ремарке). Её появление связано с тем, что К2 не нравится работа жены (К1 официантка в баре, имеющем плохую репутацию) и он хочет подчеркнуть её низкое социальное положение. Иронический эффект создаётся за счёт использования риторического вопроса, содержание которого абсурдно в рамках данной коммуникативной ситуации. Имплицитный смысл этого РА – «я не согласен с тем, что должен с тобой считаться». Отметим, что К1 «прочитывает» истинную интенцию мужа, однако для гармонизации общения даёт реакцию на ПРА запроса информации.

4. Заключение [Conclusion]

Целью данной статьи было описание прагматической омонимии, возникшей в результате прагматической транспозиции, на примере ПРА вопроса и КСКРА несогласия,

возражения. Нами были рассмотрены ПРА запроса информации и КСКРА несогласия, возражения, содержащие в своей структуре вопросительные слова *кто* и *почему* и представляющие собой прагматические омонимы.

С помощью контекстно-ситуативного (дискурсивного) и количественного анализа, а также описательно-аналитического метода была выявлена доля КСКРА с вопросительными словами *кто* и *почему* от общего числа реализаций КСКРА несогласия и возражения в форме вопроса.

Учёт коммуникативно-прагматических условий реализации РА позволил интерпретировать конкретное значение каждого высказывания и выявить моноинтенциональные КСКРА несогласия, возражения и полиинтенциональные КСКРА несогласия, возражения, осложнённые коммуникативными смыслами упрёка и иронии.

Иронический смысл в проанализированных диалогах декодировался только в рамках конкретной коммуникативной ситуации с опорой на маркёры иронической тоналности, а также за счёт приёма доведения до абсурда слов собеседника.

Рассмотренные примеры прагматической омонимии высказываний разных коммуникативных типов – вопросительных высказываний и КСКРА несогласия и возражения – составляют лишь малую часть подобных речевых реализаций, анализ которых будет продолжен в рамках диссертационного исследования. Перспективным представляется создание типологии КСКРА несогласия и возражения в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой), включающей рассмотрение реализаций данных интенций и в манипулятивном дискурсе.

Библиографический список

- Агапова, 2003 – Агапова С. Г. Прагмалингвистический аспект английской диалогической речи : автореф. дис. д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 ; Ростовский гос. пед. ун-т. Ростов-на-Дону, 2003. 42 с.
- Адамец, 1992 – Адамец П. Несколько замечаний о синтаксической омонимии в русском языке // Системные семантические связи языковых единиц. М. : Изд-во МГУ, 1992. С. 46–53.
- Андреева, 1984 – Андреева С. В. Реализация семы вопросительности в русской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1984. 234 с.
- Арнольд, 2002 – Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. 284 с.
- Арутюнова, 1986 – Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50–64.
- Арутюнова, 1998 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 895 с.
- Ахманова, 2005 – Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. 2-е изд., стер. М. : УРСС, 2005. 294 с.
- Бабайцева, 2000 – Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 638 с.
- Балашова, 2006 – Балашова Л. Б. Антропоцентрическая составляющая в дискурсе вопрошания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; ДГУ. Махачкала, 2006. 178 с.
- Бердник, 1974 – Бердник Л. Ф. Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Ростовский гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1974. 192 с.
- Бирюкова, 2008 – Бирюкова Т. Г. Лингвистический эксперимент как основной метод исследования стилистического чутья учащихся // *Philologos*. 2008. № 1–2 (4). С. 9–17.
- Болдырев, 2011 – Болдырев Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. № 1 (26). С. 5–14.
- Боргер, 2004 – Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции. На материале современных драматических произведений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2004. 173 с.

- Брызгунова, 1979 – Брызгунова Е. А. Смысловое взаимодействие предложений // Синтаксис текста. М. : Наука, 1979. С. 78–90.
- Винокур, 1980 – Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980. 237 с.
- Власова, 2020 – Власова О. Б. Логическое ударение сквозь призму морфологии // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. : Филология. 2020. № 1 (64). С. 89–94.
- Гельпей, 2007 – Гельпей Е. А. Конструктивная роль фреймов прагматической связности реплик в диалогической речи: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Южный фед. ун-т. Ростов-на-Дону, 2007. 149 с.
- Глазкова, 2007 – Глазкова С. Н. Специфика функционирования вопросительных высказываний в педагогическом диалоге : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2007. 229 с.
- Грайс, 1985 – Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Гребенева, 2012 – Гребенева Ю. Н. Транспозиция и омонимия. Транспозиция: переход слов из одной части речи в другую. Омонимия: функциональная и грамматическая слов разных частей речи : справочное пособие. Ливны : Мухаметов Г. В., 2012. 396 с.
- Данеш, 1964 – Данеш Ф. Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 3–16.
- Дементьев, 2000 – Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 248 с.
- Егорова, 1989 – Егорова Т. Г. Функционально-семантические и прагматические особенности вопросительных высказываний, имплицитующих отрицание: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Киевский гос. пед. ин-т иностр. языков. Киев, 1989. 24 с.
- Ермакова, 2014 – Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 74–80.
- Ефремова, 2000 – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (дата обращения : 29.04.2023).
- Жаров, 1997 – Жаров В. Е. Прагматический аспект стилистических средств выражения иронии в синтагматике: на материале пьес франкоязычных авторов 80–90 гг. XX в. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 ; МПГУ. М. : 1997. 201 с.
- Иссерс, 1999 – Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : ОмГУ, 1999. 284 с.
- Каличкина, 2022 – Каличкина Т. И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М. : 2022. 238 с.
- Капитонова, 2015 – Капитонова И. В. Нарушение конвенциональных норм речевого поведения в ответной реплике (на материале современного французского художественного диалога) // Вестник Башкирского ун-та. 2015. Т. 20, № 2. С. 586–590.
- Карасик, 2011 – Карасик В. И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 119–129.
- Ким, 1978 – Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент : Фан, 1978. 227 с.
- Кобозева, 1988 – Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности: Перевод и лингвистический анализ. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С. 39–46.
- Колесников, 1981 – Колесников Н. П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1981. 145 с.
- Колшанский, 1984 – Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М. : Наука, 1984. 175 с.
- Константинова, 2017 – Константинова А. Ю. Повседневное общение как объект коммуникативной лингвистики (на примере коммуникации в научной сфере) // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 27–34.

- Кубарев, 1963 – Кубарев Е. М. Интонационно-отрицательные конструкции со словами разве, неужели, хоть бы, если бы, будто, чтобы в русском языке в сопоставлении с немецким, французским, английским языками : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 ; Куйбышев, 1963. 281 с.
- Кунаева, 2009 – Кунаева Н. В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; ВГУ. Воронеж, 2009. 225 с.
- Лужная, 2022 – Лужная М. М. Иронические речевые акты несогласия и возражения в повседневной коммуникации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11, № 2. С. 30–39. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-30-39>
- Ляшенко, 2020 – Ляшенко Т. В. Транспозиция. К истории вопроса // Язык и культура: взгляд молодых : материалы III Междунар. науч. конф. студентов и школьников, Междунар. Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 277–283.
- Матевосян, 2005 – Матевосян Л. Б. Стационарное высказывание как структурная основа речевого общения: на материале русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Ин-т языкознания РАН. М., 2005. 297 с.
- Меликян, 2016 – Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 333 с.
- Минина, 2006 – Минина С. В. Аномальные коммуникативные ситуации, обусловленные нарушением принципа кооперации (в сфере вопросно-ответного дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Орловский гос. ун-т. Орел, 2006. 167 с.
- Мирсеитова, 1991 – Мирсеитова С. С. Транспозиция вопросительных предложений в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Московский лингв. ун-т. М., 1991. 170 с.
- Михайлов, 1994 – Михайлов Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка : учебник. М. : Высш. шк., 1994. 255 с.
- Михальская, 1998 – Михальская А. К. Прагматическая омонимия // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Т. А. Ладьженской и А. К. Михальской. М. : Флинта, Наука, 1998. С. 167–168.
- Муханов, 1988 – Муханов И. Л. Субъективно-модальные значения экспрессивно-отрицательных предложениями со словами какой и какое: функционально-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М., 1988. 242 с.
- Нестерова, 2014 – Нестерова Т. В. Аргументативный дискурс в обиходно-бытовой сфере (русскоязычное общение) // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 12 (51). С. 200–207.
- Нестерова, 2013 а – Нестерова Т. В. Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 6. С. 26–34. <https://doi.org/10.12737/1893>
- Нестерова, 2013 б – Нестерова Т. В. Транспонированное употребление этикетных РА коммуникативно-семантической группы «Извинени» // Вопросы языка в современных исследованиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль : Ремдер, 2013. С. 61–66.
- Нестерова, 2015 – Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47) : в 2-х ч. Ч. I. С. 156–162.
- Нестерова, 2021 а – Нестерова Т. В. Прагматические транспозиции вопросительных высказываний в повседневной коммуникации // Русский язык за рубежом. 2021. № 1 (284). С. 52–63.
- Нестерова, 2021 б – Нестерова Т. В. Прагматические транспозиции этикетных речевых актов в повседневной русскоязычной коммуникации // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве : сб. материалов Междунар. науч. конгресса. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 64–68.
- Нестерова, 2019 – Нестерова Т. В. Транспонированное употребление этикетных речевых актов (коммуникативно-прагматический подход) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума. Ярославль : Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2019. С. 538–545.
- Падучева, 2008 – Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. 5-е изд., испр. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.

- Походня, 1984 – Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе: на материале английской и американской художественной литературы конца XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Киев, 1984. 218 с.
- Почепцов, 1980 – Почепцов Г. Г. Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств : межвуз. тематич. сб. Калинин : Калининский гос. ун-т, 1980. С. 5–10.
- Ремизова, 2001 – Ремизова С. А. Вопросительность в диалоге: специфика речевых реализаций (на материале английского, немецкого и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2001. 239 с.
- Седов, 2011 – Седов К. Ф. Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи. Вып. 7 : Жанр и языковая личность. Саратов, 2011. С. 25–46.
- Сёрль, 1986 – Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 195–222.
- Сиротинина, 2007 – Сиротинина О. Б. Хорошая речь. М. : ЛКИ, 2007. 317 с.
- Скворцова, 1988 – Скворцова Е. В. Интонация субъективно-модальных разновидностей местоименного вопроса в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, М., 1988. 237 с.
- Слепцова, 2008 – Слепцова М. А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 ; СПбГУ. СПб., 2008. 172 с.
- Смирнова, 2002 – Смирнова М. Д. Предложения с вопросительными словами в функции возражения: когнитивно-лингвистический анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 ; МГУ. М., 2002. 118 с.
- Степанова, 2009 – Степанова О. Ю. Функциональные омонимы, объединённые омокомплексом что : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; МПГУ. М., 2009. 193 с.
- Трофимова, 2008 – Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. Спб. : Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
- Труб, 1994 – Труб В. М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 44–61.
- Тупикова, Семухина 2017 – Тупикова С. Е., Семухина Е. А. Когнитивные модели иронической тоналности // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 311–314.
- Федосюк, 1997 – Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. 1997. № 1. С. 66–88.
- Фёдорова, 1996 – Фёдорова Л. В. Омонимия вопросительных предложений // Семантика слова в контексте высказывания : межвуз. сб. науч. тр. М. : МПУ, 1996. С. 66–74.
- Формановская, 2007 – Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : Изд-во Икар, 2007. 480 с.
- Формановская, 2007 – Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык, 2002. 216 с.
- Цурикова, 1992 – Цурикова Л. В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; ВГУ. Воронеж, 1992. 173 с.
- Чернова, 2002 – Чернова Л. В. Структурно-синтаксические и семантические особенности конструкций, оформленных местоименными и местоименно-наречными словами с квалифицирующим значением : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2002. 231 с.
- Чумак, 2005 – Чумак В. В. Прагматика языка иронических высказываний в драматургических произведениях английских и американских авторов XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2005. 176 с.
- Шатуновский, 2016 – Шатуновский И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М. : ЯСК, 2016. 480 с.
- Шигуров, 2009 – Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: материалы к транспозиционной грамматике русского языка. М. : Academia, 2009. 463 с.
- Шилихина, 2014 – Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. 304 с.

- Шмелёв, 2002 – Шмелёв Д. Н. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи // Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 280–288.
- Шмелёва, 2012 – Шмелёва Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. Вып. 8. Саратов, 2012. С. 26–37.
- Ярцева, 2002 – Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. 709 с.
- Lakoff, Tannen, 1984 – Lakoff R., Tannen D. Conversational strategy and metastrategy in a pragmatic theory: The example of Scenes from a Marriage // Semiotica. 1984. Vol. 49. N 3–4. P. 323–346.
- Tannen, 1980 – Tannen D. Toward a theory of conversational style: the machine-gun question // Wortllli. Papers in Sociolinguistics 67–73. N 73. Austin, Tex.: Southwest Educational Development Laboratory, 1980. P. 1–16.

References

- Agapova, S. G. (2003). *Pragmalingvisticheskiy aspekt angliyskoy dialogicheskoy rechi [Pragmalinguistic aspect of English dialogic speech]*. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Rostov-on-Don : Rostov State Pedagogical University. (In Russ.).
- Adamets, P. (1992). Sistemnye emanticheskie svyazi yazykovykh edinits [A few notes on syntactic homonymy in Russian]. *Sistemnye semanticheskie svyazi yazykovykh edinic [Systematic semantic relations in linguistic units]* (pp. 46–53). Moscow : Lomonosov Moscow State University Press. (In Russ.).
- Andreeva, S. V. (1984). *Realizatsiya semy voprositel'nosti v russkoy razgovornoy rechi [Implementation of the seme of interrogation in Russian colloquial speech]*. PhD in Philological sci. diss. Saratov : Saratov Chernyshevsky State University. (In Russ.).
- Arnol'd, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyy angliiskiy yazyk. [Stylistics. Modern English]*. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Arutjunova, N. D. (1986). Dialogicheskaya tsitatsiya: k probleme chuzhoi rechi [Quotations in dialogue (Problems of reported speech)]. *Voprosy yazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 1, 50–64. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1998). *Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]*. Moscow : Languages of Russian Culture Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (2005). *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii [Essays on general and Russian lexicology]*. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Babaitseva, V. V. (2000). *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka [The phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language]*. Moscow : Drofa Press. (In Russ.).
- Balashova, L. B. (2006). *Antropotsentricheskaya sostavlyayushchaya v diskurse voprosaniya [The anthropocentric component in the discourse of questioning]*. PhD in Philological sci. diss. Makhachkala : Dagestan State University. (In Russ.).
- Berdnik, L. F. (1974). *Voprositel'nye predlozheniya s povestvovatel'nym znacheniem v sovremennom russkom yazyke [Interrogative sentences with declarative meaning in modern Russian]*. PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Biryukova, T. G. (2008). Lingvisticheskiy eksperiment kak osnovnoy metod issledovaniya stilisticheskogo chut'ya uchashchihsya [Linguistic experiment as the main tool of studying the pupils' stylistic intuition]. *Filologos*, 1–2 (4), 9–17. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2011). Kontseptualizatsiya funktsii otritsaniya kak osnova formirovaniya kategorii [Conceptualization of a negation function as a basis for the category formation]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 1 (26), 5–14. (In Russ.).
- Borger, Ya. V. (2004). *Kompleksnyy analiz rechevykh aktov negativnoy reaktsii. Na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedeniy [Comprehensive analysis of speech acts of a negative reaction (A case study of modern drama)]*. PhD in Philological sci. diss. Tyumen'. (In Russ.).
- Bryzgunova, E. A. (1979). Smyslovoe vzaimodeystvie predlozheniy [Semantic interaction of sentences]. *Sintaksis teksta [Text syntax]* (pp. 78–90). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Vinokur, T. G. (1980). *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinits [Patterns of stylistic use of language units]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

- Vlasova, O. B. (2020). Logicheskoe udarenie skvoz' prizmu morfologii [Logical stress through the prism of morphology]. *Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Ser. : Filologiya [Herald of Tver State University. Series : Philology]*, 1 (64), 89–94. (In Russ.).
- Gel'pei, E. A. (2007). *Konstruktivnaya rol' freimov pragmaticheskoy svyaznosti replik v dialogicheskoy rechi: na materiale angliyskogo yazyka [The constructive role of pragmatic coherence frames in replicas in dialog (A case study of English)]*. PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Glazkova, S. N. (2007). *Spetsifika funktsionirovaniya voprositel'nykh vyskazyvaniy v pedagogicheskom dialoge [Specificity of interrogative utterances functioning in pedagogical dialogue]*. PhD in Philological sci. diss. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Grais, G. P. (1985). Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]* (Vol. 16, pp. 217–237). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Grebeneva, Yu. N. (2012). *Transpozitsiya i omonimiya. Transpozitsiya: perekhod slov iz odnoy chasti rechi v druguyu. Omonimiya: funktsional'naya i grammaticheskaya slov raznykh chastey rechi [Transposition and homonymy. Transposition: The transition of words from one part of speech to another. Functional and grammatical homonymy of different parts of speech]*. Livny : Mukhametov G. V. Press. (In Russ.).
- Daneš, F. (1964) Opyt teoreticheskoy interpretatsii sintaksicheskoy omonimii [Contribution to the theoretical interpretation of syntactical homonymy]. *Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 6, 3–16. (In Russ.).
- Dement'ev, V. V. (2000). *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry [Indirect communication and its genres]*. Saratov : Saratov University Press. (In Russ.).
- Egorova, T. G. (1989). *Funktsional'no-semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti voprositel'nykh vyskazyvaniy, implitsiruyushchikh otritsanie: na materiale angliyskogo yazyka [Functional and semantic, pragmatic features of interrogative statements implying negation (A case study of English)]*. PhD in Philological sci. diss. Kiev. (In Russ.).
- Ermakova, O. P. (2014). Yavlyaetsya li ironiya rechevym zhanrom? (eshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) [Is Irony a speech genre? (Once again, about some features of Irony)]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 1–2 (9–10), 74–80. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy [New dictionary of Russian language]*. Moscow : Drofa Press. (In Russ.).
- Zharov, V. E. (1997). *Pragmaticheskiy aspekt stilisticheskikh sredstv vyrazheniya ironii v sintagmatike: na materiale p'es frankoyazychnykh avtorov 80–90 gg. XX v. [The pragmatic aspect of stylistic means of expressing irony in syntagmatics (A case study of the French language authors plays of 80–90s of the XX century)]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University. (In Russ.).
- Issers, O. S. (1999). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]*. Omsk : Omsk State University Press. (In Russ.).
- Kalichkina, T. I. (2022). *Ironiya kak sposob eksplikatsii lingvokul'turnykh osobennostei sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [Irony as a way of linguistic and cultural features explication of modern political communication]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Kapitonova, I. V. (2015). Narushenie konvetsional'nykh norm rechevogo povedeniya v otvetnoy replike (na materiale sovremennogo frantsuzskogo khudozhestvennogo dialoga) [Violation of the conventional norms of speech behavior in a reciprocal replica (Based on modern French dialogue in fiction)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*, 2, 586–590. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2011). Kontseptualizatsiya nasmeshki v yazykovom soznanii [Conceptualization of ridicule in the linguistic consciousness]. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 13, 119–129. (In Russ.).
- Kim, O. M. (1978). *Transpozitsiya na urovne chastey rechi i yavlenie omonimii v sovremennom russkom yazyke [Transposition at the parts of speech level and the phenomenon of homonymy in modern Russian]*. Tashkent : Fan Press. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (1988). O pervichnykh i vtorichnykh funktsiyakh voprositel'nykh predlozheniy [On primary and secondary functions of interrogative sentences]. *Tekst v rechevoy deyatel'nosti: Perevod i lingvisticheskiy analiz [Text in speech activity: Translation and linguistic analysis]* (pp. 39–46). Moscow : Institute of Linguistics Press. (In Russ.).

- Kolesnikov, N. P. (1981). *Sintaksicheskaya omonimiya v prostom predlozhenii* [Syntactic homonymy in a simple sentence]. Rostov-on-Don : Rostov University Press. (In Russ.).
- Kolshanskii, G. V. (1984). *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* [Communicative function and structure of language]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Konstantinova, A. Yu. (2017). Povsednevnoe obshhenie kak ob"ekt kommunikativnoy lingvistiki (na primere kommunikatsii v nauchnoy sfere) [Everyday communication as an object of communicative linguistics (On the example of the communication in scientific sphere)]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 5, 27–34. (In Russ.).
- Kubarev, E. M. (1963). *Intonatsionno-otritsatel'nye konstruksii so slovami razve, neuzheli, khot' by, esli by, budto, chtoby v russkom yazyke v sopostavlenii s nemetskim, frantsuzskim, angliyskim yazykami* [Intonation in negative constructions with the words unless, really, even if, if, in Russian in comparison with German, French and English]. PhD in Philological sci. diss. Kuibyshev. (In Russ.).
- Kunaeva, N. V. (2009). *Diskursivnyy analiz vyskazyvaniy v situatsii vozrazheniya* [Discursive analysis of statements in the situation of objection: A case study of the English language]. PhD in Philological sci. diss. Voronezh. (In Russ.).
- Luzhnaya, M. M. (2022). Ironicheskie rechevye akty nesoglasii i vozrazheniya v povsednevnoy kommunikatsii [Ironic speech acts of disagreement and objection in everyday communication]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 11 (2), 30–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-30-39>
- Lyashenko T. V. (2020). Transpozitsiya. K istorii voprosa [Transposition. To the history of the issue]. *Yazyk i kul'tura: vzglyad molodykh* [Language and culture: The view of the young]: Proc. III International Conference of students and pupils, International Cyril-Methodius Festival of Slavic languages and cultures (pp. 277–283). Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Matevosyan, L. B. (2005). *Statsionarnoe vyskazyvanie kak strukturnaya osnova rechevogo obshcheniya: na materiale russkogo yazyka* [Stationary utterance as a structural basis for speech communication (A case study of the Russian language)]. Doctoral in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Melikyan, V. Yu. (2016). *Slovar' ekspressivnykh ustoychivyykh fraz russkogo yazyka. Frazeoskhemy i ustoychivye modeli* [Dictionary of expressive idiomatic phrases of the Russian language]. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Minina, S. V. (2006). *Anomal'nye kommunikativnye situatsii, obuslovlennye narusheniem printsipa kooperatsii (v sfere voprosno-otvetnogo diskursa)* [Abnormal communicative situations caused by violation of the principle of cooperation (The field of question-and-answer discourse)]. PhD in Philological sci. diss. Orel. (In Russ.).
- Mirseitova, S. S. (1991). *Transpozitsiya voprositel'nykh predlozhenii v sovremenom angliyskom yazyke* [Transposition of interrogative sentences in modern English]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University. (In Russ.).
- Mikhailov, L. M. (1994). *Kommunikativnaya grammatika nemetskogo yazyka* [Communicative grammar of the German language]. Moscow. (In Russ.).
- Mikhal'skaya, A. K. (1998). Pragmaticheskaya omonimiya [Pragmatic homonymy]. In T. A. Ladyzhenskaya, A. K. Mikhal'skaya (Eds.), *Pedagogicheskoe rechevedenie* [Pedagogical speech production] (pp. 167–168). Moscow : Flinta Press, Nauka Press. (In Russ.).
- Mukhanov, I. L. (1988). *Sub"ektivno-modal'nye znacheniya ekspressivno-otritsatel'nykh predlozheniyami so slovami kakoy i kakoe: funktsional'no-pragmaticheskiy aspekt* [Subjective and modal meanings of expressive and negative sentences with the word which: Functional and pragmatic aspect]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2014). Argumentativnyy diskurs v obihodno-bytovoy sfere (russkoyazychnoe obshchenie) [Argumentative discourse in everyday speech (Russian communication)]. *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Social Science Journal], 2 (51), 200–207. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2013 a). Kosvennyye rechevye akty v obikhodnom obshhenii russkikh [Indirect speech acts in the Russians' everyday communication]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 6, 26–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/1893>

- Nesterova, T. V. (2013 b). Transponirovannoe upotreblenie etiketnykh RA kommunikativno-semanticheckoy gruppy “Izvinenie” [Transposed usage of etiquette speech acts of the communicative-semantic group “Apology”]. *Voprosy yazyka v sovremennykh issledovaniyakh [Language issues in modern research]* (pp. 61–66). Yaroslavl : Remder Press. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2015). Nepryamaya kommunikatsiya v obikhodnoy sfere (russkoyazychnoe obshchenie) [Indirect communication in everyday sphere (The Russian language interaction)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 5 (47), 156–162. (In Russ.).
- Nesterova, T. V. (2021 a). Pragmaticheskie transpozitsii voprositel'nykh vyskazyvaniy v povsednevnoy kommunikatsii [Pragmatic transpositions of interrogative statements in everyday communication]. *Russkii yazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*, 1 (284), 52–63. (In Russ.).
- Nesterova, T.V. (2021 b). Pragmaticheskie transpozitsii etiketnykh rechevykh aktov v povsednevnoy russkoyazychnoy kommunikatsii [Pragmatic transposition of etiquette speech acts in everyday Russian-language communication]. *Russkiy yazyk v global'nom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve [Russian language in the global scientific and educational space]* (pp. 64–68). Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Nesterova, T.V. (2019). Transponirovannoe upotreblenie etiketnykh rechevykh aktov (kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod) [Transposed usage of etiquette speech acts (communicative and pragmatic approach)]. *Russkaya grammatika: aktivnye processy v yazyke i rechi [Russian grammar: Active processes in language and speech]* (pp. 538–546). Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2008). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii [The utterance and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]*. Moscow : LKI Press. (In Russ.).
- Pokhodnya, S. I. (1984). *Yazykovye sredstva vyrazheniya ironii v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze: na materiale angliyskoy i amerikanskoy khudozhestvennoy literatury kontsa XIX–XX vekov [Linguistic means of expressing irony in English fiction: A case study of English and American fiction of the late XIX–XX centuries]*. PhD in Philological sci. diss. Kiev. (In Russ.).
- Pochepstov, G. G. (1980). Pragmatika teksta [Pragmatics of the text]. *Kommunikativno-pragmaticheskie i semanticheskie funktsii rechevykh edinstv [Communicative and pragmatic and semantic functions of speech units]* (pp. 5–19). Kalinin : Kalinin State University. (In Russ.).
- Remizova, S. A. (2001). *Voprositel'nost' v dialoge: spetsifika rechevykh realizatsii (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) [Interrogativeness in dialogue: The specifics of speech manifestations (A case study of English, German and Russian)]*. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar : Kuban State University. (In Russ.).
- Searle, J. R. (1986). Kosvennyye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike [New in Foreign Linguistics]*, 17, 195–222. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2011). Rechezhanrovaya identichnost' kak komponent kommunikativnoy kompetentsii lichnosti [Speech genre identity as a component of a person's communicative competence]. *Zhany rechi [Speech Genres]*, 7, 25–46. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. (2007). Khoroshaya rech [Good speech]. Moscow : LKI Press. (In Russ.).
- Skvortsova, E. V. (1988). *Inonatsiya sub"ektivno-modal'nykh raznovidnostey mestoimennogo voprosa v russkom yazyke [Intonation of subjective and modal varieties of a pronominal question in Russian]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).
- Sleptsova, M. A. (2008). *Ironiya kak kosvennyy rechevoy akt otritsatel'noy otsenki. [Irony as an indirect speech act of negative evaluation]*. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University. (In Russ.).
- Smirnova, M. D. (2002). *Predlozheniya s voprositel'nymi slovami v funktsii vozrazheniya: kognitivno-lingvisticheskiy analiz [Sentences with interrogative words in the function of objection: Cognitive and linguistic analysis]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Stepanova, O. Yu. (2009). *Funktsional'nye omonimy, ob"edinennye omokompleksom chto [Functional homonyms united by the homocomplex that]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow State Pedagogical University. (In Russ.).

- Trofimova, N. A. (2008). *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskiy, pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz [Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]*. St Petersburg : VVM Press. (In Russ.).
- Trub, V. M. (1994). O kommunikativnykh aspektakh otritsaniya kak negativnoy otsenki istinnosti [Communicative aspects of negation viewed as negative evaluation of reality]. *Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 1, 44–61. (In Russ.).
- Tupikova, S. E., Semukhina, E. A. (2017). Kognitivnye modeli ironicheskoy tonal'nosti [Cognitive models of ironic tonality]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Language Studies]*, 30, 311–314. (In Russ.).
- Fedorova, L. V. (1996). Omonimiya voprositel'nykh predlozheniy [Homonymy of interrogative sentences]. *Semantika slova v kontekste vyskazyvaniya [Semantics of a word in the context of an utterance]: A collection of scientific papers* (pp. 66–74). Moscow : Moscow Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Fedosyuk, M. Yu. (1997). Issledovanie sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi [The research of means of speech impact and the theory of speech genres]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 1, 66–88. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (2007). *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika [Speech interaction: Communication and pragmatics]*. Moscow : Ikar Press. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod [Speech communication: A communicative and pragmatic approach]*. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Tsurikova, L. V. (1992). *Vopros i pragmaticheskiy diapazon voprositel'nogo predlozheniya [Question and pragmatic range of interrogative sentences]*. PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University. (In Russ.).
- Chernova, L. V. (2002). *Strukturno-sintaksicheskie i semanticheskie osobennosti konstruktssii, oformlennykh mestoimennymi i mestoimenno-narechnymi slovami s kvalifitsiruyushchim znacheniem [Structure, syntactic and semantic features of constructions with pronominal and adverbial words with qualifying meaning]*. PhD in Philological sci. diss. Stavropol. (In Russ.).
- Chumak, V. V. (2005). *Pragmatika yazyka ironicheskikh vyskazyvaniy v dramaturgicheskikh proizvedeniyakh angliyskikh i amerikanskikh avtorov XX veka [Pragmatics of ironic statements language in the dramatic works of English and American authors of the 20th century]*. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar. (In Russ.).
- Shatunovskiy, I. B. (2016). *Rechevye deystviya i deystviya mysli v russkom yazyke [Speech actions and actions of thought in Russian]*. Moscow : YaSK Press. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2009). *Inter"ektivatsiya kak tip stupenchatoy transpozitsii yazykovykh edinit v sisteme chastey rechi: (materialy k transpozitsionnoy grammatike russkogo yazyka) [Interjection as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: Materials for the transpositional grammar of the Russian language]*. Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbal'noy ironii [Semantics and pragmatics of verbal irony]*. Voronezh : Nauka-Yunipress. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. (2002). O nekotorykh osobennostyakh upotrebleniya voprositel'nykh mestoimений i narechiy v razgovornoy rechi [About some features of the use of interrogative pronouns and adverbs in colloquial speech]. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku [Selected Works on the Russian Language]* (pp. 280–288). Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
- Shmelyova, T. V. (2012). Zhanr v sovremennoy mediasfere [Genre in contemporary media sphere]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 8, 26–37. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (2002). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Lakoff, R., Tannen, D. (1984). Conversational strategy and metastrategy in a pragmatic theory: The example of Scenes from a Marriage. *Semiotica*, 49 (3–4), 323–346.
- Tannen, D. (1980). Toward a theory of conversational style: The machine-gun question. *Wortilli. Papers in Sociolinguistics 67-73* (No. 73, pp. 1-16). Austin, Tex. : Southwest Educational Development Laboratory.

УДК 81'33, 81'37

Максимчик Оксана Александровна
Самарский государственный социально-педагогический университет
г. Самара, Российская Федерация
maxana75@mail.ru

Англоязычные реалии системы образования: классификация и систематизация посредством учебного тематического глоссария

Аннотация

Обращение к теме образования в Год педагога и наставника объясняется происходящим переосмыслением современного российского образования в период отхода от Болонской системы. Стоящая на повестке дня задача совместить в новой создаваемой системе уникальные отечественные подходы с лучшими общемировыми образовательными практиками приводит к необходимости всестороннего анализа систем образования различных стран и их отражения в языке в виде языковых реалий. Приходится констатировать, что несмотря на продолжающийся интерес лингвистов к исследованиям терминов и концептов, охватывающих сферу образования, до сих пор не осуществлен комплексный анализ языковых единиц, отражающих искомую семантику. Цель статьи – осветить проблематику описания англоязычных реалий систем образования и предложить подход к их классификации и систематизации посредством учебного глоссария. Материалом для исследования послужили англоязычные реалии системы образования, отобранные методом сплошной выборки с применением дефиниционной методики из английских онлайн и печатных лексикографических источников общим объёмом около 2000 единиц. Для их описания применялись лингвокультурное комментирование и сравнительный анализ. В результате выявлено, что значительное количество языковых реалий при отсутствии их унификации затрудняет их изучение, что ставит вопрос о поиске эффективного подхода к их систематизации. В статье представлен возможный вариант тематической классификации реалий на примере реалий школьного образования. Согласно предложенному подходу, состоящему в разработке учебного тематического глоссария реалий систем образования англоязычных стран, разработана модель такого глоссария.

Ключевые слова: английский язык, реалия, термин, система образования, классификация, глоссарий

© Максимчик О. А. 2024

Для цитирования: Максимчик О. А. Англоязычные реалии системы образования: классификация и систематизация посредством учебного тематического глоссария // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 124–143.

Oksana A. Maksimchik
Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation
maxana75@mail.ru

English realia of education system: Classification and student's thematic glossary

Abstract

Researchers' attention to the issue of education in the Year of Teacher and Mentor is explained by the ongoing revision of modern Russian education in the period of departure from the Bologna system. The task on the agenda to combine unique Russian educational practices with the best global approaches to education in the new projected system creates the need for a comprehensive analysis of education systems in various countries and

their reflection in the language in the form of linguistic realia. Despite the continuing linguists' interest in the research of terms and concepts covering the field of education, a comprehensive analysis of language units reflecting the desired semantics has not been performed yet. This article aims to highlight the challenges of describing the English-language realia and to approach their classification and systematization using a student's glossary. The material of the English-language education system realia was selected by continuous sampling from English online and printed dictionaries using a definitional methodology. Linguistic and cultural commentary and comparative analysis were applied to the total of about 2000 units selected. The results show that a significant number of linguistic realia and the lack of their unification complicate their study raising the issue of an effective approach to their systematization. The paper offers a possible variant of a thematic classification of realia illustrated by school education realia. The proposed approach suggests the development of a student's glossary of educational systems realia in English-speaking countries whose model is designed to meet the classification needs.

Keywords: English language, realia, term, education system, classification, glossary

© Maksimchik O. A. 2024

For citation: Maksimchik, O. A. (2024). Angloязычные реалии системы образования: классификация и систематизация посредством учебного тематического глоссария [English realia of education system: Classification and student's thematic glossary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 124–143.

1. Введение [Introduction]

Интерес к теме образования как к одной из основных тем, раскрывающих уровень современного развития отдельного общества и базовые ценности его культуры, обусловлен недавним отказом российской системы образования от Болонской системы, с одной стороны, и необходимостью возрождения лучших отечественных практик наряду с обращением к наиболее эффективным общемировым образовательным моделям, с другой стороны. Таким образом, на повестке дня стоят две тенденции: сохранение уникальности и национального своеобразия российской системы образования и интеграция в мировое образовательное сообщество через транслирование отечественного педагогического опыта. В Год педагога и наставника, который по Указу президента РФ мы отмечаем в 2023 году, особенно актуальны исследования, посвящённые реалиям систем образования отдельных стран, поскольку это помогает раскрыть особенности национальных систем образования, а значит выявить тот бесценный общемировой опыт, который возможно и необходимо реализовать в создаваемой российской системе образования. Вопрос о том, насколько единицы английского языка как основного языка межкультурной коммуникации возможно применять для описания национально-культурного своеобразия российской системы образования, представляется дискуссионным.

Сфере образования в её различных аспектах посвящены многочисленные труды. Поскольку тема образования непосредственно связана с вопросами терминообразования, необходимо отметить, что проблемы описания терминологических единиц остаются в фокусе современных исследований. Продолжается обращение филологов к различным предметным областям в изучаемых языках, в том числе в сопоставлении с родным языком. Так, поднимается проблема дефинирования термина, где представлен социокогнитивный подход в дополнение к традиционному терминоведению [Ловцевич, Трифонов, 2016]; описываются системные и структурно-семантические признаки технического термина и его продуктивные словообразовательные модели [Клепиковская, 2016]; изучаются особенности словообразования терминов предметной области «кинематограф» [Шамова, 2019]; на материале английского и русского языков рассматриваются терминологические единицы из предметной области «Виды сварки» [Бутенко, Николаева, 2022]; ведётся работа по составлению сопоставительных словарей терми-

нов, предназначенных для междисциплинарных исследований, например, в области лингвистики и информатики / математической логики [Тимофеева, 2023].

В отношении англоязычной терминологии образовательной сферы особый интерес представляют работы, в которых терминологические единицы рассматриваются с точки зрения концепции культурного компонента значения [Цверкун, 2019, 2020 и др.], и труды, посвящённые пополнению образовательной терминологии за счёт терминов других предметных областей [Мирошникова, 2015 ; Цверкун, 2022].

Не угасает интерес исследователей к описанию языковых единиц как средств реализации отдельных концептов. На примере китайского языка осуществлено моделирование лексико-семантического поля (концепта) «коронавирус» [Дубинина, 2022], исследован термин-концепт «власть» (power) [Морозова, Тюрина, 2021], описаны концепты, смежные с концептом ОБРАЗОВАНИЕ: сущность концепта KNOWLEDGE – ЗНАНИЕ в картине мира англичан и американцев [Абдурахманова, 2021]; изучена специфика процессов категоризации и концептуализации интеллектуальных способностей [Дронь, 2012]; рассмотрен концепт MIND и его вербализация в английских поговорках [Землянова, 2019]; описана концептосфера школьного образования Англии с её ядерными и периферийными концептами [Астафурова, Гончарова, 2016]; представлен термин «учитель» в качестве ядерного компонента концептосферы «образование», выявлено расширение его синонимического ряда [Astapenko, 2021]. Проведён сопоставительный анализ основных компонентов концепта ОБРАЗОВАНИЕ в русской и английской картинах мира [Богданова, 2018]; выполнено лексикографическое исследование корреляционных имён концептов Student / Студент [Новикова, 2018]; изучены лингвокультурологические особенности пословиц тематики образования на материале английского и узбекского языков [Нармуратов, 2022]. Рассмотрены ценности на примере концептов TEACHER и STUDENT в американском медиадискурсе [Черкасова, 2021], а также средства выражения оценки образовательной реформы США в медиа-политическом дискурсе [Пашкова, 2019]. Диссертационные исследования посвящены репрезентации концепта ОБРАЗОВАНИЕ на материале современных английских массмедиа [Егорова, 2018]; лингвосомиотике англоязычного школьного и университетского дискурсов соответственно [Гончарова, 2015 ; Кириллова, 2010]. В работах также освещено элитарное образование в Великобритании как важный компонент концепта EDUCATION [Островская, 2021], терминологический кластер «дистанционное обучение» [Сперанская, Вертянкина, 2021], концепт (концептосфера) непрерывного образования [Игнатович, 2017 ; Колесникова, 2016].

Языковые реалии Великобритании неоднократно становились объектом исследования. Так, на материале английского языка были описаны реалии правовой системы в англоязычных СМИ [Низовец, 2015] и законодательной власти [Абдыкадырова и др., 2016], национальная специфика реалий британской и американской систем образования [Нарожная, 2020], несовпадение культурных реалий в английском и русском языках в области лингводидактической терминологии [Копыловская, 2022]. Особый интерес представляют исследования, посвящённые национально-культурной специфике, в частности вербализации лингвосоциокультурной информации университетских сайтов на английском и немецком языках [Савёлова, 2020].

Ряд работ по исследуемой тематике посвящён вопросам переводоведения: проблемам переводческих соответствий учёных званий и академических должностей в английском и русском языках [Будыкина, 2016]; переводу терминов высшего образования в английском, китайском и русском языках [Ковалёва, Бай, 2020]; способам перевода реалий английской и русской систем образования [Евпак и др., 2017]; переводу реалий образовательной сферы с английского языка на материале публицистики и СМИ [Мухина, 2021]; функционирование английского языка в сфере современного российского высшего образования в целом [Кренева, Купряхин, 2022].

Проблемы проведения лингвистических исследований и вопросы лексикографирования на современном этапе развития науки по-прежнему актуальны. Это и вопросы о критериях отбора лексем для словника терминологического словаря, и проблемы типологии учебных словарей, в том числе терминологических [Трифонов, 2015, 2016]. Это и цифровизация современной лингвистики, дающая возможности применения параллельных лингвистических корпусов на материале русского и китайского языков, где отмечается преобладание культурных комментариев, знакомящих читателя с реалиями оригинала, которые отсутствуют в культуре носителей языка-перевода [Чжан, Сюй, 2022, с. 184]. Не обойдены вниманием возможности поисковой системы Google при проведении лингвистических исследований и эффективность их использования при сборе языкового материала для когнитивных исследований [Петрова, 2019]. Современные онлайн словари, относящиеся к народной лексикографии, представлены как альтернативы академическим словарям [Полухина, 2020]. Описано проектирование современного онлайн словаря авиационных терминов [Шевцова, 2020]. Глоссарий как элемент практической лексикографии освещён в работе, посвящённой пермским локализмам 20-го века [Ерофеева, Исакова, 2022].

Англоязычный дискурс также становится объектом исследования с лингводидактической точки зрения [Шамина и др., 2020], что вполне обоснованно в период активного дистанционного обучения, в том числе иностранным языкам.

Вышеизложенное указывает на неослабевающий интерес филологов к образовательной тематике. Вместе с тем приходится констатировать, что до сих пор реалии системы образования англоязычных стран не рассматривались комплексно, а приём учебного тематического глоссария не предлагался как способ их систематизации.

Ц е л ь настоящего исследования – осветить проблематику описания англоязычных реалий систем образования и предложить подход к их классификации и систематизации посредством учебного глоссария.

Г и п о т е з а состояла в следующем: 1) несмотря на наличие обширного блока исследований и ряда словарей (учебных пособий), посвящённых англоязычным реалиям системы образования, отсутствие тематической упорядоченности осложняет их изучение; 2) разработка тематического глоссария англоязычных реалий системы образования представляется адекватным способом их систематизации и изучения.

О б ъ е к т о м настоящего исследования являются реалии, отражающие особенности систем образования англоязычных стран, прежде всего Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее – СК) и США, а также Канады, Австралии и Новой Зеландии.

2. Исследование реалий системы образования [Research of education realia]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили прежде всего словарные статьи англоязычных учебных онлайн словарей (Oxford Advanced Learner's Dictionary [Oxford...], Cambridge English Dictionary [Cambridge...], Longman Dictionary of Contemporary English [Longman...], Collins English Dictionary [Collins...]), из которых методом сплошной выборки отбирались языковые единицы образовательной тематики. Основным критерием отбора было наличие национально-культурной специфики у исследуемых единиц. Дефиниционная методика и историко-этимологический анализ использовались для извлечения культурного компонента значения. Кроме того, анализу подвергались тематические подборки слов указанных онлайн словарей (Topic Mini-Dictionary: Education [Oxford...]; Word Lists: Education terms, Degree, Schools, colleges, and universities [Collins...]; Topics: College, Education, Pre School, School [Longman...]); тематические поля, сформированные автоматически по поиску ключевых слов (вкладки

SMART Vocabulary: related words and phrases [Cambridge...]); тексты развёрнутых словарных статей с пометой Culture из Oxford Advanced Learner's Dictionary [Oxford...], посвящённые образовательной тематике (Public schools, the National Curriculum, Exams, Student life, Adult education, Further education, Vocational training, Higher education, the Ivy League, Oxbridge). Обращение к онлайн версиям лексикографических источников обусловлено их преимуществом перед печатными словарями, которое отмечают современные лексикографы [Полухина, 2020, с. 145–146]. Также анализу подверглись реалии-англицизмы раздела Education словаря Г. Д. Томахина [Томахин, 2003, с. 249–291] и реалии-американизмы системы образования пособия этого же автора [Томахин, 1988, с. 167–176]. В общей сложности было проанализировано около 2000 англоязычных реалий образовательной тематики. Для их описания использовался лингвокультурный комментарий. Поскольку изучаемые языковые единицы отражают реалии национальных систем образования, применялся сравнительный анализ.

Обращение к реалиям как словам (словосочетаниям), отражающим национально-культурную специфику, имеет давнюю историю, однако до сих пор не выработан общепринятый подход к трактовке и определению этого понятия. Отмечают двойную природу реалии: она обозначает и предметы (явления), присущие национальной общности, а значит обладающие национальным колоритом, и слова (словосочетания), используемые для обозначения таких понятий, которые, как правило, не имеют точных лексических соответствий в других языках [Томахин, 1988, с. 10]. Мы допускаем достаточно широкую трактовку понятия «реалия», что предоставляет возможность включить в круг исследуемых единиц как единицы, которые полностью отличаются или отсутствуют в сопоставляемых языках (являющиеся по сути безэквивалентными), так и единицы, которые имеют частичные отличия (т. е. отличающиеся семантическими долями лексических значений). Кроме того, наш подход позволяет рассматривать как отдельные слова (в том числе аббревиатуры), так и словосочетания, и целые предложения, а также афористические реалии в виде фразеологических единиц, паремий, афоризмов, слоганов и т. п.

Нерешённым является вопрос о соотношении реалий и терминов, используемых для наименования отдельных предметов или понятий, которые также могут обладать национальным колоритом. Для нас определяющим для разграничения является специальный характер терминов, которые преимущественно создаются искусственно, чтобы охватить определённую область научного знания, и обладают интернациональностью, в отличие от реалий, которые возникают в ходе естественного развития языка, характеризуются национальным колоритом, образностью, могут быть стилистически окрашены. Именно эти свойства реалий позволяют включить в группу исследуемых единиц фразовые глаголы и идиомы образовательной тематики. Кроме того, среди рассматриваемых реалий есть значительное количество ономастических единиц (прежде всего страноведчески значимых топонимов с культурно-историческими ассоциациями и антропонимов – имён реальных представителей сферы образования и науки, а также названий важных для развития системы образования событий, документов, учреждений сферы образования, литературных произведений и т. п.), которые не могут рассматриваться как термины.

С другой стороны, некоторые реалии сферы образования могут восприниматься как термины, так как общие понятия, связанные с образованием (*education, learning, exam, school, university*), например, представления об этапах обучения универсальны, а значит понятны представителям другой коммуникативной культуры, поскольку они имеют лексические соответствия. Однако даже эти термины, отражая национально-культурную специфику системы образования отдельной страны, обладают определёнными особенностями. Так, английское слово *college* на первый взгляд имеет лексическое соответствие в русском языке «колледж» (средне-специальное учебное заведение, предоставляющее про-

фессиональное образование), однако более пристальное рассмотрение этой лексемы в словаре [Oxford...] раскрывает его национальные особенности:

College – 1. (often in names) (in the UK) a place where students go to study or to receive training after they have left school; 2. (often in names) (in the US) a university where students can study for a degree after they have left school; 3. (Canadian English) a place where you can study for higher or more specialist qualifications after you finish high school; 4. one of the separate institutions that some British universities, such as Oxford and Cambridge, are divided into; 5. (in the US) one of the main divisions of some large universities; 6. the teachers and/or students of a college; 7. (especially in names, in Britain and some other countries) a secondary school, especially one where you must pay; 8. (usually in names) an organized group of professional people with special interests, duties or powers.

Таким образом, лексема *college* в зависимости от передаваемого значения и варианта английского языка может относиться как к системе профессионального образования (*a technical college; a tertiary college; a teacher training college*), так и к системе высшего образования (*King's College, Cambridge; a tour of Oxford colleges; the College of Arts and Sciences at New York University*) и даже школьного образования (*Eton College; Cheltenham Ladies' College; a sixth-form college*), а также обозначать преподавательский состав и / или обучающихся или любую профессиональную группу (*the Royal College of Surgeons; a college of international supervisors working together*), что свидетельствует об уникальности, специфичности термина в контексте национальных систем образования, а значит эта лексема может входить в число исследуемых единиц.

Ю. Б. Цверкун, вслед за В. А. Иконниковой, выделяет «терминологические единицы с культурным компонентом значения» [Цверкун, 2022, с. 110], в значение которых входит информация о реалиях культуры отдельного территориального сообщества, а сами единицы в лексикографических источниках имеют территориальные пометы (*British, US, in England, at Oxford, etc.*) [Цверкун, 2018, с. 7]. Несмотря на то, что такой подвид терминов образования представляется любопытным, отсутствие унифицированной терминологии образования, даже в рамках вариантов английского языка, не говоря уже об отсутствии эквивалентов для многих единиц в родном языке, позволяет в нашем исследовании придерживаться более широкого понятия «реалия». Под р е а л и я м и будем понимать слова (словосочетания), обозначающие предметы и явления (понятия) реальной действительности, отражающие особенности исторического развития, культуры и искусства, географии и экономики, общественно-политической системы, системы образования, науки, национального характера, менталитета и поведения, быта и традиций стран(ы) изучаемого языка, обладающие особыми национальными ассоциациями и не имеющие точных соответствий в сопоставляемых языках и культурах.

Для определения мнения студентов о важности изучения реалий системы образования использовался метод анкетирования. В анкету было включено 20 вопросов по страноведению, в том числе об изучении отдельных тем, включая тему «Образование». Анкетирование проводилось в 2021–2022 учебном году. В нём приняли участие 45 студентов второго курса факультета иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета, изучающих страноведение английского языка и обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): профили «Иностранный язык (английский) и «Иностранный язык (немецкий / французский)».

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В соответствии с принятым подходом для составления корпуса реалий из лексикографических источников были отобраны реалии, отражающие особенности образователь-

ных систем англоязычных стран (прежде всего СК и США). Особый интерес для анализа представляли имеющиеся на сайтах онлайн словарей тематические подборки слов.

Так, например, на сайте *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [Oxford...] через вкладку *Word Lists* осуществляется доступ к *Topic Dictionary*, интересующий нас подраздел *Education* находится в разделе *People* (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/topic/category/people>). Тематический блок *Education* представлен 11 подгруппами: *Access to education* (41 единица), *Degrees* (37), *Exams and Assessment* (83), *In school* (42), *People in schools* (47), *School life* (69), *Subject and courses* (75), *Teaching and learning* (68), *Types of school* (42), *Universities and colleges* (37), *University people* (39) – общим количеством 580 единиц. За счёт выставления фильтров единицы можно упорядочить по уровню языковой сложности от A1 до C2 (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/topic/education>).

На сайте *Longman Dictionary of Contemporary English* [Longman...] среди предлагаемых тематик интерес для нас представляют тематические подборки *College* (175 единиц), *Education* (234), *Pre School* (8), *School* (173) – всего 590 единиц (<https://www.ldoceonline.com/browse/topics.html>).

На сайте *Collins English Dictionary* [Collins...] имеется вкладка *Word Lists*, и предоставляется возможность поиска тематических подборок слов в алфавитном порядке по ссылке: <https://www.collinsdictionary.com/browse/word-lists/wordlists-starting-with-a>. По искомой тематике обнаруживаем 3 раздела: *Education terms* (278 единиц), *Degree* (74), *Schools, colleges, and universities* (84) – всего 436 единиц.

Сайт *Cambridge English Dictionary* [Cambridge...] не содержит готовых тематических подборок, однако вкладка *SMART Vocabulary: related words and phrases* доступна для словарных статей значительного количества слов образовательной тематики, что даёт возможность создавать «облака слов» по запросу пользователя. Так, например, для лексемы *school* становятся доступны следующие «облака слов»: *Types of school; Schools in general; Students & pupils; University & college education; Teaching in general*; для *exam* – *Exams, tests & exercises*; для *degree* – *Qualifications: university & college*; для *qualification* – *Qualifications: school & vocational*; для *higher education* – *Types of education*; для *teacher* – *Teachers*; для *class* – *Classes & courses*; для *subject* – *Subjects & disciplines*; для *learn* – *Learning & knowing*; и т. д. Таким образом, возможность поиска тематически сгруппированных единиц ограничена умением исследователя делать правильный запрос. Величина букв в слове в «облаке» прямо пропорциональна его частотности.

В разделе *Education* «Лингвострановедческого словаря: Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии» [Томахин, 2003, с. 249–291] было обнаружено 839 реалий-англицизмов, расположенных в алфавитном порядке, а в Главе VI «Реалии системы образования, религии и культуры» пособия [Томахин, 1988, с. 167–176] – около 160 реалий-американизмов системы образования.

В нашей выборке оказались реалии разного функционального статуса. Значительную часть корпуса составляют ономастические реалии (имена собственные): топонимы (*Oxford, Cambridge*, имеющие устойчивую ассоциацию с древнейшими и известными на весь мир университетами), антропонимы (*Mary Whitehouse – a British teacher and activist, who became famous in the 1960s and 1970s for her campaigns against sex, violence and bad language on British television and radio and in the theatre and cinema*), названия учреждений, государственных или общественных организаций, произведений культуры и т. п. (*'Play School' – BBC children's television programme; the Fisher Act – the Education Act 1918*), а также реалии афористического уровня: фразеологизмы (идиомы, фразовые глаголы) (*school(s) of thought – a way of thinking that a number of people share; make the grade – (informal) to reach the necessary standard; to succeed; swot something up / swot up on something – (British English, informal) to study a particular subject very hard, especially in order to prepare for an exam*), девизы и гимны (*'No End to Learning' –*

the motto of Linacre College, Oxford; 'Forty Years On' – the hymn of Harrow School, one of the major boys' public schools in Britain), паронимы (*Better unborn than untaught*), афоризмы (*"There is no end to learning, but there are many beginnings" – Tim Johnson; "Tell me and I forget, teach me and I may remember, involve me and I learn" – Benjamin Franklin*) и, наконец, апеллятивные реалии (имена нарицательные), в том числе термины образования, которые, по крайней мере, на первый взгляд имеют лексические соответствия в русском языке (*adult education, evening class, lecture, report, teacher training*). По особенностям состава выделяются отдельные слова (*bursary, matriculate, compulsory*), в том числе немалое количество аббревиатур: *SEN – special educational needs (the educational needs of children who have physical problems or difficulty learning); GMAT – Graduate Management Admissions Test (a test taken by graduate students in the US who want to study for a degree in Business); IGCSE – International General Certificate of Secondary Education, an international exam in different subjects that students can take when they are between 14 and 16; MSc (British English) (North American English M.S., MS) – the abbreviation for 'Master of Science', a second university degree in science*), словосочетания (*the Ivy League; Common Core; Phi Beta Kappa*), предложения (*Money spent on brain is never spent in vain*).

Значительное количество реалий искомой тематики ставит вопрос об их упорядочивании, однако приходится констатировать отсутствие в научно-методической литературе всеобъемлющей классификации англоязычных реалий сферы образования. Считаем необходимым унифицировать подходы к описанию реалий на основе разработанной классификации, охватывающей все уровни образования. Такая классификация может быть построена по тематическому принципу – состоять из тематических групп и подгрупп – для более полного представления структурных элементов системы образования.

Классификация должна прежде всего включать деление системы образования (*Education(al) system*) на этапы образования: *Preschool (education), Primary education, Secondary education, Further education, Higher education, Postgraduate (education)*.

Далее внутри этапов образования следует выделить виды образовательных учреждений: *Types of schools, Types of colleges, Types of Universities*. Внутри каждой группы можно выделить подгруппы по подходящим признакам. Так, среди видов университетов можно отметить их структурные особенности (*a collegiate university – (British English) divided into a number of colleges*), историю создания и архитектуру (*red-brick universities – (becoming old-fashioned) (of universities in the UK) built in the late nineteenth or early twentieth century, in contrast to older universities, such as Oxford and Cambridge; plate-glass universities – (British English) (used about universities in the UK) built in the 1960s, in contrast to older universities*), страну принадлежности (*the US universities: Yale University, Princeton University, Harvard University, Stanford University, etc.*). Далее классификация может быть продолжена за счёт рассмотрения отдельных особенностей университетского образования: штата сотрудников и студентов, предметов и форм работы, экзаменов и присуждаемых степеней и т. д.

Объём статьи не позволяет подробно рассмотреть все выделенные единицы, разных этапов образования, поэтому приведём пример возможной классификации реалий только для системы школьного образования, в которой представлено 12 групп, начиная от типов школ и заканчивая разделом «Разное».

I. School education

1. Schools

1) Types of schools:

- *Financing: state (state-funded) school; private / independent school; grant-maintained school*

- *Age:*

- *preschool (nursery school; kindy or kindie (kindergarten))*

- *primary (elementary school; infant school; preparatory school; junior school; junior high; grade school)*

- *secondary (high school; lower school; upper school; comprehensive school; middle school; sixth-form college; academy)*

- Gender: *co-educational school, mixed school; single-sex school*

- Accommodation: *boarding school; hostel ((in N Canada) a government boarding school for Native American and Inuit students); residential school*

- Schedule: *day school; night school; summer school*

- Access and Location: *selective school; non-selective school; community college; catchment area; intake*

- Purpose: *CTC – (in the UK) City Technology College (a school in a town or city for students aged 11 to 18 that places a strong emphasis on teaching science and technology); art school; trade school; vocational school; crammer*

- Religion: *yeshiva; Christian school; church school; convent school; parochial school*

- Other: *correspondence school*

2) People in schools:

- School Staff

- Administration: *head; headmaster; principal*

- Teachers: *educator; (school)mistress; teacher trainer; tutor; instructor; coach*

- Teacher assistants: *paraprofessional; teaching assistant*

- Service staff: *caretaker; janitor; custodian; matron; dinner lady*

- Other: *inspector; guidance counselor; lollipop lady (man)*

- Pupils and students

- General: *learner; pupil; schoolchild; schoolkid*

- Age: *junior; senior; fag; sophomore; upper classman*

- Good students: *prefect; monitor; head boy (girl); scholar; swot; valedictorian*

- Bad students: *bully; dropout; truant; dunce*

- Groups of students: *class; classmate; schoolmate; stream; set*

- Other: *boarder; ELL – English language learner; school-leaver*

3) Educational process:

- Educational reports and acts: *the Forster Act – the 1870 Education Act; The Leicestershire Plan; the Norwood Report*

- Standards: *the National Curriculum; Common Core*

- School subjects and courses: *DT; ICT; RE; liberal arts; PE; PSHE – personal, social and health and economic education*

- Academic year: *term; semester; half-term; term time; session; vacation*

- Curriculum and timetable: *syllabus; compulsory; elective; extracurricular; school day; schedule; assembly; free period; recess; period; registration; exeat*

- Events and special occasions: *field day; sports day; prom; prize-giving; carnival; speech day*

4) Teaching and learning:

- General terms: *secondary education; learn; learning; schooling; study; teach; teaching; training*

- Features connected with education: *academic; educational; scholastic; cross-disciplinary; interdisciplinary; multidisciplinary*

- Classes: *reception class; evening class; night school; practical*

- Methods and technology: *programmed learning; blended learning; distance learning; EdTech; flipped classroom; remote learning; VLE – virtual learning environment*

- Tasks, exercises and assignments: *composition; essay; drill*

- Books and study materials: *coursebook; reading list; dictionary; workbook; worksheet*
- Language learning: *comprehension; ESOL; phonics; IELTS –International English Language Testing System*
- Skills and abilities: *numerate; literate; core competency*
- Learning difficulties and special education: *special education, inclusive education; mixed ability class; learning difficulty; learning disability; SEN – special educational needs; Makaton™*
- Bad study, breach of discipline and punishments: *drop out, mess around; play truant/hook(e)y; bunk off school; skip class; taunt; non-attendance; absenteeism; skive; ditch school; telling-off; discipline; corporal punishment; cane; detention; exclusion; expulsion; suspension; demerit*
- 5) Assessment and testing:
 - School exams and tests / Qualifications: *ACT™ – American College Test; GCSE; GED; AS (level); IGCSE; A level; eleven-plus; make-up; SAT – Scholastic Assessment Test; SCE – Scottish Certificate of Education; O grade; O level*
 - Exam preparation: *commit; memorize; review; revise; mock; swot (up)*
 - Exam or test procedure: *invigilation; take; sit; resit; retake; rubric; script; text; oral; written*
 - Dishonest practices: *crib sheet; crib; plagiarism*
 - A person taking exams: *setter; candidate; examinee*
 - Exam officials: *invigilator; marker; grader; moderator; assessor*
 - Results: *ace; pass; fail; pass-fail; flunk*
 - Assessment and marks (grades): *assess; moderate; mark; mark down; score; grade; grade inflation; GPA – grade point average; F; merit; passing grade/mark; plus – (used in a system of grades) slightly higher than the grade A, B, etc.; weighting*
 - Official papers: *certificate; diploma; qualification; matric exemption*
 - Rating: *school report; stream; streaming; honor roll*
- 6) In school:
 - Places: *canteen; classroom; common room; corridor; dorm (dormitory); gym (gymnasium); hall; infirmary; sickbay; laboratory; language laboratory; library; locker room; playground; playing field; quad (quadrangle); reception; schoolyard; staffroom; study hall*
 - Objects: *blackboard; board; chalkboard; desk; (interactive) whiteboard; notebook; pigeonhole; rubber; ruler; satchel*
 - Publicity: *prospectus; yearbook; TES – the Times Educational Supplement*
 - Clothes / appearance: *blazer; gymslip; uniform; dunce's cap; preppy; school tie*
 - Meals: *bag lunch; school lunch*
- 7) School-related organisations:
 - Authorities, Departments: *Ofsted – the Office for Standards in Education; Department of Education and Science; Local Education Authorities*
 - Committees, councils, boards: *British Council; Examination Board; school board*
 - Associations, societies, unions: *PTA – parent–teacher association; British and Foreign School Society; Parents' National Educational Union; Scout Association*
 - Charities: *BFSS (British and Foreign School Society)*
 - Services: *UCAS (Universities and Colleges Admissions Service)*
- 8) Finance and grants: *school tax; fee; tuition; endowment; grant; scholarship; exhibition; bursary; sponsor*
- 9) Famous educators: *Andrea Zafirakou; Anna Leonowens; Helen Keller*
- 10) School education in Literature and the Arts:
 - Books and films about education: *'Up the Down Staircase', a novel by Bel Kaufman (1964), 'Up the Down Staircase', an American drama film (1967)*
 - Paintings about education: *'A Dame's School' by Thomas Webster (1845)*

11) Education in the English language:

- Proverbs and sayings about education: *Better unborn than untaught; Soon learnt, soon forgotten*

- Idioms on education and learning: *teacher's pet; hit the books; as easy as ABC; teach your grandmother to suck eggs*

- Quotations: “*I am always ready to learn although I do not always like being taught.*” – Winston Churchill; *That is what learning is. You suddenly understand something you've understood all your life, but in a new way.*” – Doris Lessing; “*Never let formal education get in the way of your learning.*” – Mark Twain

- Slogans and mottos: ‘*No End to Learning*’ (Linacre College, Oxford)

12) Miscellaneous

Такой подход к классификации реалий позволяет достаточно полно охватить систему школьного образования, описав реалии, отражающие виды школ по разным признакам (финансовый, возрастной, пол обучающихся, тип проживания, условия отбора и т. д.), работников школ и обучающихся, образовательные стандарты, программы, школьные предметы, образовательные методики, систему оценивания и школьные экзамены и т. п. При этом реалия может одновременно попасть в разные подгруппы в зависимости от значения:

Academy – 1. *a school or college for special training (a police/military academy)* – блок Further education; 2. *(usually Academy) a type of official organization that aims to encourage and develop art, literature, science, etc. (the Royal Academy of Arts)* – группа School-related organisations; 3. *a secondary school in Scotland* – группа Types of School, подгруппа Age; 4. *a private school in the US* – группа Types of School, подгруппа Financing; 5. *a school in England that is independent of local authority control* – группа Types of School, подгруппа Financing.

Приходится констатировать, что, несмотря на наличие обширного блока исследований, словарей, учебных пособий (см., напр., [Wallace, 2015; Масленникова, 2015]), посвящённых англоязычным образовательным терминам (реалиям), их значительное количество, отсутствие терминологического единства и тематической упорядоченности, несоответствие реалий или наличие лакун в сопоставляемых языках осложняют их изучение. Так, при анкетировании студентов 2 курса, лишь 28 из 45 испытуемых (62%) отмечают тему «Образование» среди наиболее важных для изучения тем, ещё меньшее количество респондентов (21 или 47%) отмечают тему «Образование» как наиболее интересную для изучения. Вместе с тем сформированное представление о сфере образования англоязычных стран и владение языковыми реалиями, отражающими особенности их систем образования, естественным образом входит в профессиональную компетенцию будущего учителя иностранных языков. Отсюда возникает необходимость поиска более эффективных подходов к изучению реалий и их систематизации. Разработка тематического глоссария англоязычных реалий системы образования представляется адекватным способом их систематизации для дальнейшего изучения.

Под глоссарием обычно понимают сборник толкований слов, нуждающихся в пояснении, например, из-за их терминологического характера [Ерофеева, Исакова, 2022, с. 50]. Глоссарий рассматривается как особый тип учебного словаря и представляет совокупность терминов определенной области, расположенных по алфавитному принципу или по семантическим классам в сопровождении объяснения [Савчиц, 2015, с. 19]. Таким образом, г л о с с а р и й англоязычных реалий системы образования – это учебный словарь слов (словосочетаний), отражающих национально-культурные особенности систем образования англоязычных стран, с их толкованием в виде лингвострановедческого комментария. Именно пояснение языковой единицы призвано раскрыть её этнокультурный компонент, а значит глоссарий способствует более глубокому пониманию культуры стран(ы) изучаемого языка. Задача глоссария систем образования – помочь в формировании целостного представления о сфере образования и пополнении профессионального тематиче-

ского тезауруса, в различении тонкостей национальных особенностей систем образования англоязычных стран, в понимании аудио- и письменных текстов, в выборе верных языковых единиц в процессе профессионального межкультурного взаимодействия.

Возникает необходимость поиска наиболее эффективного подхода к расположению образовательных реалий в глоссарии. Тематический принцип, позволяющий легче находить ассоциации с лексико-семантической системой родного языка, полностью отвечает поставленной задаче. Такой подход в отличие от алфавитного варианта перечисления реалий позволит охватить многогранную систему образования в её полноте с опорой на структуру. Другой вопрос, который представляется дискуссионным, это необходимость включения перевода, наиболее адекватно отражающего особенности специфической лексики, которыми являются реалии. Выше уже было отмечено, что значительная часть реалий представлена безэквивалентными единицами. В связи с этим возникает вопрос о выборе языка для лингвострановедческого комментария. Наличие английских описаний для отобранных реалий в лексикографических источниках облегчает составление лингвострановедческого комментария на английском языке (описания на русском языке доступны только у Г. Д. Томахина [Томахин, 1988 ; Томахин, 2003]). Более того, умение объяснить языковую реалию на изучаемом языке – важный показатель владения иноязычной коммуникативной компетенцией. Однако перевод на русский язык или развёрнутое толкование на русском языке желательны для более полного понимания отдельных единиц. При необходимости возможно добавление транскрипции, например, при введении аббревиатур, для правильного прочтения топонимов. Одной из дополнительных возможностей является включение иллюстраций, например, для изображения архитектурных особенностей типов учебных заведений. Необходимым элементом также представляются перекрёстные ссылки, которые устанавливают ассоциативные связи между языковыми единицами.

Предлагаемый подход к проектированию учебного глоссария реалий системы образования англоязычных стран приводит к пониманию того, что именно онлайн формат представляется наиболее удобным и полностью отвечает принципам современной лексикографии [Карпова, 2018]. Именно такой формат позволит применять различного вида шрифты, цветовые обозначения, иллюстрации, вставки, перекрёстные ссылки, микротексты культурологического характера, даже видеофрагменты и т.п., превращая словник глоссария в нелинейный текст, а также своевременно его обновлять и совершенствовать.

Приведём пример того, как может выглядеть описание реалии в учебном глоссарии.

Topic: University. Subtopic: Types of University:

Oxbridge – (рус. *Оксбридж*) 1. (n.) the British universities of *Oxford* and *Cambridge*, thought of together, as a unity, separate from other universities in the UK, esp. considered as the most prestigious upper-class academic institutions; a symbol of elite education for the rich; 2. (adj.) belonging or relating to the universities of *Oxford* and *Cambridge*: Many members of the British government went to *Oxbridge* (= a college at either *Oxford* or *Cambridge*); an *Oxbridge* education; *Oxbridge* graduates; a strong *Oxbridge* accent; He's very *Oxbridge* in his manner. Word origin: Oxford + Cambridge

Syn. *Camford* (Cambridge+Oxford) – a blend of Cambridge and Oxford Universities. COMPARE: *Ivy League*, *red-brick*.

Topic: School. Subtopic: Types of School:

Public school – (рус. *публик скул*) (n.) 1. (in Britain, esp. in England and Wales) an expensive *private school* (= a school paid for by parents) that provides *secondary education* for children aged between 13 and 18. The pupils often live at the school during the school term (*boarding school*). It is generally *single-sex*, although now many have become *co-educational*. It prepares students for *university*, esp. *Oxford* and *Cambridge*. Many British most influential political figures attended such schools: *Britain's public schools are very old. They include Eton, Harrow, Winchester and, for girls, Cheltenham Ladies' College and Roedean School.*

COMPARE: *preparatory school, private school, state school*

2. (in the US, Scotland, Australia, New Zealand and other countries) a free local school (*elementary or secondary*), controlled by the government and supported financially by taxes, which usually provides free education for the children of a community or district and that constitutes a part of a system of free public education.

COMPARE: *state school, private school*

3. in certain Canadian provinces, a *public elementary school* as distinguished from a *separate school*.

Word Origin: late 16th cent.: from Latin *publica schola*, denoting a school maintained at the public expense; in England (the term recorded from 1580) public schools were originally *grammar schools*, under public management, which offered free education to the public. Since the 19th century the term has been applied to the old endowed English grammar schools, and newer schools modelled on them, which have developed into *fee-paying boarding schools*.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, целью настоящего исследования было описать проблемы изучения реалий системы образования англоязычных стран и их систематизации. Был обоснован подход к наименованию искомым единиц через реалии, а не терминологические единицы, преимущество которого состоит в большем охвате разнородных языковых единиц. В результате были выявлены основные проблемы их изучения: значительное количество единиц, отсутствие их унификации и упорядочивания, территориальные различия, отсутствие аналогов в другой коммуникативной культуре. Было предложено систематизировать реалии посредством составления учебного тематического глоссария, в задачи которого входит формирование целостного представления о сфере образования и пополнение профессионального тематического тезауруса. Такой глоссарий прежде всего предназначен для студентов, обучающихся по профильным специальностям, а также учащихся, изучающих английский язык на углублённом уровне.

Для составления корпуса глоссария было проанализировано около 2000 единиц, охватывающих системы образования СК, США, а также других англоязычных стран. Наиболее полезными для составления выборки оказались тематические подборки единиц с сайтов онлайн словарей английского языка.

Эффективность тематического подхода к расположению реалий в глоссарии была продемонстрирована на примере реалий школьного образования, в котором представлено деление на 12 групп. Наиболее удобным в использовании и отвечающим принципам современной лексикографии представляется онлайн формат глоссария.

Предлагаемый подход к описанию англоязычных реалий посредством учебного глоссария позволит комплексно рассмотреть систематизированные реалии и составить достаточно полное представление о системах образования англоязычных стран, их структуре и составных элементах, а также их национальном своеобразии через вычленение этнокультурного компонента значения лексических единиц.

Модель учебного глоссария реалий системы образования находится в разработке, выборка реалий постоянно анализируется и дополняется. Перспективу исследования составит уточнение инвентаря реалий искомой семантики, составление подробных классификаций для всех ступеней образования, подготовка лингвокультурного комментария к ним, и, в итоге, размещение глоссария на информационном ресурсе. Предлагаемый подход к изучению языковых реалий представляется универсальным.

Библиографический список

- Абдурахманова, 2021 – Абдурахманова Х. Т. Концепт «Knowledge – Знание» в английской языковой картине мира // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 1. С. 5–9.
- Абдыкадырова и др., 2016 – Абдыкадырова С. Р., Сарыкова Ч., Жолчиева Ж. Реалии законодательной власти Великобритании // Вестник Ошского гос. ун-та. 2016. № 3. С. 151–154.
- Астафурова, Гончарова, 2016 – Астафурова Т. Н., Гончарова Д. А. Лингвосомиотическое пространство школьного образования Англии // Вестник ВолГУ. Сер. 2 : Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 64–68.
- Богданова, 2018 – Богданова Д. С. Сравнение русской и английской языковых картин мира на примере систем образования // Актуальные вопросы в науке и практике : сб. статей по материалам XII междунар. науч.-практ. конф. (12 ноября 2018 г., г. Самара). В 4 ч. Ч. 2. Уфа : Изд-во Дендра, 2018. С. 166–176.
- Будыкина, 2016 – Будыкина В. Г. Академические должности и ученые звания: к проблеме установления переводческих соответствий (на материале английского и русского языков) // Наука ЮурГУ : материалы 68й науч. конф. Секции экономики, управления и права. Челябинск : Изд. центр Южно-Уральского гос. ун-та, 2016. С. 498–504. https://lib.susu.ru/ftd?base=SUSU_KONF&key=000549567&dtype=F&etype=.pdf
- Бутенко, Николаева, 2022 – Бутенко Ю. И., Николаева Н. С. Структурные трансформации одно и двухкомпонентных английских и русских терминов предметной области «виды сварки» при переводе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2, С. 21–31. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_21
- Гончарова, 2015 – Гончарова Д. А. Лингвосомиотика англосаксонского школьного образовательного дискурса : автореф. дисс. ... канд. филол. наук ; 10.02.04. Волгоград, 2015. 22 с.
- Дронь, 2012 – Дронь Д. Ю. Специфика категоризации и концептуализации интеллектуальных способностей человека в английском языке // Казанская наука. 2012. № 5. С. 151–153.
- Дубинина, 2022 – Дубинина М. Н. Моделирование лексико-семантического поля «коронавирус» (на примере китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8 (3). С. 79–89. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_79
- Евпак и др., 2017 – Евпак М. Ю., Иванова Е. В., Оботнина Е. В. К вопросу о переводе реалий системы образования в языковой паре английский-русский // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 5 (72). С. 67–72.
- Егорова, 2018 – Егорова В. В. Языковая репрезентация концепта «Образование» в англоязычной лингвокультуре (на материале английского массмедийного дискурса XXI в.) : дисс. ... канд. филол. наук ; 10.02.04. Краснодар, 2018. 282 с.
- Ерофеева, Исакова, 2022 – Ерофеева Т. И., Исакова А. М. Социолингвистические координаты глоссария пермских локализмов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 49–59. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_49
- Землянова, 2019 – Землянова М. М. Репрезентация концепта «mind» на материале паремий английского языка // Инновационная наука. 2019. № 2. С. 110–113.
- Игнатович, 2017 – Игнатович Е. В. Историко-семантический анализ английского концепта непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2017. № 4 (20). С. 115–136.
- Карпова, 2018 – Карпова О. М. Современная лексикографическая картина Великобритании // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2018. № 6. С. 28–36.
- Кириллова, 2010 – Кириллова И. К. Лингвосомиотика англоязычного университетского дискурса : автореф. дисс. ... канд. филол. наук ; 10.02.04. Волгоград, 2010. 20 с.
- Клепиковская, 2016 – Клепиковская Н. В. К вопросу о структурно-семантических признаках технического термина // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Вып. 2, № 2. С. 70–77.
- Ковалёва, Бай, 2020 – Ковалёва О. Н., Бай А. Е. Специфика перевода терминов высшего образования (на материале английского, китайского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 11. С. 286–290. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.60>
- Колесникова, 2016 – Колесникова И. А. Концептосфера непрерывного образования: логика и методология изучения // Непрерывное образование: XXI век. 2016. № 3 (15). С. 124–140.

- Копыловская, 2022 – Копыловская М. Ю. Лингводидактическая терминология: проблемы и вызовы современности // Универсальное и национальное в языковой картине мира. Минск : Изд-во МГЛУ, 2022. С. 179–181.
- Кренева, Купряхин, 2022 – Кренева И. В., Купряхина А. А. Обзор современных реалий использования английского языка как среды преподавания в системе российского высшего образования // Проблемы модернизации языкового образования. Иностранные языки. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2022. С. 78–82.
- Ловцевич, Трифонов, 2016 – Ловцевич Г. Н., Трифонов А. С. Дефиниция термина в рамках традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2, № 1. С. 50–62.
- Масленникова, 2015 – Масленникова Е. М. The System of Education in Great Britain : учеб. пособие. Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 2015. 48 с.
- Мирошникова, 2015 – Мирошникова О. Х. Коммерциализация высшего образования как фактор пополнения общенаучной терминосферы университетского дискурса // Научный диалог. 2015. № 9 (45). С. 84–99.
- Морозова, Тюрина, 2021 – Морозова А. Н., Тюрина О. А. Термин-концепт «power» в публичных выступлениях американских президентов: семантика, синтагматика, прагматика // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 149–160. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_149_160
- Мухина, 2021 – Мухина А. Н. Современные реалии сферы образования Великобритании в публицистических изданиях и СМИ как объект перевода на русский язык // TERRA LINGVAE. Вып. 9. Казань : Изд-во Казанского фед. ун-та, 2021. С. 187–192.
- Нармуратов, 2022 – Нармуратов З. Р. Лингвокультурологические особенности пословиц с концептом образование в английском и узбекском языках // Язык и ментальность в диахронии. Владимир : Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2022. С. 300–304.
- Нарожняя, 2020 – Нарожняя П. И. Различительные особенности языковых реалий в системе образования англоязычных стран // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты : материалы III-й Всерос. студенческой науч.-практ. конф. СПб : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2020. С. 30–32. <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2022/04/04/razlichitelnye-osobennosti-yazykovyuh>
- Низовец, 2015 – Низовец Т. И. Обучение реалиям правовой системы Великобритании в курсе английского языка для студентов-юристов // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2015. № 1. С. 156–160.
- Новикова, 2018 – Новикова В. С. Развитие семантико-деривационного потенциала имен коррелятивных концептов Student и Студент в английской и русской лингвокультурах // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2018. № 4 (193). С. 142–146. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-142-146>
- Островская, 2021 – Островская Т. А. Меритократическая элита и место концепта «образование» в современном английском дискурсе // Актуальные проблемы гуманитарного образования / глав. ред. О. А. Воробьева. Минск : Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2021. С. 284–290.
- Пашкова, 2019 – Пашкова А. Д. Языковые средства репрезентации общей оценки реформы образования в американском медиа-политическом дискурсе // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия. Чебоксары : Изд-во Чувашского гос. пед. ун-та, 2021. С. 125–131.
- Петрова, 2019 – Петрова И. М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 127–142. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_127_142
- Полухина, 2020 – Полухина П. А. К вопросу об альтернативных вариантах современным академическим словарям английского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 137–148. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_137_148
- Савёлова, 2020 – Савёлова Ю. К. Лингвосоциокультурная информация как компонент текстового анализа университетских сайтов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 131–141. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_131_141

- Савчиц, 2015 – Савчиц А. С. Методика составления учебного двуязычного словаря-гlossария лингводидактических терминов : автореф. дисс. ... канд. пед. наук ; 13.00.02. М., 2015. 24 с.
- Сперанская, Вертянкина, 2021 – Сперанская Н. И., Вертянкина Н. В. Терминологический кластер «дистанционное обучение» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 182–185.
- Тимофеева, 2023 – Тимофеева М. К. Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 143–158. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143
- Томахин, 2003 – Томахин Г. Д. Лингвострановедческий словарь Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. М. : Изд-во Аст-Пресс Книга, 2003. 720 с.
- Томахин, 1988 – Томахин Г. Д. Реалии-американизмы : пособие по страноведению. М. : Высшая школа, 1988. 238 с.
- Трифонов, 2015 – Трифонов А. С. Критерии отбора терминов для словника терминологического словаря // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Т. 1, № 4. С. 76–84.
- Трифонов, 2016 – Трифонов А. С. Основные параметры типологизации учебных словарей // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2, № 1. С. 80–90.
- Цверкун, 2018 – Цверкун Ю. Б. Особенности англоязычных терминов системы образования (лингвокультурологический аспект) : дисс. ... канд. филол. наук ; 10.02.04. М., 2018. 218 с.
- Цверкун, 2019 – Цверкун Ю. Б. Уровни функционирования терминологических единиц, входящих в терминосистемы школьного и высшего образования Великобритании и США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 319–323.
- Цверкун, 2020 – Цверкун Ю. Б. Специфика терминообразования единиц с культурным компонентом значения, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 341–344.
- Цверкун, 2022 – Цверкун Ю. Б. Особенности межотраслевого заимствования как способа пополнения англоязычной терминологии сферы образования // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 109–115.
- Черкасова, 2021 – Черкасова И. А. Лингвистическое исследование ценностей в американском медиадискурсе об образовании // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия. Чебоксары : Изд-во Чувашского гос. пед. ун-та, 2021. С. 125–131.
- Чжан, Сюй, 2022 – Чжан Т., Сюй Х. Построение и применение лингвистического корпуса в аннотационном переводе с русского на китайский язык // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8, № 4. С. 175–186. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_175
- Шамина и др., 2020 – Шамина Е. А., Беседина Е. И., Кузьмич И. В. Современный англоязычный дискурс в условиях пандемии: методический потенциал // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 170–181. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_170_181
- Шамова, 2019 – Шамова Н. А. Особенности словообразования в сфере терминологии современного английского кинодискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5, № 4. С. 152–162. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_152_162
- Шевцова, 2020 – Шевцова А. Ю. Цифровая модель нормативного двуязычного словаря-тезауруса терминов авиационной экологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 3. С. 184–196.
- Astapenko, 2021 – Astapenko E. V. Updating the synonyms of the term “teacher” in the vocabulary of modern English (from missionary to zoom tutor) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 1 (25). P. 38–44.
- Cambridge... – Cambridge English Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 25.04.2023).
- Collins... – Collins English Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 28.04.2023).
- Longman... – Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL : <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения : 28.04.2023).
- Oxford... – Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения : 29.04.2023).
- Wallace, 2015 – Wallace S. A Dictionary of Education. 2 edn. Oxford : Oxford University Press, 2015. 343 p.

References

- Abdurakhmanova, Kh. T. (2021). Kontsept «Knowledge – Znanie» v angliyskoy yazykovoy kartine mira [Cognitive concept «knowledge» in the English linguistic world picture]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education]*, 1, 5–9. (In Russ.).
- Abdykadyrova, S. R., Sarykova Ch., Zholchieva Zh. (2016). Realii zakonodatel'noy vlasti Velikobritanii [Realia of legislative power of Britain]. *Vestnik Oshskogo gos. un-ta [Bulletin of Oshsk State University]*, 3, 151–154. (In Russ.).
- Astafurova, T. N., Goncharova, D. A. (2016). Lingvosemanticheskoe prostranstvo shkol'nogo obrazovaniya Anglii [Linguasemiotic space of school education in England]. *Vestnik VolGu. Ser. 2. Yazukoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 1 (30), 64–68. (In Russ.).
- Bogdanova, D. S. (2018). Sravnenie russkoy i angliyskoy yazykovykh kartin mira na primere system obrazovaniya [Comparison of Russian and English world pictures on the example of systems of education]. *Aktual'nye voprosy v nauke i praktike [Current Issues in Science and Practice]* (Vol. 2 (4), pp. 166–176). Ufa : Dendra Press. (In Russ.).
- Budykina, V. G. (2016). Akademicheskie dolzhnosti i uchenye zvaniya: k probleme ustanovleniya perevodcheskikh sootvetstviy [Academic positions and scientific titles: the problem of translation correlations]. *Nauka YurGU: materialy 68 nauchnoy konferentsii. Sektsii ekonomiki, upravleniya, prava [Science in YurGU: Proc. of 68 scientific conference. Sessions of Economics, Management, Law]* (pp. 498–504). Chelyabinsk : South Ural State University Press. (In Russ.). https://lib.susu.ru/ftd?base=SUSU_KONF&key=000549567&dtype=F&etype=.pdf
- Butenko, Yu. I., Nikolaeva, N. S. (2022). Strukturnye transformatsii odno- i dvukhkompontnykh angliyskikh i russkikh terminov predmetnoy oblasti “vidy svarki” pri perevode [Structural transformation of one- and two-component English and Russian terms of the subject area “welding types” during translation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (2), 21–31. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_21
- Goncharova, D. A. (2015). Lingvosemiotika anglosaksonskogo obrazovatel'nogo diskursa [Lingvosemiotics of English education discourse] : Author's abstract in PhD in Philological sci. diss. Volgograd. (In Russ.).
- Dron', D. Yu. (2012) Spetsifika kategorizatsii i kontseptualizatsii intellektual'nykh sposobnostei cheloveka v angliyskom yazyke [Specifics of categorisation and conceptualization of human intellectual abilities in English]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 5, 151–153. (In Russ.).
- Dubinina, M. N. (2022). Modelirovanie leksiko-semanticheskogo polya “koronavirus” (na primere kitaiskogo yazyka) [Modeling the lexical-semantic field of “coronavirus” (Based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (3), 79–89. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_79
- Evpak, M. Yu., Ivanova, E. V., Obotnina, E. V. K voprosu o perevode realiy sistema obrazovaniya v yazykovoy pare angliyskiy-russkiy [On the question of translation of realia of education system in the language pair English-Russian]. *Pedagogicheski zhurnal Bashkortostana [Pedagogical Journal of Bashkortostan]*, 5 (72), 67–72. (In Russ.).
- Egorova, V. V. (2018). Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta “Obrazovanie” v angloyazychnoy lingvokulture (na materiale angliyskogo massmediynogo diskursa) [Linguistic representation of the concept ‘Education’ (Based on English mass media discourse)]. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar. (In Russ.).
- Erofeeva, T. I., Isakova, A. M. (2022). Sotsiolingvisticheskie koordinaty glossariya permskikh lokalizmov [Sociolinguistic coordinates of the glossary of Perm localisms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (2), 49–59. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_49
- Zemlyanova, M. M. (2019). Reprezentatsiya kontsepta “mind” na materiale paremiy angliyskogo yazyka [Representation of the concept “mind” based on the English language paremias]. *Innovatsionnaya nauka [Innovative Science]*, 2, 110–113. (In Russ.).
- Ignatovich, E. V. (2017). Istoriko-semanticheskii analiz angliyskogo kontsepta nepreryvno obrazovaniya [The historical-semantic analysis of the concept of lifelong learning / education in the English language]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: XXI century]*, 4 (20), 115–136. (In Russ.).

- Karpova, O. M. (2018). Sovremennaya leksikograficheskaya kartina Velikobritanii [Modern lexicographic picture of Great Britain]. *Vestnik moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser. Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State Pedagogical University. Linguistics]*, 6, 28–36. (In Russ.).
- Kirillova, I. K. (2010). Linvosemiotika angloyazychnogo universitetskogo diskursa [Lingvo-semiotics of English-language university discourse]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd. (In Russ.).
- Klepikovskaya N. V. (2016). K voprosu o strukturno-semanticheskikh priznakakh tekhnicheskogo termina [To the question of structural and semantic features of technical term]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2, 70–77. (In Russ.).
- Kovaleva, O. N., Bai, A. E. (2020). Spetsifika perevoda terminov vysshego obrazovaniya (na materiale angliyskogo, kitayskogo i russkogo yazykov) [Specificity of translating higher education terminology (By the material of the English, Chinese and Russian languages)]. *Filologicheskoe nauki. Voprosi teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 11, 286–290. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.60>
- Kolesnikova, I. A. (2016). Kontseptosfera nepreryvnogo obrazovaniya: logika i metodologiya izucheniya [Concept sphere of lifelong learning: Logic and methodology of the study]. *Nepreryvnoe obrazovani: XXI vek [Lifelong Education: XXI century]*, 3 (15), 124–140. (In Russ.).
- Kopylovskaya, M. Yu. (2022). Lingvodidakticheskaya terminologiya: problemi i vyzovy sovremennosti [Lingvodidactic terminology: problems and challenges of modern time]. *Universal'noye i natsionalnoye v yazykovoy kartine mira [Universal and national in linguistic picture of the world]* (pp. 179–181). Minsk : Minsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Kreneva, I. V., Kupriakhin, A. A. (2022). Obzor sovremennykh realiy ispolzovaniya angliyskogo yazyka kak sredy prepodavaniya v sisteme rossiyskogo vysshego obrazovaniya [Modern realities of English as a medium of instruction (EMI) within Russian higher education system]. *Problemi modernizatsii yazykovogo obrazovaniya. Inostrannye yazyki [Problems of modernization of language education. Foreign languages]* (pp. 78–82). Syktyvkar : Syktyvkar State University Press. (In Russ.).
- Lovtsevich, G. N., Trifonov, A. S. (2016). Definitsiya termina v ramkakh traditsionnogo i sotsiokognitivnogo podkhodov v terminovedenii [Terminological definition within the framework of traditional and sociocognitive terminology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2 (1), 50–62. (In Russ.).
- Maslennikova, E. M. (2015). *The System of Education in Great Britain [The System of Education in Great Britain]: A coursebook*. Tver: Tver State University Press. (In Russ.).
- Miroshnikova, O. Kh. (2015). Kommertsializatsiya vysshego obrazovaniya kak faktor popolneniya obshenauchnoy terminosferi universitetskogo diskursa [Higher Education Commercialization as Factor of General Scientific Terminology Replenishment in University Discourse]. *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 9 (45), 84–99. (In Russ.).
- Morozova A. N., Tiurina O. A. (2021). Termin-kontsept «power» v publichnykh vystupleniyakh amerikanskikh prezidentov: semantika, sintagmatika, pragmatika [The «power» concept in public speeches of American presidents: Semantics, syntagmatics and pragmatics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (3), 149–160. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_149_160
- Muhina, A. N. Sovremennyye realii sfery obrazovaniya Velikobritanii v publitsisticheskikh izdaniyakh i SMI kak ob'ekt perevoda na russkiy yazyk [Modern realia of education of Britain in periodicals and mass media as an object of translation into Russian]. *TERRA LINGVAE*, 9 (pp. 187–192). Kazan : Kazan Federal University Press. (In Russ.).
- Narmuratov, Z. R. (2022). Lingvokulturologicheskie osobennosti poslovits s kontseptom obrazovanie v angliyskom i uzbekskom yazykakh [Lingvocultural peculiarities of proverbs with the concept education in English and Uzbek languages]. *Yazyk i mental'nost' v diachronii [Language and mentality in diachrony]* (pp. 300–304). Vladimir : Vladimir State University Press. (In Russ.).
- Narozhnyaya, P. I. (2020). Razlichitel'nye osobennosti yazykovykh realii v sisteme obrazovaniya angloyazychnykh stran [Distinctive features of linguistic realia in the system of education of English-speaking countries]. Aktual'nye issledovaniya yazyka i kulturi: teoreticheskie i prikladnye aspekti [Current research of language and culture: Theoretical and applied aspects]: *III All-Russia student conf. proc.* (pp. 30–32). St Petersburg: Pushkin Leningrad State University Press. (In Russ.). <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2022/04/04/razlichitelnye-osobennosti-yazykovykh>

- Nizovets, T. I. (2015). Obuchenie realiyam pravovoi sistemi Velikobritanii v kurse angliyskogo yazyka dlya studentov-yuristov [Teaching realia of law system of Britain in the course of English language for law students]. *Sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudentsiya: teoriya i praktika [Socio-economic Research, Humanities and Law Science: Theory and Practice]*, 1, 156–160. (In Russ.).
- Novikova, V. S. (2018). Razvitie semantiko-derivatsionnogo potentsiala imen korrelyativnykh kontseptov of Student v angliiskoy i russkoy lingvokulturakh [Development of semantic-derivative potential of names of correlative concepts of Student in English and Russian language cultures]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 4 (193), 142–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-142-146>
- Ostrovskaya, T. A. (2021). Meritokraticeskaya elita i mesto kontsepta obrazovanie v sovremennom angliyskom diskurse [Meritocratic elite and the place of “education” concept in modern English discourse]. In O. A. Vorob'eva (Ed.), *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya [Current issues of humanitarian education]* (pp. 284–290). Minsk : Belarusian State University Press. (In Russ.).
- Pashkova, A. D. (2019). Yazykovye sredstva reprezentatsii obshey otsenki reformy obrazovaniya v amerikanskom media-politicheskom diskurse [Linguistic means for representation of general evaluation of education reform in American media-political discourse]. *Obshie i chastnye voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeystviya [General and special issues of philology and translation science in the context of cross-cultural interaction]* (pp. 125–131). Cheboksary : Chuvash State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Petrova, I. M. (2019). Potential poiskovoy sistemy Google pri provedenii issledovaniy v ramkakh kognitivnoy korpusnoy lingvistiki [The potential of Google search for studies in cognitive corpus linguistics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (3), 127–142. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_127_142
- Polukhina P. A. (2020). K voprosu ob alternativnykh variantakh sovremennym akademicheskim slovar'am angliyskogo yazyka [On alternative variants to modern academic dictionaries of the English language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 6 (1), 137–148. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_137_148
- Savyolova, Yu. K. (2020). Linvosotsiokulturnaya informatsiya kak component tekstovogo analiza universitetskikh saitov [Linguistic and sociocultural information as a component of text analysis on university websites]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 6 (2), 131–141. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_131_141
- Savtchits, A. S. (2015). Metodika sostavleniya uchebnogo dvuyazychnogo slovarya-glossariya linvodidakticheskikh terminov [Methodology of designing student's translation glossary of linguodidactic terminology]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Speranskaya, N. I., Vertyankina, N. V. (2021). Terminologicheskii klaster “distantcionnoe obuchenie” [Terminology cluster “distance learning”]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya. Gumanitarnye nauki [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series Humanities]*, 2, 182–185. (In Russ.).
- Timofeeva, M. K. (2023). Mezhdistsiplinarnyy sopostavitel'nyy slovar' terminov [Interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 143–158. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143
- Tomakhin, G. D. (2003). *Lingvostranovedcheskiy slovar' Soedinennoe Korolevstvo Velikobritanii i Severnoy Irlandii [Linguocultural dictionary The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]*. Moscow : Ast-Press. (In Russ.).
- Tomakhin, G. D. (1988). *Realii-amerikanizmy: posobie po stranovedeniyu [Realia-americanisms: A guide to country studies]*. Moscow : Vysshaya Shkola Press. (In Russ.).
- Trifonov, A. S. (2015). Kriterii otbora terminov dlya slovnika terminologicheskogo slovarya [Criteria for terminology selection for the LSP dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1 (4), 76–84. (In Russ.).
- Trifonov, A. S. (2016). Osnovnye parametri tipologizatsii uchebnykh slovarey [Basic parameters for classification of the learner's dictionaries]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2 (1), 80–90. (In Russ.).

- Tsverkun, Y. B. (2018). Osobennosti angloyazychnykh terminov sistemy obrazovaniya (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [Specifics of English terminology of education system (Linguocultural aspect)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Tsverkun, Y. B. (2019). Urovni funktsionirovaniya terminologicheskikh yedinit vkodyashikh v terminosistemi shkol'nogo i vysshego obrazovaniya Velikobritanii i SSHA [Levels of terminological units functioning in terminological systems of school and higher education in the UK and the USA]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 12 (5), 319–323. (In Russ.).
- Tsverkun, Y. B. (2020). Spetsifika terminoobrazovaniya yedinit s kulturnym komponentom znacheniya vkhodyashikh v terminosistemi vysshego obrazovaniya Velikobritanii [The formation peculiarities of the British higher education terminological units with the cultural component of meaning]. *Baltiiskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*, 9, 3 (32), 341–344. (In Russ.).
- Tsverkun, Y. B. (2022). Osobennosti mezhotraslevogo zaimstvovaniya kak sposoba popolneniya angloyazychnoy terminologii sfery obrazovaniya [Specifics of interdisciplinary borrowing as a source of the Anglo-American education terminology enrichment]. *Vestnik Samarskogo u-ta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]*, 28 (2), 109–115. (In Russ.).
- Cherkasova, I. A. (2021). Lingvisticheskoe issledovanie tsennostei v amerikanskom mediadiskurse ob obrazovanii [Linguistic study of values in American media discourse about education]. *Obshie i chastnye voprosi filologii i perevodovedeniya v kontekste mezhkul'turnogo vzhaimodeistviya [General and specific issues of philology and translation studies in the context of cross-cultural interaction]* (pp. 125–131). Cheboksary : Chuvash State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Zhang, T., Xu, H. (2022). Postroenie i primeneniye lingvisticheskogo korpusa v annotatsionnom perevode s russkogo na kitayskiy yazyk [Designing and applying language corpus for annotating translation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (4), 175–186. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_175
- Shamina, E. A. (2020). Sovremennyy angloyazychnyy diskurs v usloviyakh pandemii: metodicheskyy potentsial [Contemporary English language discourse during the pandemic: Methodological potential]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 6 (4), 170–181. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_170_181
- Shamova, N. A. (2019). Osobennosti slovoobrazovaniya v sfere terminologii sovremennogo angliyskogo kinodiskursa [Word formation patterns in contemporary English cinema discourse terminology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (4), 152–162. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_152_162
- Shevtsova, A. Yu. (2020). Tsifrovaya model' normativnogo dvuyazychnogo slovarya-tezaurusava terminov aviatsionnoy ekologii [Digital model of a standard bilingual ecological thesaurus of civil aviation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 6 (3), 184–196. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_184_196
- Astapenko, E. V. (2021). Updating the synonyms of the term “teacher” in the vocabulary of modern English (From missionary to zoom tutor) // *Russian Linguistic Bulletin*, 1 (25), 38–44. *Cambridge English Dictionary*. Retrieved April 25, 2023 from <<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>>.
- Collins English Dictionary*. Retrieved April 28, 2023 from <<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>>.
- Longman Dictionary of Contemporary English Online*. Retrieved April 28, 2023 from <<https://www.ldoceonline.com/>>.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Retrieved April 29, 2023 from <<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>>.
- Wallace, S. (2015). *A Dictionary of Education*. 2nd edn. Oxford University Press.

УДК 811.161.1

Процукович Елена Александровна✉, Иванашко Юлия Петровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
amursea@mail.ru,

Особенности лексического наполнения устных текстов общественно-политической направленности

Аннотация

Цель статьи – получить детальную картину о частотности лексических единиц разных групп в составе устных выступлений общественно-политической направленности. В исследовании использовались методы классификации, контекстного анализа и количественных подсчётов. В результате лексемы и их словоформы были распределены по шести группам: общественно-политической терминологии, иноязычной лексики, имён собственных, фразеологизмов, сниженной лексики и сокращений. Исследование показало превалирование исконной общественно-политической терминологии в общей массе рассматриваемой лексики. Данная группа представлена собственно политическими лексемами, составляющими терминологическое ядро, а также периферийными терминами из области экономики, юриспруденции, общественных наук. Иноязычная лексика греческого, латинского и арабского происхождения, включала в себя термины, заимствованные в процессе межкультурной коммуникации из английского, немецкого, французского языков. В группу имён собственных вошли наименования географических объектов, названия организаций, компаний, госорганов и структур, именованных лиц, занятых в политической, экономической, общественной жизни России и других стран. Использовались неполные имена (фамилии) при упоминании представителей политических, экономических и других институтов. Фразеологические единицы в материалах исследования представлены устойчивыми выражениями и ситуативно-обусловленными фразеологизмами. Использование сниженной лексики (жаргонизмов, вульгаризмов, просторечия) позволило дикторам создать атмосферу близости к аудитории, что допустимо в рассматриваемом формате коммуникации. Сокращения (сложносокращённые слова, аббревиатуры, акронимы) были семантически связаны с названиями федеральных служб, общественных и политических организаций, названиями компаний, институтов, отвечающих за государственную и общественную безопасность.

Ключевые слова: общественно-политическая терминология, иноязычная лексика, имена собственные, фразеологизмы, сниженная лексика, сокращения

© Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. 2024

Для цитирования: Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Особенности лексического наполнения устных текстов общественно-политической направленности // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 144–156.

Elena A. Protsukovich✉, Yulia P. Ivanashko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
amursea@mail.ru

Lexical characteristics of socio-political communication

Abstract

The current paper aims to obtain a comprehensive picture of various lexical groups distribution in socio-political oral speeches. In this study, we used the methods of classification, contextual analysis and descriptive statistics.

As a result, lexemes and their forms were distributed into 6 groups: socio-political terminology, foreign vocabulary, proper names, phraseological units, substandard vocabulary and shortenings. It was discovered that among all words, original socio-political terminology prevailed. Political lexemes comprised the terminological core while peripheral terms belonged to the spheres of economy, law, social science. Loan words originating from Greek, Latin, and Arabic included the terms borrowed from the English, French and German languages as a result of cross-cultural communication. Proper nouns were represented by geographical names, the names of organizations, companies, state authorities, names of politicians, economists, social activists functioning on the territory of Russia and other countries. The use of last names only while speaking of representatives of political, economic and other areas was characteristic for mass media. Phraseological units were grouped into socio-political idioms and situationally determined units. The use of substandard vocabulary (jargonisms, vulgarisms, popular words) enabled the speakers to reach to the audience which is quite characteristic for the format of socio-political communication. The semantics of shortenings (compounds, abbreviations, acronyms) was connected with naming government bodies, federal services, social and political institutions, companies responsible for public security.

Keywords: socio-political terminology, loan words, proper names, phraseological units, substandard vocabulary, shortenings

© Protsukovich E. A., Ivanashko Yu. P. 2024

For citation: Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2024). Osobennosti leksicheskogo napolneniya ustnykh tekstov obshchestvenno-politicheskoy napravlenosti [Lexical characteristics of socio-political communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 144–156.

1. Введение [Introduction]

Ни одна лексическая единица не существует вне контекста – слова приобретают свои значения будучи помещёнными в ту или иную языковую среду, в тот или иной акт коммуникации. Одни и те же слова могут использоваться в различных языковых ситуациях, однако значения этих лексем не всегда будут эквивалентными. С течением времени все лексические единицы расширяют свои семантические границы, что обусловлено непрерывными изменениями в жизни общества. Постоянное расширение контекстных употреблений слов и словосочетаний составляет естественный цикл их жизни [Crystal, 2007, p. 149]. Целью исследователей-лингвистов является фиксация изменений, происходящих в словарном составе языка в процессе его функционирования в речевой коммуникации.

Общественно-политическая коммуникация играет немаловажную роль в жизни современного общества, отражая реалии различных сфер его деятельности посредством набора языковых средств, используемых участниками данного вида общения. Изучение политической коммуникации с лингвистической точки зрения, а именно её лексического состава, представляется крайне важным в связи с тем, что общественно-политическая коммуникация являет собой речевую деятельность, обладающую широким набором функций: продвижение тех или иных ценностей или идей, эмоциональное и другое воздействие на получателей информации, побуждение их к тем или иным политическим действиям, принятие общественно-политических решений [Чудинов, 2012, с. 6]. Набор лексических единиц, входящих в общественно-политическую коммуникацию, не является статичным и изменяется вместе с социумом, в ней участвующим, пополняя и обогащая словарный состав русского языка в целом. Наличие изменений в лексическом составе общественно-политической речи требует их непрерывной фиксации, что обуславливает актуальность предпринятого исследования.

Настоящая статья представляет собой третий этап серии работ, посвящённых общественно-политической лексике русского языка [Процукович, Иванашко, 2021, 2023] и ставит целью получение детальной картины о частотности лексических единиц разных групп в составе устных выступлений общественно-политической направленности.

Общественно-политическая лексика – это пласт лексического состава языка, который отображает наименования событий, явлений и реалий общественно-политической жизни, представленных в сферах политики и экономики [Протченко, 1984, с. 103].

Исследователи, занимающиеся изучением общественно-политической лексики, склонны считать, что её границы довольно обширны [Гладкова, 2015 ; Ошеева, 2004 ; Чудинов, 2012]. Ю. В. Ошеева выделяет ядро и периферию данного пласта лексики. К ядру относится собственно политическая лексика (политические термины, дипломатическая лексика, внутри- и внешнеполитическая лексика, международная лексика и терминология) [Ошеева, 2004]. Периферия включает в себя слова, словосочетания, термины из социальной сферы, сфер экономики, юриспруденции, культуры, филологии и других [Гладкова, 2015].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1 Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили аудиозаписи спонтанной женской речи на русском языке – радиointервью, затрагивающие общественно-политические темы: здравоохранение, проблемы российского общества, экономические вопросы, внутреннюю политику государства, законотворчество, международные взаимоотношения, современное состояние судебной системы. Речевые образцы относятся к политической коммуникации, а именно, к той её части, которая осуществляется журналистами. Так же, как и общественно-политическая коммуникация в целом её понимании, данная категория речевых произведений направлена на привлечение внимания массовой аудитории к различным проблемам и путям их решения, помощь политикам в реализации их целей. Информация, представленная в данном типе коммуникации, воспринимается широкими массами так, как она преподносится СМИ [Чудинов, 2012, с. 37].

Все дикторы-женщины постоянно проживают в Российской Федерации, имеют высшее образование и обладают богатым многолетним опытом публичных выступлений. Речь дикторов правильная, нарушения слуха отсутствуют. Общая длительность звучания аудиointервью составляет 135 мин. 11 сек. Подробная информация о дикторах представлена в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. **Информация о дикторах исследования**
[Table 1. **Speakers' characteristics**]

Диктор	Пол	Возраст (лет на момент интервью)	Образование	Место жительства	Время звучания
Диктор 1 (D1)	женский	65	высшее, доктор географических наук, профессор	г. Москва	36 мин. 08 сек.
Диктор 2 (D2)	женский	53	высшее, кандидат филологических наук	г. Москва	36 мин. 08 сек.
Диктор 3 (D3)	женский	41	высшее, кандидат политических наук, доцент	г. Тула	50 мин. 55 сек.

Исследование включало в себя несколько этапов.

1. Подготовка текстовых версий аудиозаписей с сохранением индивидуальных языковых особенностей дикторов исследования.

2. Отбор из текстов лексики, относящейся к общественно-политической коммуникации, её систематизация и классификация (составление таблиц на основе данных научной литературы) [Зелянская, 2013, с. 95 ; Николаев, 2021, с. 32–33 ; Чудинов, 2012 ; Шимула, 2018, с. 101].

3. Анализ языковых особенностей общественно-политической лексики в соответствии с классификацией общественно-политической лексики, включающей терминологию, иноязычную лексику, имена собственные, фразеологизмы, сниженную лексику и сложносокращённые слова [Чудинов, 2006, 2012 ; Стернин, 2013, с. 15].

В ходе лингвистического анализа общественно-политической лексики из орфографических версий аудиозаписей было выделено 825 лексем (слов как структурных элементов языка) [Ахманова, 2007, с. 214] и 2632 словоформы, образованные этими лексемами. Отобранные лексеммы в свою очередь были классифицированы и подвергнуты анализу, заключающемуся в получении характеристик различных категорий общественно-политической лексики. Количественные данные были сформированы путём подсчёта всех реализаций изучаемой лексики в речи дикторов исследования. Проценты подсчитывались от общего количества всех реализованных ими словоформ.

При отборе иноязычных слов из обширного пласта общественно-политической лексики использовался сборный электронный словарь иностранных слов русского языка, включающий в себя словарные статьи из различных источников [Словарь иностранных слов русского языка].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Общественно-политическая терминология [Socio-political terminology]

В настоящем исследовании в категорию общественно-политической терминологии (далее – ОПТ) включены реализованные дикторами исследования лексические единицы, выражающие центральные политические и общественно-политические понятия, связанные с международными отношениями, мировой экономикой, реалиями внутриполитической и экономической жизни той или иной страны. Данный пласт лексики в анализируемых материалах представлен исконной и заимствованной терминологией. Под исконной лексикой подразумеваются слова, этимологически относящиеся к русскому языку и группе славянских языков. Иноязычная ОПТ, относящаяся к рассматриваемой категории, в настоящем разделе не рассматривается – она представлена в отдельной группе классификации (см. п. 2.2.2). В таблице 2 представлены характеристики терминов общественно-политической лексики: общее количество лексем и их словоупотреблений, а также примеры наиболее частотных в речи каждого интервьюируемого лексем (на основании частоты употребления их словоформ).

Т а б л и ц а 2. **Общественно-политическая терминология**
[T a b l e 2. **Socio-political terminology**]

Общее количество лексем, ед.	Диктор 1 (D1)	Диктор 2 (D2)	Диктор 3 (D3)
	38	80	211
Общее кол-во словоупотреблений, ед.	200	253	806
% реализации	37	32	63
Средняя частотность лексеммы, ед.	5,26	3,16	3,81
Наиболее частотные лексеммы (количество словоупотреблений)	страна (22) расход (19) деньги (16) доход (13) рубль (11)	деньги (28) долг (16) страна (11) иск (9) власть (4)	свобода (59) человек (26) дело (уголовное) (29) тюрьма (19) заключённый (17)

Всего дикторами исследования реализовано 329 лексем и 1259 словоформ ОПТ. Как видно из таблицы 2, наибольшее количество лексем и словоупотреблений ОПТ реали-

зовано D3 – 211 и 806 единиц соответственно – это 63% всех реализаций данного диктора. В речи D2 зафиксированы 80 лексем и 253 конкретные словоформы, средний процент употребления данного вида лексики составляет 32%. D1 использует наименьшее количество лексем данной группы – 38, однако каждая лексическая единица имеет максимальную по сравнению с другими дикторами частотность – 5,26. Общее количество словоформ, реализованных данным диктором, составляет 200 терминологических единиц.

Наиболее частотные лексемы в терминологической группе связаны с политикой (*власть, выборы, глава, преемник, правительство* и другие), социумом (*общество, страна, население, свобода, человек, государство* и другие), экономикой (*рубль, деньги, доход, расход, долг, прибыль, дефицит, профицит, налог* и другие) и юриспруденцией (*закон, законодательство, порядок, преступник, приговор, тюрьма, заключённый, обвинение, право, суд, исполнение* и др.).

Приведём примеры контекстов употребления ОПТ.

(1) D1: *Поэтому наш хороший профицит федерального бюджета – не вопрос качества **управления**. Это вопрос **цены** на нефть.*

(2) D2: *Благодаря мудрому **руководству партии и правительства** вот уже 20 лет у нас нету надежд на создание сколько-нибудь постиндустриальной экономики.*

(3) D3: *В чём наша беда? По-прежнему, высокая доля **заключённых**. Слишком высокие **сроки**, обвинительный уклон **суда**. Во-первых, большой процент **наказаний**, связанных с **лишением свободы**.*

2.2.2. Иноязычная лексика [Loan words]

Иноязычные заимствования были разнообразны по своей семантике и относились к различным сферам жизни: политике, экономике, финансам, коммерческой и некоторым другим областям. Таблица 3 демонстрирует данные об иноязычных лексемах.

Т а б л и ц а 3. Иноязычная лексика
[T a b l e 3. Loan words]

Общее количество лексем, ед.	Диктор 1 (D1)	Диктор 2 (D2)	Диктор 3 (D3)
		34	51
Общее кол-во словоупотреблений, ед.	149	179	336
% реализации	27	22	26
Средняя частотность лексемы, ед.	4,38	3,51	3,95
Наиболее частотные лексемы (количество словоупотреблений)	бюджет (45) регион (14) кредит (12) эффект (7) федерация (6)	миллиард (36) миллион (18) доллар (13) колония (12) норма (8)	система (23) политика (20) конституция (14) реформа (13) структура (10)

Анализу в данном разделе подверглись 170 лексем и 664 словоупотребления. Максимальное количество лексем зафиксировано в речи D3 – 85 единиц, минимальное – в речи D1 – 34. Однако средняя частотность лексем оказалась выше в речи D1, поскольку данный информант реализовал каждую лексему в среднем 4,38 раза. Средний процент реализации иноязычной лексики в речи дикторов составил 25%.

Группу наиболее часто реализующихся лексических единиц данной категории составляют общеполитические, экономические, юридические, общественные термины, заимствованные преимущественно из английского, немецкого, французского языков: *президент, конституция, демография, гастарбайтер, мигрант, парламент, партия, рей-*

тинг, гуманизация, бюрократ, коррупция, террорист, субъект, регион, революция, патриотизм, журналист, информация, статистика, доллар, техника, экономика, конфликт, армия, олигарх, оппозиция, банк, кредит, инициатива, практика, митинг и другие:

(4) D1: Если перевести 20 миллиардов **долларов** в рубли – это расходы всех **бюджетов субъектов федерации** на здравоохранение за год.

(5) D2: Он был киллером у каких-то мошенников, которые брали **кредиты в банках** и переводили их на подставные **фирмы**.

(6) D3: Как нужно **реформировать** эту **систему**? На самом деле направления три: **гуманизация** законодательства, **реформа самой системы**, делание её подотчётной обществу и **система ресоциализации** заключённых.

2.2.3. Имена собственные [Proper names]

Результаты анализа имён собственных представлены в таблице 4. Выявлено, что в процессе общественно-политической коммуникации дикторами использовались имена собственные, обозначающие географические объекты, названия компаний, организаций, государственных органов, имена политических и общественных деятелей. Было отмечено, что часто именованья стран использовались не как обозначения географических объектов, а как социально-политические термины. Так, употребляя слово *Россия*, дикторы имели в виду не территорию Российской Федерации на политической карте, а государство как институт в процессе осуществления своей деятельности, власть РФ, ведущую политику.

Обращает на себя внимание особенность номинации лиц, упоминаемых в материалах интервью. В подавляющем большинстве случаев дикторами использовались неполные имена, состоящие только из фамилий политических и общественных деятелей. Такой способ номинации является традиционным для разных видов дискурса русского языка – как бытового, так и институционального. Выбор коммуникантами краткого наименования той или иной личности объясняется их желанием сэкономить речевые усилия, сделать речь менее избыточной.

Т а б л и ц а 4. **Имена собственные**
[T a b l e 4. **Proper names**]

Общее количество лексем, ед.	Диктор 1 (D1)	Диктор 2 (D2)	Диктор 3 (D3)
	20	70	22
Общее кол-во словоупотреблений, ед.	63	250	61
% реализации	13	30	5
Средняя частотность лексемы, ед.	3,15	3,57	2,77
Наиболее частотные лексемы (количество словоупотреблений)	Москва (15) Россия (13) Африка (9) Венесуэла (4) Кудрин (Алексей) (2)	Африка (29) Россия (26) Аэрофлот (13) Путин (Владимир) (12) Эрдоган (Эрджеп) (8)	Россия (9) Галкин-Враской (Михаил) (5) Калмыкия (5) Европа (4) Клишас (Андрей) (4)

Общее количество реализованных дикторами имён собственных составило 102 лексемы и 374 словоупотребления. В речи D2 зафиксированы максимальные значения всех исследуемых параметров – общее количество лексем (70), общее количество словоупотреблений (250), а также средняя частотность каждой реализованной лексемы (3,57). Обращает на себя внимание тот факт, что средний процент реализаций имён собственных в речи D2 – 30% – заметно превышает значения, полученные по D1 и D3. Кроме того, об-

шее количество лексем и их конкретных словоформ в речи D1 и D3 значительно меньше: разница с количеством реализаций имён собственных в речи D2 составляет 3,2–3,5 раза.

К наиболее частотным именам собственным можно отнести следующие: *Россия, Советский Союз, Африка, Венесуэла, Китай, Европа, Сирия; Путин, Трамп, Эрдоган* и другие. Примеры реализации имён собственных в контекстах представлены ниже.

(7) D1: *26% по 2018 году всех налоговых доходов федерального бюджета дал Ханты-Мансийский автономный округ. Нефтяные деньги. Ещё примерно 10% – Ямало-Ненецкий автономный округ.*

(8) D2: *На форуме **Россия – Африка**, который происходит, естественно, в третьей столице **России – Сочи**, где тепло, в царской резиденции **Владимир Владимирович** напомнил, что мы простили **Африке** долгов на 20 миллиардов долларов.*

(9) D3: *Это знаменитые **Кресты**, которые употребляются в этом своём качестве до сих пор. Но при **Галкине-Враском** это была тюрьма для так называемых срочных арестантов.*

2.2.4. Фразеологизмы [Phraseological units]

Фразеологические единицы в общественно-политической коммуникации призваны служить средством придания тексту большей экспрессивности и оценочности. В настоящей работе фразеологизмы понимаются в широком смысле, то есть в группу, их объединяющую, входят идиоматические обороты, пословицы, поговорки, афоризмы, часто повторяющиеся устойчивые выражения (коллокации).

Анализ текстов интервью показал, что дикторы используют фразеологизмы, которые можно условно разделить на две группы:

1) в семантическом плане относящиеся к общественно-политической сфере и представляющие собой именные и глагольные коллокации (указ президента, орган власти, индексация зарплат и др.);

2) ситуативно обусловленные фразеологизмы, не связанные с общественно-политической жизнью – просторечные устойчивые выражения, поговорки и речевые обороты из бытового дискурса (вестник сумы и тюрьмы, вылететь в трубу, дурацкая привычка и др.).

В первую группу вошли фразеологизмы, представленные в основном коллокациями – словосочетаниями, которые имеют признаки синтаксически и семантически целостной единицы, где выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а второго зависит от выбора первого [Crystal, 2011, p. 86–87] (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. **Общественно-политические фразеологизмы**
[T a b l e 5. **Socio-political phraseological units**]

Общее количество лексем, ед.	Диктор 1 (D1)	Диктор 2 (D2)	Диктор 3 (D3)
	13	42	89
Общее кол-во словоупотреблений, ед.	38	95	162
% реализации	7	12	13
Средняя частотность лексемы, ед.	2,92	2,26	1,82
Наиболее частотные лексемы (количество словоупотреблений)	субъект федерации (9) федеральный бюджет (7) исполнение бюджета (6) высшая школа (4) рыночные отношения (3)	государственная дума (5) гражданский иск (3) авторитарные страны (3) природные ресурсы (2) долгосрочная стратегия (2)	следственный комитет (12) пенитенциарная система (7) исполнение наказания (5) преступная группа (4) система исполнения наказаний (4)

Всего дикторами реализовано 144 фразеологизма данного типа и 295 их реализаций с изменением словоформ. Максимальное количество реализаций общественно-политических фразеологизмов отмечено в речи D3 – 89 лексем и 162 словоформы. Минимальное количество лексем и словоупотреблений данного вида общественно-политической лексики (13 и 38 соответственно) зафиксированы в речи информанта D1, однако в его речи отмечается наибольшая частотность данных лексем – 2,92. Тематически все фразеологические единства, относящиеся к общественно-политической сфере, были разделены на три группы.

1) общеполитические сочетания: *исполнительная власть, кадровая политика, кредит доверия, общественное обсуждение, первое / второе чтение, рейтинг процветания, занимать должность, административная борьба, акция протеста, вертикаль власти, председатель Совета Федерации, орган власти, выборы главы / мэра, проект поправок, социальное удовлетворение, указ президента* и другие;

2) коллокации, связанные с финансово-экономической сферой: *повышение зарплат, вкладывать деньги, индексация зарплат, исполнение бюджета, мировой рынок, рыночные отношения, приносить прибыль, пособие по уходу за ребёнком, подставные фирмы* и другие;

3) фразеологические единства, относящиеся к уголовному и гражданскому праву, а также к системе исполнения наказания: *следственный комитет, возбудить дело, выбивать показания, пирамида права, меры процессуального принуждения, совершить преступление, подписка о невыезде, эксплуатация труда заключённых* и другие.

(10) D1: *Могу сказать, что по субъектам федерации, если мы возьмём доходы бюджетов, то соответственно, 13% роста – неплохо.*

(11) D2: *Они [ресурсы] просто составляют конкуренцию российским ресурсам, которые мы тоже экспортируем. Мы этим живём на мировом рынке.*

(12) D3: *... это сайт, на котором органы исполнительной власти вывешивают свои инициативы для двухнедельного общественного обсуждения. Министерство труда и социального развития вывесило там проект поправок в вариант законов о социальном обеспечении.*

Во вторую группу были включены афоризмы, цитаты, неустойчивые перифразы идиоматических выражений, семантически связанные с описанием стран, политиков, идеологии, политически значимого события или периода, а также, поговорки и речевые обороты бытового дискурса (см. табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Ситуативно обусловленные фразеологизмы
[Table 6. Situationally determined phraseological units]

Общее количество лексем, ед.	Диктор 1 (D1)	Диктор 2 (D2)	Диктор 3 (D3)
	56	47	23
Общее кол-во словоупотреблений, ед.	56	56	24
% реализации	10	7	2
Средняя частотность лексемы, ед.	1	1,19	1,04
Наиболее частотные лексемы (количество словоупотреблений)	закрыть лавочку (1) манна небесная (1) развести руками (1) чтоб я так жил (1) христианское терпение (1)	дырка от бублика (3) шарашкина контора (2) деньги в трубу (1) управлять в ручном режиме (1) аттракцион невиданной щедрости (1)	попасть в лапы (1) волосы встают дыбом (1) стольпинский вагон (1) вертикальные решения (1) запахнуть зубы под шкаф (1)

Общее количество ситуативно-обусловленных фразеологизмов – 126 лексем и 136 словоупотреблений. Средний процент употребления данного вида лексики варьирует в речи дикторов от 2% до 10%. Максимальная частотность отмечена в речи D1, минимальная – в речи D3 (56 и 23 лексемы соответственно). В общем массиве ситуативно обусловленных фразеологизмов можно выделить две основные группы:

1) афоризмы, неустойчивые перефразы идиоматических выражений и цитаты из фильмов, телепередач, книг: *огласите, пожалуйста, весь список; широкая русская душа; парень, твои проблемы; аттракцион невиданной щедрости; нет предела статистическому совершенству; нарисовать красивые цифры; Граждане, сохраняйте спокойствие!; Пройдёмте!* и другие;

2) устойчивые речевые обороты бытового дискурса, поговорки: *вылететь в трубу; гнать волну; греть уши; заоблачные деньги, низкий поклон и отдельное спасибо; как в воду кануть; со свиным рылом в калачный ряд; стихнуть ответственность* и другие.

(13) D1: *Ну, вот если вам это нравится – **флаг в руки**. Если вы так любите Африку и считаете, что Африка «наше всё», я только **добавлю перца в эту песочницу**.*

(14) D1: *А в 2019 году **феерическим образом** он вырос на 30%. Что случилось? **Манна небесная** под названием Москва? Поэтому нет предела **статистическому совершенству**.*

(15) D2: *И что мы получаем за эти деньги от той же Венесуэлы? **Дырку от бублика**. Потому что понятно, что или Мадуро, в конце концов, скинут и тогда этим деньгам каюк, или Мадуро если окрепнет и оставит за собой власть, то тогда скажут: «Ну, извините, у нас, у Венесуэлы **денег нет, но вы держитесь**». Вот зачем вместо того, чтобы платить своим, **выбрасывать деньги в трубу?***

(16) D2: *Поэтому ну где нам **со свиным рылом в калачный ряд**, какую Африку мы можем колонизовать, что мы можем объяснить?*

(17) D3: ***Не глянем единым** жива политическая наука.*

2.2.5. Сниженная лексика [Substandard vocabulary]

В средствах массовой информации в последнее время наблюдается более широкое использование сниженной лексики, к которой относятся не только разговорные слова и выражения, но и просторечия, жаргонизмы и вульгаризмы. Нами выявлены реализации всех категорий этой лексики (общие количественные показатели см. в табл. 7).

Т а б л и ц а 7. **Сниженная лексика**
[T a b l e 7. **Substandard vocabulary**]

Общее количество лексем, ед.	Диктор 1 (D1)	Диктор 2 (D2)	Диктор 3 (D3)
		23	28
Общее кол-во словоупотреблений, ед.	31	52	15
% реализации	6	6	1
Средняя частотность лексемы, ед.	1,35	1,86	1,5
Наиболее частотные лексемы (количество словоупотреблений)	оборонка (6) понты (2) тупой (2) шмотье (2) тенёвка (2) бuzить (1) рихтовать (=улучшать) (1) коммуналка (1)	откат (5) дербанить (4) распил (3) шашни (2) чушь (1) бумажка (=документ) (2) бабло (2) левак (1) установка (=уставной фонд) (1)	кандалы (=наручники) (3) тамошний (2) болтаться (1) совать (1) гуглить (1)

Всего было реализовано 76 лексем и 98 словоупотреблений единиц сниженной лексики. Чаще других данный вид общественно-политической лексики встречается в речи D1 и D2 – 23 и 28 лексем соответственно; в речи D3 значительно реже – 10 лексем. Средняя частотность лексем относительно невысока в речи всех информантов – 1,35–1,86. Процент употребления данного вида лексики в речи дикторов варьирует от 1% до 6%.

Помимо примеров, представленных в таблице 7, дикторами были реализованы следующие просторечия и жаргонизмы: *впроголодь*, *дико*, *дурак*, *дурацкий*, *копейки*, *кубышка*, *тенёвка* (=теневой бизнес), *двушечка* (= два года), *трёшка* (= три миллиона), *каюк*, *переиграть*, *чистка*, *хрущёвка*, *нефтянка*, *установка*, *левак*, *кидать* (Советский Союз), *вписаться* (за Польшу) и другие.

(18) D1: Мы сейчас будем заключать ещё на 14 миллиардов **баксов**, извините за просторечие, новые контракты. Дело будет под 300 миллиардов на благоустройство. **Опаньки**.

(19) D2: Россия используется на наших глазах как банк, который **дербанят** менеджеры, которые выдают кредиты **шарашкиным** конторам, которые в ответ выдают **откаты**.

(20) D3: Но, если на выходе из студии меня будет ждать прокурор, который скажет: «Знаете, наговорили вы тут, [...D3], на **двушечку**. Пройдёмте!» – то это ограничивает мою свободу слова.

(21) D1: Цены-то на экспортный товар неплохие. Поэтому все **крупняки** более или менее с прибылью.

(22) D1: То есть сделать что-то с демографией – она ухудшается. Как-то **подрихтовать**.

(23) D2: Плюс ещё мы вложили 5 миллиардов в **нефтянку** Венесуэлы.

(24) D2: Между тем **бабло**, которое потом тилится, надо с кого-то собирать.

Применение таких лексических единиц решает важную манипулятивную задачу – создаёт у слушающего иллюзию близости к автору речевого произведения – благодаря данному языковому приёму оппозиция «свой – чужой» стирается в социальном плане, и оратор воспринимается как представитель «своей» группы.

2.2.6. Сокращения [Shortenings]

Процесс сокращения слов происходит в развитии любого языка во всех его сферах, включая общественно-политическую лексику. В группу сокращённой лексики в материале исследования вошли аббревиатуры, акронимы и сложносокращённые слова. (см. табл. 8).

Т а б л и ц а 8. Сокращения
[T a b l e 8. Shortenings]

Общее количество лексем, ед.	Диктор 1 (D1)	Диктор 2 (D2)	Диктор 3 (D3)
		12	7
Общее кол-во словоупотреблений, ед.	39	27	35
% реализации	7	3	3
Средняя частотность лексемы, ед.	3,25	3,86	2,64
Наиболее частотные лексемы (количество словоупотреблений)	зарплата (9) Росстат (5) НДС (5) гособоронзаказ (4) соцполитика (2)	ИГИЛ (8) зарплата (6) Ростехнадзор (5) Росгвардия (1) Газпром (1)	ФСИН (15) МЧС (3) ГУЛАГ (3) Минсельхоз (1) госбезопасность (4)

По данным таблицы, сокращённые слова не были частотными – общее количество лексем составило 33 единицы, словоформ – 101. В речи D1 и D3 реализовано 12 и 14 лексем соответственно, в речи D2 – 7. Несмотря на то, что в речи D2 зафиксировано наименьшее количество лексем и словоупотреблений, их средняя частотность является максимальной – 3,86. Процент употребления сокращений в речи D1 в 2,3 раза превышает количество реализаций данного вида лексики в речи D2 и D3 (7% и 3% соответственно).

Чаще всего сокращения представлены названиями федеральных служб (*Ростат, Ростехнадзор, Росгвардия, Юнармия, Минсельхоз, Минздрав* и другие), терминами, связанными с социальной политикой (*соцполитика, соцзащита, соцпакет, ЖКХ* и другие), финансовой сферой (*зарплата, госказна, госзакупки, Минфин* и другие) и безопасностью (*Госбезопасность, Гособоронзаказ, МЧС, спецслужба* и другие).

(25) D1: *Промышленность растёт, потому что неплохие цены на сырьё, – раз, оборонке бюджет даёт много гособоронзаказа – два.*

(26) D2: *... для того, чтобы власти узнали о её существовании, надо было подать бумажку в **Ростехнадзор** и прочие органы о том, чтобы согласовать эту дамбу, а поскольку бумажки не подали, то **Ростехнадзор** и не знал о существовании дамбы, о которой, естественно, знали все окрестные жители.*

(27) D3: *Одновременно наша система **ФСИН** одна из самых дорогих среди мировых систем исполнения наказаний. Бюджет федеральной службы превышает бюджет, например, **Минздрава** и **Минсельхоза**, даже **МЧС**.*

3. Заключение [Conclusion]

Исследование особенностей лексики в интервью СМИ общественно-политической тематики, позволило прийти к следующим выводам.

1. Общественно-политическая терминология закономерно превалирует в массиве исследуемой лексики, что обусловлено тематикой аудиотекстов. В ходе анализа материала было выявлено использование дикторами как исконной терминологии, так и заимствованной. Слова, относящиеся к группе исконной общественно-политической терминологии, были представлены как терминами, входящими в её ядро, так и периферийными единицами. Ядро данной группы было представлено собственно политическими лексемами, а периферию составили термины из сферы экономики, юриспруденции, общественных наук.

2. В состав иноязычной общественно-политической лексики вошли термины, представляющие те же сферы, которые были выделены в результате анализа исконной терминологии. Этимологически данная лексика принадлежит к словам греческого, латинского, арабского происхождения, а в русский язык была заимствована из английского, немецкого, французского языков в процессе межкультурной коммуникации.

3. Тематика интервью обусловила выбор дикторами набора имён собственных, в состав которых вошли наименования географических объектов (стран, субъектов РФ, названий населённых пунктов в России и за рубежом), названия организаций и компаний, государственных органов и структур, именованная лиц, занятых в политической, экономической, общественной жизни России и других стран. Используя названия стран, дикторы не столько подразумевали их отнесённость к географическим объектам, сколько имели в виду государство как общественно-политический институт, орган власти. При упоминании известных политических деятелей дикторы в основном использовали их фамилии, опуская имена, отчества и статус, что составляет норму медийной общественно-политической коммуникации, если речь идёт о третьих лицах.

4. Анализ материалов позволил выделить две основные группы фразеологических единиц, использованных дикторами в процессе коммуникации. В первую группу вошли фразеологизмы, отражающие общественно-политическую деятельность, выраженные как связанными идиоматическими единствами, так и коллокациями. Тематически данная

группа образных выражений представлена политическими, финансово-экономическими и юридическими терминами. Во вторую группу вошли ситуативно-обусловленные фразеологические единицы (афоризмы, поговорки, идиомы), реализованные дикторами с целью придания высказываниям экспрессивно-эмоциональной окрашенности.

5. Сниженная лексика не была частотной, однако её использование в большей или меньшей степени было свойственно всем дикторам. К данной группе лексики отнесены просторечия, жаргонизмы и вульгаризмы. Наряду с фразеологическими единицами основной функцией сниженной лексики явилось создание эффекта близости с аудиторией.

6. Группа сокращений в исследуемом материале в основном была представлена сложносокращёнными словами, созданными путём усечения одной или нескольких основ, входящих в их состав. Меньшую часть сокращений составили аббревиатуры и акронимы. В общественно-политической коммуникации сокращения были представлены следующими тематическими группами: именованиями федеральных служб, общественных и политических организаций, названиями компаний, институтов, отвечающих за государственную и общественную безопасность.

Настоящее исследование позволило получить детальную картину о лексическом составе устных выступлений общественно-политической направленности. Дальнейшее изучение лексического наполнения других коммуникативных видов текстов (устных и письменных) будет способствовать расширению знаний об их языковых особенностях.

Библиографический список

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М : КомКнига, 2007. 576 с.
- Гладкова, 2015 – Гладкова Е. Л. Новые термины в общественно-политической лексике современного персидского языка // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа / отв. ред. Д. А. Крячкова, Д. Н. Новикова. Изд-во «МГИМО-Университет», 2015. С. 72–82.
- Зелянская, 2013 – Зелянская Н. Л. Речевая самопрезентация политика в контексте изменяющихся стратегий социальной коммуникации (графосемантическое моделирование образа мира Б. Немцова) // Политическая лингвистика, 2013. № 2 (44). С. 92–100.
- Николаев, 2021 – Николаев И. В. Вербальные политические символы в коммуникации общества и власти: опыт типологизации // Социодинамика. 2021. № 1. С. 32–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.1.34945>
- Ошеева, 2004 – Ошеева Ю. В. Политическая лексика и фразеология русского языка: 1995–2000 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2004. 21 с.
- Протченко, 1984 – Протченко И. Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. М. : Педагогика, 1984. 222 с.
- Процукович, Иванашко, 2021 – Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Частотные характеристики лексических единиц общественно-политического дискурса в языке современных средств массовой информации // Актуальные научные исследования в современном мире. Вып. 10 (78). Ч. 12. Переяслав, 2021. С. 174–179.
- Процукович, Иванашко, 2023 – Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Частотность лексических единиц в общественно-политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9. № 1. С. 87–98. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_87
- Словарь иностранных слов русского языка. URL : https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения : 15.01.2024).
- Стернин и др., 2013 – Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Ярославль, 2013. 35 с.
- Чудинов, 2006 – Чудинов А. П. Политическая коммуникация. М. : ФЛИНТА : Наука, 2006. 256 с.
- Чудинов, 2012 – Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта, 2012. 256 с.
- Шимула, 2018 – Шимула Р. Лингвопрагматические аспекты современного газетного политического дискурса (на материале русского языка). Белосток : Белостокский ун-т, 2018. 352 с.

- Crystal, 2011 – Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. 6th edn. Blackwell Publish. Ltd., 2011. 529 p.
- Crystal, 2007 – Crystal D. Words, words, words. Oxford : Oxford University Press. 216 p.

References

- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow : KomKniga Press. (In Russ.).
- Gladkova, E. L. (2015). Novye terminy v obshchestvenno-politicheskoy leksike sovremennogo persidskogo yazyka [New terms in the socio-political vocabulary of modern Persian language]. In D. A. Kryachkova, D. N. Novikova (Eds), *Politika i politiki: politicheskii diskurs kak obyekt lingvisticheskogo analiza [Politics and politicians: Political discourse as an object of linguistic analysis]* (pp. 72–82). Moscow : MGIMO University Press. (In Russ.).
- Zelyanskaya, N. L. (2013). Rechevaya samoprezentatsiya politika v kontekste izmenyayushchikhsya strategiy sotsial'noy kommunikatsii (grafosemanticheskoe modelirovanie obraza mira B. Nemtsova) [Speech self-presentation of a politician in the context of changing social communication strategies (Graphic-semantic modeling of the image of the world by B. Nemtsov)]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 2 (44), 92–100. (In Russ.).
- Nikolaev, I. V. (2021). Verbal'nye politicheskie simvoly v kommunikatsii obshchestva i vlasti: opyt tipologizatsii [Verbal political symbols in the communication of society and power: the experience of typology]. *Sotsiodinamika [Sociodynamics]*, 1, 32–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.1.34945>
- Osheeva, Yu. V. (2004). *Politicheskaya leksika i frazeologiya russkogo yazyka: 1995–2000 gg. [Political vocabulary and phraseology of the Russian language: 1995–2000]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Ufa : Bashkir State University. (In Russ.).
- Protchenko, I. F. (1984). *Russkiy yazyk: problemy izucheniya i razvitiya [Russian language: Problems of teaching and development]*. Moscow : Pedagogika Press. (In Russ.).
- Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2021). Chastotnyye kharakteristiki leksicheskikh yedinit obshchestvenno-politicheskogo diskursa v yazyke sovremennykh sredstv massovoy informatsii [Frequency characteristics of lexical units of socio-political discourse in the language of modern media]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire [Current scientific research in the modern world]* (Vol. 10, Iss. 78, Part 12, pp. 174–179). Pereyaslav. (In Russ.).
- Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2023). Chastotnost' leksicheskikh edinit v obshchestvenno-politicheskoy kommunikatsii [Frequency of lexical units in socio-political communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 87–98. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_87
- Slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka [Dictionary of loan words of the Russian language]. Retrieved January 15, 2024 from <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/>.
- Sternin, I. A., Antonova, L. G., Karpov, D. L., Shamanova, M. V. (2013). *Vyyavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta [Identification of signs of humiliation of honor, dignity, belittling of business reputation and insult in the linguistic examination of the text]*. Yaroslavl. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya kommunikatsiya [Political communication]*. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]: A coursebook*. Moscow : FLINTA Press. (In Russ.).
- Szymula, R. (2018). *Lingvopragmaticheskie aspekty sovremennogo gazetnogo politicheskogo diskursa (na materiale russkogo yazyka) [Linguo-pragmatic aspects of contemporary press political discourse (Based on Russian)]*. Bialystok : Bialystok University Press (In Russ.).
- Crystal, D. (2011). *A dictionary of linguistics and phonetics*. Blackwell Publish Press.
- Crystal, D. (2007). *Words, words, words*. Oxford University Press.

УДК 81'42

Райскина Валерия Александровна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
rayskinav@mail.ru

Средства лингвоаксиологической концептуализации *Другого* в рефлексивном дискурсе М. Монтеня

Аннотация

Цель исследования заключается в моделировании аксиологической системы субъекта рефлексивного дискурса в эссе «Essais» («Опыты») М. Монтеня. Методом лингвоаксиологического анализа средств репрезентации прецедентных личностей формируется концепт ДРУГОЙ (AUTRE). Актуальность изучения концептуализации Другого связана с интерпретацией бинама «Я – Другой» как основы когнитивной категории инаковости. Подтверждается положение о том, что ключевым параметром рефлексивного дискурса является аксиологичность, направленность на субъективацию и оценивание объекта рефлексии и на трансформацию порождаемого концепта. Исследование проведено на материале экземпляра, изданного в провинции Бордо в 1588 г., размещённого в компьютерном корпусе MonLOE (MONtaigne à L'Œuvre). В качестве единицы исследования принят минимальный текстовый фрагмент, включающий аксиологическую характеристику концепта ДРУГОЙ, в частности: однословные / двухсловные аппозитивные / атрибутивные / многословные номинации, микротексты. Выявлено, что концепт ДРУГОЙ строится на реконструкции и переоценке исторических прецедентных личностей с позиции профилирования субъективных мелиоративных, смешанных и пейоративных признаков. Высветить характеристику прецедентной личности позволили косвенные описательно-оценочные номинации, перифразы, многословные аксиологически маркированные номинации, вербальные портреты-микротексты. Анализ позволил восстановить андроцентричные ценности / антиценности М. Монтеня, представленные в структуре аксиологической системы автора в дихотомии VERTU / VICE.

Ключевые слова: рефлексивный дискурс, концептуализация, лингвоаксиология, концепт ДРУГОЙ, инаковость, ценностная константа, номинация

© Райскина В. А. 2024

Для цитирования: Райскина В. А. Средства лингвоаксиологической концептуализации *Другого* в рефлексивном дискурсе М. Монтеня // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 157–172.

Valeriya A. Rayskina
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
rayskinav@mail.ru

Means on linguistic axiological conceptualization of *Other* in the reflective discourse of M. Montaigne

Abstract

The study aims to model the axiological system of the reflexive discourse's subject in "Essais" ("Essays") by M. Montaigne. The concept of OTHER (AUTRE) is constructed using the linguistic axiological analysis of precedent personalities representation. The relevance of studying the conceptualization of Other is associated with the interpretation of the binomial "Me – Other" as a basic cognitive category of otherness. The study argues

that the key parameter of reflective discourse is its axiological value focusing on subjectivization and evaluation of the object and on the transformation of the concept. The edition published in Bordeaux Province in 1588 and uploaded in the MonLOE corpora (MONtaigne à L'Œuvre) was chosen as material for the study. Minimal text tokens including the axiological features of the concept OTHER were selected for the study. They were of various sizes: one-word / two-word appositive / attributive / multi-word nominations, microtexts. It was discovered that the concept of OTHER is based on the reconstruction and re-evaluation of historical precedent personalities from the position of profiling subjective ameliorative, mixed and pejorative features. Such linguistic axiological elements as indirect descriptive and evaluative nominations, periphrasis, axiologically marked nominations, and verbal portraits-microtexts highlighted the traits of a precedent personality. The analysis enabled to restore the androcentric values / anti-values of M. Montaigne presented in the structure of the author's axiological system in the dichotomy VERTU / VICE.

Keywords: reflective discourse, conceptualization, axiological linguistics, concept OTHER, otherness, value constant, nomination

© Rayskina V. A. 2024

For citation: Rayskina, V. A. (2024). Sredstva lingvoaksiologicheskoy kontseptualizatsii *Drugogo* v reflektivnom diskurse M. Montenya [Means on linguistic axiological conceptualization of Other in the reflective discourse of M. Montaigne]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 157–172.

1. Введение [Introduction]

Когнитивно-дискурсивная парадигма, в рамках которой проводится данное исследование, базируется на понимании речевой деятельности как неотъемлемой части деятельности познавательной, когда когнитивные установки человека говорящего / пишущего находят своё выражение в форме вербализованного результата рефлексии – порождённого текста [Сулейманова и др., 2020, с. 47].

Будучи исконно философским термином, рефлексия как объект описания появляется в Античности (Аристотель), затем в гносеологии Нового времени (Р. Декарт, Д. Локк, Гегель, Д. Дьюи) и, наконец, в отечественной философии (В. А. Лефевр, В. Г. Богин) (подробнее см. в [Лефевр, 2003]). Рассматривая термин в диахроническом измерении, можно представить эволюцию дефиниции следующим образом: мышление о мышлении > осознание и оценка собственной мысли > коммуникативный акт реализации опыта мышления. Таким образом профилируются ключевые конструкты рефлексивного дискурса: когнитивно-оценивающая деятельность, направленность на себя, субъективная доминация, процесс формирования мыслей и идей. Выделяется рефлексивный акт, определяемый как «остановка сознания, необходимая для осознания, мыслеречевой обработки информации» [Морозкина, 2014, с. 97], «акт творения смысла [...] путь к пониманию (о-сознанию)» [Бредихин, 2014, с. 83]. Феномен рефлексивного дискурса подробно описан в современных исследованиях, посвящённых вопросам взаимосвязи рефлексии и обучения [Морозкина, Врыганова, 2017, с. 89; Морозкина и др., 2019, с. 112]: авторы выявляют внутренний диалог / монолог, в результате которого порождается внутренний собеседник, целью которого является понимание и интерпретация внешних и внутренних стимулов.

Жанроведы выделяют такие философские рефлексивные жанры, как афоризм, исповедь, диалог, апология, трактат и эссе [Ефимова, 2017], рассматривают рефлексивность как специфическую для жанра эссе гносеологическую задачу, направленную на передачу рефлексивно оцененного автором личностного опыта [Бузальская, 2015, с. 77]. Когнитивной базой концептуализации информации в эссе может являться определённый объект действительности, фрейм-ситуация и сценарий [Бузальская, 2016, с. 23–24]. Так,

в «Опытах» (=«Essais») М. Монтеня представлены рефлектируемые объекты (*лень, ложь*), фреймы (*как вести переговоры с врагом*) и сценарии или точки зрения (*важность познания себя в данный момент*). На эту структурную потребность рефлексивного жанра эссе указывает типичная для Монтеня концептуализирующая модель заголовка «о чём-то» [Дмитровский, 2013, с. 47–48]: I, 2 *De la tristesse* (объект – концепты ГРУСТЬ, СКОРБЬ); I, 41 *De ne communiquer sa gloire* (фрейм – люди хвастаются чужими заслугами); I, 11 *Des prognostications* (сценарий – осуждение предсказаний и прогнозирования).

В рамках лингвистического анализа исследователями выдвигаются характерные маркеры рефлексивного дискурса [Канафьева, 2020, с. 138–139; Бредихин, 2014, с. 81]:

- языковые единицы, выражающие индивидуальное познание и конструируемые на базе глаголов мыслительной деятельности в форме первого лица единственного числа;
- рекуррентность заметок, комментариев, аргументативно-интерпретативных и интертекстуальных структур;
- рефлексивные и рефлексивно-оценочные риторические высказывания;
- частотное использование элементов «философского смысла», индивидуально-авторские афоризмы.

В современных зарубежных исследованиях рефлексивный дискурс (*reflective / reflexive discourse*) изучается, в первую очередь, в рамках теории обучения. Педагогическое осмысление феномена рефлексии включает её в ряд эпистемологических условий познания наряду с теоретической компетенцией (*theoretical awareness*) [Franke, 2015, p. 3], текстуализацией результата самоанализа (*self-reflective narratives*) [Ferruci, DeRosa, 2019, p. 202], процессом совместной рефлексии учителя и обучающегося, интеракции знаний и навыков (*cognitive scaffolding*) [Savarese, 2019, p. 141], развитием социокогнитивного потенциала и способности к интеракции (*la pratique réflexive*) [Collin, Karsenti, 2011].

Спорадические исследования в рамках теории литературы основываются на сопоставлении рефлексии и иных жанровых черт, например персуазивности (*persuasive discourse, expressive forms*). Лингвистический анализ рефлексивного дискурса представлен в рамках теории международной коммуникации [Brent, 2007] как форма прагматически ориентированного коммуникативного акта. Разрабатывается актуальная методология рефлексивного дискурс-анализа (*reflexive review*) [Alejandro, 2021, p. 151], которая предполагает анализ моделей употребления лексем, имеющих приоритетное значение (“priority words” that may need reflexive attention). Данный метод анализа рефлексивной составляющей дискурса ставит целью выявление наиболее осознанных, этичных и адекватных вариантов вербализации мысли.

Р е ф л е к с и в н ы й д и с к у р с, рассматриваемый в рамках когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы, следует кратко определить как речевой акт, необходимый для реализации когнитивной деятельности, в которой рефлексивное Я выступает субъектом, порождающим текст. Иными словами, это вербальный (текстовый) результат длительной когнитивной деятельности субъекта речи в совокупности с экстралингвистическими условиями построения культурного универсума и аксиологической системы субъекта. В рамках рефлексивного дискурса субъект высказывания неизбежно становится рефлексивным субъектом, так как выражает собственные оценки и точки зрения и затрагивает наиболее значимые для себя смыслы. Вбирая в себя черты автобиографического текста, рефлексивный дискурс ориентирует адресата в универсуме собственных ценностей [Дубнякова, Кашина, 2017, с. 47]. Прагматический план рефлексивного дискурса состоит из следующих **ф у н к ц и й**: самооценивание, генерация, субъективная трансформация, медиация и оценивание идей, под которыми понимается результат когнитивной деятельности, смысловой конструкт.

Таким образом, **ц е л ь** исследования состоит в выявлении аксиологической системы субъекта рефлексивного дискурса в отношении фигуры Другого на основе ком-

плексного лингвоаксиологического анализа средств языковой и оценочной репрезентации прецедентных личностей.

Являющийся объектом настоящего исследования концепт ДРУГОЙ (AUTRE) представляет собой собирательный когнитивный антропологический феномен, включающий комплекс индивидуально-авторских репрезентаций и оценок о прецедентных личностях, представленных в рассматриваемом дискурсе. Данный концепт вбирает в себя смыслы, различимые на дискурсивно-когнитивном, социально-психологическом и философском уровнях. Прецедентность на антропологическом уровне характеризует широко известные имена, являющиеся денотатом определённой ситуации / эпохи / ценности [Afanasjeva et al, 2020, p. 1099]. Актуальность обращения к средствам концептуализации Другого обосновывается высокой потребностью в поиске путей интерпретации бинама «Я – Другой» как основы категории инаковости в сознании человека говорящего (пишущего). Объяснительный потенциал аксиологического вектора исследования связан с «обращением к ценностному измерению языка», в частности, в ракурсе концептуализации значимых для человека и социума феноменов [Викулова и др., 2020, с. 31].

Научный обзор в рамках теории языка, литературы и философии показал интерес исследователей к отдельным прецедентным личностям, представленным в монтеневском рефлексивном дискурсе. Так, анализ репрезентации фигуры Этьена де Ла Бюэси, друга и коллеги Монтеня, направлен на сопоставление концептуального содержания и стилистического своеобразия произведений двух авторов-современников [Desan, 2017; Kong, 2010; Lefèvre, 2006; Panichi, 2012]. Исследования образа Сократа в «Опытах» Монтеня подчёркивают онтологическую близость авторов, общие основания скептической философии [Gagnebin, 2009, p. 239; Filho, 2002, p. 834]. Единичные зарубежные исследования посвящены особенностям репрезентации фигур и интертекстуальности на примере Сенеки [Green, Wood, 2020], Ювенала [Herdman, 2016], Цицерона [MacPhail, 2021]. Подчёркнём, таким образом, новизну комплексного исследования концептуализации Другого в рефлексивном дискурсе М. Монтеня, основанного не столько на анализе отдельных субъектных прецедентов, сколько на расширении понимания Другого как конструкта категории инаковости.

В связи с этим, согласно гипотезе настоящего исследования, ключевым параметром порождения рефлексивного дискурса является аксиологичность, направленная на субъективацию и оценивание объекта рефлексии и на трансформацию порождаемого концепта. Рефлексивный дискурс, представленный в среднефранцузском труде французского философа-гуманиста Мишеля Монтеня «Опыты», отличается лингвоаксиологическая инновационная центричность, создающая условия для конструирования и иррадиации создаваемого дискурсивного мира. Диалектика «Я > не-Я > Другой» является путём конструирования персональной идентичности субъекта дискурса.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Исследование языковых средств формального (энциклопедийского) и аксиологического позиционирования Другого в рефлексивном дискурсе Мишеля Монтеня проведено на материале поликодового корпуса MonLOE (MONtaigne à L'Œuvre / Montaigne at work), который представляет собой автоматическую базу поиска и анализа текстов, документов и иных информационных продуктов, связанных с Мишелем Монтенем. Формат кодировки XML-TEI и аналитические возможности корпуса позволяют проводить отбор языковых элементов разного порядка (словоформы, лексемы, коллокации, контексты) на базе археологического аутентичного издания «Essais», опубликованного в провинции Бордо в 1588 г. Данный документ уникален тем, что в этом прижизненном издании сохранены исправления, уточнения и дополнения, внесённые автором собственноручно в опубликованном произведении.

Обоснованность выбора исследовательского материала обусловлена лингвоаксиологической и антропоцентрической доминантностью рефлексивного дискурса М. Монтеня. Попеременно чередуя автодиалог и диалог с Другим, Монтень стремится познать сущность человеческой природы: мнения, убеждения, чувства; при этом в образе коллективного Другого представлены как деятели древности, так и современники автора [Le Dictionnaire..., 2011, p. 12]. Прагматике фигуры Другого в «Essais» посвящена глава «De Trois Commerces» (III, 3), в которой одним из трёх ключевых для Монтеня видов общения представлено общение с книгами (*celuy des livres*), позволяющее «заимствовать у других то, что не умею выразить столь же хорошо» [Моруа, 1983, с. 31–32]. Таким образом реализуется принцип активизации прошлого опыта, характерный для построения рефлексивного дискурса. В «Essais» ставится новаторская для Франции XVI в. прагматическая установка выразить антропологическую мысль автора путем познания Другого через познание собственного Я и создания книги самонаблюдения (*livre d'introspection*) [Publictionnaire ...]. В этом просматриваются элементы так называемой автобиографической памяти (*autobiographical memory*) автора, отражение авторской мнемической системы [Тивуаева, 2022, p. 182]. Вольтер одним из первых подчеркнул антропоцентрическую направленность монтеневской рефлексии: «Le charmant projet que Montaigne a eu de se peindre naïvement, comme il a fait ! car il a peint la nature humaine» – 'Восхитительная идея Монтеня – наивно зарисовать самого себя! ибо он нарисовал человеческую природу' [Voltaire, 1879, p. 49].

Основным исследовательским методом является лингвоаксиологический анализ, позволяющий описать средства репрезентации концепта ДРУГОЙ. В качестве единицы исследования принят минимальный текстовый фрагмент, включающий субъективную аксиологическую характеристику концепта ДРУГОЙ и его составляющих. Выявление ценностных констант, определяющих образ человека в ренессансной картине мира, отвечает актуальной аксиологической парадигме: в анализируемом дискурсе демонстрируются как субъективные, так и универсальные культурные ценностные приоритеты в отношении Другого.

Эмпирическая база исследования включает подборку из языковых единиц (около 10 тыс. лексем), используемых для описания 735 персоналий в тексте «Essais» Exemplaire de Bordeaux 1588 г., представленном в корпусе MonLOE [MONLOE], в частности:

- однословные номинации;
- двухсловные номинации аппозитивного типа;
- двухсловные номинации атрибутивного типа;
- многословные номинации;
- микротексты, включающие субъективную аксиологическую характеристику концепта ДРУГОЙ.

Выбор данных единиц исследования связан с задачей проследить индивидуально-оценочные тенденции посредством анализа языковых единиц с аксиологическим потенциалом, использованных для вербального портретирования персоналий и концептуализации образа Другого.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Сопоставительный анализ синтаксических типов языковых единиц, используемых для репрезентации концепта ДРУГОЙ, показал следующую статистику частотности структур разных синтаксических уровней (табл. 1).

В числе однословных номинаций представлены имена собственные [Np], состоящие из одной лексемы и не сопровождаемые пояснениями и уточнениями автора. В данной группе репрезентативны номинации древнегреческих и классических римских исторических прецедентных личностей, которые составляют опору построения

монтеневской рефлексии. Представляется возможным привести наиболее типичные для монтеневского дискурса персоналии в порядке понижения частотности в границах 198–50 употреблений: *Platon* > *Socrates* > *Caesar* > *Plutarque* > *Aristote* > *Cicero* > *Alexandre* > *Senegue*. Можно заключить, что данные личности характеризуются яркой прецедентностью не только в рамках рефлексивного дискурса Монтеня, но и в рамках общекультурного ренессансного универсума, нацеленного на реконструкцию и переоценку базовых элементов Античности. В ряду однословных номинаций также выявлена косвенная типичная структура *dict un ancien* 'говорит один древний', употребляемая в отношении таких авторов, как Корнелий Непот, Сенека, Плутарх и др. Частотное употребление косвенных номинаций является Специфической чертой монтеневского дискурса, что можно связать со стремлением автора сконструировать особое когнитивное пространство, в котором стимулируется читательская рефлексия.

Т а б л и ц а 1. Частотность употребления языковых единиц разных синтаксических типов
[Table 1. Frequency of linguistic units of different syntactic types]

Тип языковой ед.	Описание языковой ед.	Кол-во ед.	Частотность
однословные номинации	одно значимое слово: [N]	303	33%
двухсловные аппозитивные номинации	именное словосочетание, состоящее из двух равнозначных имен: [N1+N2]	220	24%
двухсловные атрибутивные номинации	именное словосочетание, состоящие из означаемого и означающего: [N+A]; [A+N]	21	2%
многословные номинации	вариативные синтаксические структуры с тремя и более значимыми лексемами, делимитированные границей предложения	266	28%
микротексты	минимальные текстовые фрагменты, состоящие из нескольких коммуникативных синтаксических единиц	123	13%

Четверть языковых единиц, используемых для вербализации концепта ДРУГОЙ, составляют двухсловные номинации аппозитивного типа [N1+N2], где

- N1 – титул; N2 = Np:

Cardinal du Bellay

Roy François premier

Empereur Charles cinquiesme

- N1 – титул; N2 – топоним:

Seneschal d'Agenois

Duc d'Albe

prince de Galles

- N1= Np; N2 – род деятельности:

Aristophanes le grammairien

Pasiclez le philosophe

Hermodorus, le poete

Protogenes le peintre

Suetone historien

- N1= Np; N2 – национальная принадлежность:

Aretheus, Corinthien

Archias, Athenien

Charixenus, Sycionien

- N1 – степень родства; N2=Np (мужчина-родственник):

la fille de Caesar

La femme de Socrates

Наиболее малочисленную группу составляют двухсловные номинации атрибутивного типа, которые представляют собой субъективные, индивидуально-оценочные суждения в отношении персоналий – элементов концепта ДРУГОЙ. Это связано с ярким проявлением энциклопедийной доминации в рефлексивном дискурсе М. Монтеня. Прагматическая ориентация автора связана со своеобразием изданного рефлексивного дискурсивного жанра эссе, в котором авторские интенции направлены на репрезентацию и сопоставление прецедентных личностей и феноменов различных эпох. Наиболее типичной оценочной структурой монтеневского дискурса является [A+N], где в качестве атрибута используется обобщённая мелиоративная характеристика *grand* 'великий'. Корпусный анализ коллокаций показал наибольшую частотность сочетаемости данной характеристики с персоналиями Александра Македонского (*grand Alexandre* – 27 вхождений) и Юлия Цезаря (*grand Caesar* – 20).

Среди немногочисленных атрибутивных номинаций следует выделить доминантные оценки персоналий:

- бедный, жалкий, несчастный: *le pauvre Bebius, ce pauvre Caestius, le miserable Phaeton*;

- добрый, славный: *le bon Froissard, le bon Lucanus*;

- мудрый: *sage Epimenides, le sage Dandamys*;

- красивый (только для женских персоналий): *la belle Perictione*.

В числе атрибутивных структур также представлены косвенные описательно-оценочные номинации, не содержащие прямой ссылки на персоналию: *un homme payen – Plutarque; grand theologien – Varro; moqueur ancien – Pline*.

Многословные номинации являются структурой, позволяющей в наибольшей степени выразить оценочное отношение субъекта, т. е. автора текста, к объекту оценивания. Так как синтаксические структуры в рамках данного типа отличаются вариативностью, представляется более интересным выделить ключевые параметры концептуализации образа Другого. В числе косвенных апелляций-аллюзий представлены оценочные номинации, которые призваны высветить определённую мелиоративную характеристику исторической личности:

- ***le plus deffiant de nos Roys*** 'наиболее недоверчивый из наших королей' – Людовик XI Благоразумный, король Франции с 1461 г.;

- ***le plus sage homme qui fut onques*** 'мудрейший из людей' – Сократ, древнегреческий философ;

- ***un des plus grands Princes de nostre siecle*** 'один из величайших правителей нашего времени' – Стефан Баторий, король Польши с 1575 г.

- ***un grand et triumphant Empereur*** 'великий и победоносный император' – Сулла, древнеримский диктатор;

- ***un prince mesnager et prudent*** 'бережливый и честный правитель' – Филипп II Август, король Франции с 1180 г.;

- ***le plus effeminé homme du monde*** 'самый женоподобный, изнеженный человек на свете' – Элагабал, римский император с 218 г.;

- ***un grand personnage, droicturier et courageux, non d'une vertu superstitieuse, mais philosophique et genereuse*** 'великий человек, благородный и смелый, обладающий разумом, свободным от суеверия, но мудрым и щедрым' – Тацит, древнегреческий философ.

Отметим в отношении последнего, что в структуре значения *philosophique* активизируется коннотативный компонент, подчёркивающий аксиологический потенциал данной номинации. Характеристика *philosophique* синонимична лексемам *intellectuel, moral, témoignant de la sérénité, de la raison, de la sagesse, de l'équilibre, de la simplicité, du détachement* [CNRTL].

Косвенные номинации содержат перифразы, которые представляют собой устоявшиеся в европейской лингвокультуре символические номинации исторических деятелей:

- *Heraclitus sur-nommé schoteinos* – 'Гераклит по прозвищу skoteinoß, т. е. тёмный, мрачный';

- *Caesar spondam Regis Nicomedis* – 'Цезарь, прозванный ложем царя Никомеда'.

Вместе с этим, представлены и конструируемые автором перифразы, которые позволяют Монтеню присвоить историческим личностям новые «говорящие» псевдонимы:

- *le pere de l'eloquence Romaine* – 'отец римского красноречия' – Цицерон, древнеримский философ;

- *des yeux celui qui se les creva* – 'тот, кто сам себе выколол глаза' – Демокрит, древнегреческий философ;

- *un qui aymeroit bien mieux estre battu que de dormir pendant qu'on se battrait pour luy, qui ne vid jamais sans jalousie ses gents mesmes faire quelque chose de grand en son absence* – 'тот, кто предпочёл бы быть избитым, чем спать, пока за него бьются другие, и кто не может без зависти смотреть на своих подчинённых, когда они совершают в его отсутствие что-либо выдающееся' – Генрих IV Наваррский, король Франции с 1589 г.

Многословные номинации, содержащие компонент [Np], напрямую отсылают к описываемой Монтенем исторической личности и содержат яркие аксиологически окрашенные языковые средства, позволяющие автору сконструировать оценочную сторону комплексного концепта ДРУГОЙ. Абсолютное большинство таких оценочных номинаций было построено на базе одного или нескольких мелиоративных компонентов.

- *Theophraste, philosophe si delicat, si modeste, si sage* – 'Феофраст, философ весьма тонкий, скромный и мудрый';

- *Aesope, auteur de tres-rare excellence et duquel peu de gens descouvrent toutes les grâces* – 'Эзоп, писатель редчайшего превосходства, всё мастерство которого способны оценить немногие';

- *Justus Lipsius, le plus sçavant homme qui nous reste, d'un esprit tres-poly et judicieux* – 'Юст Липсий, самый учёный, человек острого ума и мудрый';

- *Varro, le plus subtil et le plus sçavant auteur Latin* – 'Варрон, самый тонкий и самый учёный латинский автор';

- *le premier homme de la premiere eschole philosophique et surintendante des autres, ce grand Zenon* – 'первый философ первой философской школы, главенствующей над другими, великий Зенон;

- *le plus sçavant, le plus seur et mieux advenant à mener un cheval à raison que j'aye connu, le sieur de Carnevalet* – 'самый знающий, уверенный в своих силах и ловкий в обращении с лошастью на мой взгляд, господин де Карневале'.

Таким образом, среди человеческих черт, характеризующих Монтенем как положительные андроцентричные ценности, представлены следующие аксиологические элементы: мудрость, величие, честность, благородство, смелость, умеренность. В то же время оценочный компонент концепта ДРУГОЙ содержит и негативно окрашенные элементы, в частности указание на поведенческие характеристики, который Монтень оценивает как недобродетельные и недостойные. К ним относятся, например, лукавство, коварство, невежество, сладострастие и прелюбодеяние:

- *Francisque Taverna, ambassadeur de François Sforce, Duc de Milan, homme tres-fameux en science de parlerie* – 'Франческо Таверна, посол миланского герцога Франческо Сфорце, человек, известный своим талантом заговаривать зубы';

- *Valentian, ennemy déclaré de la science et des lettres* – 'Валентиан, открытый противник науки и образования';

• *Ladislaus, Roy de Naples, est remarquable, que, bon capitaine, courageux et ambitieux, il se proposoit pour fin principale de son ambition l'execution de sa volupté et jouissance de quelque rare beauté* – 'Владислав, король неаполитанский, запомнившийся тем, что, будучи хорошим полководцем, смелым и честолюбивым, он стремился, в первую очередь, утолить своё сластолюбие и овладеть какой-нибудь редкой красавицей'.

Монтеневский гуманизм и глубинный интерес к пониманию человеческой природы проявляется в том, что в конструировании понятийной составляющей концепта ДРУГОЙ наряду с прославленными деятелями истории и культуры фигурируют реальные люди, современники и знакомые автора. Так, в один ряд с философами древности Монтень включает в образ Другого репрезентацию людей своего круга: отца, семейного аптекаря, служанку жены и т. д.:

• *Mon pere, homme, pour n'estre aydé que de l'experience et du naturel, d'un jugement bien net* – 'Мой отец, человек, руководствовавшийся собственным опытом, природным естеством и ясным умом'.

Наконец, наиболее сложной с точки зрения синтаксической структуры единицей концептуализации образа Другого является микротекст, содержащий комплексное описание персоналии, наполненное аксиологическими элементами. В числе микротекстовых аксиологических репрезентаций персоналии следует выделить положительные, отрицательные и сопоставительные формы конструирования концепта ДРУГОЙ.

Мелиоративные оценочные конструкции наиболее часто используются в описании Гая Юлия Цезаря – модельной личности для Монтеня. Хвалебный и патетический вербальный портрет Цезаря включает такие абсолютные антропоцентрические ценности, как величие, совершенство, превосходство, несравненность:

• *tant il a de perfection et d'excellence par dessus tous les autres, quoy que Saluste soit du nombre. Certes, je lis cet auteur avec un peu plus de reverence et de respect qu'on ne list les humains ouvrages: tantost le considérant luy mesme par ses actions et le miracle de sa grandeur, tantost la pureté et inimitable polissage de son langage qui a surpassé non seulement tous les Historiens, comme dit Cicero, mais à l'aventure Cicero mesme* – 'Он превосходит всех других авторов своим совершенством и безупречностью, хотя Саллюстий относится к тому же числу. Я читаю Цезаря с большим почитанием, чем читаются человеческие произведения; порой вижу сквозь его действия его самого и тайну его величия; порой восхищаюсь чистотой и неподражаемой лёгкостью его речи, которыми он превосходит не только всех историков, как признаёт Цицерон, но и самого Цицерона'.

Конструирование положительного образа Другого строится, в частности, на валоризации персоналий с позиции их творчества: прослеживается метонимическая связь «автор – произведение». Контент-анализ микротекстов показал, что ключевыми параметрами положительной оценки являются:

- личность автора, его суждения и мнения (sa valeur propre, verité de ses opinions et jugemens);
- стиль, красота и изящество текста (la mignardise et les graces du langage, beauté et grace nouvelle, perpetuelle douceur et beauté fleurissante);
- повествовательный сюжет (la douceur du subject, mouvemens de l'ame et condition de nos meurs);
- удовольствие от чтения (plaisir).

В анализируемом рефлексивном дискурсе представлена градация по степени оценки персоналии от смешанной до крайне положительной, хвалебной (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. **Примеры восходящей градации по степени оценки**
 [Table 2. **Examples of ascending gradations by the degree of evaluation**]

Смешанная оценка	Нейтрально-положительная оценка	Положительная оценка	Хвалебная оценка
Теренций	Бокаччо, Рабле, Иоанн Секунд	Катулл	Гораций
les perfections et beautez de sa façon de dire nous font perdre l'appetit de son subject; sa gentillesse et sa mignardise nous retiennent par tout; il est par tout si plaisant	Entre les livres simplement plaisans, je trouve, des modernes, le Decameron de Boccace, Rabelays et les Baisers de Jean second, s'il les faut loger sous ce tiltre, dignes qu'on s'y amuse	cette perpetuelle douceur et beauté fleurissante des Epigrammes de Catulle	ce personnage admirable, quasi au dessus de l'humaine condition. Et, à la verité, je m'estonne souvent que luy, ..., n'a gaigné reng de Dieu luy mesme

Конструированию собирательного модельного образа Другого отведена глава XIX книги II «De la Liberté de Conscience», посвящённая исторической личности императора Юлиана Отступника (Flavius Claudius Iulianus, римский император с 361 г.). Данную персоналию можно оценить как относительно малоизвестную на фоне других прецедентных личностей, широко представленных в рассматриваемом дискурсе. Несмотря на это Монтень выбирает его для конструирования собирательного образа модельной личности. Микротекст, посвящённый моральному портрету Юлиана, изобилует мелиоративными хвалебными элементами:

- *il n'est aucune sorte de vertu dequoy il n'ait laissé de tres-notables exemples* – 'нет такой добродетели, которой он бы не проявил';

- *un tres-grand homme et rare, comme celui qui avoit son ame vivement tainte des discours de la philosophie* – 'великий и редкостный человек, хранивший в своей душе наставления философии'.

Вербальный портрет Юлиана используется Монтенем для высвечивания абсолютных антропологических ценностей, составляющих аксиосистему автора. В итоге ценностная сторона концепта ДРУГОЙ пополняется следующими положительно окрашенными элементами: *vertu* 'добродетель', *chasteté* 'целомудрие', *justice* 'правосудие', *sobriété* 'умеренность', *mespris en quoy il avoit sa vie et les choses humaines* 'презрение к жизни и к земным делам'.

Отметим, что на уровне микротекстов не представлено абсолютно негативных валоризаций. Бесспорна тенденция идеализации описываемых в рефлексивном дискурсе персоналий. Автор использует исключительно смешанные оценки с преобладающими пейоративными компонентами, но обязательно содержащие и положительно окрашенные средства концептуализации. Данный приём позволяет «оттенить» критически оцениваемые характеристики персоналий указанием на их неопровержимые достоинства. Так, вербальной портрет Цицерона построен на оппозиции следующих антонимичных качеств:

- *la science* (учённость) / *faute de jugement* (недостаток ума)
- *jamaïs homme ne l'egalera* (непревзойденность) / *pas beaucoup d'excellence en son ame* (заурядность)

- *la gloire de son nom* (слава) / *grande imperfection* (несовершенство)

Основные негативные характеристики, включённые в анализируемые микротексты, относятся к следующим отрицательным аксиологическим составляющим концепта ДРУГОЙ:

- заурядность и простота (*il n'y avoit pas beaucoup d'excellence en son ame*);
- вялость и слабость (*il en devient lasche, mollesse*);
- грубость, злословие (*tous les esguillons dequoy martial esguise la queue des siens, les hommes gosseurs*);
- пустословие (*parler bouffie et bouillonnée de pointes, ingenieuses à la verité*).

Конструируя отрицательную оценку персоналий, Монтень использует приём инверсии объекта и субъекта оценки, создавая, тем самым, имплицитную оценку. Автор использует пейоративные аксиологические элементы в собственной характеристике, снижая критичность образа Другого:

• *cette vieille ame poissante ne se laisse plus chatouiller, non seulement à l'Arioste, mais encores au bon Ovide: sa facilité et ses inventions, qui m'ont ravy autresfois, à peine m'entretiennent elles à cette heure* – 'Моя состарившаяся и отяжелевшая душа потеряла чувствительность, и не только к Ариосто, но и к славному Овидию: его простота и избретательность, ранее восторгавшие меня, едва ли привлекают меня сейчас'.

Пейоративная оценка содержит элементы эвфемизации, необходимые автору для выражения отрицательного и критического мнения в отношении великих людей прошлого. В частности, в рассматриваемом дискурсе представлено несколько микротекстов, посвящённых критической оценке персоналии Платона, который являлся эталонной модельной личностью в эпоху Ренессанса. Однако субъективно-оценочная прагматика текста позволяет автору подвергнуть критическому переосмыслению фигуру Платона:

• *La licence du temps m'excusera elle de cette sacrilege audace, d'estimer aussi trainans les dialogismes de Platon mesmes et estouffans par trop sa matiere... Mon ignorance m'excusera mieux, sur ce que je ne voy rien en la beauté de son langage* – 'Оправдает ли меня особенность нашего времени в моём дерзновенном богохульстве, если я позволю сказать, что нахожу диалоги самого Платона тягучими, однообразными и задушенными излишним изложением... Моё невежество извинит меня в том, что я вижу ничего особенного в красоте его слога'.

Наибольший корпус микротекстов относится к сопоставительному типу валоризации. Объединяя и сравнивая персоналии разных эпох и культур, Монтень расширяет пространственно-временные границы, встраивая в концепт ДРУГОЙ элементы, контрастирующие черты одних личностей на фоне других.

Типичным вводным элементом сопоставительных оценочных микротекстов является бинарная структура [Np1 + Np2] – [N + (A) + (...)], представляющая собой дефиницию, общую для нескольких объектов, которая может включать оценочный компонент:

- Octavius et Caton, *deux grands personnages*;
- Olivier et l'Hospital *gens suffisans, et de vertu non commune*;
- le Paluel ou Pompée, *ces beaux danseurs de mon temps*;
- Chrysippus et Diogenes ont esté *les premiers auteurs et les plus fermes du mespris de la gloire*;
- Plutarque et Seneque *la cresse de la philosophie*;
- grand Pompeius et d'Alexandre *deux miracles en l'art militaire*.

Сопоставительные оценочные микротексты содержат компаративные языковые единицы, позволяющие автору выделить черты личности, субъективно оцениваемые Монтенем, как более ценные:

• Plutarque est *plus uniforme et constant*; Seneque, *plus ondoyant et divers* – 'Плутарх более единообразен и постоянен, Сенека более гибок и разнообразен'.

Концепт ДРУГОЙ включает также устойчивые бинарные элементы, так как в анализируемом дискурсе выявлены две типичные сопоставительные пары персоналий: *Alexandre / Caesar u Plutarque / Seneque*. Этот тезис подтверждается данными корпусного анализа по коллокациям, который показал частотность пар в общем контексте – 12 и 10 соответственно. В сопоставительных микротекстах, посвящённых фигурам древнегреческих философов Сенеки и Плутарха, Монтень стремится обозначить дифференциальные, часто антонимичные черты персоналий, одновременно подчёркивая безоговорочно положительную оценку обоих. Таким образом, объектом оценивания становится противопоставленность моральных и творческих характеристик личностей:

• Cettuy-cy *se peine, se roidit et se tend* pour armer la vertu contre la foiblesse, la crainte et les vitioux appetis; l'autre semble *n'estimer pas tant leur effort, et desdaigner d'en haster son pas et se mettre sur sa targue*. ... Plutarque est libre par tout. Seneque est plein *de pointes et saillies*; Plutarque, *de choses*. Celuy-là vous *eschauffe plus*, et vous *esmeut*; cettuy-cy vous *contente davantage* et vous *paye mieux*. Il nous *guide*, l'autre nous *pousse* – '[Сенека] старается, упорствует и стремится настроить добродетель против слабости, страха и порочных желаний, [Плутарх] не придаёт этому столько значения, презирает торопливость и воинственность. ... Плутарх во всём свободен. Сенека полон живости и остроумия, Плутарх – содержания. Сенека больше возбуждает и волнует, Плутарх вас больше удовлетворяет. Плутарх ведёт за собой, Сенека толкает впереди себя'.

Рассматриваемое противопоставление позволяет Монтеню выстроить собственную аксиосистему в отношении онтологических, моральных и творческих ценностей личности. Авторская система ценностных координат включает следующие оппозиции: упорство / умеренность, форма / содержание, чувственность / рациональность, эмоциональность / хладнокровие. При этом все представленные элементы аксиологических диад рассматриваются Монтенем как положительные.

Иная прагматическая направленность отмечается в микротекстах сопоставительного типа, посвящённых валоризации полководцев Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря. Автор противопоставляет данных исторических деятелей с целью выявления скорее нейтральных и отрицательных характеристик для дальнейшего построения системы ценностей в отношении идеального правителя и полководца. Таким образом, в структуре портрета маскулинной модельной личности появляется пейоративный аксиологический элемент: вспыльчивость и невоздержанность (*d'une temperature plus sanguine, colere, ardent*). Вместе с этим, положительную коннотацию получают характеристики, которые по мнению Монтеня присущи великим людям: удача (*la fortune, l'adventure*) и дерзкая смелость (*rechercher et courir à force les dangiers, comme un impetueux torrent qui choque et attaque sans discretion et sans chois tout ce qu'il rencontre*).

Структуры валоризации включают мелиоративные языковые элементы, которые являются объединяющими для нескольких объектов. Таким образом Монтень объединяет несколько персоналий под генерализирующим оценочным признаком:

- превосходство и выдающиеся качества: *excellens au dessus de tous les autres* (Гомер, Аристотель и Варрон);
- стремление прославиться совершенными деяниями: *recommander non leur dire, mais leur faire* (Ксенофонт и Цезарь);
- вклад в культуру (поэзию): *ont donné credit à nostre poésie Françoise* (Понсар и Дю Белле).

4. Заключение [Conclusion]

Философская рефлексия Мишеля Монтеня строится на медитации проблемы личности и её перцепции с позиции понимания инаковости субъекта и объекта дискурса. Открывается новая для человека эпохи Ренессанса перспектива постижения личности, связанная с формированием антропоцентрической картины мира. В содержании концепта ДРУГОЙ наблюдается смещение с метафизических и онтологических элементов на ценностные, аксиологические. Данный сдвиг очевиден при рассмотрении «Опытов» как примера рефлексивного дискурса, прагматической ориентацией которого является конструирование, осмысление и оценивание авторского опыта, в первую очередь опыта коммуникативного, связанного с биномом «Я – Другой».

Моделирование аксиологической системы автора включает анализ концептуализации фигуры Другого как основания категории инаковости. Данный подход позволил выйти за рамки существующих исследований, направленных на рассмотрение отдельных

особенностей репрезентации определённых прецедентных личностей, и представить комплекс представлений и оценок, конструирующих концепт ДРУГОЙ в рефлексивном дискурсе М. Монтеня.

В частности, лингвоаксиологический анализ позволил выявить ряд ценностных констант, определяющих образ Другого. Треть исследуемых языковых единиц относится к однословным номинациям, выполняющим индикаторную функцию. Данные языковые единицы с нулевой аксиологичностью служат для наименования, соотнесения объекта высказывания с прецедентной личностью, а также для встраивания монтеневского дискурса в систему общекультурного ренессансного универсума. Аналогично двухсловные аппозитивные номинации выполняют номинативную и просветительскую функцию, выражают энциклопедическую направленность «Опытов», задуманных автором как каталог собственных знаний, мнений и воспоминаний.

Повышенная аксиологичность проявляется начиная с уровня двухсловных атрибутивных номинаций, в которых отражены индивидуально-оценочные суждения в отношении прецедентных личностей. Выявлено абсолютное преобладание мелиоративных характеристик, что связано с позиционированием большинства персоналий как модельных личностей в соответствии с гуманистической картиной мира автора. Концепт ДРУГОЙ в структуре аксиологической системы автора представлен в абсолютной оппозиции VERTU / VICE, основанной на следующих ядерных ценностных элементах: величие / посредственность, мудрость / невежество, умеренность / наслаждение, смелость / вялость.

Перспективы предпринятого подхода видятся в развитии модели аксиологической системы субъекта рефлексивного дискурса за счёт расширения понятийной стороны концепта ДРУГОЙ. В частности, актуальным представляется включение в эмпирическую базу исследования языковых средств репрезентации лица коллективного для анализа особенностей аксиологической репрезентации Человека не с позиции прецедентной личности, но с позиции индивида как представителя Иного лингвокультурного пространства.

Библиографический список

- Бредихин, 2014 – Бредихин С. Н. Нозматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Ставрополь : Ин-т дружбы народов Кавказа, 2014. 392 с.
- Бузальская, 2015 – Бузальская Е. В. Функции концепта в современном эссе // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 9. Вып. 2. С. 76–84.
- Бузальская, 2016 – Бузальская Е. В. Типология моделей речевого жанра русскоязычного эссе: специфика на фоне тенденций развития жанра эссе в мировой культуре // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 21–33.
- Викуллова и др., 2020 – Лексемы identite / идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации / Л. Г. Викуллова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 30–42.
- Дмитровский, 2013 – Дмитровский А. Л. Жанр эссе: к проблеме теории // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 37–51.
- Дубнякова, Кашина, 2017 – Дубнякова О. А., Кашина Т. А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42–49.
- Ефимова, 2017 – Ефимова С. В. Изучение философских жанров как путь к принятию философского знания // Современная наука: проблемы и перспективы развития / под ред. А. Э. Еремеева. Омск : Изд-во ОмГА, 2017. С. 10–16.
- Канафьева, 2020 – Канафьева А. В. Структурно-семантическая организация риторических высказываний в речевом акте субъективного размышления // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. М. : Диона, 2020. С. 137–143.
- Лефевр, 2003 – Лефевр В. А. Рефлексия. М. : Когито-Центр, 2003. 496 с.

- Морозкина и др., 2019 – Рефлексия в обучении иностранным языкам с учётом межкультурного подхода / Т. В. Морозкина, Э. Н. Маллямова, Я. Русинякова, Э. В. Сулова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 109–117.
- Морозкина, 2014 – Морозкина Т. В. От понимания текста к интерпретации в рефлексивно-дискурсивном измерении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2 (38). С. 96–99.
- Морозкина, Врыганова, 2017 – Морозкина Т. В., Врыганова К. А. К вопросу о рефлексии в межкультурной коммуникации // Право и образование. 2017. № 9. С. 86–91.
- Моруа, 1983 – Моруа А. От Монтеня до Арагона. М. : Радуга, 1983. 677 с.
- Сулейманова и др., 2020 – Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований. М. : Языки Народов Мира, 2020. 352 с.
- Afanasjeva et al., 2020 – Afanasjeva O. V., Baranova K. M., Chupryna O. G. Precedent Phenomena As Symbols Of Cultural Identity In YA Fiction // European Proc. of Social and Behavioural Sciences : Conference proceedings. Vol. 95. London : European Publisher, 2020. P. 1098–1106. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
- Alejandro, 2021 – Alejandro A. Reflexive discourse analysis: A methodology for the practice of reflexivity // European Journal of International Relations. 2021. Vol. 27, Iss. 1. P. 150–174. <https://doi.org/10.1177/1354066120969789>
- Brent, 2007 – Brent J. S. Making Words Matter: The Asian Tsunami, Darfur, and ‘Reflexive Discourse’ in International Politics // International Studies Quarterly. 2007. Vol. 51, Iss. 4. P. 901–925.
- CNRTL – Centre National des Recherches Textuelles et Lexicales. URL : <https://www.cnrtl.fr/definition/philosophique> (дата обращения : 01.11.2023).
- Collin, Karsenti, 2011 – Collin S., Karsenti Th. Construction de La Pratique Réflexive Dans l’Interaction En Ligne Des Enseignants-Stagiaires // Canadian Journal of Education. 2011. N 4. P. 34–58.
- Desan, 2017 – Desan Ph. La Boétie and Montaigne: Discourse on Servitude and Essay of Allegiance // Montaigne: A Life / ed. by Ph. Desan et al. Oxford-Princeton : Princeton University Press, 2017, P. 112–154.
- Ferruci, DeRosa, 2019 – Ferruci S., DeRosa S. Multimodality, transfer, and rhetorical awareness: Analyzing the Choices of Undergraduate Writers // Bridging the Multimodal Gap: From Theory to Practice / ed. by S. Khadka, J. C. Lee. Colorado : University Press of Colorado, 2019. P. 201–222.
- Filho, 2002 – Filho C. M. A. Montaigne e Sócrates: Cepticismo, Conhecimento e Virtude // Revista Portuguesa De Filosofia. 2002. Vol. 58, N 4. P. 829–845.
- Franke, 2015 – Franke W. Introduction: Involved Knowing: On the Poetic Epistemology of the Humanities // The Revelation of Imagination: From Homer and the Bible through Virgil and Augustine to Dante. Evanston : Northwestern University Press, 2015. P. 3–28. <https://doi.org/10.2307/j.ctv43vtjk.4>
- Gagnebin, 2009 – Gagnebin Ch. La figure de Socrate dans les ‘Essais’ de Montaigne // Revue De Théologie Et De Philosophie. 2009. Vol. 141, N 3. P. 237–242.
- Green, Wood, 2020 – Green K., Wood M. Therapy and the Essay: Montaigne, after Seneca // Rethinking Therapeutic Reading: Lessons from Seneca, Montaigne, Wordsworth, and George Eliot. London : Anthem Press, 2020, P. 27–40.
- Herdman, 2016 – Herdman E. Montaigne and Juvenal: Intertextual Recognition and the Readership of the Essais // Montaigne in Transit: Essays in Honour of Ian Maclean / ed. by N. Kenny et al. Cambridge : FST-Festschrift ed., Modern Humanities Research Association, 2016. P. 135–154.
- Kong, 2010 – Kong K. The Foedus Amicitiae of Etienne De La Boétie and Michel De Montaigne // Lettering the Self in Medieval and Early Modern France. Woodbridge-Rochester : New Edition ed., Boydell & Brewer, 2010, P. 191–233.
- Le Dictionnaire – Le Dictionnaire des Essais de Montaigne / ed. by B. Boudou. Paris : LEO SCHEER, 2011. 720 p.
- Lefèvre, 2012 – Lefèvre D. Montaigne et La Boétie: Deux images de l’amitié // Imaginaire et Inconscient. 2006. N 20. P. 15–21.
- MacPhail, 2021 – MacPhail E. Montaigne in the Mirror of Cicero // The Ciceronian Tradition in Political Theory / ed. by D. J. Kapust, G. Remer. Madison : University of Wisconsin Press, 2021, P. 103–119.
- MONLOE – MONtaigne à L’Œuvre. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). URL : <https://montaigne.univ-tours.fr/> (дата обращения : 01.11.2023).

- Panichi, 2012 – Panichi N. Morte «muette» e morte «parlante». Montaigne e la Boétie // Rivista Di Storia Della Filosofia (1984-). 2012. Vol. 67, N 1. P. 35–57.
- Publitionnaire – Publitionnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics / ed. by M. Lacheny, E. Auerbach. URL : <http://publitionnaire.humanum.fr/notice/auerbach-erich/> (дата обращения : 27.10.2023).
- Savarese, 2019 – Savarese J. Cognitive Scaffolding, Aids to Reflection // Distributed Cognition in Enlightenment and Romantic Culture / ed. by M. Anderson, G. Rousseau, M. Wheeler. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019. P. 139–155.
- Tivyaeva, 2022 – Tivyaeva I. Online mode of autobiographical reminiscing: Discourse practices in digital society // Комunikacija i Kultura Online. 2022. Vol. 13, Iss. 13. P. 180–194. <https://doi.org/10.18485/kkonline.2022.13.13.11>
- Voltaire, 1879 – Voltaire. Œuvres complètes : T. 22. Paris : Garnier Frères, 1879. 336 p.

References

- Bredikhin, S. N. (2014). *Noematic hierarchy of the philosophic text within the aspects of sensederivation and interpretation*. Stavropol : Institute of Friendship of the People of Caucasus Press. (In Russ.).
- Buzalskaya, E. V. (2015). Funktsii kontsepta v sovremennom esse [Functions of the concept in modern essay]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 2, 76–84. (In Russ.).
- Buzalskaya, E. V. (2016). Tipologiya modeley rechevogo zhanra russkoyazychnogo esse: spetsifika na fone tendentsiy razvitiya zhanra esse v mirovoy kul'ture [Typology of models of speech genre of Russian language essay: Specifics on background of trends in development of essay genre in world culture]. *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 10 (58), 21–33. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., & Gerasimova, S. A. (2020). Leksemy identite / identichnost' kak elementy universumov cheloveka i yazyka: etnosemiometricheskii i aksiologicheskii aspekty interpretatsii [Lexemes identite / identity as elements of the human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects of interpretation]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta. Gumanitarnye Nauki [MSLU Bulletin. The Humanities]*, 2 (831), 30–42. (In Russ.).
- Dmitrovskiy, A. L. (2013). Zhanr esse: k probleme teorii [Genre of essay: On the problem of theory]. *Chelyabinskiiy gumanitarniy [Chelyabinsk Humanitarian]*, 3 (24), 37–51. (In Russ.).
- Dubnyakova, O. A., & Kashina, T. A. (2017). Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika [Communicative and pragmatic particularities of personal diary]. *Vestnik MGPU. Ser. : Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie [Vestnik of Moscow City University. Philology. Linguistics. Language education]*, 1 (25), 42–49. (In Russ.).
- Efimova, S. V. (2017). Izuchenie filosofskikh zhanrov kak put' k prinyatiyu filosofskogo znaniya [The study of philosophical genres as a way to acceptance of philosophical knowledge]. In A. E. Eremeeva (Ed.), *Sovremennaya nauka: problemy i perspektivy razvitiya [Modern science: Problems and prospects for development]*. Omsk : Omsk Academy for Humanities Press. (In Russ.).
- Kanafeva, A. V. (2020). Strukturno-semanticheskaya organizatsiya ritoricheskikh vyskazyvaniy v rechevom akte sub'ektivnogo razmyshleniya [Structural and semantic organization of rhetorical statements in the speech act of subjective reflection]. *Russkiy Yazyk v Slavyanskoy Mezhekul'turnoy Kommunikatsii [Russian language in Slavic intercultural communication]* (pp. 137–143). Moscow : Diona Press. (In Russ.).
- Lefevr, V. A. (2003). Refleksiya [Reflexion]. Moscow : Kogito-Centr Press. (In Russ.).
- Morozkina, T. V., Mallyamova, E. N., Rusiňáková, J., & Suslova, E. V. (2019). Refleksiya v obuchenii inostrannym yazykam s uchetom mezhekul'turnogo podkhoda [Reflection in foreign language teaching within intercultural approach]. *Teoriya yazyka i mezhekul'turnaya komunikatsiya [Theory of Language and Intercultural Communication]*, 2 (33), 109–117.
- Morozkina, T. V. (2014). Ot ponimaniya teksta k interpretatsii v refleksivno-diskursivnom izmerenii [From text understanding to interpretation in reflexive-discursive dimension]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 8-2 (38), 96–99. (In Russ.).
- Morozkina, T. V., & Vryganova, K. A. (2017). K voprosu o refleksii v mezhekul'turnoy komunikatsii [To the question of reflection in intercultural communication]. *Pravo i obrazovanie [Law and Education]*, 9, 86–91. (In Russ.).

- Maurois, A. (1983). *Ot Montenyá do Aragona [From Montaigne to Aragon]*. Moscow : Raduga Press. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A., Fomina, M. A., & Tivyaeva, I. V. (2020). *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy [Principles and methods of linguistic research]*. Moscow : Yazyki Narodov Mira Press. (In Russ.).
- Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction. *European Proc. of Social and Behavioural Sciences : Conference proc.* (Vol. 95, pp. 1098–1106). London : European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
- Alejandro, A. (2021). Reflexive discourse analysis: A methodology for the practice of reflexivity. *European Journal of International Relations*, 27 (1), 150–174. <https://doi.org/10.1177/1354066120969789>
- Brent, J. S. (2007). Making Words Matter: The Asian tsunami, darfur, and ‘reflexive discourse’ in international politics. *International Studies Quarterly*, 51 (4), 901–925.
- CNRTL. (n. d.). Centre National des Recherches Textuelles et Lexicales. <https://www.cnrtl.fr/definition/philosophique>
- Collin, S., & Karsenti, Th. (2011). Construction de La Pratique Réflexive Dans l’Interaction En Ligne Des Enseignants-Stagiaires. *Canadian Journal of Education*, 4, 34–58.
- Desan, Ph. (2017). La Boétie and Montaigne: Discourse on Servitude and Essay of Allegiance. In Ph. Desan et al. (Eds), *Montaigne: A Life* (pp. 112–154). Oxford-Princeton : Princeton University Press.
- Ferruci, S., & DeRosa, S. (2019). Multimodality, transfer, and rhetorical awareness: Analyzing the choices of undergraduate writers. In S. Khadka, & J. C. Lee (Eds), *Bridging the multimodal gap: from theory to practice* (pp. 201–222). Colorado : University Press of Colorado.
- Filho, C. M. A. (2002). Montaigne e Sócrates: Cepticismo, Conhecimento e Virtude. *Revista Portuguesa De Filosofia*, 58 (4), 829–845.
- Franke, W. (2015). Introduction: Involved knowing: On the poetic epistemology of the Humanities. *The revelation of imagination: From Homer and the Bible through Virgil and Augustine to Dante* (pp. 3–28). Evanston : Northwestern University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv43vtjk.4>
- Gagnebin, Ch. (2009). La figure de Socrate dans les ‘Essais’ de Montaigne. *Revue De Théologie Et De Philosophie*, 141 (3), 237–242.
- Green, K., & Wood, M. (2020). Therapy and the Essay: Montaigne, after Seneca. *Rethinking Therapeutic Reading: Lessons from Seneca, Montaigne, Wordsworth, and George Eliot* (pp. 27–40). London : Anthem Press.
- Herdman, E. (2016). Montaigne and Juvenal: Intertextual Recognition and the Readership of the Essais. In N. Kenny et al. (Eds), *Montaigne in Transit: Essays in Honour of Ian Maclean* (pp. 135–154). Cambridge : FST-Festschrift ed., Modern Humanities Research Association.
- Kong, K. (2010). The Foedus Amicitiae of Etienne De La Boétie and Michel De Montaigne. *Lettering the Self in Medieval and Early Modern France* (pp. 191–233). Woodbridge-Rochester : New edition ed., Boydell & Brewer.
- Boudou, B. (Ed.). (2011). *Le Dictionnaire des Essais de Montaigne*. Paris : LEO SCHEER.
- Lefèvre, D. (2007). Montaigne et La Boétie: Deux images de l’amitié. *Imaginaire et Inconscient*, 20, 15–21.
- MacPhail, E. (2021). Montaigne in the Mirror of Cicero. In D. J. Kapust, & G. Remer (Eds), *The Ciceronian Tradition in Political Theory* (pp. 103–119). Madison : University of Wisconsin Press.
- MONLOE. (n. d.). MONtaigne à L’Œuvre. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). <https://montaigne.univ-tours.fr/>
- Panichi, N. (2012). Morte «muetta» e morte «parlante». *Montaigne e la Boétie. Rivista Di Storia Della Filosofia (1984-)*, 67 (1), 35–57.
- Lacheny, M., & Auerbach, E. (n. d.). *Publictionnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics*. <http://publictionnaire.humanum.fr/notice/auerbach-erich/>
- Savarese, J. (2019). Cognitive scaffolding, aids to reflection. In M. Anderson, G. Rousseau, & M. Wheeler (Eds), *Distributed Cognition in Enlightenment and Romantic Culture* (pp. 139–155). Edinburgh : Edinburgh University Press.
- Tivyaeva, I. (2022). Online mode of autobiographical reminiscing: discourse practices in digital society. *Komunikacija i Kultura Online*, 13 (13), 180–194. <https://doi.org/10.18485/kkonline.2022.13.13.11>
- Voltaire. (1879). *Œuvres complètes*: T. 22. Paris : Garnier Frères.

УДК 81'23

Романова Татьяна Александровна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
tatianatiana1616@gmail.com

Явление перекатегоризации в сфере профессионального знания на основе метонимического переноса (на примере англоязычной сферы анимации)

Аннотация

В статье рассматривается явление перекатегоризации как процесс переосмысления, переход профессионального знания из одной категории в другую. Перекатегоризация представляет интерес как для когнитивной науки, так и для лингвистики в вопросе изучения профессионального знания и его вербализации. Статья имеет целью проанализировать перекатегоризацию, реализуемую в лингвистике за счёт механизма метонимического переноса, применение которого свидетельствует о продвинутом профессиональном познании. В качестве такой профессиональной области выбрана анимация. Материалом для исследования послужили термины анимации, отобранные из мемуаров художников-аниматоров студии Disney. Материал был обработан методами анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа. Результаты показали, что перекатегоризация на основе метонимического переноса в профессиональной коммуникации работников сферы анимации представляется продуктивным явлением. Процессы перекатегоризации осуществлялись по следующим моделям метонимического переноса: инструмент → стадия производства; инструмент → работа, выполненная при помощи инструмента → наименование производственного этапа; статичное → подвижное; место действия → художественные требования; помещение → работа, которая просматривается в этом помещении → наименование производственного этапа; приспособление → продукт; инструмент → технология создания; наименование производства → продукция; деятель → результат деятельности.

Ключевые слова: профессиональное знание, профессиональная коммуникация, термин, категория, перекатегоризация, метонимический перенос

© Романова Т. А. 2024

Для цитирования: Романова Т. А. Явление перекатегоризации в сфере профессионального знания на основе метонимического переноса (на примере англоязычной сферы анимации) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 173–180.

Tatiana A. Romanova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
tatianatiana1616@gmail.com

Metonymic transcategorization in the sphere of professional communication (Based on the English animation vocabulary)

Abstract

The present article studies transcategorization viewed as a process of reinterpreting, transferring professional knowledge and concepts from one category into another. Transcategorization is an issue of interest for both cognitive and linguistic research focusing on professional knowledge and the means of its verbalization. The article aims at analyzing transcategorization implemented in linguistics by means of metonymic transfer whose use indicates the advanced level of professional knowledge. Animation was chosen as a target professional field. The units for analysis

were selected from the memoir of professional animators from Disney Studios and further processed using definition and contextual analyses. The obtained results showed that transcategorization based on metonymic transfer in the sphere of professional communication of animators is a productive phenomenon. The transcategorization processes are based on the following patterns of metonymic transfer: instrument → production stage; instrument → work done with the given instrument → name of the production stage; static → animated; place of a proceeding action → artistic specifications; location → work screened in that location → name of a production stage; appliance → product; tool → production technology; production → product name; personality → the result of the actions of the given personality.

Keywords: impersonal constructions, epistemic modality, evidentiality, mixed markers, evidential-epistemic syncretism

© Romanova T. A. 2024

For citation: Romanova, T. A. (2024). Yavlenie perekategorizatsii v sfere professional'nogo znaniya na osnove metonimicheskogo perenosa (na primere angloyazychnoy sfery animatsii) [Metonymic transcategorization in the sphere of professional communication (Based on the English animation vocabulary)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 173–180.

1. Введение [Introduction]

Процесс вербализации профессиональных знаний имеет большое значение как в рамках изучения предметных сфер деятельности человека, так и в рамках сугубо лингвистических исследований. В рамках лингвистики профессиональное знание может изучаться с позиции стратификации языка профессионального общения, где языковые единицы могут делиться на такие пласты (классы), как термины, профессионализмы, жаргонизмы и другие, в зависимости от предметной сферы. Вербализация профессиональных понятий изучается и с позиции когнитивной лингвистики, где целью является выявление мыслительных механизмов, которые задействуются при выборе того или иного способа ословливания профессионального знания. Актуальность изучения вербализация профессиональных понятий выражается в когнитивной лингвистике исследованием механизма категоризации, под которой в широком значении понимается «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его бытия», а в узком – «подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определённую рубрику опыта» [Жеребило, 2010, с. 142].

Стремление к категоризации есть одна «из центральных функций человеческого сознания, которая во многом определяет процессы и результаты понятия мира и то или иное его понимание» [Болдырев, 2016, с. 94]. Категоризация «позволяет свести бесконечное разнообразие человеческих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики» [Голованова, 2014, с. 31]. Иными словами, категоризация способствует интерпретированию и классифицированию вербализованного знания. В сфере профессиональной коммуникации выделяют основные категории: 1) предметы; 2) процессы (явления); 3) свойства; 4) величины [Лотте, 1961].

Наряду с категоризацией существует феномен перекатегоризации, когда осуществляется переход профессионального знания из одной категории в другую, поскольку «чаще всего механизмы перекатегоризации связаны с переосмыслением главной категорией профессиональной сферы – категорией процессов (действий)» [Там же, с. 105]. Перекатегоризация «обеспечивается возможностями языка» [Там же, с. 115], где главным лингвокогнитивным способом, выражающим переосмысление категории, выступает метонимический перенос – «замена слова другим на основе связи их значений по смежности» [Жеребило, 2010, с. 196].

В отличие от метафоры, актуальной как механизм на этапе начального профессионального познания, метонимия «выступает в качестве “продвинутого” профессионального познания» [Лотте, 1961, с. 114], а также выступает активным процессом в терминологии

[Сложеникина, 2016, с. 65]. Вместе с тем, ученые указывают на слабую изученность процесса метонимизации [Сулейманова, 2010, с. 60 ; Голованова, 2014, с. 104]. Несмотря на значимую связь с процессом познания и осмысления, метонимия получила меньше внимания, чем метафора, хотя в рамках лингвистики оба эти механизма являются существенной частью языкового творчества, а в рамках когнитивной лингвистики принимают участие в структурировании понятийной системы человека [Faber, 2010, p. 64–65].

Несмотря на то, что метонимический способ уступает метафорическому по степени изученности, в контексте образования специальной лексики предметных сфер он занимает значительное место в процессе терминологизации общеязыковых единиц [Собянина, 2005, с. 107], в связи с чем в настоящей статье предпринята попытка исследовать лингвокогнитивный процесс метонимизации и перекатегоризации в специальной лексике сферы экранной анимации. Выбор данной предметной области обусловлен тем, что анимация является динамично развивающейся сферой современного экранного искусства, имеет богатую историю развития аппарата профессионального общения, изучение которого, в свою очередь, с точки зрения метонимических процессов может принести определённый вклад в исследование процессов перекатегоризации и эволюции профессионального знания.

2. Процесс перекатегоризации в анимации [Transcategorization process in animation]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили главным образом мемуары художников-аниматоров студии Disney Ф. Томаса и О. Джонстона [Johnston, Thomas, 1995], поскольку с самого своего основания и на протяжении многих десятилетий студия Disney была неоспоримым флагманом в деле развития рисованной анимации: первый короткометражный мультфильм со звуком; первый короткометражный цветной мультфильм; первый полнометражный цветной мультфильм с предельно реалистичным для того времени изображением людей; первая анимационная работа с использованием 3D эффекта погружения в кадр и т. д.

Наряду с развитием самой области и её технического оснащения развивался и аппарат профессионального общения работников этой сферы, представляющий особый интерес для настоящей работы, которая в связи с этим опирается на труды отечественных и зарубежных терминоведов и лингвистов-когнитивистов [Лотте, 1961 ; Сложеникина, 2016 ; Faber, 2010 ; Голованова, 2014 ; Собянина, 2005 ; Романова, 2019, 2021 ; Churyna, Romanova, 2021], а также труды в области семантических исследований [Болдырев, 2016 ; Сулейманова, 2010].

Важным материалом в работе представляются специализированные анимационные [Машковцев, 2015 ; Dobson, 2009], кинематографические [Beaver, 2015 ; Kuhn, 2012], а также общеязыковые лексикографические и этимологические источники [Online Etymology Dictionary ; Oxford Learner's Dictionaries], имевшие большое значение для семантического анализа языковых единиц. Вместе с тем, исследование основывается на информации из лингвистических словарей [Жеребило, 2010], тематических [Эйзенштейн, 2014 ; Winder, 2011] и энциклопедических [Smith, 1998] источников.

Для исследования методом направленной выборки из 120 языковых единиц, относящихся к сфере анимации, были отобраны только те языковые единицы, которые представляют собой примеры перекатегоризации, реализуемой в специальной лексике сферы экранной анимации за счёт механизма метонимического переноса: *animation, cartoon, ink and paint, pencil test, staging, sweatbox, reel, celluloid, Laugh-O-Gram, Disney*. Применение этих языковых единиц свидетельствует о продвинутом профессиональном познании представителей исследуемой предметной сферы. Для дальнейшего анализа были использованы

ны следующие методы: 1) лингвистический (анализ семантической структуры языковых единиц, анализ словарных дефиниций); 2) метод контекстуального анализа.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Исследование предваряет ядерный термин предметной сферы, совпадающий с названием самой сферы, – *animation* 'анимация'. Согласно дефинициям из специализированных терминологических словарей под анимацией принято понимать:

1. a) The use of a range of non-photographic methods, including hand drawing, silhouette animation, cel-animation, model work (known as stop-motion animation), and computer animation to create film images. b) Films produced using animation techniques, often given the label cartoons, and aimed at a young audience [Johnston, 1995, p. 11] – 'а) Использование набора нефотграфических методов, включающих рисование от руки, силуэтную анимацию, традиционную анимацию, модель анимации (известную как покадровая анимация) и компьютерную анимацию с целью создания образов для фильма. б) Фильмы, созданные с использованием техник анимации, часто называемые мультфильмами, предназначенные для юной аудитории'.

2. Animated film. Most commonly a film type in which individual drawings (cels) have been photographed frame by frame. Usually each frame differs slightly from the one that has preceded it, thus giving the illusion of movement when the frames are projected in rapid succession [Beaver, 2015, p. 12] – 'Анимационный фильм. Обычно это такой тип фильма, в котором отдельные кадры отсняты поочередно; каждый следующий кадр лишь немного отличается от предыдущего, тем самым создавая иллюзию движения при быстрой смене кадров'.

3. Анимация (англ. *animation* – оживление, одушевление) – вид искусства, основанный на создании иллюзии движения предметов, рисованных, кукольных, компьютерно-графических и иных объектов методом покадровой съёмки или визуализации последовательных фаз» [Машковцев, 2015, с. 16].

Как видно из англоязычных источников, в первой дефиниции термин *animation* определяется и как процесс (*use of methods, using techniques*), и как продукт (*films*); во втором определении анимация представлена как продукт (*animated film, a film type*), при этом определение снабжено пояснением того, как этот продукт возникает, т. е. посредством какого процесса. Русскоязычная дефиниция определяет анимацию как предметную область (вид искусства). Таким образом, представленные дефиниции демонстрируют категории изучаемого объекта, находящиеся в разных отношениях: процесс – продукт – предметная область.

Понимаемая на заре своего развития как процесс и предметная область, анимация как продукт существовала на уровне термина *cartoon* – “production of moving cartoon pictures” [OED, 2019]. Необходимо понять, почему в терминологии сферы анимации наряду с термином *animation* стали использовать термин *cartoon*. Для ответа на этот вопрос следует обратиться к этимологии английской лексической единицы *cartoon*, которая берёт своё начало в греческом языке: *cartoon* < It. *cartone* < Lat. *charta* < Gr. *khartēs* (в значении 'лист папируса' – *paperus leaf*) [OLD, 2023].

В XVII в. в английский язык из итальянского было заимствовано слово *carton* в значении 'a drawing on strong paper used as a model for another work' (т. е. рисунок на плотной бумаге (как образец для другой работы), где под плотной бумагой понимался картон) [OED, 2019]. Можно сказать, что изначально слово вошло в английский язык, уже подвергшись процессу перекатегоризации: место для рисунка → рисунок.

В дальнейшем слово оказалось востребованным в сфере рисования для обозначения предварительных эскизов, которые художники делали на подобного рода бумаге, а в XIX в. оно вошло в терминологию газетного и журнального дела, в результате чего значение специализировалось как «сатирический рисунок, изображавший общественного деятеля или политика, т. е. шарж или карикатура» [Романова, 2019, с. 97].

В первой четверти XX в. слово *cartoon* приобрело терминологическое значение – *hand-drawn animated film* 'нарисованный вручную анимационный фильм' – и стало применяться для обозначения последовательности рисунков с определёнными героями или ситуациями, благодаря чему создавалось впечатление движения [Beaver, 2015, p. 42]. Подобные рисунки получили название *animated cartoons* ('анимированные карикатуры', или, если понимать первый компонент словосочетания семантически буквально, то 'подвижные, ожившие карикатуры' [Эйзенштейн, 2014, с. 93]). Необходимость атрибутивного компонента *animated* обусловлена разграничением понятий «карикатура в газете или журнале» (*cartoon*) и «карикатура, ожившая на экране благодаря технике анимации» (*animated cartoon*). Таким образом, проанализировав языковую этимологию и эволюцию терминологизированной языковой единицы *cartoon*, рассмотрев ход её заимствования различными предметными сферами, можно наблюдать дальнейший процесс перекатегоризации с позиции состояния продукта: статичное → подвижное.

В сфере анимации многие профессиональные понятия подверглись перекатегоризации по различным моделям метонимического переноса.

Ink and paint: инструмент → стадия производства. Наименование таких инструментов для создания анимационных фильмов, как контуровка, тушь (*ink*) и заливка, краска (*paint*), перешло из категории «инструмент» в категорию «стадия производства», в результате метонимического переноса по функции, поскольку речь идёт не о «туши и краске», а о процессе, когда карандашные рисунки обводятся по контуру (*to ink*) и закрашиваются краской (*to paint*) – «контуровка и заливка» [Романова, 2021, с. 90].

Staging: место действия → художественные требования. Термин *staging*, заимствованный из театральной сферы в анимацию, подвергся перекатегоризации со значением 'художественные требования' в связи с переосмыслением, обусловленным требованиями заимствующей сферы: «в зависимости от идеи эпизода или всей истории создаётся требуемая *графическая постановка*, наполненная соответствующими знаками, символами, цветовой гаммой и вызывающая определённые эмоции» [Романова, 2021, с. 113].

Celluloid: инструмент → технология создания. На целлулоидах, представлявших собой тонкие, гибкие, прозрачные листы, при помощи технологии контуровки и заливки (*ink and paint*) рисовали подготовленные к съёмке фазы движения персонажей или объектов. Анимация, выполненная на целлулоидах, так называемая *рисованная анимация*, является дорогостоящим и трудозатратным способом создания мультфильмов и на сегодняшний день замещена компьютерной анимацией. За счёт метонимического переноса термин *celluloid* используется для обозначения технологии создания двухмерной рисованной анимации – *cel animation* [Kuhn, 2012, p. 63 ; Dobson, 2009, p. 37].

Перекатегоризации на основе метонимического переноса может затрагивать не только понятия, вербализованные на уровне терминологических единиц, но и наименования – имя собственное или наименование предприятия.

Reel: приспособление → продукт. Изначально языковая единица *reel* (a rotating device on which spun thread is wound [OLD, 2023] – 'вращающееся приспособление, на которое наматывается нить') использовалась в ткацком деле для обозначения прядильного приспособления, то есть в значении 'катушка'. В дальнейшем она была заимствована в сферу кинематографа на основе ассоциативных характеристик для терминологизации основы катушечного типа, на которую наматывалась кинолента (*film reel*). Однако в 20-е гг. XX столетия термин *reel* стали использовать не только для обозначения катушки с плёнкой, но и для обозначения кинопродукции, отснятой на неё, поскольку первые кинофильмы были короткометражные и умещались либо на одну бобину с плёнкой, либо на две. Таким образом, перекатегоризация кинематографического понятия, связанного с термином *reel*, произошла путём метонимического переноса по внешнему виду и функциональным характеристикам исходного приспособления. Сама же лексическая единица

ца *geel* прошла длинный путь заимствований различными сферами деятельности: ткацкое дело → кинематограф → анимация.

Внутри предметной области наблюдаются примеры метонимического переноса не в одну, а в две категории последовательно, по мере развития профессионального знания.

Sweatbox: помещение → работа, которая просматривается в этом помещении → наименование производственного этапа. Ещё одно профессиональное понятие подвергшееся перекаатегоризации несколько раз. Лексическая единица *sweatbox* была терминологизирована студией Disney в значении 'парилка' на раннем этапе истории предприятия для обозначения помещения, в котором просматривались черновые работы и которое было очень маленьким, тесным и душным. Даже когда студия переехала в более просторное здание, в котором не было никаких «парилок», специфическое терминологическое наименование сохранилось. Термином *sweatbox* на студии Disney называли как рабочее помещение (*to be in the sweatbox*), так и сами анимационные работы, которые там просматривались (*to watch a sweatbox, to sweatbox roughs*) [Johnston, 1995]. Логичным образом это наименование закрепилось за производственным этапом. В наши дни термин *sweatbox* по-прежнему используется в терминологии анимации для обозначения этапа, когда черновая анимация ожидает технической и эстетической оценки для дальнейшей работы [Winder, 2011, p. 233].

Pencil test: инструмент → работа, выполненная при помощи инструмента → наименование производственного этапа. Карандашный тест, или карандашную пробу, делали для того, чтобы посмотреть черновой вариант анимации, то есть без контуровки и заливки. Поскольку речь идёт не просто о рисунке карандашом (*pencil drawing*), а о рисунке для тестового просмотра анимации, то карандаш в данном случае понимается как рисунок, выполненный с его помощью. Таким образом, имеет место метонимический перенос по модели «инструмент → работа, выполненная с его помощью» и далее – «наименование производственного этапа», связанного с просмотром черновой анимации [Романова, 2021, с. 131].

В некоторых случаях отправной точкой в процессе перекаатегоризации может служить наименование – имя собственное человека или название компании, производства.

Laugh-O-Gram: наименование производства → продукция. Самая первая студия, которую основал Уолт Дисней в 20-х гг. XX в. получила название *Laugh-O-Gram*. Продукция этой студии называлась *Laugh-O-gram Films*, или *Laugh-O-grams* [Smith, 1998, p. 320]. Впрочем, в данном случае сложно с уверенностью сказать, в каком направлении осуществлялась последовательность переосмысления. Возможно, перенос происходил в обратную сторону, поскольку грань между названием предприятия и производимой им продукцией очень тонкая.

Disney: деятель → результат деятельности (компания, товарный знак). В зависимости от цели употребления имя собственное *Disney* может быть рассмотрено как коммерческий знак, бренд или как слово, используемое для обозначения товарного знака. Стоит отметить, что функционирование имени собственного *Disney* в языке может быть обусловлено как метонимическим переносом, так и сокращением длинных коммерческих наименований до наиболее значимого компонента, например: *The Walt Disney Company* → *Disney*, *The Walt Disney Studios* → *Disney*.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование показало, что перекаатегоризация на основе метонимического переноса в среде профессиональной коммуникации работников сферы анимации представляется продуктивным явлением. Продуктивность объясняется стремлением специалистов к экономии и простоте в использовании языковых средств. В отдельных примерах прослеживается метонимический перенос из одной категории в две (инструмент → работа, вы-

полненная при помощи инструмента → наименование производственного этапа; помещение → работа, которая просматривается в этом помещении → наименование производственного этапа). Перекатегоризация на основе метонимического переноса может затрагивать не только понятия, вербализованные на уровне терминологических единиц, используемых в таких категориях, как «продукт», «инструмент», «помещение», «производственный этап», но и категории имён собственных или наименований предприятий (*Disney*), а также категорию «состояние продукта» (статичное → подвижное).

Библиографический список

- Болдырев, 2016 – Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии : учеб. пособие. М.-Берлин : Директ-Медиа, 2016. 163 с.
- Голованова, 2014 – Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2014. 224 с.
- Жеребило, 2010 – Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
- Лотте, 1961 – Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 160 с.
- Машковцев, 2015 – Машковцев Б. А. Словарь-справочник современных анимационных терминов. М. : URSS, 2015. 256 с.
- Романова, 2019 – Романова Т. А. К вопросу о переосмыслении и терминологизации лексических единиц cartoon, gag // Вестник Московского гор. пед. ун-та. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2 (34). С. 96–100. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.34.2.11>
- Романова, 2021 – Романова Т. А. Исследование процессов формирования словаря кинематографической анимации в английском языке : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 ; МГПУ. М., 2021. 236 с.
- Собянина, 2005 – Собянина В. А. Взаимодействие специальной и обиходной лексики в современном немецком языке : дис. ... д-ра филол. наук ; 10.02.04 ; МПГУ. М., 2005. 424 с.
- Сложеникина, 2016 – Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М. : Книжный дом «Либроком», 2016. 120 с.
- Сулейманова, 2010 – Сулейманова О. А. Принципы и методы семантических исследований : учеб.-метод. пособие. Ч. 1. М. : МГПУ, 2010. 120 с.
- Чупрына, Романова, 2021 – Чупрына О. Г., Романова Т. А. English animation terminology formation: Linguistic and cognitive aspects // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2021. № 4. С. 30-41. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-4-30-41>
- Эйзенштейн, 2014 – Эйзенштейн С. М. Дисней. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 124 с.
- Beaver, 2015 – Beaver F. E. Dictionary of Film Terms: The Aesthetic Companion to Film Art. New York : Peter Lang Publishing, 2015. 293 p.
- Dobson, 2009 – Dobson N. Historical Dictionary of Animation and Cartoons. UK : Scarecrow Press, 2009. 245 p.
- Faber, 2010 – Faber P. A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language. Berlin ; N.Y. : De Gruyter Mouton, 2010. 325 p.
- Johnston, 1995 – Johnston O., Thomas Fr. The Illusion of Life: Disney Animation: illustrated book with artistic, historical and biographical references. Hyperion, 1995. 575 p.
- Kuhn, Westell, 2012 – Kuhn A., Westell G. Oxford Dictionary of Film Studies. Oxford : Oxford University Press, 2012. 518 p.
- OED, 2019 – Online Etymology Dictionary. 2019. URL : <http://www.etymonline.com> (дата обращения : 01.02.2023).
- OLD, 2023 – Oxford Learner's Dictionaries. 2023. URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения : 02.02.2023).
- Smith, 1998 – Smith D. Disney A to Z: The Updated Official Encyclopedia. New York : Hyperion, 1998. 633 p.
- Winder, Dowlatabadi, 2011 – Winder C., Dowlatabadi Z. Producing Animation. Focal Press, 2011. 456 p.

References

- Boldyrev, N. N. (2016). *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii [Cognitive semantics: A course of lectures on English philology]*. Moscow-Berlin : Direkt-Media Press. (In Russ.).
- Chupryna, O. G., Romanova, T. A. (2021). English animation terminology formation: Linguistic and cognitive aspects. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]*, 4, 30–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-4-30-41>
- Golovanova, E. I. (2014). *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie [Introduction to cognitive terminology studies]*. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of linguistic terms]*. Nazran : Pilgrim Press. (In Russ.).
- Lotte, D. S. (1961). *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii: Voprosy teorii i metodiki [The basics of developing science and technology terms: Theoretical and methodological issues]*. Moscow : AN SSSR Press. (In Russ.).
- Mashkovtsev, B. A. (2015). *Slovar'-spravochnik sovremennykh animatsionnykh terminov [A glossary of modern animation terms]*. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Romanova, T. A. (2019). K voprosu o pereosmyslenii i terminologizatsii leksicheskikh edinit cartoon, gag [On meaning reconsideration and terminologization of lexical units cartoon, gag]. *Vestnik Moskovskogo gor. ped. un-ta. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 2 (34), 96–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.34.2.11>
- Romanova, T. A. (2021). *Issledovanie protsessov formirovaniya slovarya kinematograficheskoy animatsii v angliyskom yazyke [Research on the processes of building up the professional vocabulary in animation in the English language]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow City University (In Russ.).
- Sobyanina, V. A. (2005). *Vzaimodeystvie spetsial'noy i obikhodnoy leksiki v sovremennom nemetskom yazyke [The interaction of terminological vocabulary and everyday speech in modern German]*. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Pedagogical University (In Russ.).
- Slozhenikina, Yu. V. (2016). *Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina [The basics of terminology: Linguistic aspects of the term theory]*. Moscow : Librokom Press. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A. (2010). *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy [Principles and methods of semantic studies] : A coursebook*. Moscow : MCU Press. (In Russ.).
- Eisenstein, S. M. (2014). *Disney*. Moscow : Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Beaver, F. E. (2015). *Dictionary of film terms: The aesthetic companion to film art*. New York : Peter Lang Publishing.
- Dobson, N. (2009). *Historical dictionary of animation and cartoons*. UK : Scarecrow Press.
- Faber, P. A. (2010). *Cognitive linguistics view of terminology and specialized language*. Berlin ; N.Y. : De Gruyter Mouton.
- Johnston, O., Thomas, Fr. (1995). *The Illusion of Life: Disney Animation: Illustrated book with artistic, historical and biographical references*. New York : Hyperion.
- Kuhn, A., Westell, G. (2012). *Oxford Dictionary of Film Studies*. Oxford : Oxford University Press.
- Online Etymology Dictionary (OED). (2023). Retrieved February 01, 2023 from <<http://www.etymonline.com>>.
- Oxford Learner's Dictionaries (OLD). (2023). Retrieved February 02, 2023 from <<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>>.
- Smith, D. (1998). *Disney A to Z: The updated official encyclopedia*. New York : Hyperion.
- Winder, C., Dowlatabadi, Z. (2011). *Producing Animation*. Focal Press.

УДК 81'38; 81'373

Стародубцева Наталья Сергеевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
nstarodubceva@yandex.ru

Анализ текстового сопровождения поздравительных открыток с Днём образования КНР

Аннотация

Настоящее исследование своей целью ставит анализ поздравлений с Днём образования КНР. Материал для исследования – 128 неповторяющихся примеров – был получен с помощью лингвистического интервьюирования граждан КНР из 55 городов, представленных в основном китайской молодёжью – в возрасте от 16 до 35 лет. Благодаря использованию комплекса методов (индуктивный, описательный, классификация и систематизация), во-первых, были выявлены: 1) клишированные фразы-поздравления и другие лингвистические явления, позволяющие сделать вывод о современных китайских языковых нормах; 2) фразы-поздравления, обладающие социальной и культурной спецификой; 3) тематика пожеланий (людям: хорошей судьбы, хорошего самочувствия, успеха в делах, чудес; стране: процветания и благополучия). Во-вторых, сравнение формулировок поздравлений показало, что устные пожелания более лаконичны, в них чаще употребляются фразы-клише. В письменных поздравлениях прослеживается большая вариативность и творческий подход. В-третьих, выяснилось, что, кроме титульного пожелания (название праздника и пожелание провести его счастливо) и сопутствующих пожеланий, в тексте поздравления констатировались итоги развития КНР, выражалась благодарность стране, отражалась взаимосвязь благополучия народа с благополучием государства, подчёркивалась сила единения народных масс. В-четвёртых, анализ текстового сопровождения поздравительных открыток с Днём образования КНР и устных поздравлений в этот государственный праздник раскрыл личные ценности китайского народа, продемонстрировал отношение китайских граждан к своему государству как к великой державе, показал чаяния народа относительно своей жизни и будущего развития страны.

Ключевые слова: поздравительный текст, фразы-поздравления, клише, вербализация социальной и культурной специфики, олицетворение, эпитет, метафора

© Стародубцева Н. С. 2024

Для цитирования: Стародубцева Н. С. Анализ текстового сопровождения поздравительных открыток с Днём образования КНР // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 181–193.

Natalya S. Starodubtseva
Amur State University
Blagoveschensk, Russian Federation
nstarodubceva@yandex.ru

The study of postcard texts congratulating on the National Day of the People's Republic of China

Abstract

This study aims to analyze congratulations on the National Day of the People's Republic of China. The material for the study – 128 non-repeating examples – was obtained through linguistic interviews of Chinese citizens from 55 cities represented mainly by Chinese youth aged 16 to 35. The use of a set of methods (induction, description, classification and systematization), firstly, enabled to identify: 1) congratulation clichéd phrases of and other

linguistic phenomena that help judge about modern Chinese norms; 2) congratulation phrases reflecting social and cultural specificity; 3) groups of wishes (to people: good fate, good health, success in business, miracles; to the country: prosperity and well-being). Secondly, the comparison of the congratulation texts showed that oral wishes were more laconic, and cliché phrases were used more often there. Written congratulations displayed greater variability and creativity. Thirdly, in addition to the title wish (the name of the holiday and the wish to spend it happily) and accompanying wishes, the texts referred to the results of the development of the country, expressed gratitude to the country, demonstrated the awareness of the relationship between people's well-being and well-being of the state, emphasized the strength of people's unity. Fourthly, the congratulation written texts and oral congratulations on the National Day revealed personal values of the Chinese people, demonstrated the attitude of Chinese citizens towards their state as a great power, the aspirations of the people regarding their lives and the future development of the country.

Keywords: congratulating text, congratulating verbal patterns, clichés, social and cultural specifics verbalization, personification, epithet, metaphor

© Starodubtseva N.S. 2024

For citation: Starodubtseva, N. S. (2024). Analiz tekstovogo soprovozhdeniya pozdravitel'nykh otkrytok s Dnem obrazovaniya KNR [The study of postcard texts congratulating on the National Day of the People's Republic of China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 181–193.

1. Введение [Introduction]

Социокультурная адаптация в процессе изучения иностранного языка и постижение иноязычной культуры являются неперенными условиями для формирования коммуникативной компетенции. Культура поздравлений, отражённая в поздравительных открытках – неотъемлемый элемент лингвокультуры страны. Открытка – вид печатной графики, тиражируемое художественное произведение, предназначенное для открытого письма (без конверта), во многих культурах стала важным элементом ритуала поздравления. Поздравительная открытка содержит в себе благопожелания адресанта адресату. «Благопожелание занимает важное место в духовной культуре общества, поскольку регламентирует взаимоотношения между людьми в рамках принятых социальных статусов и ролей. Благопожелание обслуживает контактоустанавливающую (социативную или фатическую) функцию и поэтому широко присутствует в разных сферах человеческого общения» [Тихонова, Чибисова, 2017, с. 211].

Открытка воспринимается как исторический источник, отражающий развитие почтового дела страны (основные этапы, функциональные особенности каждого исторического периода), тенденции развития государства, жизнь народа [Ларина, 2004 ; Спешилова, 2016 ; Белько, Бесчастнов, 2019 ; Панев, Рубцов, 2019 и др.]. Художественная открытка обладает самобытностью и является носителем этнических черт [Спешилова, 2016]. Открытка также представляет собой источник, позволяющий исследовать пространство социальных отношений [Сальников, Сальникова, 2022, с. 63], и отражает особенности характера отправителя [Матвеева, 2015].

Одной из причин невосприятия открыток в качестве полноценного научного источника до середины 1990-х годов выступает тот факт, что «они представляют собой персонализированную индивидуализированную форму социальной коммуникации, которая не имеет широких социальных следствий» [Сальников, 2022, с. 59]. Сейчас констатируется необходимость переноса «научного изучения открытки из сферы истории в пространство социальных наук и прежде всего антропологии. В этом случае открытка из источника исторической эпохи становится источником информации о многообразной практике человека и системе социальных отношений, включающих в силу многофунк-

циональности открытки не только социальную коммуникацию, но социальную информацию, социальную и личную репрезентацию, образовательно-педагогическое воздействие, идеологию и пропагандистские образы, специфику экономических отношений, сферы развлечений и досуга, что в конечном итоге при комплексном восприятии позволяют реконструировать целостный мир человека, его практики и мировоззрения» [Сальников, Сальникова, 2022, с. 62]. Обращает на себя внимание важный момент, присущий открыткам – «личный характер потребления публично предлагавшихся образов» [Медяков, 2021, с. 31]. Анализируя открытки, учёные-лингвисты [Ткаченко, 2020 ; Гурьянова, 2022 и др.] выделяют их составные элементы, тенденции употребления клишированных фраз-поздравлений, сходства и различия частных и официальных поздравлений; изучают функций открытки в коммуникативном пространстве. «Текстовые сообщения на открытках, созданные автором ..., позволяют сделать вывод о языковых нормах того времени и рассмотреть коммуникационный аспект этого явления» [Самбур 2014, с. 19]. Не обойдены вниманием обращения к адресату, анализ которых позволил сделать вывод о зависимости эмоциональности форм обращения от социального уровня обращения и от эмоционального состояния адресанта в момент написания открытки [Сухотерина, 2004, с. 10], при этом подчёркиваются экспрессивная, коммуникативная и этикетная функции обращения.

Открытка рассматривается «как текст, содержащий многообразие семиотических кодов, раскрывающих социокультурное содержание» [Бутыльская, 2013, с. 66]. При этом отмечается высокий потенциал изучения данного праздничного атрибута с точки зрения информации «о национально-культурной специфике общества, о воздействии культурных трансформаций, которые происходят в конкретном обществе» [Там же]. Так, особенностью поздравлений с Новым годом в Китае в 2022 г. являются изображения тигра, сдающего тест ПЦР с надеждой на здоровый Новый год [Чистякова, 2022, с. 79]. Выявлено, что часто поздравительная надпись построена на игре с омофонами, а поскольку визуальное наполнение открытки состоит из культурных символов, «необходимо «расшифровать» послание, учитывая значения используемых предметов-символов и языковую игру» [Чистякова, 2022, с. 67].

«Открытка – это жанр фатического общения в рамках социальной коммуникации; её этикетная функция заключается в поздравлении и / или оказании внимания адресату; социокультурная – в отражении социальной и культурной специфики общества» [Бутыльская, 2013, с. 67].

В силу особенностей информационного общества XXI в. изменились функции открытки: функция простого средства почтовой связи уже неактуальна. По-прежнему оставаясь участником коммуникационного процесса, открытка выполняет регулятивную функцию – выступает средством воздействия на управление межличностными отношениями.

В эпоху цифровизации приоритетными способами общения стали социальные сети и различного рода мессенджеры. Выбирая способ поздравления с помощью открытки, большинство коммуникантов перешло от традиционных бумажных открыток к виртуальным открыткам. Однако у традиционной открытки появилась «вторая жизнь» – Интернет подарил почтовой открытке новые возможности: благодаря проектам, подобным Postcrossing, реализуется обмен открытками по всему миру: люди отправляют друг другу почтовые открытки, при этом не только утоляют свой интерес коллекционера, но и общаются, изучая иностранные языки и постигая культурные особенности различных стран.

В связи со сменой функций на современном этапе развития общества открытка рассматривается и в качестве объекта коммуникативного дизайна: выделяются её основные коммуникативные функции, исследуются способы передачи информации: вербальные (язык) и невербальные (художественные) [Белько, 2017]. А. И. Хлопова, исследуя взаимодействие между вербальными и визуальными компонентами электронной поздра-

вительной открытки, приходит к выводу о том, что её элементы «взаимодействуют между собой и воспринимаются как единое целое» [Хлопова, 2021, с. 232].

Для удобства потребителей электронных цифровых открыток создаются сайты, где можно с помощью конструктора создать собственную открытку или выбрать из предложенных образцов и отправить адресату. Подобного рода сайты привлекают внимание исследователей. Одни из них изучают сайты поздравительных открыток с точки зрения их организации, наполнения, возможностей, которые они предлагают [Пятницкая, 2018], другие [Тихонова, Чибисова, 2017; Хлопова, 2021] рассматривают подобного рода сайты как источник материалов для исторических, социальных, культурологических и лингвистических исследований.

«Русское слово «открытка» произошло от словосочетания «открытое письмо». В переводе же на ряд европейских языков «открытка» обозначает просто «почтовую карточку» (англ. – postcard, франц. – carte postale). В России мода на открытки зародилась лишь в XIX веке благодаря Европе, и возникла традиция – накануне праздника вкладывать карточку в конверт (пока ещё без каких-либо дополнительных сообщений)» [Бутыльская, 2013, с. 67].

В Китае поздравительная открытка (贺卡) является частью ритуала, а следовательно, и частью традиционной китайской культуры, так как понятие «ритуал» (礼) отражает сущность китайской культуры. Открытка не сразу стала выполнять поздравительные функции. Это произошло только после правления династии Тан (618–907 гг.). Сначала, со времен династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) были распространены визитные карточки (名帖 míngtiē, затем их стали называть 门状 ménzhuàng), основная функция которых сводилась к самопрезентации. Однако после династии Тан их стали использовать те, кто во время праздника Весны (китайский Новый год) был в путешествии и не мог лично поздравить близких людей. Они отправляли слуг вручить свои визитные карточки, тем самым засвидетельствовать своё почтение. Такие карточки назывались «Летающие послания» (飞帖 fēitiē), а затем «Послания с Новым годом» (贺年帖 hèniántiē). Во времена династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) существовал этикет для вручения визитных карточек и поздравительных открыток. Согласно правилам, слуги не могли вручать поздравительные открытки, передавая их из рук в руки, поэтому стали использовать шкатулку, которую держал слуга во время встречи. Шкатулка была прямоугольной формы – как раз подходящего размера для размещения визитных карточек и поздравительных открыток [Ма, 2011].

Анализ текстового сопровождения поздравительных открыток раскрывает аксиологические аспекты жизни человека, а при изучении открыток на иностранном языке происходит усвоение языкового и культурного кодов. Ранее была предпринята попытка на основе анализа поздравительных открыток, расположенных на интернет-сайтах с русскими и китайскими пожеланиями, определить культурно-универсальные и национально-специфические особенности текстов, выражающих благопожелание [Тихонова, Чибисова, 2017].

Мы в своём исследовании обратились к поздравлениям с государственным праздником – Днём образования государства. КНР – страна с сильной государственной идеологией и глубокими культурными традициями. Главный государственный праздник Китая – День образования государства – отмечается в стране 1 октября с 1949 г. В этот день Мао Цзэдун провозгласил образование нового государства – Китайской Народной Республики (КНР). Теперь это любимым праздником китайского народа. Начиная с 1999 г., в стране ежегодно проходит «Золотая неделя» – нерабочая неделя, образованная объединением праздничных дней (1–3 октября) с выходными днями. В это время проходят массовые народные гуляния, а туризм в данный период уже стал традиционным занятием.

Выбор в качестве объекта исследования открыток с поздравлением в день государственного праздника обладает несомненной актуальностью и новизной, так как через анализ текстов поздравлений происходит:

1) вычленение социальной и культурной специфики китайского общества на современном этапе: раскрываются процессы, происходящие не только в плоскости личных ценностей и взаимоотношений, но и взаимоотношений граждан и их государства;

2) выявление клишированных фраз-поздравлений и других лингвистических явлений, что позволяет сделать вывод о языковых нормах в китайском языке.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л для исследования был получен в ходе опроса респондентов – жителей КНР обоих полов. Основной контингент респондентов представлен китайской молодёжью – в возрасте от 16 до 35 лет, из них большинство опрошенных в возрасте 16–21 лет (71,43%).

В опросе приняли участие 127¹ человек: 104 респондента из провинции Хэйлунцзян, другие респонденты проживают в провинциях и городах центрального подчинения: Хэбэй (河北), Ляонин (辽宁), Шаньдун (山东), Гуйчжоу (贵州), Юньнань (云南), Сычуань (四川), Цзянсу (江苏), Аньхой (安徽), Гуандун (广东), Фуцзянь (福建), Гуанси (广西), г. Тяньцзинь (天津), г. Чунцин (重庆), г. Шанхай (上海) – всего 55 городов.

В ходе исследования был задействован комплекс методов: метод лингвистического интервьюирования, индуктивный метод, описательный метод и метод анализа с использованием приёмов классификации и систематизации.

Респондентам было задано два вопроса:

1. «Какие слова-поздравления вы напишите на поздравительной открытке с целью поздравить с Днем образования государства?» 您如果要写贺卡庆祝国庆节的话,您会写什么? (Полученные результаты будут указаны первыми).

2. «Какие слова-поздравления вы скажете своим родным и друзьям во время празднования Дня образования государства?» 您会给亲人和朋友庆祝国庆节时说什么祝福语? (При совпадении ответов полученные результаты будут указаны в скобках).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа ответов респондентов было выделено 128 неповторяющихся примеров, которые были разделены на группы по тематике поздравлений.

Пожелания вводились с помощью глаголов: «Желаю»: 祝, 祝贺, 祝福 («Желаю» + «счастье», после которого могли перечисляться и другие пожелания), 祝愿, 愿. Были призывы: «Давайте вместе пожелаем (стране)...!» 让我们一起祝(祖国)... Пожелания сменялись выражением надежды: «Желаю..., надеюсь...!» 祝..., 望...

«Счастливого (весёлого) государственного праздника!» (59,52% респондентов²): 国庆节快乐! пожелали 22,04% респондентов – 28 чел. (23,2% – 29 чел.). Вариант поздравления с отсутствием иероглифа 节 'праздник' встречается чаще – у 25,98% респондентов – 33 чел. (42,4% – 53 чел.); 2 чел. – 1,57% респондентов значение «Государственный праздник» передали фразой 国庆佳节; 1 чел. – 0,79% респондентов – значение

¹ В опросе приняло участие 127 человек, однако из них не все дали ответ на оба вопроса: на первый вопрос ответило 127 человек, на второй – 125, поэтому для подсчёта общих данных мы взяли среднее арифметическое число – 126 человек, при подсчёте процентов ответов на отдельные вопросы, мы исходили из реального количества ответов на данный вопрос.

² От общего количества респондентов (было задано 2 вопроса (варианты устных и письменных поздравлений), получено ответов от 252 респондентов).

'счастливый' передал не с помощью слова 快乐, а в привычной фразе указал синоним к словам *весёлый, радостный* 欢乐 (愿你国庆欢乐!); 2,36% респондентов – 3 чел. (9,6% – 12 чел.) не указали название праздника: «Счастливого (весёлого) праздника!» 节日快乐!; 1 чел. написал «С днём рождения!» 生日快乐!

Сравнение формулировок устных и письменных поздравлений показало, что первые более лаконичны, в них чаще употребляются фразы-клише, в то время как во вторых прослеживается большая вариативность и творческий подход.

Кроме титульного пожелания (называние праздника и пожелание провести его счастливо) респонденты высказывали сопутствующие пожелания. Их можно разделить на две группы по адресату: 1) пожелания людям, 2) пожелания стране.

П о ж е л а н и я л ю д я м были направлены на адресата и его родных: «Вам и вашим родным выражаю привет и наилучшие пожелания!» 向您及您的家人致以诚挚的问候和美好的祝福!; на друзей: «Желаю дорогим друзьям...!» 祝愿亲爱的朋友 «С праздником, мой самый лучший друг!» 我最好的朋友节日快乐!; использовались слова *все, каждый*: «(Желаю) всем радости!» 大家都快乐, «Желаю каждому ...!» 祝各位...!; обращались к народным массам: 祝人民群众 «Желаю народным массам ...!», 祝人民 «Желаю народу ...!».

П о ж е л а н и я х о р о ш е й с у дь б ы составили 1,59% от общего числа респондентов): «Желаю тебе хорошей судьбы!» 祝你好运! (0,8% – 1 чел.); «Удачи всю жизнь!» 一生好运 0,79% – 1 чел.

На долю **пожеланий хорошего физического и психологического самочувствия** пришлось 22,2%: «Здоровья!» 身体健康 6,3% – 8 чел. (4% – 5 чел.); «Здоровья и долголетия!» 祝你健康长寿 0,79% – 1 чел.; «Вечной жизни (никогда не умирать)» 永远不死 (0,8% – 1 чел.). Пожелания благополучия (спокойствия) шли вместе с пожеланием здоровья и радости: «Благополучия (спокойствия) и здоровья!» 平安健康 (0,8% – 1 чел.). Сокращение данного пожелания до двух иероглифов выглядит следующим образом: 国庆安康 – «В национальный праздник благополучия (спокойствия и здоровья)!» 5,51% – 7 чел. (1,6% – 2 чел.); «Благополучия (спокойствия)!» 平安 2,36% – 3 чел.; «Желаю благополучия (спокойствия) в человеческом обществе!» 祝人间平安 0,79% – 1 чел.; «Благополучия всему народу!» 全民安康 0,79% – 1 чел.; «Неизменного благополучия (спокойствия) и радости!» 永远平安快乐! (0,8% – 1 чел.); «Желаю ежедневно хорошего настроения!» 祝你一天好心情! (0,8% – 1 чел.); «Желаю тебе радоваться каждый день!» 祝你天天开心 2,36% – 3 чел.; «Больше без слёз!» 再无泪水 0,79% – 1 чел.

Кроме благополучия (спокойствия) встречается несколько примеров-пожеланий мира: «Желаю людям – цивилизованного мира!» 人间烟火 1,57% – 2 чел.: «Миру – мир!» 世界和平 0,79% – 1 чел.; «Желаю, чтобы поскорее в мире не было дыма сражений!» 愿世界早日无硝烟 0,79% – 1 чел.

Пожелание «Радости вашему дому!» представлено двумя вариантами, которые отличаются только одним иероглифом: 合家欢乐 – 0,79% – 1 чел.; 阖家欢乐! 1,57% – 2 чел. (0,8% – 1 чел.), а также «Вся семья собралась вместе!» 阖家团圆 0,79% – 1 чел. и 亲人阖家团圆 0,79% – 1 чел. (выражение дополнено словом *родные (близкие)*).

Счастья пожелали 6,35% – 8 человек: «Счастья!» 幸福! 4,72% – 6 чел.; «Вечного счастья!» 幸福永远! 0,79% – 1 чел.; «В жизни счастья и благополучия (полной жизни)!» 生活幸福美满 (0,8 – 1 чел.).

Были выявлены повторы, что в случае с прилагательными выражало усиление признака: «Радости (быть радостным)!» 快快乐乐! 1,57% – 2 чел.; «Радости каждый день!» 开开心心每一天! 0,79% – 1 чел.; в случае с существительным выражает множественность: «Мира и спокойствия из года в год!» 岁岁平安 0,79% – 1 чел.

Благополучие достигается заботой родных о человеке: «Молюсь за тебя от всего сердца. Желаю, чтобы всё было хорошо» 为你认真祈祷, 愿你一切都好 0,79% – 1 чел.,

так и усилиями самого человека «Отбрось все печали» 忧愁通通丢掉 0,79% – 1 чел. Благополучие человека зависит и от благополучия вокруг: «Родина красива и обворожительна, солнце улыбается» 祖国美丽妖娆, 阳光露出微笑 0,79% – 1 чел.

Поздравляя с Днём образования государства, китайцы написали и озвучили друг другу и **пожелания, связанные с успехом в делах** (9,52%): «Изо дня в день развиваться (идти в гору)!» (生活)蒸蒸日上 1, 57% – 2 чел.; преумножения благ желают с помощью выражения: 超级加倍 0,79% – 1 чел., богатства – «Загрести деньги лопатой (делать большие деньги)!» 财源滚滚 0, 79% – 1 чел.

Поскольку основная доля респондентов, принявших участие в нашем опросе, была представлена студентами, они пожелали своим адресатам успехов в учёбе, среди которых были и те, которые «проливают свет» на процесс обучения: «Выполнить задания (уроки)!» 作业写得完 (при ответе был дан вариант, оформленный неверной частицей *de*: 作业写的完) 0,79% – 1 чел.; «Сдать хорошо экзамены (досл. 'отгадать правильно все ответы на экзаменах') 考试蒙的对 0,79% – 1 чел.

К категории «Пожелания, связанные с успехом в делах» были отнесены пожелания, которые на русский язык можно перевести как «Пусть всё будет благополучно!». Они представлены различными вариантами, которые были сгруппированы по схожести иероглифов:

Группа 1: два варианта, которые отличаются только одним иероглифом: 事事顺心 – «Пусть все дела будут по душе (по сердцу)!» 0,79% – 1 чел. и 事事顺意 – «Пусть все дела будут по желанию (意 – 'помыслы', 'смысл', 'интерес')! 0,79% – 1 чел.

Группа 2: четыре варианта, в каждом имеется фраза «Десять тысяч дел» 万事: два из них имеют дословный перевод «Десять тысяч дел [пусть исполняются] как задумывалось!» 万事如意! 3,15% – 4 чел. (2,4% – 3 чел.), 万事顺意! (0,8% – 1 чел.); 万事胜意 1,57% – 2 чел. (0,8% – 1 чел. – «Десять тысяч дел успешны (с хорошим смыслом)!»; 万事不用愁 0,79% – 1 чел. – «Пусть дело спорится (нет нужды печалиться)!».

Группа 3: два варианта, в каждом имеется слово дела: «Благополучия в делах!» 事业顺利 0,79% – 1 чел, «Продвижения в делах!» 事业进步! (0,8% – 1 чел.).

Группа 4: пример с повтором существительного год – «Из года в год [пусть всё исполняется] как задумывалось!» 年年如意 0,79% – 1 чел.

Интерес представляет поздравление, в котором пожелания обращены одновременно к друзьям и Родине. Подчёркивается неразрывная связь граждан и государства: «Мы с Родиной делим радость и горе, мы неразрывно связаны друг с другом. В период государственного праздника желаю друзьям и Родине вместе расти и становится все сильнее, быть вечно молодыми!» 我们与祖国休戚与共, 息息相关。在国庆节来临之际, 祝愿我的朋友和祖国一起成长, 越来越强, 永远年轻 0,79% – 1 чел.

В группу **пожеланий чудес** (0,79%) мы отнесли шуточное пожелание, которое обычно адресуют девушкам: «Внезапно разбогатеть, внезапно похудеть!» 暴富暴瘦! 0,79% – 1 чел., а также пример, в формулировке которого прослеживается антропоморфизм: «Пусть облака передадут тебе искренние поздравления, приукрасят твои мечты!» 让云捎去满心的祝福, 点缀你的梦! 0,79% – 1 чел.

П о ж е л а н и я с т р а н е были сформулированы следующим образом: «Желаю Родине...!» 祝祖国; «Желаю великой Родине...!» 祝愿伟大祖国; «Желаю Родине-матери...!» 祝祖国母亲; «Желаю стране...!» 祝国家.

Государство поздравляли с Днём рождения (5,55%): «С Днём рождения, Родина!» 祝祖国生日快乐 9,45% – 12 чел. (0,8% – 1 чел.). Были варианты данного поздравления с обращением «Родина-мать» (祝(福)祖国母亲生日快乐!), а также призыв «Давайте все вместе пожелаем стране счастливого Дня рождения!» 让我们一起祝祖国生日快乐 0,79% – 1 чел..

Пожелание Родине процветания (11,5%): представлено нижеследующими вариантами: «Желаю процветания родной стране! (досл. «Желаю, чтобы горы и реки были

красивы!)) 山河壮丽! 0,79% – 1 чел.; «Родина процветает» 祖国昌盛 0,79% – 1 чел.; «Стана процветает» 国家盛昌 0,79% – 1 чел.; «Процветания и могущества» 繁荣昌盛 11,81% – 15 чел. и 繁荣富强 2,36% – 3 чел.; 永远繁荣昌盛 – «Вечного процветания и могущества» 0,79% – 1 чел.; 盛世华诞 – «Процветания в день рождения» 1,57% – 2 чел.; «Желаю стране процветания во всех делах!» 祝国家万事兴隆! 0,79% – 1 чел.; «Желаю великой Родине обильных ресурсов и богатого населения!» 祝愿伟大祖国物阜民丰! 0,79% – 1 чел.

Вариант «Желаю Родине ещё большего процветания и могущества!» 祝祖国更加繁荣昌盛 0,79% – 1 чел. констатирует наличие этого состояния своей страны и в настоящий момент. «Желаю Родине стать ещё лучше!» 祝祖国变得更好! (0,8% – 1 чел.); «Год от года становится лучше!» 一年更比一年好! 0,79% – 1 чел.

Устойчивое сочетание *процветание и могущество* используется и в качестве характеристики Родины «Желаю нашей процветающей и могущественной Матери-родине счастливого дня рождения!» 祝我们繁荣昌盛的祖国母亲节日快乐! 0,79% – 1 чел. Родину называют великой 伟大的祖国 2,36% – 3 чел.

Родной стране желают благополучия (3,17%): «[Желаю] благополучия родной стране!» (досл. «Желаю, чтобы горы и реки были обширны!)) 山河远阔 3,94% – 5 чел.; 山河无恙! – «[Желаю] благополучия родной стране!» (досл. «Желаю, чтобы горы и реки были целы и невредимы!)) 1,57% – 2 чел.

Весна ассоциируется с расцветом, поэтому желают: «Родине вечной весны!» 祖国常春! 0,79% – 1 чел.

Период государственного праздника – это повод подвести итоги (0,79%): «За прошедший период наша великая Родина получила результаты, привлёкшие внимание всего мира; национальная экономика демонстрирует устойчивый рост; в социальной сфере отмечено бурное развитие; уровень жизни народа непрерывно повышается» 在过去的岁月里, 我们伟大祖国取得了举世瞩目的成就, 国民经济持续增长, 社会事业蓬勃发展, 人民生活水平不断提高 0,79% – 1 чел. Осознание этих результатов вызывает гордость народа: «Мы гордимся, что живём в этот период расцвета и могущества, что можем быть причастны к созданию и развитию Родины» 我们为生活在这个繁荣昌盛的时代而自豪, 更为能够参与祖国的建设和发展而感到骄傲 0,79% – 1 чел.

День образования КНР – это повод выразить **благодарность своей стране** (3,57%): «Благодарим величие матери-Родины за нашу счастливую жизнь в настоящем!» 感谢祖国母亲的伟大使我们有现在的幸福生活 0,79% – 1 чел. и радость от причастности к ней: «Вся жизнь в счастье – родиться в Китае!» 一生所幸, 生于华夏 0,79% – 1 чел.; «Какое счастье родиться в Китае!» 何其有幸, 生于华夏 0,79% – 1 чел. «Празднуем день рождения страны, из поколения в поколение передаём ген красного света» 欢庆祖国诞辰, 传承红色基因 0,79% – 1 чел. Если у веры есть цвет, то он, несомненно, китайский красный!» 如果信念有颜色, 那一定是中国红! 2,36% – 3 чел.; «И в этой жизни не жалею, что живёшь в Китае, и в будущей – что являешься китайцем 此生不悔入华夏, 来世还做中国人 0,79% – 1 чел.; «В настоящее время Китай могуществен, в будущем – есть те, кому продолжать (последователи, новая смена). Великий Китай! В настоящем не жалею, что китаец!» 今朝祖国强大, 未来后继有人, 巍巍中华, 此生不悔中国人 0,79% – 1 чел.

Встретилась также констатация факта, что страна стала старше на год: 国家又年轻了一岁 0,79% .

Взаимосвязь благополучия народа с благополучием страны (4,76%): «Государство спокойно и народ наслаждается миром» 国泰民安 4,73% – 6 чел. (2,4% – 3 чел.); «Государство процветает, в государстве благополучие!» 国运昌盛海内平 0,79% – 1 чел.

Базовые ценности китайского народа – единение семьи и благополучие страны – отражены в пожелании «Вся семья собралась вместе, всё государство благоденствует

(здоровья и спокойствия) 阖家团圆举国安康! (0,8% – 1 чел.). Ещё один пример неразрывной связи граждан и государства: «Искреннее сердце любит себя, семью, Родину!» 一颗真心, 爱己爱家爱祖国 0,79% – 1 чел.

Поздравления, выражающие силу единения народных масс (2,78%): «Один человек любит Родину – это яркая звезда, когда все любят родину – это становится Великой стеной. Любя страну, вместе отпразднуем Государственный праздник!» 一人爱国是明星, 万人爱国成长城。爱国一起庆国庆 0,79% – 1 чел.

«Всеобщее ликование!» 普天同庆 0,79% – 1 чел. (0,8% – 1 чел.); «Радуетесь вся страна!» 举国欢畅! 0,79% – 1 чел. – такие формулировки в поздравительных открытках говорят об общности чувств в период Государственного праздника. Единение людей на уровне своей семьи и страны отражается в словах поздравления «Вся страна празднует, вся семья радуется» 举国同庆阖家快乐 0,79% – 1 чел. Единые устремления людей направлены на мирное сосуществование: «Вся страна празднует, воспеваешь мир» 举国欢庆, 歌颂和平 0,79% – 1 чел. Мы встречаем пример отображения единения человека и природы: «Все поют и танцуют без усталости (без отдыха). Золотой ветер и яшмовая роса тоже празднуют. Пион и хризантема сплелись между собой» 载歌载舞不停歇。金风玉露齐相庆, 牡丹秋菊簇成拥 0,79% – 1 чел.

В данной группе поздравлений мы видим несколько символов: «звезда» – общечеловеческий символ надежды; символы китайской культуры: «Великая стена» – как визитная карточка страны и символ единения и защиты; «пион» – знак власти, богатства и процветания; «хризантема» – цветок осени – символ выдержки, непреклонности, верности, благородства, скромности и умиротворения. Олицетворения и метафоры здесь очень яркие.

Среди пожеланий встречаются **примеры, напоминающие лозунги (2,38%):** «Да здравствует Китайская Народная Республика!» 中华人民共和国万岁 0,79% – 1 чел.; «Да здравствует Родина!» 祖国万岁! 1,57% – 2 чел. (0,8% – 1 чел.); «Да здравствует Китай!» 中国, 万岁! 1,57% – 2 чел.

Праздничную атмосферу раскрывают **пожелания, связанные с процессом проведения праздника (5,95%):** «Радостные песни и смех. Празднуем Государственный праздник! Великолепная ночь! Праздничные дни незабываемы!» 欢歌笑语喜气高。庆国庆, 度良宵; 喜庆日子忘不了 (0,8% – 1 чел.); «Да здравствуют красные дни календаря (праздничные и нерабочие дня)!» (0,8% – 1 чел.). Результаты нашего исследования содержат пример поздравления в стихотворной форме, передающий праздничную атмосферу:

«Наступил государственный праздник – очень оживлённо» 国庆到, 真热闹 guóqìng dào, zhēn rèào;

«В родной стране – на небе и на земле – одинаково весело» 祖国上下齐欢笑 zǔguó shàngxià qí huānxiào;

«Висят красные фонарики, взлетают салюты» 挂红灯, 放礼炮 guà hóng dēng, fàng lǐpào 0,79% – 1 чел.

На «Золотую неделю» (нерабочую неделю) и пожелание провести её счастливо (весело и приятно) указали 12 респондентов. Пожелания имеет следующие формулировки: «Весело провести отпуск!» представлено четырьмя вариантами: 假期快乐! 1,57% – 2 чел.; 假期愉快! 1,57% – 2 чел. (0,8% – 1 чел.); 假期开心! (0,8% – 1 чел.); 欢度假期! (0,8% – 1 чел.); «Весело провести период государственного праздника!» представлено двумя вариантами: 愿你国庆假期过得愉快! 0,79% – 1 чел. и 愿你有一个快乐的国庆假期 – 1 чел.; «Желаю весело отпраздновать!» 祝贺你玩得开心 0,79% – 1 чел. Праздник может быть не только весёлым, но и тёплым (уютным): «Желаю провести тёплые (уютные) каникулы» 祝愿度过一个温馨的国庆假期 0,79% – 1 чел.

В пожелании «Желаю тебе хорошо провести время и покушать в удовольствие!» 希望你玩的开心, 吃的畅快 0,79% – 1 чел. раскрывает предпочтения о времяпрепровождении в праздничные дни.

В поздравлениях мы встречаем не только название праздника, но и период его проведения: «В эту золотую осень в октябре...» 在这金秋十月...; точную дату его проведения: «Первого октября в день Государственного праздника...» 十月一日国庆节..., а также уточняется годовщина образования государства: «Мы ожидаем праздничные дни 74 годовщины образования КНР» 我们即将迎来中华人民共和国成立 74 周年的喜庆日子.

Главному государственному празднику Китая – Дню образования государства предшествует традиционный государственный Праздник середины осени 中秋节, который празднуется по лунному календарю, поэтому дата его проведения не фиксирована, и нередко бывает близка, а иногда и совпадает с Днем образования КНР. Например, в 2023 г. период отдыха в рамках этих двух праздников длился 10 дней с 29 сентября по 8 октября (включая субботы и воскресенья). Поэтому при ответе на наш вопрос респонденты указали и поздравления с данным праздником. **Поздравления с Праздником середины осени** (3,97%): «С праздником Середины осени!» 中秋节快乐! 1,57% – 2 чел.; вариант поздравления 中秋快乐! (с отсутствием иероглифа 节 'праздник') 1,57% – 2 чел.; «Не успели отгревать, что прошли выходные дни в честь Праздника середины осени, а вот уже и наступил Государственный праздник!» 来不及哀悼过去的中秋节假期, 接下来到达假期的是国庆节 0,79% – 1 чел.; «Два праздника снова совпали (снова встретились) – удачи приходят парой!» 双节重逢, 好事成双 0,79% – 1 чел.; «Наступил праздники: Середины осени и Государственный праздник. Семья и государство объединены, желаю счастливого Праздника середины осени, Процветания и могущества стране» 中秋国庆至, 家国两圆时 祝福大家中秋快乐, 祝愿祖国繁荣昌盛! 0,79% – 1 чел.; «Вместе отпраздновать Праздник середины осени (вместе пойти любоваться ясной луной), поздравить друг друга с днём рождения Отечества!» 共赴明月之约, 同贺祖国华诞! 0,79% – 1 чел.

В этот праздник вся семья собирается вместе: «Самое главное – собраться вместе с родными и близкими отметить Праздник середины осени!» 主要会和亲人团聚过中秋节, 团团圆圆 0,79% – 1 чел.

«Главным персонажем» Праздника середины осени выступает луна. Поэтому поздравления с этим праздником в своих формулировках содержат эпитеты и метафоры, связанные с луной: «У человека есть печали и радости, разлуки и встречи; у луны постоянно меняется облик (она то ясная, то тёмная, то круглая, то убывающая) 人有悲欢离合, 月有阴晴圆缺, 能相聚就是最大的幸福 0,79% – 1 чел.

В качестве зачина в поздравительной открытке чаще всего выступало титульное пожелание (называние праздника и пожелание провести его счастливо), название адресата, периода, констатация действия или факта: «Празднуем Государственный праздник» 庆国庆; «Наступил Государственный праздник» 国庆节到了; «По случаю Государственного праздника желаю...!» 值此国庆佳节, 祝愿...; «В период Государственного праздника...» 在国庆节来临之际; «Желаю тебе, чтобы в период Государственного праздника...» 祝你国庆期间...; «Празднуем 74 годовщину...!» 庆祝 74 华诞.

Интерес представляет поздравление со следующим зачином: 明朗朗的国庆, 乐呵呵的你, 贴心的问候送给你 – «Светлый Государственный праздник, радостный ты, посылаю сердечный привет тебе». Далее мы видим ещё один яркий пример демонстрации суггестивно-магической функции языка. Л. В. Бутыльская [Бутыльская, 2014], говоря о коммуникативной полифункциональности русской поздравительной открытки, подчёркивает, что «в поздравлениях явно видны черты заговоров, прослеживающиеся в структурном, языковом и в стилистическом оформлении» [Бутыльская, 2014, с. 14]. Автор в качестве одной из интересных особенностей русских поздравлений выделяет их «магический» характер. Результаты нашего исследования содержат пример реализации в китайском языке суггестивно-магической функции поздравления: 清爽爽的金秋, 笑盈盈的你, 美好的生活等着你 – «Замечательная золотая осень, широко улыбающийся ты,

прекрасная жизнь ждёт тебя!»; 喜庆的日子，福绵绵的你，吉祥好运属于你! – «Праздничные дни, неизменно счастливый ты», счастливая судьба у тебя!».

В качестве завершения поздравления выступали фразы: «Ещё раз поздравляю Вас с Государственным праздником!» 再次祝您国庆快乐! ; «С наилучшими пожеланиями!» 顺祝时祺!

3. Заключение [Conclusion]

Анализ текстов поздравительных открыток с Днём образования КНР и устных поздравлений в этот государственный праздник раскрыл личные ценности китайского народа, продемонстрировал отношение китайских граждан к своему государству как к великой державе, чаяния народа относительно своей жизни и будущего развития страны.

Среди 128 неповторяющихся примеров, выделенных при анализе результатов опроса, 127 респондентов, представленных, в основном, китайской молодёжью в возрасте от 16 до 35 лет, были выявлены: 1) клишированные фразы-поздравления и другие лингвистические явления, позволяющие сделать вывод о современной китайской языковой норме; 2) фразы-поздравления, вербализующие социальную и культурную специфику.

Сравнительный анализ формулировок поздравлений явно указывает на то, что устные пожелания более лаконичны, чаще содержат фразы-клише. В письменных поздравлениях прослеживается значительная вариативность и творческий подход. Нередко в открытках представлены яркие стилистические средства: олицетворения, эпитеты, метафоры.

Кроме титульного пожелания (название праздника и пожелание провести его счастливо – 59,52%) респонденты назвали и сопутствующие пожелания, выделенные в две группы по адресату: пожелания людям и пожелания стране, а также в группы по тематике поздравлений, которые они несут. Людям желали хорошей судьбы (1,59%), хорошего физического и психологического самочувствия (22,22%), успехов в делах (9,52%), чудес (0,79%). Государство поздравляли с Днём рождения (5,55%), желали Родине процветания (11,5%) и благополучия (3,17%), подводили итоги развития страны (0,79%), выражали благодарность стране (3,57%). В поздравлениях отражена взаимосвязь благополучия народа с благополучием государства (4,76%), сила единения народных масс (2,78%). Среди пожеланий встречаются примеры, напоминающие лозунги (2,38%); праздничную атмосферу раскрывают пожелания, связанные с процессом проведения Государственного праздника (5,95%), а также поздравления с Праздником середины осени (3,97%), дата которого нередко бывает близка, а иногда и совпадает с Днём образования КНР.

Открытка-поздравление с Государственным праздником – Днём образования государства не только выполняет регулятивную и этикетную функции, но и обладает социокультурной спецификой. В данном исследовании не ставилась цель проанализировать изображение на открытках, но для более успешного осуществления межкультурного диалога необходимо рассмотреть не только языковое содержание открытки, но и верно расшифровать художественные изображения, содержащие национальную символику.

Библиографический список

- Белько, Агафонова, 2017 – Белько Т. В., Агафонова А. В. Функционально-коммуникативный аспект дизайна открыток конца XX – начала XXI в. // Молодой ученый. 2017. № 13 (147). С. 666–669.
- Белько, Бесчастнов, 2019 – Белько Т. В., Бесчастнов Н. П. Эволюция «открытки» («открытого письма») в России в контексте исторических событий XX в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 240–257.
- Бутыльская, 2013 – Бутыльская Л. В. Социокультурный феномен открытки (на примере русской свадебной открытки) // Ученые записки Забайкальского гос. гум.-пед. ун-та. им. Н. Г. Чернышевского. 2013. № 2 (49). С. 66–70.

- Гурьянова, 2022 – Гурьянова Л. Б. Особенности текста поздравительной открытки (на материале домашнего архива) // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования / под редакцией З. Р. Аглеевой, М. Л. Лаптевой, Ю. А. Васильевой. Астрахань : Астраханский гос. ун-т, 2022. С. 78–81.
- Ларина, 2004 – Ларина А. Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2004. 213 с.
- Матвеева, 2015 – Матвеева В. С. Поздравительная открытка как отражение особенностей характера отправителя // Инновации. Интеллект. Культура / отв. ред. О. А. Новоселов. Тобольск : Тюменский гос. нефтегазовый ун-т, 2015. С. 206–208.
- Медяков, 2020 – Медяков А. С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник : автореферат дисс... д-ра истор. наук : 07.00.09. М., 2020. 50 с.
- Панев, Рубцов, 2019 – Панев К. С., Рубцов А. М. Почтовые открытки как источник по истории Германии и Болгарии периода первой мировой войны // Экономика и социум. 2019. № 2 (57). С. 523–527.
- Пятницкая, 2018 – Пятницкая А. Е. Исследование французского сайта поздравительных открыток Dromadaire // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. № 4. С. 340–348.
- Сальников, Сальникова, 2022 – Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Почтовая открытка как предмет, среда и метод антропологических исследований // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2022. № 1 (19). С. 57–67.
- Самбур, 2014 – Самбур М. В. Открытка в контексте культуры : атрибуция, научное описание, экспонирование : автореферат дис. ... канд. истор. наук : 24.00.03 ; Рос. гос. гум. ун-т, М., 2014. 29 с.
- Спешилова, 2016 – Спешилова Д. П. Виды и формы открытого письма // Научные открытия 2016. М. : Научный центр «Олимп», 2016. С. 1092–1095.
- Сухотерина, 2004 – Сухотерина Т. П. Имя в эпистолярном диалоге (обращение в поздравительной открытке) // Поэтика имени. Барнаул : Барнаульский гос. пед. ун-т. 2004. С. 10–13.
- Тихонова, Чибисова, 2017 – Тихонова А. В., Чибисова О. В. Благопожелания в России и Китае : лингвистическая точка зрения // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 4 (72). С. 211–218.
- Ткаченко, 2020 – Ткаченко С. О. Открытка в коммуникативном пространстве советского времени // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 3 А. С. 254–263.
- Хлопова, 2021 – Хлопова А. И. Интернет-открытка как поликодовый текст // Глобальный научный потенциал. 2021. № 4 (121). С. 232–235.
- Чистякова, 2022 – Чистякова А. Н. Особенности поздравлений в Китае в год Тигра 2022 // Культурно-антропологические исследования. 2022. № 1. С. 67–80.
- Ma, 2011 – 马未都, 贺卡的文化研究与历史回顾 / 中国青年报. 14.01.2011. [Ma В. Культурологическое исследование и исторический обзор поздравительных открыток // Газета «Китайская молодежь». 14.01.2011]. https://zqb.cyol.com/html/2011-01/14/nw.D110000zgqnb_20110114_2-05.htm

References

- Bel'ko, T. V., Agafonova, A. V. (2017). Funktsional'no-kommunikativnyy aspekt dizayna otkrytok kontsa XX – nachala XXI v. [Functional and communicative aspect of postcard design of the late XX – early XXI century]. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*, 13 (147), 666–669. (In Russ.).
- Bel'ko, T. V., Beschastnov, N. P. (2019). Evolyutsiya «otkrytki» («otkrytogo pis'ma») v Rossii v kontekste istoricheskikh sobytiy XX v. [Evolution of the “postcard” (“Open letter”) in Russia in the context of historic events of the twentieth century]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 53, 240–257. (In Russ.).
- Butyl'skaya, L. V. (2013). Sotsiokul'turnyy fenomen otkrytki (na primere russkoy svadebnoy otkrytki) [Sociocultural phenomenon of the postcard (As exemplified by a russian wedding postcard)]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gos. gum.-ped. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo [Scientific Notes of the Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University]*, 2 (49), 66–70. (In Russ.).
- Gur'yanova, L. B. (2022). Osobennosti teksta pozdravitel'noy otkrytki (na materiale domashnego arkhiva) [Features of the greeting card text (By the material of the home archive)]. In Z. R. Agleeva, M. L. Lapteva, U. A. Vasil'eva (Eds), *Vektory razvitiya rusistiki i lingvodidaktiki v*

- kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya [Vectors of development of Russian studies and linguodidactics in the context of modern philological education]* (pp. 78–81). Astrakhan : Astrakhan State University Press. (In Russ.).
- Larina, A. N. (2004). *Dokumental'naya otkrytka kotsa XIX – nachala XX vv. kak istochnik po istorii i kul'ture Moskvy [Documentary postcard of the late XIX – early XX centuries. as a source on the history and culture of Moscow]*. PhD in Historical sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Matveeva, V. S. (2015). Pozdravitel'naya otkrytka kak otrazhenie osobennostey kharaktera otpravatelya [Greeting card as a reflection of the sender's character traits]. In O. A. Novoselov (Ed.), *Innovatsii. Intellekt. Kul'tura [Innovation. Intelligence. Culture]* (pp. 206–208). Tyumen : Tyumen State Oil and Gas University. (In Russ.).
- Medyakov, A. S. (2020). *Nemetskaya otkrytka Pervoy mirovoy voyny kak istoricheskii istochnik [German postcard of the First World War as a historical source]*. Doctoral in Historical sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Panev, K. S., Rubtsov, A. M. (2019). Pochtovye otkrytki kak istochnik po istorii Germanii i Bolgarii perioda pervoy mirovoy voyny [Postcards as a source for the history of Germany and Bulgaria during the first world war]. *Ekonomika i sotsium [Economy and Society]*, 2 (57), 523–527. (In Russ.).
- Pyatnitskaya, A. E. (2018). Issledovanie frantsuzskogo sayta pozdravitel'nykh otkrytok Dromadaire [The research of French website of greeting cards Dromadaire]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk [Crede Experto : Transport, Society, Education, Language]*, 4, 340–348. (In Russ.).
- Sal'nikov, E. V., Sal'nikova, I. N. (2022). Pochtovaya otkrytka kak predmet, sreda i metod antropologicheskikh issledovaniy [The postcard as a subject, medium and method of anthropological research]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii) [Abys (Studies in Philosophy, Political Science and Social Anthropology)]*, 1 (19), 57–67. (In Russ.).
- Sambur, M. V. (2014). *Otkrytka v kontekste kul'tury : atributsiya, nauchnoe opisaniye, ekspozitsionirovaniye [Postcard in the context of culture : attribution, scientific description, exposure]*. Author's abstract of PhD in Historical sci. diss. Moscow : Russian State University for the Humanities. (In Russ.).
- Speshilova, D. P. (2016). Vidy i formy otkrytogo pis'ma [Types and forms of open letter]. *Nauchnye otkrytiya 2016 [Scientific discoveries 2016]* (pp. 1092–1095). Moscow : Olimp Press. (In Russ.).
- Sukhoterina, T. P. (2004). Imya v epistol'yarnom dialoge (obrashcheniye v pozdravitel'noy otkrytke) [The name in the epistolary dialogue (the address in the greeting card)]. *Poetika imeni [Poetics of names]* (pp. 10–13). Barnaul : Barnaul State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Tikhonova, A. V., Chibisova, O. V. (2017). Blagopozhelaniya v Rossii i Kitae : lingvisticheskaya tochka zreniya [Good wishing in Russia and China: Linguistic point of view]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 4 (72), 211–218. (In Russ.).
- Tkachenko, S. O. (2020). Otkrytka v kommunikativnom prostranstve sovet'skogo vremeni [Postcards in the communicative space of the Soviet era]. *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and civilization]*, 10 (3 A), 254–263. (In Russ.).
- Khlopova, A. I. (2021). Internet-otkrytka kak polikodovyy tekst [The e-card as a polycode text]. *Global'nyy nauchnyy potentsial [Global Scientific Potential]*, 4 (121), 232–235. (In Russ.).
- Chistyakova, A. N. (2022). Osobennosti pozdravleniy v Kitae v god Tigra 2022 [Special aspects of the new year congratulations on China 2022 year of the tiger]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya [Cultural and Anthropological Research]*, 1, 67–80. (In Russ.).
- Ma, W. (2011, January 14). Hèkǎde wénhuà yánjiū yǔ lìshǐ huígù / Zhōngguó qīngnián bào [Cultural research and historical review of greeting cards. *China Youth Daily Newspaper*]. (In Chinese). https://zqb.cyol.com/html/2011-01/14/nw.D110000zqqnb_20110114_2-05.htm

УДК 811.112.2

Сюткина Надежда Павловна✉, Афанасьева Арина Алексеевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
nad975@yandex.ru

Междометия и междометные фразеологические единицы в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблем межкатегориального взаимодействия в категориальном семантическом комплексе с позиций функциональной грамматики. Цель исследования заключается в описании функционального потенциала междометий и междометных фразеологических единиц (МФЕ) русского языка в межкатегориальном взаимодействии, которое актуализируется в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе. В работе используются методы корпусного анализа, сплошной выборки, направленной выборки, контекстуального анализа, компонентного анализа, классификации. В результате выявлено, что, обладая экспрессивным характером, междометия и МФЕ актуализируют в рассматриваемом комплексе прагматическую категорию экспрессивности, что и позволяет определить такой комплекс как эмотивно-экспрессивно-каузативный. К функциональным особенностям МФЕ были отнесены полисемичность, ярко выраженный эмотивный характер, устойчивость и воспроизводимость в речи. Эти единицы, относясь к сфере фразеологии, могут обладать национальной спецификой, что усиливает их экспрессивный характер. Особенность эмотивно-экспрессивно-каузативного комплекса обусловлена тем, что функционально-семантические категории каузативности и эмотивности взаимодействуют с категорией экспрессивности, которая, учитывая направленность на адресата, относится к субъективно-прагматическим категориям. Её основная функция – усиленное воздействие на реципиента с целью вызвать эмоциональный отклик, а одно из средств выразительности – МФЕ. Анализ контекстов употреблений 75 междометий и 143 МФЕ позволил выделить два класса – единицы с положительной семантикой и единицы с отрицательной семантикой, внутри которых были выделены схожие подклассы: восхищение, удивление, успокоение и др. vs презрение, негодование, угроза и др.

Ключевые слова: экспрессивность, эмотивность, каузативность, эмотивные каузативы, категориальный семантический комплекс, межкатегориальное взаимодействие; эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный семантический комплекс

© Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. 2024

Для цитирования: Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. Междометия и междометные фразеологические единицы в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 194–206.

Nadezhda P. Siutkina✉, Arina A. Afanaseva
Perm State University
Perm, Russian Federation
nad975@yandex.ru

Interjections and interjectional phraseological units in the emotive-expressive-causative categorical semantic complex

Abstract

The article adopts functional grammar approach to consider the issues of intercategory interaction in the categorical semantic complex. The aim is to describe the functional potential of Russian interjections and

interjectional phraseological units (IPU) in intercategorical interaction actualized in emotive-expressive-causative categorical semantic complex. The study applies corpus method, continuous sampling, directed sampling, contextual analysis, component analysis and classification. The obtained results indicate that being expressive by nature, interjections and IPUs actualize the pragmatic category of expressivity in the complex giving grounds to define such a complex as emotive-expressive-causative complex. The functional features of IPUs include polysemy, brightly expressed emotivity, stability and reproducibility in speech. These units, belonging to the sphere of phraseology, may have national specifics enhancing their expressive nature. The peculiarity of the emotive-expressive-causative complex is determined by the fact that the functional-semantic categories of causation and emotivity interact with the category of expressivity which, appealing to the addressee, belongs to subjective-pragmatic categories. The main function of expressivity is an increased impact on the recipient to evoke an emotional response, and the major expressive means here are IPUs. The analysis of 80 interjections and 183 IPUs functioning patterns in various contexts enabled to arrange them into 2 classes: one with positive semantics and another with negative semantics both being represented by similar sub-classes: admiration, surprise, quietness, etc., vs scorn, indignation, threat, etc.

Keywords: expressiveness, emotivity, causativity, emotive causatives, categorical semantic complex, intercategorical interaction, emotive-expressive-causative categorical semantic complex

© Siutkina N. P., Afanaseva A. A. 2024

For citation: Siutkina, N. P., Afanaseva, A. A. (2024). Mezhdometiya i mezhdometnye frazeologicheskie edinitcy v emotivno-ekspressivno-kauzativnom kategorial'nom semanticheskom komplekse [Interjections and interjectional phraseological units in the emotive-expressive-causative categorical semantic complex]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 194–206.

1. Введение [Introduction]

В настоящий момент проблема межкатегориального взаимодействия различных функционально-семантических категорий остаётся актуальной. Категориям и их связям посвящён ряд исследований [Lyons, 1969; Wallace, 1982; Апресян, 1995; Архипова, 2021; Бондарко, 2002 и др.], однако вопросы межкатегориальной инклюзии и межкатегориального кроссинга [Архипова, 2021] таких функционально-семантических категорий как эмотивность, экспрессивность и каузативность не получили достаточного освещения в научной литературе.

В рамках функционального подхода [Бондарко, 2002; Dik, 1989; Halliday, Matthiessen, 2004], направленного на исследование вербальных средств в процессе общения, учитывающего целевое назначение единицы языка и сферы её применения, эмотивность, экспрессивность и каузативность, могут быть выделены как сами отдельные функционально-семантические категории, поскольку у каждой из них имеется общность смысловой функции, так и их репрезентация через систему единиц разных уровней языка. В связи с этим возникает необходимость выявления зон пересечения и/или слияния, и/или разграничения данных категорий. В этом отношении междометия и междометные фразеологические единицы (далее – МФЕ) являются благодатным объектом для исследования. Данные единицы языка можно назвать одними из наиболее репрезентативных средств выражения, раскрывающих взаимодействие функционально-семантических категорий.

Прежде всего определимся с используемой в настоящем исследовании терминологией. **К а у з а т и в н о с т ь** [Шустова, 2010; Bally, 1950; Shibatani, 1976] трактуется как функционально-семантическая категория с обобщённым значением побуждения субъектом объекта каузации к действию или изменению состояния, проявляется в сфере интерперсональных отношений. В рамках реализации каузативного сценария обязательно наличие следующих компонентов:

- 1) «каузатор – лицо, оказывающее воздействие на другое лицо;
- 2) объект каузации – лицо, которое подвергается воздействию;
- 3) факт каузации, представленный единицей/единицами языка» [Шустова, 2010, с. 75].

Э м о т и в н о с т ь и э к с п р е с с и в н о с т ь, являясь близкими по своей природе категориями, часто не имеют чётких границ и нередко тесно переплетаются друг с другом. Эти категории связаны со сферой эмоций, что и обуславливает все трудности связанные с их анализом, дифференциацией и классификацией. На данный момент существует разнообразный спектр работ, посвящённых эмоциям, их определению и классификации [Ekman, 2004 ; Izard, 1977 ; Ortony, Turner, 1990], и эмотивности как семантического свойства языка [Телия, 1996 ; Шаховский, 2019 ; Mackenzie, Alba-Juez, 2019 ; Schwarz-Friesel, 2007 ; Wierzbicka, 1973].

Эмотивная семантика языка представляет собой «нечёткое семантическое множество» [Шаховский, 2019, с. 19], поскольку потенциально каждая единица при определённых условиях может стать эмотивной, а количество эмоций не поддаётся исчислению, следовательно, не поддаётся исчислению и количество эмотивных коннотаций. Эмотивные единицы могут манифестировать эмоции, а могут целенаправленно использоваться для того, чтобы вызывать ответные эмоции у реципиента. В этой функции выступают, как правило, экспрессивные единицы.

Главным признаком для разграничения категорий эмотивности и экспрессивности служит то, что «экспрессивная функция слова сосредоточена на получателе, а эмотивная – на отправителе» [Шаховский, 2019, с. 59]. Мы разделяем точку зрения Б. Тошовича о взаимодействии эмоций и экспрессии: «Эмоции – это чувства, переживания, волнения, духовные, аффективные состояния, нарушающие психическое и физическое равновесие, а экспрессия – их продукт. Обе являются результатом различных раздражений: в то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, экспрессия зарождается под воздействием эмоций. Это означает, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция, точнее эмоция предшествует экспрессии. В процессе декодирования происходит обратный процесс: экспрессия вызывает эмоцию» [Тошович, 2006, с. 15–16]. Эмотивность и экспрессивность являются взаимозависимыми категориями, они находятся в отношении дополнительности, и именно прагматический аспект становится тем дифференциальным признаком, который отличает эмотивность от экспрессивности. Стоит принять во внимание такое функциональное различие эмотивных и экспрессивных языковых единиц как их речевая направленность на слушающего. «Эмотивной функции не всегда нужен адресат, эмоциональность стремится к самовыражению, в отличие от экспрессивной функции, цель которой – оказать определённое влияние на адресата. Выражение направленных эмоций (экспрессивная функция) имеет прагматическое намерение: воздействовать на получателя в нужном говорящему направлении, заставить его что-то сделать, удовлетворить просьбу, вызвать в нём определённые чувства, оскорбить или обласкать» [Шаховский, 2019, с. 58]. «Экспрессивность – это совокупность средств и способов, приёмов создания прагматического эффекта высказывания, обязующая получателя интерпретировать это высказывание в соответствии с замыслом говорящего» [Шаховский, 2008, с. 141]. Таким образом, именно прагматический характер является для нас определяющим в понимании категории экспрессивности и её взаимодействия с категорией эмотивности.

Как мы видим, проблема разграничения этих категорий действительно существует, это обусловлено также и тем, что они тесно взаимодействуют в речи, и это межкатегориальное взаимодействие вербализуется в категориальных семантических комплексах.

На основе ранее полученных результатов, под к а т е г о р и а л ь н ы м с е м а н т и ч е с к и м к о м п л е к с о м в настоящем исследовании понимается «сово-

купность семантических категорий, функционально объединённых общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий» [Сюткина, 2020, с. 35]. Возникновение категориальных семантических комплексов (о категориальных комплексах см. [Архипова, 2021 а, б ; Архипова, Шустова, 2021 а, б ; Бондарко, 2002 ; Сюткина, Шустова, 2020, 2021 ; Сюткина, 2020]) связано с тем, что в речи одновременно актуализируется более одной категориальной ситуацией.

К а т е г о р и а л ь н а я с и т у а ц и я определяется нами на основе функционального подхода А. В. Бондарко как типовая содержательная структура, манифестирующая в высказывании определённую семантическую категорию, представляющую собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации и являющуюся категориальной характеристикой высказывания [Бондарко, 2005, с. 67].

Категориальный комплекс возникает в том случае, когда говорящему необходимо обозначить два или более аспекта ситуации, и семантические категории в речи «пересекаются» друг с другом, так же как и категориальные ситуации. Такое пересечение может происходить и на лексическом уровне, в рамках одной лексемы и на синтаксическом, когда разные члены предложения отвечают за актуализацию разных категорий. Так, в лексеме *взбеленить* наличие трёх сем – эмотивности, каузативности и интенсивности – позволяет описать категориальную ситуацию как каузацию эмоциональной модификации высокой интенсивности. Пересечение таких же категориальных ситуаций возможно актуализировать синтаксическим способом, например: *Он рассердил её до крайности*. В этом случае категориальная ситуация эмоциональной модификации актуализируется эмотивным каузативом *рассердить*, а интенсификация – интенсификатором *до крайности*. И в том и другом случае речь идёт об эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе. При этом интенсификация может рассматриваться как один из способов создания экспрессивного текста, поскольку «экспрессивность раскрывает качественную сторону высказывания, а интенсивность – количественную характеристику этой качественной стороны» [Туранский, 1990, с. 15]. Таким образом, прагматическая цель у этих категорий – не просто сообщение, а создание прагматического эффекта выразительности и образительности речи, усиление воздействия на адресата – совпадает [Туранский, 1990, с. 19].

Следовательно, возникновение эмотивно-экспрессивно-каузативного категориального семантического комплекса обусловлено реализацией в речи когнитивного сценария категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации, когда каузатор воздействует на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. В этом случае экспрессивная составляющая комплекса выполняет прагматическую функцию усиленного воздействия на адресата, «с особым прагматическим прицелом, то есть такой иллокуцией, которая воздействует на получателя в определённом, задуманном отправителем отношении» [Шаховский, 2008, с. 142]. Экспрессивизации подвергается эмотивный компонент комплекса. В сфере эмоций экспрессивность достигается в результате использования интенсивных единиц, эмоционально-оценочных, образных. К таким экспрессивным средствам относятся междометия и МФЕ.

Ц е л ь настоящего исследования заключается в описании функционального потенциала междометий и междометных фразеологических единиц русского языка в межкуатегориальном взаимодействии, которое актуализируется в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе. В таком ракурсе русские междометия и МФЕ ранее не рассматривались.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В ходе исследования был проанализирован «Универсальный словарь-справочник. Русский язык» [УСС] и «Фразеологический словарь русского литературного языка» [ФСЗЛЯ, 2008]. Методом направленной выборки выделено 75 междометий и 143 МФЕ.

В словаре лингвистических терминов класс междометий определяется как неизменяемые слова без специальных грамматических показателей, выполняющие экспрессивно-семантическую функцию, заключающуюся в выражении чувств и волевых побуждений [Ахманова, 2004, с. 217]. Междометия входят в состав анализируемого нами комплекса, привнося в него экспрессивную составляющую. А. Вежицкая объединяет междометия в три группы:

- эмотивные, в семантике которых содержится составляющая «я нечто чувствую»;
- волитивные, в семантике которых входит составляющая «я нечто хочу»;
- когнитивные, в семантике которых входит составляющая «я нечто думаю» или «я нечто знаю» [Вежицкая, 1999, с. 618].

Интерес для нас представляют междометия первой и второй групп. Эмотивные – поскольку именно они составляют наиболее типичный разряд, они выражают эмоцию «в чистом виде», так как при отсутствии лексического значения с помощью интонации они способны наиболее ярким образом выразить всю палитру чувств. Волитивные междометия представляют интерес с точки зрения сценария каузации эмоциональной модификации, поскольку именно они могут актуализировать такую каузацию.

М а т е р и а л о м исследования послужили высказывания, полученные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], содержащие найденные междометия и междометные фразеологические единицы. Полученные данные были обработаны при помощи методов контекстуального анализа, а также компонентного анализа, затем классифицированы в соответствии с функцией каждой единицы языка.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2. 1. Междометия [Interjections]

Анализ контекстов употребления непроемных междометий, входящих в семантическую группу «эмоции и эмоциональная оценка», позволил выделить два класса эмоций – положительные и отрицательные. Внутри каждого класса были выделены свои подклассы. Так, внутри класса, выражающего положительную эмоциональную оценку, представлены одобрение, восхищение, радость, подбадривание, удивление, успокоение, облегчение и некоторые другие, тогда как внутри класса, выражающего отрицательную эмоциональную оценку, находятся упрёк, презрение, брезгливость, провокация, насмешка, огорчение, угроза и другие. Приведём примеры на каждый подкласс.

Междометия положительной семантики (36 единиц):

Одобрение, похвала, восхищение, радость: ух, ах, ой, о, а, ура, эгей, о, ого, bravo, э-ге-ге! бис!

(1) Ух! Замечательные рисунки! [НКРЯ].

(2) И тогда Анна подошла бы к окну, где у неё всегда наготове ружья для летящих мимо птиц... А потом двор вскричал бы: «Эгей! Как ловко стреляет наша государыня!» [НКРЯ].

Поощрение к действию, подбадривание, одобрение: ну, гоп, хоп, опля, гоп-гоп, ну, айда, да, угу, ага.

(3) Да ладно книжки читать, всех не перечитаешь, – и похотывал от собственного остроумия. Айда к нам – чайку попьём! [НКРЯ].

Удивление: ого, о-го-го, о-ля-ля, ага, эх, ух, ах (радостное удивление).

(4) **Ого** как *глядит* – *прямо убивает взглядом, а это мне очень нравится!* [НКРЯ].

Успокоение: ну, ну-ну, тсс, цыц, чи, ш-ш, чур, чу.

(5) *Опять от тебя несёт, Павел, – жена шепчет, она упрекает еле слышно, потому что поздно и дети уже легли. – Тсс!* – *Михайлов протискивается в дверь, продолжая это обычное переищёптыванье в прихожей* [НКРЯ].

Облегчение: уф, фух.

(6) **Фух**, – *утёр он пот со лба, когда пациентка, завернув в салфетку выданный зуб на память, попрощалась и ушла, – дети, просите чего хотите, вы меня сегодня крепко выручили!* [НКРЯ].

Междометия отрицательной семантики (39 единиц):

Укоризна, упрёк, брезгливость, презрение, отвращение: фу, фи, тьфу, но, э, о, эх, ох, но-но.

(7) *Что же касается дебета, какой-то существует у нас в одном-единственном виде, то есть пенсии, то... Тьфу, даже вспоминать не хочется. – Он отмахнулся* [НКРЯ].

(8) *Конечно, нельзя говорить об этой публике без отвращения... элементарная порядочность!.. Фи, господа!* [НКРЯ].

Провокация, поддразнивание, насмешка, ехидство: у-у, ах так, бе, у, эй, ха, фу-фу, ах-ах.

(9) *Вдруг я услышал женский голос: – Эй, раздолбай с Покровки! Помоги-ка!* [НКРЯ].

(10) *Затараторил, варнак! У-у-у, лихорадка болотная! Наделал ты нам хлопот, попортил крови!* [НКРЯ].

Огорчение, сожаление, разочарование, раздражение: у-у, хо, ох-хо-хо, ох, о, эх, ох-хо-хо, эх, эхма, ёпрст, ых.

(11) **Ох-хо-хо** да *охти мне!* – *вздыхнул Шишок, закрывая дверь стрелковой комнаты* [НКРЯ].

(12) **Эхма**, – *возвестила Ирка, стаскивая с глупо ухмылявшегося Женьки штиблеты, – пришла беда – вынимай паспорта* [НКРЯ].

Угроза, предостережение: но, ну, а ну, эй.

(13) **А ну сидеть!** – *рявкнул он, но она уже вскочила с лесенки, рванулась к двери и дернула за круглую, точь-в-точь как его луковица, ручку* [НКРЯ].

Возмущение, тревога, враждебность, гнев, отвращение: ох, а-а-а, ах, бр, фу, э, эй, а ну, фу, ай-яй-яй.

(14) **Ай-я-яй**, как *нехорошо шептаться!* – *скрипучим голосом проговорил золотой петушок* [НКРЯ].

(15) *Истомин зажмурился и с отвращением затряс головой. – Бр-р... И ещё мерзкий мальчишка Гога Порошин!* [НКРЯ].

К функциональным особенностям междометий относятся их крайняя полисемичность, которая объясняется отсутствием денотата, их цель заключается лишь в выражении эмоционального отношения. При этом, междометие является способом актуализации экспрессивности. Междометие может выполнять функции эмотивного каузатива – оно может каузировать эмоциональную модификацию, а поскольку речь идёт об экспрессивном средстве, мы можем говорить об эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе:

(16) **Эй**, *вашу мать!* – *теряя самообладание, во всё горло заорал Огрызков. – Что делаете, сволочи! – и лежа, выпустил из автомата длинную очередь – в небо. К его удивлению, очереди из сосняка прекратились все разом, послышались недалекие, приглушённые голоса. Из тёмной чащи появилась тёмная тень, пригнувшись, застыла в нерешительности* [НКРЯ].

2.2.2. Междометные фразеологические единицы (МФЕ) [Interjectional phraseological units (IPU)]

Важно также отметить, что по структуре междометия крайне неоднородны. Если рассмотренные выше относятся к первичным (или непрямодеривативным) междометиям, то к производным междометиям относят слова, словосочетания и предложения, утратившие с течением времени номинативную функцию и структурную членимость: *Господи боже мой! Вот тебе и на! Вот так клюква! Идёшь и пляшешь! Как же так! Не может быть! Вот тебе бабушка и Юрьев день! Так тебе и надо! Свят-свят! Скажи на милость!*

Эти сочетания уже утратили своё значение и приобрели функции выражения эмоций, что позволяет их относить к междометиям, а более точно – к МФЕ. Их специфичной чертой является ярко выраженная эмоционально-экспрессивная окраска.

Функция МФЕ аналогична той, что выполняют отдельные междометия, служащие для выражения эмоций. Аналогична и их синтаксическая роль – обособленность. Синтаксическая самостоятельность, нечленимость, интонационная оформленность и общее значение реакции на соседнюю реплику или ситуацию можно назвать дифференциальными признаками фразеологизмов данного типа [Русская разговорная речь, 1983, с. 92–93]. МФЕ присущи формальные признаки фразеологизмов, при этом они вербализуют эмоциональное отношение. Будучи устойчивыми воспроизводимыми целостными (нечленимыми) единицами, они придают речи живость и образность. Согласно В. Ю. Меликяну, количество таких нечленимых предложений растёт по причине стремления языка «к конвенциализации, устойчивости, системности, регулярности и объясняется такими наиболее характерными свойствами нечленимых синтаксических построений, как экономность, эмоциональность и высокой степени экспрессивность. Нечленимые предложения выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла» [Меликян, 2004, с. 57].

Как и в случае с отдельными междометиями, МФЕ распределяются по двум классам – МФЕ с положительной и отрицательной семантикой, – которые в свою очередь делятся на подклассы, весьма схожие с теми, которые выделены для отдельных междометий.

К МФЕ с положительной семантикой относятся следующие: *Ни пуха, ни пера! Твои бы слова да Богу в уши. Собери всё мужество в кулак! Держи хвост пистолетом! Ещё не вечер! Ещё не всё потеряно! Выше голову. Что ни делается, всё к лучшему. Век живи, век надейся. Давно бы так! Что за беда! Хорошенькое дело! Терпи, казак, атаманом будешь. Будет и на нашей улице праздник. Чему быть, тому не миновать. До свадьбы заживёт! Не велика беда! Подумаешь! В добрый час!* и др.

Как следует из приведённых ниже примеров, говорящий, используя данные МФЕ, старается вызвать те или иные положительные эмоции:

(1) *Всё ездил, Витя? – спросил Антон. – Всё едзу. – И правильно делаешь. Держи хвост пистолетом. Имеешь право!* [НКРЯ].

(2) *Старуха всегда как-то приосанивалась в трудные минуты, когда надо было проявить мудрость и хладнокровие. Ей казалось, что тут она незаменима. – Спокойно, товарищи, без паники! Только без паники! – говорила она тоном комиссара, ободряющего бойцов. – Что, собственно, произошло? Дали замечания? Очень хорошо!* [НКРЯ].

(3) *Глядя в эту лужицу, я пробормотал первое пришедшее на ум, вроде, ну ни пуха, ни пера тебе, дед* [НКРЯ].

(4) *Пока неважно, – говорит тот. – Принимал роды, мать погибла, ребенка тоже не удалось спасти. Да еще у меня выскользнули из рук щипцы и прямо в висок отцу... – Выше голову, коллега! – говорит профессор. – Первый блин всегда комом. Вот вам адрес, примите роды вместо меня, а вечером сообщите о результатах* [НКРЯ].

МФЕ положительной семантики (75 единиц) актуализируют следующие эмоции:
Восхищение: *Подумать только! Бог ты мой! Боже ты мой! Чёрт возьми! Чёрт поberi! Чёрт меня возьми! Скажи на милость! Вот это я понимаю! Леший тебя возьми!*

(5) **Скажи на милость!** *В какую честь попал, Гришка! За одним столом настоящим генералом! Подумать только!* [НКРЯ].

(6) **Бог ты мой,** *наконец-то ты приехала!* [НКРЯ].

(7) *Вот это работа, я понимаю! Чёрт возьми!* – вдруг воскликнул он [НКРЯ].

(8) **Чёрт его поberi,** *какой великолепный спектакль получился, а пьеса казалась довольно средней. Какой же ты молодец, леший тебя возьми, что приехал!* [НКРЯ].

Добрые пожелания: *Добро пожаловать! Милости просим! Милости прошу! В добрый час! Счастливого пути! В добрый путь! В добрый час! Счастливо оставаться! Ни пуха, ни пера! Давно бы так!*

(9) *В Москве мы живём, в Новых Черёмушках, будете в столице – добро пожаловать к нам!* [НКРЯ].

(10) *Очень рада, мой милый, – сказала она, протянув ему руку. – Милости прошу ко мне* [НКРЯ].

Просьба, указание: *Будь добр! Будьте добры!*

(11) **Будьте добры** *быть на вокзале к тому времени, когда подадут поезд* [НКРЯ].

(12) **Будь добра,** *занеси мне мои конспекты, они мне завтра понадобятся, – попросила Лариса подругу* [НКРЯ].

Удивление: *Скажите на милость! Скажите пожалуйста! Новое дело! Милое дело! Хорошенькое дело! Ума не приложу! Шутка ли сказать! Вот так так! Вот оно что! Что ты говоришь? Подумать только! Вот тебе и на! Вот тебе и раз! Вот так штука! Вот это да! Господь с тобой! Бог с тобой! Боже ты мой! Бог его знает! Батюшки мои! Батюшки-светы! Интересное кино! Подумать только! С ума сойти! Чёрт возьми! Не укладывается в голове!*

(13) *Собираешься менять работу? Бог с тобой, что это ты надумал?!* [НКРЯ].

(14) **Господь с Вами!** *Зачем вам нужно было покупать новую стиральную машину? Ведь вы всё сдаёте в прачечную, да и старая стоит без дела* [НКРЯ].

(15) **Бог тебя знает,** *куда ты лезешь? Неужели не понимаешь, эта работа не по тебе, не дорос ты до неё, мальчишка!* [НКРЯ].

(16) **Чёрт возьми!** *Как ты здесь оказался? Ведь вчера же уехал!* [НКРЯ].

Ободрение, успокоение: *Что за беда! Не велика беда! Твои бы слова да Богу в уши. Собери всё мужество в кулак! Держи хвост пистолетом! Ещё не вечер! Ещё не всё потеряно! Только без паники! Только не показывай слабости! Не бойся! Не робей! Не принимай близко к сердцу. Не унывай! Не наводи панику! Не оторвут же за это голову. Поживём – увидим. Всё образуется. Ничего страшного! Подумаешь, дело! Пустяки! Всё перемелется, мука будет. Выше голову. Что ни делается, всё к лучшему. Век живи, век надейся. Терпи, казак, атаманом будешь. Будет и на нашей улице праздник. Чему быть, тому не миновать.*

(17) – **Не велика беда,** – сказал я, – *ещё успеете!* [НКРЯ].

(18) *У меня в запасе было достаточно времени, а я их проморгал. – Ещё не всё потеряно. – Евгения ласково запустила пальцы в седую шевелюру мужа* [НКРЯ].

(19) – *Там машина, поверьте старому лотерейщику. Выше голову!* Только вперёд! [НКРЯ].

(20) – *Ну хватит, Татьяна: всё, что ни делается, – всё к лучшему* [НКРЯ].

Модификацию **отрицательного эмоционального состояния** актуализируют следующие междометные фразеологизмы: *Я это ещё припомню! Ну, погоди же! Не жди пощады! Я тебя научу вежливости! Вот я тебя! Чтобы этого больше не было! Доберусь я до тебя! Я тебе задам! Это последнее предупреждение! Вы об этом ещё пожа-*

леете! Я ему ещё покажу кузькину мать! Уж я ему устрою! Я тебе покажу! Сейчас ты у меня узнаешь! Я тебе покажу, как надо себя вести! Пусть он мне только попадётся! Ты меня ещё узнаешь! Мы ещё встретимся! Кончилось моё терпение! Сейчас как врежу! Хорошего понемножку! Я тебе задам перцу!

Прагматической целью этих МФЕ является каузация каких-либо отрицательных эмоций, что можно наблюдать в следующих примерах:

(21) Наташка ворчала: "Опять каша! Неужели у вас фантазии нет?" Лена реагировала с привычным утренним гневом: "**Я тебе покажу фантазию!** Сядь как следует!" – а теща бубнила: "Если б другие дети имели то, что имеешь ты..." [НКРЯ].

(22) «Я тебе задам перцу!» – с холодной злобой решил Лунёв и, высоко вскинув голову, в два шага стоял у стола [НКРЯ].

(23) Я никак не мог взять в толк, что случилось, – по дороге смущённо рассказывал водитель, – а оказывается, этот долговязый рыжий, который крутился возле машины, засунул в выхлопную трубу картошку! **Ну попадись он мне только!** [НКРЯ].

(24) – Мерзавка, – ровным голосом сказала она, не глядя на невестку. – **Я тебе это ещё припомню.** Я никогда не забуду, как ты пыталась оклеветать моего сына и присвоить себе его славу [НКРЯ].

(25) Весь кайф прошёл. Зато я медленно стала наливать злостью. Ну ладно же, ребята, **вы ещё пожалеете**, что меня разозлили [НКРЯ].

МФЕ, актуализирующие **отрицательную модификацию эмоционального состояния** (68 единиц), реализуют следующие значения:

Насмешка, презрение, пренебрежение: Открыл Америку! Тоже мне! Мало каши ел! Мелко плаваешь! Молоко на губах не обсохло! Очень нужно! Эка важность! Скаattered дорога! С позволения сказать! Туда и дорога! Одним миром мазаны! Одного поля ягоды! Куда это годится! Ни к чёрту не годится! Больно надо!

(26) **Мелко плаваешь**, куда тебе до нас! **Мало каши ел!** [НКРЯ].

(27) А зачем лес забираешь? – Савка побагровел. **Куда ж это годится?! Разве это по закону?** [НКРЯ].

(28) Посоветуйся с братом! – **Очень нужно** мне с ним советоваться [НКРЯ].

(29) Он все годы учебы бездельничал, пропускал занятия. Наконец его исключили из института. – **Туда ему и дорога!** – единодушно говорили на факультете [НКРЯ].

Раздражение, досада: Вот где сидит! Чёрт дёрнул! Чёрт дёрнул за язык! Чёрт принёс! Нелёгкая принесла! Не было печали! Как назло! Тьфу ты пропасть! Тьфу чёрт! Пропай он пропадом! Будь ты неладен! Чёрт возьми! Чёрта с два! На кой чёрт! На кой леший! Чтoб ему пусто было! Шут его знает! Сгинь! Катись отсюда!

(30) **На кой мне леший** твоё спасибо? Из него шубы-то не сошьёшь [НКРЯ].

(31) **Тьфу ты чёрт!** Ну давайте поскорее бумаги, я сейчас напишу [НКРЯ].

(32) Два экзамена прибавили! – Ещё два экзамена? **Не было печали!** [НКРЯ].

(33) **И чёрт их принёс**, – думал он... Я их не звал. Приехали расстраивать мою жизнь [НКРЯ].

Негодование, возмущение: Будь ты трижды проклят! Будь оно проклято! Пропай оно пропадом! Пропай всё пропадом! Этого ещё не хватало! Ни на что не похоже! На что это похоже? Из рук вон! Из ряда вон! Ни в какие ворота не лезет! Дальше ехать некуда! Вот тебе Бог, а вот порог! Чёрт-те что! Бог знает что! Как только земля носит! Новое дело! Скажи пожалуйста! Нечего сказать! В голове не укладывается! Подумать только!

(34) Мы же договорились встретиться, а ты не пришел. Никак не ожидал, что ты меня так подведешь. **Подумать только!** [НКРЯ].

(35) Не понимаю, что ваша семья смотрит. Хороши, **нечего сказать!** [НКРЯ].

(36) Я молчал. – Пой, **чёрт тебя подери!** – ревел он на меня в бешенстве [НКРЯ].

(37) *Покажи-ка, Петрусь, мою путёвку. – Новое дело! Буду я тебе на таком ветру* [НКРЯ].

Предостережение, угроза: *Не поздоровится тебе! Не сносить головы! Заруби себе на носу! Я тебе покажу, где раки зимуют! В порошок сотру! Шею сверну! С лица земли сотру! Не приведи господи! Не дай бог! Боже упаси! Сохрани бог! В бараний рог согну! Ну, погоди! Прикуси язык!*

(38) *Я буду ему досаждать, я сотру его с лица земли, я замучаю его маленькими и большими неприятностями* [НКРЯ].

(39) *Учись же, каналья, а станешь лениться, три шкуры спушу!* [НКРЯ].

(40) *Я тебя, говорит, мальчишку, в 24 часа в мелкий порошок изотру, в бараний рог согну, на поселение сошлю!* [НКРЯ].

(41) *Какое вы имели право самовольничать? Ну, погодите! Я вам покажу, где раки зимуют!* [НКРЯ].

(42) *Кум Илья! Тебе говорю, прикуси язык!* [НКРЯ].

МФЕ, как и любые другие междометия, отличаются полисемичностью – одна и та же единица может выражать разные эмоции, в том числе и по оценочному знаку. Так, из приведённой выше классификации, МФЕ *Чёрт побери!* актуализирует как восхищение (пример 8), так и возмущение, негодование (пример 36). Эта функциональная особенность присуща классу МФЕ в целом. Также их отличает большая степень эмоциональности, что делает их крайне выразительными. Они отличаются краткостью, ёмкостью, их характерной чертой является побудительный характер.

4. Заключение [Conclusions]

Проведённый анализ литературных источников явно указывает на субъективно-прагматический характер категории экспрессивности, что позволяет нам рассматривать её как функционально-прагматическую категорию. Это усложняет природу эмотивно-экспрессивно-каузативного категориального семантического комплекса, поскольку анализ нужно проводить как в плоскости семантики, так и в плоскости прагматики. Выявлено, что ведущую роль в таком комплексе играет прагматический аспект. Именно стремление к усилению иллокутивной силы высказывания и к достижению максимального перлокутивного эффекта заставляет прибегать в речи к экспрессивным средствам. Междометия и междометные фразеологические единицы служат подобным целям наилучшим образом. Они очень яркие по форме, ёмкие по содержанию, образные, выразительные, при этом легко воспроизводимые. Также МФЕ обладают национальным колоритом. Это прагматизированные единицы, функционирующие в речи как побудители к той или иной эмоции.

Нами было проанализировано, во-первых, 75 междометий и около 800 контекстов их употребления. В результате было выявлено 5 классов, актуализирующих положительную модификацию эмоционального состояния и 5 классов – отрицательную. Во-вторых, анализ 143 МФЕ в 1300 контекстах употребления позволил выявить 5 классов, актуализирующих каузацию положительных эмоций и 4 класса – отрицательных эмоций. Предложенная классификация не является исчерпывающей, поскольку данные лексические единицы характеризуется высокой полисемичностью. Кроме того, класс междометий и МФЕ не является закрытым и достаточно активно развивается, поэтому перспективу исследования составит расширение классификации и анализ динамических процессов развития и расширения этого класса единиц.

Библиографический список

- Архипова, Шустова, 2021 – Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике: монография. Пермь : Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2021. 252 с.

- Архипова, 2021 а – Архипова И. В. Таксисный потенциал предлогов нидерландского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 45–51.
- Архипова, 2021 б – Архипова И. В. Таксис и финальность: вопросы межкатегориальной связи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 4. С. 68–74.
- Архипова, Шустова, 2021 а – Архипова И. В., Шустова С. В. Семантический потенциал таксисных предлогов немецкого языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 21–37.
- Архипова, Шустова, 2021 б – Архипова И. В., Шустова С. В. Категориальная семантика примарного таксиса // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 51–58.
- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика. М.: РАН, 1995. 472 с.
- Ахманова, 2004 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 569 с.
- Вежицкая, 1999 – Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
- Бондарко, 2002 – Бондарко А. В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сб. статей, посвященных юбилею Г. А. Золотовой / сост. Н. К. Онипенко. М.: Эдиторал УРСС. 2002. С. 15–21.
- Бондарко, 2005 – Бондарко А. В. О понятии «категориальная ситуация» // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 66–77.
- Меликян, 2004 – Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2004. 288 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.06.2023).
- Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 239 с.
- Сюткина, 2020 – Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь: Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2020. 176 с.
- Сюткина, Шустова, 2020 – Сюткина Н. П., Шустова С. В. Рацио и эмоцио в грамматике: эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи. СПб.: Издательство РХГА, 2020. С. 73–168.
- Сюткина, Шустова, 2021 – Сюткина Н. П., Шустова С. В. Функциональные аспекты эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2021. Т. 9, № 1 (17). С. 127–142.
- Телия, 1996 – Телия В. Н. О различии рациональной и эмотивной / эмоциональной оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е. М. Вольф. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 31–38.
- Тошович, 2006 – Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.
- Туранский, 1990 – Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.
- УСС, 2023 – Универсальный словарь-справочник. Русский язык. URL: <http://nskhuman.ru/unislov/morfolog.php?nchast=11> (дата обращения: 30.06.2023).
- ФСРЛЯ, 2008 – Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. Федоров А. И. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
- Шаховский, 2008 – Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шаховский, 2019 – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 206 с.
- Шустова, 2010 – Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 2-е изд., испр. и доп. Пермь: Изд-во Прикамского соц. Ин-та, 2010. 248 с.
- Alba-Juez, Larina, 2018 – Alba-Juez L., Larina T. Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, Iss. 1. P. 9–37.
- Bally, 1950 – Bally C. Linguistique générale et linguistique française. Berne: A. Francke, 1950. 440 p.
- Dik, 1989 – Dik S. C. The Theory of Functional Grammar. Parts 1, 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. 167 p.

- Ekman, 2004 – Ekman P. Emotions revealed: Recognizing faces and feelings to improve communication and emotional life. New York : Henry Holt and Co., 2004. 274 p.
- Izard, 1977 – Izard C. E. Human emotions. New York : Plenum Press, 1977. 495 p.
- Halliday, Matthiessen, 2004 – Halliday M. A. K., Matthiessen C. An Introduction to Functional Grammar. London : Hodder Arnold, 2004. 700 p.
- Lyons, 1969 – Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 519 p.
- Mackenzie, Alba-Juez, 2019 – Mackenzie J. L., Alba-Juez L. Emotion processes in discourse // Emotion in Discourse. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 3–26.
- Ortony, Turner, 1990 – Ortony A., Turner T. J. What's Basic About Basic Emotions? // Psychological Review. 1990. Vol. 97, Iss. 3. P. 315–331.
- Schwarz-Friesel, 2007 – Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen, Basel : A. Francke Verlag, 2007. 401 S.
- Wallace, 1982 – Wallace S. Figure and Ground: The Interrelationships of Linguistic Categories // Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 1982. P. 201–223.
- Wierzbicka, 1973 – Wierzbicka A. Problems of expression: Their place in the semantic theory // Recherches sur les systémes Signifiants. Symposium de Varsovie 1968. The Hague : Mouton, 1973. P. 145–164.
- Shibatani, 1976 – Shibatani M. A. Grammar of Causative Constructions: A conspectus // Syntax and Semantics. 1976. Vol. 6. P. 1–40.

References

- Arhipova, I. V., Shustova, S. V. (2021). *Mezhkategorial'noe vzaimodeystvie v funktsional'noy grammatike [Intercategorical interaction in functional grammar]*. Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Arhipova, I. V. (2021 a). Taksisnyy potentsial predlogov niderlandskogo yazyka [Taxis potential of prepositions of the Dutch language]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 3, 45–51. (In Russ.).
- Arhipova, I. V. (2021 b). Taksis i final'nost': voprosy mezhkategorial'noy svyazi [Taxis and finality: Issues of intercategory communication]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian studies. History and philology]*, 4, 68–74. (In Russ.).
- Arhipova, I. V., Shustova, S. V. (2021 a). Semanticheskiy potentsial taksisnykh predlogov nemetskogo yazyka [Semantic potential of taxis prepositions in German]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 2, 21–37. (In Russ.).
- Arhipova, I. V., Shustova, S. V. (2021 b). Kategorial'naya semantika primarnogo taksisa [Categorical semantics of local taxis]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and philology]*, 1, 51–58. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy, T. I: Leksicheskaya semantika [Selected Works, Vol. I. Lexical Semantics]*. Moscow : RAS Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov [Semantic universals and description of languages]*. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (2002). Kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki [Categories in the functional grammar system]. In N. K. Onipenko (Ed.). *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta [Communicative and semantic parameters of grammar and text] : A collection of articles dedicated to the anniversary of G. A. Zolotova* (pp. 15–21). Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (2005). O ponyatii «kategorial'naya situatsiya» [On the notion of categorical situation"]. *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka [Conceptual space of language]*. (pp. 66–77). Tambov : Tambov State University named after. G.R. Derzhavin Press. (In Russ.).
- Melikyan, V. YU. (2004). *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya [Modern Russian language. Syntax of an indivisible sentence] : A coursebook*. Rostov-on-Don : Rostov State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- National Corpus of the Russian Language (n. d.). <https://ruscorpora.ru/>.

- Zemskaya, E. A. (Ed.). (1983). *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Siutkina, N. P. (2020). *Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse [Functioning of emotive causatives in the categorical semantic complex]*. Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Siutkina, N. P., Shustova, S. V. (2020). Ratio and emotion in grammar: emotive-causative categorical semantic complex [Emotive-causative categorical semantic complex]. *Ratio at Emotio: Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi [Ratio at Emotio: Rational and emotional in language and speech]* (pp. 73–168). St Petersburg : Russian Christian Academy for the Humanities Press (In Russ.).
- Siutkina, N. P., Shustova, S. V. (2021). Funktsional'nye aspekty emotivno-kauzativnogo kategorial'nogo semanticheskogo kompleksa [Functional aspects of emotive-causative categorical semantic complex]. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury [Research Journal of Russian Language and Literature]*, 9, 1 (17), 127–142. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). O razlichii ratsional'noy i emotivnoy / emotsional'noy otsenki [On the difference between rational and emotive / emotional evaluation]. *Funktsional'naya semantika: ocenka, ekspressivnost', modal'nost'. In memoriam E. M. Vol'f [Functional semantics: Evaluation, expressiveness, modality. In memoriam of E. M. Vol'f]* (pp. 31–38). Moscow : Institute of Linguistics of RAS Press (In Russ.).
- Toshovich, B. (2006). *Ekspressivnyy sintaksis glagola russkogo i serbskogo / khorvatskogo yazykov [Expressive verb syntax of Russian and Serbian / Croatian]*. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Turanskiy, I. I. (1990). *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke [Semantic category of intensity in English]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- USS. (2023). *Universal'nyy slovar'-spravochnik. Russkiy yazyk [Universal Reference Dictionary. Russian language]*. Retrieved June 30, 2023 from <<http://nshkhuman.ru/unislov/morfolog.php?nchast=11>>.
- Fedorov, A. I. (Ed.) (2008). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka (FSRLYA) [Phraseological dictionary of the Russian literary language]*. Moscow : Astrel' : AST Press. (In Russ.).
- Shahovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy [Linguistic theory of emotions]*. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Shahovskiy, V. I. (2019). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]*. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2010). *Funktsional'nye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskyy podhod [Functional properties of causative verbs: A dynamic approach]*. Perm : Prikamskiy SocialInstitute Press. (In Russ.).
- Alba-Juez, L., Larina, T. (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9–37.
- Bally, C. (1950). *Linguistique générale et linguistique française*. Berne : A. Francke.
- Dik, S. C. (1989). *The Theory of Functional Grammar. Parts 1, 2*. Berlin : Mouton de Gruyter.
- Ekman, P. (2004). *Emotions revealed: Recognizing faces and feelings to improve communication and emotional life*. New York : Henry Holt and Co.
- Izard, C. E. (1977). *Human emotions*. New York : Plenum Press.
- Halliday, M. A. K., & Matthiessen, C. (2004). *An Introduction to Functional Grammar*. London : Hodder Arnold.
- Lyons, J. (1969). *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Mackenzie, J. L., Alba-Juez, L. (2019). *Emotion processes in discourse. Emotion in Discourse* (pp. 3–26). Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company.
- Ortony, A., Turner, T. J. (1990). What's Basic About Basic Emotions? *Psychological Review*, 97 (3), 315–331.
- Schwarz-Friesel, M. (2007). *Sprache und Emotion*. Basel : A. Francke Verlag.
- Wallace, S. (1982). Figure and Ground: The Interrelationships of Linguistic Categories. *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics* (pp. 201–223). Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company.
- Wierzbicka, A. (1973). Problems of expression: Their place in the semantic theory. *Recherches sur les systéms Signifiants. Symposium de Varsovie 1968* (pp. 145–164). The Hague : Mouton.
- Shibatani, M. A. (1976). Grammar of Causative Constructions: A conspectus. *Syntax and Semantics*, 6, 1–40.

УДК 811.511

Чертыкова Мария Дмитриевна✉, Каксин Андрей Данилович
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
chertikova@yandex.ru

Концептуализация «жизни у реки» в творчестве югорского поэта Владимира Мазина

Аннотация

Цель настоящей статьи – выявить и описать концептуальное начало в творчестве югорского поэта Владимира Мазина, посвящённом жизни у реки Вах, образ которой прочно связан с его малой родиной и детством. Лингвокультурологический анализ стихотворных фрагментов из сборников 1997–2005 гг. позволил выявить особенности индивидуально-авторского восприятия «жизни у реки», неотъемлемой частью которой является рыбная ловля, обрастающая сопутствующими важными явлениями (знание техники рыбной ловли, передача традиций данного вида промысла молодому поколению и т. д.). В связи с этим нами сформулировано базовое положение о самостоятельности концептосферы «Жизнь у реки». Сложная концептуализация красочных поэтических образов малой родины является основной чертой творчества поэта. Исходя из своего творческого и жизненного опыта, поэт сумел раскрыть многообразие и значимость стихии воды для ментальности северного человека. Также выявлено, что в зависимости от территориально-климатических условий рыбный промысел служит одним из главных древнейших способов добывания пищи, т. е. поддержания жизнедеятельности, у жителей северного края. Результаты анализа материала показали, что для описания атмосферы северного края и своей малой родины автор использует не менее 35 наиболее частотных лексем, относящихся к различным тематическим группам (*река, рыбная ловля, рыбы, снасти, малая родина, односельчане* и т. д.). Характерной особенностью поэзии Владимира Мазина является использование топонимической лексики, указывающей на привязку лирического героя к конкретной местности. Созданному поэтом образу лирического героя присуща автобиографичность, описываемые события и атмосфера «жизни у реки» характеризуются привязкой к конкретному времени и пространству, что придаёт образам большую реалистичность.

Ключевые слова: поэтический текст, концептуализация, «жизнь у реки», репрезентанты, лексема, топонимическая лексика, образность

© Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. 2024

Для цитирования: Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Концептуализация «жизни у реки» в творчестве югорского поэта Владимира Мазина // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 207–217.

Maria D. Chertykova✉, Andrey D. Kaksin
N. F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

Conceptualization of “Living by the river” in the lyrics of the Ugra poet Vladimir Mazin

Abstract

This article aims to identify and describe the conceptual pattern in the work of the Ugra poet Vladimir Mazin devoted to the life by the Vakh river whose image is connected with his small Motherland and childhood. Linguistic and cultural analysis of the tokens from the collections of the poems published in 1997–2005 enabled

to discover the features of the poet's individual perception of “Life by the river” whose integral important part is fishing accompanied by certain important phenomena (i. e., knowledge of fishing techniques, the transfer of the traditional type of fishing to the younger generation, etc.). This enabled us to develop the basic statement about the independence of the “Life by the River” concept sphere. The complexity of conceptualizing vivid poetic images of the small Motherland is the relative feature of Vladimir Mazin’s poetry. Creativity and life experience helped him reveal the diversity and significance of the element of water for the northern people mentality. It was also found that depending on the territorial and climatic conditions, fishing is one of the main ancient ways of obtaining food which is synonymic to the northern people’s survival. The results also show that to describe the atmosphere of the northern region and the small Motherland, the author uses at least 35 most frequent lexemes related to various thematic groups (*river, fishing, fish, tackle, small Motherland, fellow villagers*, etc.). Another characteristic feature of Vladimir Mazin's poetry is the use of toponymic vocabulary indicating the bond of the lyrical character to a specific area. The image of the lyrical character created by the poet is autobiographical, the described events and atmosphere of «life by the river» are bound to particular time and space making the images more realistic.

Keywords: poetic text, conceptualization, “Life by the river”, representatives, lexeme, toponymic vocabulary, figurativeness

© Chertykova M. D., Kaksin A. D. 2024

For citation: Chertykova, M. D., Kaksin, A. D. (2024). Kontseptualizatsiya “zhizni u reki” v tvorchestve yugorskogo poeta Vladimira Mazina [Conceptualization of “Living by the river” in the lyrics of the Ugra poet Vladimir Mazin]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 207–217.

1. Введение [Introduction]

Среди множества трактовок термина «концептуализация» в лингвистике бытует его широкое понимание, как «мыслительного процесса, первичной теоретической формы, схемы связи понятий, способа организации мыслительной работы, позволяющей построение картины видения исследуемого сегмента реальности» [Ланге-Соболева, 2021, с. 27]. Подобное рассмотрение содержания концептуализации подразумевает взаимосвязь когнитивной деятельности человека с языковыми средствами различного уровня. При этом она выступает совокупностью осмысления всех элементов окружающего мира, а также средством отражения мировоззренческих и национальных ресурсов человека. Е. С. Кубрякова отмечает, что концептуализация есть важнейший процесс познавательной деятельности человека, когда им осмысливается поступающая информация и при этом образуются концепты, концептуальные структуры и вся концептуальная система в сознании одного человека [Кубрякова, 2002, с. 15]. Из сказанного следует, что в упорядоченную систему концептуализации вписываются и концепты как единицы ментального и языкового воплощения действительности. Благодаря подобному рассмотрению понятия концептуализации можно комплексно подойти к вопросу о специфике языка, в тех или иных своих фрагментах отражающего социальные и мировоззренческие особенности жизни северных этносов.

На сегодняшний день имеется необходимость изучения когнитивных и лингвокультурологических процессов концептуализации языковых явлений на материале региональных художественных и поэтических произведений. Данная статья является продолжением серии статей, посвящённых выявлению и описанию лингвокогнитивных и лингвокультурных особенностей стихотворных произведений югорского поэта, члена Союза писателей России, лауреата Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, заслуженного деятеля культуры Ханты-Мансийского округа – Югры Владимира Алексеевича Мазина (1950 г. р.) [Каксин, Чертыкова, 2022 а, 2022 б]. Одной из ключевых тем в творчестве Владимира Мазина является любовь к родной земле, состав-

вившая целое концептуальное пространство в творчестве поэта. Имя поэта в читательском восприятии ассоциируется с названием малой родины – Ларьяком. Это таёжное село в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югра издавна является местом проживания людей разной национальности: коренных жителей – ханты и переселенцев с различных уголков России. На этой объединяющей народы земле протекает большой правый приток крупнейшей западно-сибирской реки Обь, главная кормилица народов с древнейших времён – река Вах. Соответственно, тема водной стихии, северных просторов и рыболовного промысла доминирует в творчестве многих поэтов-северян, в том числе Владимира Мазина.

М а т е р и а л о м для нашего исследования послужили стихотворные фрагменты из поэтических сборников Владимира Мазина: «Пристань радостей и печалей» [Мазин, 1997], «Бубен и скрипка» [Мазин, 2001], «Негасимый свет чувала» [Мазин, 2005]. Поскольку в этих произведениях понятие малой родины представляет собой многогранный аспект, выраженный в образах различных объектов и явлений, включая чувства и отношения лирического героя, в нашем исследовании отбор значимых и базовых репрезентантов искомого концепта произведён по результатам анализа контекстуального употребления лексем, регулярно появляющихся в поэтических текстах Владимира Мазина. Их особенно много в стихотворениях, посвящённых рыбной ловле, лесосплаву, охоте и походной жизни в бассейне реки Вах и т. д. Попытка выделить и описать особенности вербализации концепта «Жизнь у реки» в творчестве Владимира Мазина с применением когнитивного и лингвокультурологического подходов предпринята впервые.

На фоне работ, посвящённых исследованию базовых концептов и их языковых репрезентантов, средствам выражения скрытых и понятийных категорий в разнотипных языках [Вежбицкая, 2001 ; Черемисина, 2002 ; Воркачёв, 2004 ; Мальчакитова, 2014 и др.] активно обсуждаются проблемы взаимодействия языка и культуры, что позволяет раскрыть специфику ментальных ценностей материального и внутреннего мира северного человека. В обско-угорской филологии имеются работы, связанные с исследованием этнолингвистической репрезентации традиционных видов деятельности обско-угорских этносов [Фёдорова, 2000; Каксин, 2020 и др.]. В частности, можно отметить исследование на тему «Лексика рыболовного промысла и водных пространств территории Конды в аспекте принципов номинации» Ю. В. Исламовой, М. Г. Бакшеевой, А. Н. Брусницина, где осуществляется комплексный анализ зафиксированной на территории Кондинского района ХМАО–Югры рыболовной лексики. Авторы отмечают, что данная лексика отличается многообразием и стилистико-коммуникативной спецификой, что является результатом смешения традиций коренных народов и переселенцев. Соответственно, на фоне «межязыкового взаимодействия сложился пласт профессиональной лексики, заключающий в себе лексемы обско-угорского и русского происхождения» [Исламова и др., 2021, с. 35].

Образ реки, как одного из существенных концептов северного края, обсуждается в литературном, поэтическом и научном кругах [Москалинский, 2010 ; Михайловский, 2008 ; Осипова, 2013 ; Гаврилов, 2021 и др.]. Исходя из данного опыта, для описания специфики жизни и деятельности в северных регионах достаточно представить структуру и содержательное наполнение двух смыкающихся семантических полей: «Рыбалка» и «Рыболовство», выражаемые виды деятельности которых отличаются способами и масштабами действия. Однако реальная жизнь не ограничивается этими понятиями, есть и другие виды деятельности людей, живущих в сибирской глубинке: охота, оленеводство, скотоводство, звероводство. Привычка местных аборигенов трудиться не отменяет и другого рода времяпровождение: походы (пешком и на лодках), сбор дикоросов, культурный досуг. Тем самым единственной константой является то обстоятельство, что всё это происходит у реки (у воды), все действия так или иначе связаны с тем обстоя-

тельством, что населённый пункт расположен на реке. Данный фактор на протяжении целых столетий из поколения в поколение у этого народа формирует не только особый склад характера и национальной ментальности, но и культурный феномен. Ключевым моментом «жизни у реки» является процесс рыбной ловли, который в мировидении поэта обрастает сопутствующими важными явлениями, например, знание техники рыбной ловли, передача традиций данного вида промысла молодому поколению и т. д. В связи с этим и сформулировано наше базовое положение о самостоятельности концептосферы «Жизнь у реки». Эта сложная структура концептуализации красочных поэтических образов малой родины является основным в творчестве известного югорского поэта Владимира Мазина. Исходя из своего творческого и жизненного опыта, поэт сумел раскрыть многообразие и значимость стихии воды для ментальности северного человека.

Следует также отметить, что топонимическая лексика (*Обь, Вах, Ларьяк, Нижневартовск, Чехломей* и др.) в поэзии Владимира Мазина служит реальной и точной привязкой к определённой местности – его малой родине. Подобные наименования географических объектов, а также характеризующих их территориальных элементов, определяют структуру ландшафта, и, соответственно, способствуют развитию нового направления в науке – культурного ландшафта. Ю. А. Веденин в своём исследовании вопросов пространственно-временного масштаба в русской поэзии, отмечает: «<...> географическое пространство, как реальное, так и воображаемое, составляет важнейшую часть такого [культурного – авт.] ландшафта. Оно позволяет судить о его месте в культурном мировом пространстве, о многообразии отношений к окружающей их среде наиболее чутких и ощущающих все наиболее существенные черты эпохи людей» [Веденин, 1997, с. 161].

2. Индивидуально-авторское видение «жизни у реки» [Individual-author's vision of “Life by the river”]

Река – это не только природный географический объект, но и жизненно важный символ того места, где на протяжении длительного времени формируется единство культурно-природного комплекса и социальной структурированности. В зависимости от территориально-климатических условий рыбный промысел является одним из главных древнейших способов добывания пищи. С самого рождения лирический герой Владимира Мазина окружён неизменной атмосферой «жизни у реки» и, как и его предки, вклинивается в этот традиционный вид деятельности. О своей приверженности рыбацкой доле автор пишет ясно, правдиво, без излишней художественности. Автобиографические мотивы, как главные вехи его жизни, прослеживаются в этих строках:

*Рыбацкий¹ разделить удел,
А рыбаки в семье отцовской
В старинном промысле ловки,
Тянули невода верёвкой
И дружно жили у реки* [Мазин, 1997, с. 13].

В следующих строках важным является утверждение того, как умение ловить рыбу, кроме определённых черт характера включает также знания, закреплённые в сознании не одного поколения рыбаков:

*Со мной намучились порядком
Немало лет отец и мать,
Чтоб дать рыбацкую хватку
И песней душу воспитать* [Мазин, 1997, с. 13].

¹ Жирным выделяются слова, отражающие концептосферу «жизнь у реки»

Думается, что читая эти строки, читатель непременно обратит внимание на то, с какой любовью, с каким восхищением поэт относится к своим старшим родственникам и землякам. В манифестирующих рыбалку описаниях проявляется симпатия, нежность и трепетное отношение к землякам – мастерам своего дела:

*Хохочет мужичок
От озорства и счастья,
Сбирая на плечо
Капроновые снасти,
В свой обласок, на свет
Бросая, как на блюдо,
Второй десяток лет*

Чешуйчатую груду [Мазин, 2005, с. 38].

Глубокая гармония природы, реки Вах и посёлка Чехломей, где живёт неунывающее рыбацкое племя, славная рыбацкая доля, приносящая нелёгкую радость, составляет смыслообразующую основу стихотворения «Праздник рыбаков»:

*Не случайно облюбован
Чехломей* для торжества,
Где бунтует лес сосновый,
Возле леса рукава*

Рыбой пахнущего Ваха

Ветерочек шевелит

* Чехломей – посёлок рыбаков [Мазин, 2005, с. 55].

Поэт рисует широкими мазками – и вот далее уже как живой предстаёт перед нами собирательный образ рыбака на Севере:

Под хантыйскою рубахой

*Кровь **рыбацкая** бурлит* [Мазин, 2005, с. 55].

В целом, все картины, которые рисует В. Мазин – абсолютно реалистичны. Читая строки произведений поэта, невольно отмечаешь их простоту, отсутствие малейшего стремления приукрасить окружающую действительность. Как-то незаметно, вскользь сказано, к примеру, о том, что люди в этом дальнем селе, кроме рыболовства, занимаются ещё охотничьим промыслом:

Соберутся наши зрители –

Звероловы, рыбаки [Мазин, 1997, с. 22].

Но к охоте, видимо, причастны немногие. В большинстве своём жители села Ларьяк занимаются рыбной ловлей и, время от времени, – сплавом леса: в стихах поэта упоминаются прежде всего слова, отражающие эту атмосферу: *рыбацкие уголья* и *деревни, реки, Вах, обласок, озёрные котловины, плоты, лесины* и т. д.

Заметно, что автор скуп в своих зарисовках ещё и потому, что предвидит своего читателя, рассчитывает на него – знающего и понимающего его, искушённого местными реалиями. Вот, к примеру, в нижеприведённых строчках упоминается *агитбригада* – ансамбль художественной самодеятельности, время от времени посещавший стоянки рыбаков в летний период. Представители старшего поколения помнят, что наиболее значительный десант культурработников высаживался в середине июля – концерт приурочивался ко Дню рыбака.

В половодье не ради утех

Ждал районную агитбригаду

На рыбацких угольях успех [Мазин, 1997, с. 26].

Между тем обычные, непраздничные дни заполнены повседневными заботами:

Движеньем обнимает время

Дымы рыбацких деревень [Мазин, 1997, с. 46].

Сплав брёвен – особое занятие, жители не всех населённых пунктов на Севере занимаются этим трудоёмким делом. В Ларьяке, видимо, сплав периодически производился, раз юный поэт Владимир Мазин запомнил соответствующие предметы и явления. Необычная атмосфера, связанная с процессом сплава, передана в стихах ярко и точно.

*Крепко-накрепко **лесины** связаны,*

Тень ползёт широкая по дну... [Мазин, 1997, с. 40].

Лесины – это, конечно, поваленные деревья, у которых обрублены сучья. И это “более точное” слово, в данном случае, нежели *брёвна*. Здесь налицо прямая номинация. *Тень ползёт по дну* – уже более живописная картина. А в последующей строчке – всё предельно выразительно:

*У **реки** буграми вздулись мускулы –*

*Тяжело протаскивать **плоты*** [Мазин, 1997, с. 46].

Анализ отобранного материала явно свидетельствует о том, что во многих стихах В. Мазина содержится неявная, скрытая образность. То обстоятельство, что она обнаруживается не сразу, означает только одно: она искусно вплетена в ткань поэтического произведения. Для её обнаружения необходимо вчитываться, уметь улавливать настроение автора. Отчётливо обнаруживается авторское лирическое начало в нижеприводимых строчках: в них автор пишет о своём становлении в качестве поэта (душой устремляясь вслед за юным Пушкиным). И тот рыбак, которого *облака хватают за штанины*, – это, безусловно, поэт Владимир Мазин.

Играют облака

Озёрной котловины,

*Хватают **рыбака***

За мокрые штанины [Мазин, 1997, с. 69].

*Вослед мелодии **рыбацкой***

Спешу неопытным пловцом:

Свой голос пробую ларьякский

За крымским искренным певцом [Мазин, 1997, с. 40].

Необходимо отметить хорошее знание поэтом обстоятельств рыбацкой жизни на Севере, где он является не только наблюдателем, но и участником действия. Возьмём, к примеру, следующее стихотворение, в котором обрисован обычный день в рыбацком посёлке:

*Манит снова **рыбака***

*Синяя **путина**,*

*Не страшит меня **река** –*

*Бурная **стремнина**.*

*Понесёт мой **обласок***

*Быстрое **теченье***

*На слияние **проток***

*В **водное круженье**.*

*Эх, **весло**, не подведи,*

Не скользи в ладони.

*Будет отдых **впереди**,*

*Где-нибудь **в затоне*** [Мазин, 1997, с. 16].

В этом небольшом стихотворении упомянуты все основные предметы и действия, знакомые любому человеку, живущему в рыбацком посёлке. Кроме слов, обозначающих собственно деятеля и основное промысловое место (*рыбак* и *река*), отметим наличие и таких лексических единиц, как *путина*, *обласок*, *весло*, *протока* и *затон* и др. Разберём их употребление в контексте стиля автора – человека, с самого рождения живущего в таёжном сибирском селе. *Путина*, как известно, – время промыслового лова

рыбы, и на Севере этот лов производится почти круглый год с перерывами на ледоход и ледостав на водоёмах. Видимо, в этом, наиболее распространённом, значении слово *путина* и употребляется автором. Для нас важно, однако, то определение, которое это слово получает в контексте данного конкретного стихотворения, – *синяя* (путина). Очевидно, что поэт разделяет в своём сознании путину летнюю (с июня по октябрь) и зимнюю (с декабря по март). Летнюю путину В. Мазин и называет *синей*: именно с этим цветом ассоциируются водоёмы и небо в этот период². Таким образом, рассматриваемое определение следует признать точным, понятным, хотя и образным (а оборот в целом выглядит как окказионализм). Далее обратимся к словам *протока* и *затон*, которые обозначают два разных типа водоёмов. Данные водоёмы противоположны по характеру течения (протока характеризуется достаточно сильным течением, в затоне оно обычно отсутствует вовсе), и это обстоятельство очень тонко обыгрывается автором стихотворения: усиленная гребля *на слиянии проток vs отдых в затоне*. Но, как можно заметить, при создании данной антитезы само действие ‘гребли’ не называется – оно подразумевается, на него указывается с помощью обращения к веслу: *эх, весло, не подведи*. В этих строчках о весле содержится олицетворение. Наконец, таким же одушевлённым предметом предстаёт в этом стихотворении обычная лодка. Тот тип традиционной лодки, который используется в данной местности, называется *облас*. Как видим, поэту удаётся и в этом случае внести красочность в обычную, рядовую ситуацию: областное слово русского языка снабжается уменьшительно-ласкательным суффиксом, и в результате получается другая лексическая единица – *обласок* ‘лодочка’. Но поэт не останавливается на этом: в других его произведениях любимое транспортное средство приравнивается к челну и именуется ещё более ласково – *обласочком*.

Люблю зарю, мой малый челн

(У нас зовётся обласочком) [Мазин, 1997, с. 10].

Мы в три весла на обласочке

К родимой пристани плывём [Мазин, 1997, с. 11].

В последних строчках упоминается ещё одна важная составляющая рыбацкой жизни – *пристань*. Именно осознание значимости этого места привело Владимира Мазина к мысли назвать весь свой сборник не иначе, как «Пристань радостей и печалей». И в данном названии, и в идущих от сердца самих стихотворных строках можно видеть особое отношение к этому значимому месту.

Я добираюсь до пристани снова,

Где не расходятся лес и вода [Мазин, 2005, с. 66].

Иногда место это никак не называется, но всё равно всем причастным понятно, что дело происходит на пристани.

Я танцующей походкой

Под улыбочки пройду

До качающейся лодки,

На которой прокачусь [Мазин, 2005, с. 55].

Довольно часто для обозначения этого значимого места используется синонимичное слово *причал*.

Нас сызмальства учили петь

О старом Ваховском причале,

Где солнца золотую сеть

Вороны сотни лет встречали [Мазин, 2001, с. 33].

Отцовская звучала речь

И материнская звучала...

² При таком подходе зимнюю путину логично определять как белую.

*Мне у Ларьякского причала
Два чистых голоса беречь* [Мазин, 2001, с. 194].

*Мальчишек причал привечал,
Где волны плели небылицы,
Где дедушка нас приучал
К седому теченью Быстрицы* [Мазин, 2005, с. 47].

Эти строки про причал являются свидетельством босоногого детства поэта, это место, где собирались мальчишки и восторженным взглядом встречали и провожали теплоходы и другие грузовые суда. Однако в детских воспоминаниях поэта причал больше ассоциируется с волнами, плетущими небылицы.

По всему выходит, что для Владимира Мазина и его односельчан пристань – это не просто отрезок берега, где причаливают суда и судёнышки, а место встреч, свиданий, место, куда человек приходит со своими мыслями, чувствами, ожиданиями. И, как видим, в большинстве случаев, при описании событий, происходящих на пристани, поэт прибегает к образному переосмыслению, наделяет само слово *пристань* дополнительным смыслом. Таким же символизмом проникнуто сравнение своего родного села с лодкой:

*Родился и вырос в селе,
Похожем на старую лодку* [Мазин, 2005, с. 47].

Стихотворения В. Мазина обладают ещё одним свойством: в них очень часто чувства, поведение и поступки людей характеризуются через упоминание деталей быта, привычных на Севере вещей, примет и явлений. Предметы эти, конечно, обычные, но, будучи введены в поэтический контекст, они начинают играть новыми красками.

*У тебя не пахнут руки
Чешуёй и дымом,
Неужели лишь от скуки
Называешь мылым?* [Мазин, 2005, с. 14].

Только человек, проживший значительную часть жизни на Севере, обратит внимание на то, что руки могут пахнуть рыбной чешуёй (или знать, что этот запах является специфичным и говорит о том, что человек постоянно имеет дело с разделкой рыбы).

*Не красоту ты нежила
Купальщицей в реке,
С детьми на рыбе выжила
В военной той беде.
Бросала моя матушка
Сеть-невод в кровь-зарю,
Голодные ребятушки
Сидели на яру.
Всё повторила, кроме бы
Слезы –
в кормилец Вах...*

*Держала экономику
На худеньких плечах* [Мазин, 2005, с. 68].

В этих строчках, обращаясь к матери, к её рассказам о жизни на Севере в военные годы, совершенно к месту и очень точно названы все основные приметы нелёгкой работы по добыче рыбы – основного продукта питания. Это и река под названием Вах, и рыба, и разные орудия промысла, сведённые воедино (*сеть-невод*), и яр – высокий берег, где сидят голодные дети. Называя реку Вах кормильцем, поэт её как бы очеловечивает и вписывает в систему высоких родственных отношений: кормильцем в семье может быть родной и уважаемый человек. Вах, вечная река, в понимании лирического

героя – это символ жизни, в который включены все материально-духовные ценности культуры северного человека. А название одного из видов рыбы приведено поэтом чуть раньше: с грудой мёртвых рыб этой породы сравниваются воробьи, млеющие в летнем зное:

Воробьям в тени деревьев жарко,

Возле обезлюженного парка

Не напоминают летунов –

Схожи с грудой мёртвых чебаков [Мазин, 2005, с. 64].

Выделенные нами лексические единицы в стихотворных строках Владимира Мазина репрезентуют роль реки в жизни не только его земляков, но представителей других регионов, живущих в похожих территориально-климатических условиях. Н. В. Полякова о значимости реки в жизни другого северного народа – селькупов – пишет: «Река для селькупского этноса – источник существования, ориентир в пространстве, модель мироздания, живое существо» [Полякова, 2014, с. 32]. При этом такие лексемы в языковом сознании северян содержат более богатую информацию на различных уровнях жизнедеятельности и несколько отличную от языковой картины мира, например, жителей степей или пустынь.

3. Заключение [Conclusion]

Семантико-когнитивный и лингвокультурологический анализ поэтического творчества югорского поэта Владимира Алексеевича Мазина, предпринятый в настоящей статье, позволил нам прийти к следующим выводам. Во-первых, в творчестве поэта концептуализация «жизни у реки» является одним из ключевых красочных образов, ассоциирующихся с понятием малой родины. Стихия воды используется также для портретирования северного человека, находящегося на плоскости взаимодействия специфического менталитета и культурных традиций. Концептуализация «жизни у реки» базируется, в основном, на представлении рыбной ловли, которая, наряду с охотой, с древнейших времён является одним из ключевых способов поддержания жизнедеятельности северных народов. В видении поэта очень важным является аспект непрерывности «жизни у реки», которая должна поддерживаться традиционностью рыбацкой культуры и преемственностью поколений. При этом река Вах представляет собой многогранный философско-символический образ, сочетающийся с эволюцией образования индивидуально-авторского восприятия окружающего мира. Все эти факторы позволяют выделить отдельную концептосферу «Жизнь у реки», имеющую сложный и многогранный характер.

Во-вторых, созданный автором образ северного человека-рыбака – Ларьякского жителя формирует у читателя более обширные представления о реалистичных событиях, происходящих в конкретное время, конкретных ландшафтах, имеющих точную географическую привязку. Тем самым творчеству Владимира Мазина свойственны автобиографические мотивы. Именно река, в отличие от других природных объектов (скажем, озера), в своём роде является кладёзью образов, где, безусловно, один образ усиливает другой [Москалинский, 2010, с. 145]. В этом плане поэтические произведения Владимира Мазина учат нас любить свою малую родину во всём её многообразии, находить в её природной простоте эстетические и нравственно-моральные ценности бытия.

В-третьих, в результате анализа особенностей вербализации исследуемых концептов, выявлено, что для создания атмосферы «жизни у реки» автор использует не менее 35 ключевых вербализаторов, манифестирующих не только рыбную ловлю и приспособления для рыбалки (*рыба, чешуйчатая грудка, путина, снасти, невод, чебак* и др.), родные просторы и окружающую природу (*рыбацкие угодья, пристань, причал, Вах, протока, затон, стремнина* и др.), но и характеристики односельчан (*рыбацкий удел, рыбацкая хватка, рыбак, кровь рыбацкая* и др.). В поэтическом видении Владимира Мазина подобные лексические единицы приобретают контекстуальную образность.

Библиографический список

- Веденин, 1997 – Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. М. ; СПб. : Российский НИИ культурного и природного наследия, 1997. 224 с.
- Вежбицкая, 2001 – Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. М. : Языки славянской культуры. 2001. 272 с.
- Воркачев, 2004 – Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 192 с.
- Гаврилов, 2021 – Гаврилов В. В. Реализация концепта «Река» в «Югорском тексте» (на материале поэзии Ю. Шесталова) // Филологический вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2021. № 1 (5). С. 106–112. <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2021.1.1.005>
- Исламова и др., 2021 – Исламова Ю. В., Бакшеева М. Г., Брусницин А. Н. Лексика рыболовного промысла и водных пространств территории Конды в аспекте принципов номинации // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 33–43. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-1-33-43>
- Каксин, 2020 – Каксин А. Д. Человек и его дело: особенности «рыболовного дискурса» в хантыйском языке // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 51–59.
- Каксин, Чертыкова, 2022 а – Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Ларьякское концептуальное пространство Владимира Мазина // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 235–244. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-235-244>
- Каксин, Чертыкова, 2022 б – Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Гидронимы Обь и Вах в поэтических текстах Владимира Мазина (семантико-когнитивный аспект описания) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, №1. С. 57–66. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-57-66>
- Кубрякова, 2002 – Кубрякова Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание : междунар. сб. науч. тр. Вып. 2. Тамбов : ТГУ, 2002. С. 5–15.
- Ланге-Соболева, 2021 – Ланге-Соболева Т. А. Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике // Наука и образование сегодня. 2021. № 6 (65). С. 27–32.
- Мазин, 2001 – Мазин В. А. Бубен и скрипка. Избранная лирика. М. : Московский Парнас, 2001. 208 с.
- Мазин, 2005 – Мазин В. А. Негасимый свет чувала. Семейные сказки и личные песни. Екатеринбург : Средне-Уральское книжное изд-во, 2005. 100 с.
- Мазин, 1997 – Мазин В. А. Пристань радостей и печалей. Сборник стихов. Сургут : Северный дом, 1997. 112 с.
- Мальчакитова, 2014 – Мальчакитова Н. Ю. Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенков и русских : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Улан-Удэ. 2014. 197 с.
- Москалинский, 2010 – Москалинский А. А. Река как основной художественный образ в художественной литературе // Псковский регионологический журнал. 2010. С. 141–146.
- Михайловский, 2008 – Михайловский В. Л. Вах таинственный, или Путешествие к центру России. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2008. 168 с.
- Осипова, 2013 – Осипова А. А. Языковые репрезентанты концепта «Рыбалка» в художественной картине мира В. П. Астафьева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 363–372.
- Полякова, 2014 – Полякова Н. В. Объективация реки в языковой картине мира селькупского этноса // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 2 (4). С. 29–33.
- Фёдорова, 2000 – Фёдорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб. : Европейский дом, 2000. 366 с.
- Черемисина, 2002 – Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2002. 254 с.

References

- Vedenin, Yu. A. (1997). *Ocherki po geografii iskusstva [Essays on the geography of art]*. Moscow ; St Petersburg : Rossijskiy NII kul'turnogo i prirodnogo naslediya Press. (In Russ.)
- Vezhbickaya, A. (2001). *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki [Mapping cultures through vocabulary and pragmatics]*. Translated from English by A. D. Shmelev. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2004). *Shchast'e kak lingvokul'turnyy kontsept [Happiness as a linguocultural concept]*. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).

- Gavrilov, V. V. (2021). Realizatsiya kontsepta “Reka” v “Yugorskom tekste” (na materiale poezii Yu. Shestalova) [Implementation of the “River” concept in the “Ugra text” (Based on the poetry of Y. Shestalov)]. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gos. ped. un-ta [Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University]*, 1 (5), 106–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2021.1.1.005>
- Islamova, Yu. V., Baksheeva, M. G., Brusnitsyn, A. N. (2021). Leksika rybolovnogo promysla i vodnykh prostranstv territorii Kondy v aspekte printsipov nominatsii [Vocabulary of fishing and water spaces of the Konda territory in the aspect of the nomination principles]. *Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]*, 11 (1), 33–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-1-33-43>
- Kaksin, A. D. (2020). Chelovek i ego delo: osobennosti «rybolovnogo diskursa» v khantyyskom yazyke [The man and his work: Peculiarities of the «fishing discourse» in the Khanty language]. *Kunstkamera [Kunstkamera]*, 1 (7), 51–59. (In Russ.)
- Kaksin, A. D., Chertykova, M. D. (2022 a). Lar'yakskoe kontseptual'noe prostranstvo Vladimira Mazina [Laryak's conceptual space of Vladimir Mazin]. *Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]*, 12 (2), 235–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-2-235-244>
- Kaksin, A. D., Chertykova, M. D. (2022 b). Gidronimy Ob' i Vakh v poeticheskikh tekstakh Vladimira Mazina (semantiko-kognitivnyy aspekt opisaniya) [Hydronyms Ob and Vakh in Vladimir Mazin's Poetic Texts (Semantic and cognitive aspect of the description)]. *Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]*, 12 (1), 57–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-57-66>
- Kubryakova, E. S. (2002). O sovremennom ponimanii termina «kontsept» v lingvistike i kul'turologii [On the modern understanding of the term «concept» in linguistics and cultural studies]. *Real'nost', yazyk i soznanie [Reality, language and consciousness]* (Vol. 2, pp. 5–15). Tambov : TGU Press. (In Russ.).
- Lange-Soboleva, T. A. (2001). Problema raskrytiya termina “kontseptualizatsiya” v sovremennoy lingvistike [The problem of interpreting the term “conceptualization” in modern linguistics]. *Nauka i obrazovanie segodnya [Science and Education Today]*, 6 (65), 27–32. (In Russ.).
- Mazin, V. A. (2001). *Buben i skripka. Izbrannaya lirika [Tambourine and violin. Selected lyrics]*. Moscow : Moskovskiy Parnas Press. (In Russ.).
- Mazin, V. A. (1997). *Pristan' radostey i pechaley. Sbornik stihov [The harbor of joys and sorrows. A collection of poems]*. Surgut : Severnyy dom Press. (In Russ.).
- Mazin, V. A. (2005). *Negasimyy svet chuvala. Semeynye skazki i lichnye pesni [The unquenchable light of the hearth]*. Ekaterinburg : Sredne-Ural'skoe Press. (In Russ.).
- Mal'chakitova, N. Yu. (2014). Bazovye lingvokul'turnye kontsepty v yazykovoy kartine mira evenkov i russkikh [Basic linguocultural concepts in the language picture of the world of Evenks and Russians]. PhD in Philological sci. diss. Ulan-Ude. (In Russ.).
- Moskalinskiy, A. A. (2010). Reka kak osnovnoy khudozhestvennyy obraz v khudozhestvennoy literature [The river as the main artistic image in fiction]. *Pskovskiy regional'nyy zhurnal [Pskov Regional Journal]*, 10, 141–146. (In Russ.).
- Mikhaylovskiy, V. L. (2008). *Vakh tainstvennyy, ili Puteshestvie k tsentru Rossii [Vakh the mysterious, or Journey to the center of Russia]*. Ekaterinburg : Sredne-Ural'skoe Press. (In Russ.).
- Osipova, A. A. (2013). Yazykovye reprezentanty kontsepta “Rybalka” v khudozhestvennoy kartine mira V. P. Astaf'eva [Linguistic representation of the concept “Fishing” in the artistic world image of V. P. Astafiev]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 4 (42), 363–372. (In Russ.).
- Polyakova, N. V. (2014). Ob'ektivatsiya reki v yazykovoy kartine mira sel'kupskogo etnosa [Objectivization of river in the linguistic world-view of the Selkup ethnos]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology]*, 2 (4), 29–33. (In Russ.).
- Fyodorova, E. G. (2000). *Rybolovy i ohotniki bassejna Obi: problemy formirovaniya kul'tury hantov i mansi [Fishermen and hunters of the Ob basin: Problems of developing the Khanty and Mansi culture]*. St Petersburg: Evropeyskiy dom Press. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (2002). *Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke [Language and its reflection in the science of language]*. Novosibirsk : Novosibirsk State University Press. (In Russ.).

Наши авторы

- Анисимова Татьяна Валентиновна*, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России, г. Калининград, Российская Федерация, email: atvritor@yandex.ru
- Афанасьева Арина Алексеевна*, аспирант, преподаватель кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: arina-af@inbox.ru
- Бай Линсяо*, аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: blingkong2008@yandex.ru
- Ермишина Екатерина Сергеевна*, преподаватель кафедры восточных языков Российского гос. гум. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: kyermishina@mail.ru
- Ермолина Елизавета Константиновна*, магистрант кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: erxelco18@gmail.com
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Иценко Ирина Геннадьевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: iirinagen@mail.ru
- Каксин Андрей Данилович*, <https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Ин-та гум. исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: adkaksin@yandex.ru.
- Козловский Дмитрий Валентинович*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация» Саратовского гос. техн. ун-та им. Гагарина Ю. А., г. Саратов, Российская Федерация, kozlovskydv@yandex.ru
- Ли Вэньгэ*, д-р филол. наук, профессор факультета русского языка Ин-та иностранных языков Харбинского политехнического ун-та, КНР, email: yuqilihit@126.com
- Лужная Мария Михайловна*, аспирант Гос. ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация, email: nota_maria@mail.ru
- Максимчик Оксана Александровна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского гос. соц.-пед. ун-та, г. Самара, Российская Федерация, email: maxana75@mail.ru
- Петрова Татьяна Евгеньевна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: t.e.petrova@spbu.ru
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Райскина Валерия Александровна*, аспирант, ассистент кафедры романской филологии и лингводидактики Ин-та иностранных языков Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: rauskinav@mail.ru
- Романова Татьяна Александровна*, аспирант Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: tatianatatianal616@gmail.com
- Стародубцева Наталья Сергеевна*, канд. пед. наук, доцент кафедры Китаеведения Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Сюткина Надежда Павловна*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: nad975@yandex.ru
- Чертыхова Мария Дмитриевна*, д-р филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та гуманитар. исслед. и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: chertikova@yandex.ru
- Чжан Тун*, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: Acezhangtong@mail.ru
- Чубай Светлана Анатольевна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и журналистики Волгоградского гос. ун-та, г. Калининград, Российская Федерация, email: chubaj77@mail.ru

Our authors

- Tatiana V. Anisimova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russian Federation, email: atvritor@yandex.ru
- Arina A. Afanasyeva*, PhD student, teacher, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, e-mail: arina-af@inbox.ru
- Bai Lingxiao*, PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, e-mail: blingkong2008@yandex.ru
- Ekaterina S. Ermishina*, teacher, Oriental Languages Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, e-mail: kyeremishina@mail.ru
- Elizaveta K. Ermolina*, Master student, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: erxelco18@gmail.com
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Irina G. Ishchenko*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: iirinagen@mail.ru
- Andrei D. Kaksin*, <https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation, email: adkaksin@yandex.ru.
- Dmitry V. Kozlovsky*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communications, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation, email: kozlovskydv@yandex.ru
- Li Wenge*, Doctor of Philology, Professor, Russian Language Department, Institute of Foreign Languages, Harbin Institute of Technology, Harbin, China, email: yuqilihit@126.com
- Maria M. Luzhnaya*, PhD student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation, email: nota_maria@mail.ru
- Oksana A. Maksimchik*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, email: maxana75@mail.ru
- Tatiana E. Petrova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Methodology for Teaching Arts and Humanities, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, email: t.e.petrova@spbu.ru
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Valeriya A. Rayskina*, PhD student, teaching assistant, Department of Romance Philology and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: rayskinav@mail.ru
- Tatiana A. Romanova*, PhD student, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: tatianatiana1616@gmail.com
- Natalya S. Starodubtseva*, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nstarodubceva@yandex.ru
- Nadezhda P. Siutkina*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nad975@yande.ru
- Maria D. Chertykova*, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: chertikova@yandex.ru
- Zhang Tong*, PhD student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, email: Acezhangtong@mail.ru
- Svetlana A. Chubay*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, email: chubaj77@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Анисимова Т. В., Чубай С. А.</i>	Средства выразительности в социальной рекламе о пользе чтения	5
<i>Афанасьева А. А.</i>	Междометные фразеологизмы испанского языка в аспекте межкатегориального взаимодействия	20
<i>Бай Л.</i>	Когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ в оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в китайских чэньюй	33
<i>Ермишина Е. С.</i>	Знаки препинания в цитатах: на материале блогов на японском языке	44
<i>Ищенко Е. Г., Ермолина Е. К.</i>	Языковая игра в современной анимации (на примере сериала «DuckTales»)	60
<i>Козловский Д. В.</i>	Категория «эвиденциальность» как инструмент передачи слухов в англоязычном медиадискурсе	71
<i>Ли В., Петрова Т. Е., Чжан Т.</i>	Интернет-мем как креативный тип поликодового текста (на материале русскоязычных мемов о пандемии Covid-19)	86
<i>Лужная М. М.</i>	Прагматическая омонимия контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов несогласия, возражения и прямых речевых актов вопроса в повседневном общении	100
<i>Максимчик О. А.</i>	Англоязычные реалии системы образования: классификация и систематизация посредством учебного тематического глоссария	124
<i>Процукович Е. А., Иванашко Ю. П.</i>	Особенности лексического наполнения устных текстов общественно-политической направленности	144
<i>Райскина В. А.</i>	Средства лингвоаксиологической концептуализации Другого в рефлексивном дискурсе М. Монтеня	157
<i>Романова Т. А.</i>	Явление перекатегоризации в сфере профессионального знания на основе метонимического переноса (на примере англоязычной сферы анимации)	173
<i>Стародубцева Н. С.</i>	Анализ текстового сопровождения поздравительных открыток с Днём образования КНР	181
<i>Сюткина Н. П., Афанасьева А. А.</i>	Междометия и междометные фразеологические единицы в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе	194
<i>Чертыкова М. Д., Каксин А. Д.</i>	Концептуализация «жизни у реки» в творчестве югорского поэта Владимира Мазина	207
Наши авторы		218

CONTENTS

Original Papers

<i>Anisimova T. V., Chubay S. A.</i>	Means of expression in social advertising about the benefits of reading	5
<i>Afanaseva A. A.</i>	Interjectional phraseological units of the Spanish language in the aspect of intercategory interaction	20
<i>Bai L.</i>	Cognitive Features of the Concept “ATTITUDE” in the opposition “HAPPINESS – UNHAPPINESS” in Chinese idioms	33
<i>Ermishina E. S.</i>	Punctuation marks in quotations: Based on the Japanese blogs	44
<i>Ishchenko E. G., Ermolina E. K.</i>	Language game in modern animation (Based on the series «DuckTales»)	60
<i>Kozlovsky D. V.</i>	The category of “evidentiality” as a tool for transmitting rumors in the English language media discourse	71
<i>Li W., Petrova T. E., Zhang T.</i>	Internet meme as a creative type of polycode text (Based on Russian memes about the Covid-19 pandemic)	86
<i>Luzhnaya M. M.</i>	Pragmatic homonymy of indirect speech acts of disagreement, objection and interrogative statements in everyday communication	100
<i>Maksimchik O. A.</i>	English realia of education system: Classification and student’s thematic glossary	124
<i>Protsukovich E. A., Ivanashko Yu. P.</i>	Lexical characteristics of socio-political communication	144
<i>Rayskina V. A.</i>	Means on linguistic axiological conceptualization of Other in the reflective discourse of M. Montaigne	157
<i>Romanova T. A.</i>	Metonymic transcategorization in the sphere of professional communication (Based on the English animation vocabulary)	173
<i>Starodubtseva N.S.</i>	The study of postcard texts congratulating on the National Day of the People's Republic of China	181
<i>Siutkina N. P., Afanaseva A. A.</i>	Interjections and interjectional phraseological units in the emotive-expressive-causative categorical semantic complex	194
<i>Chertykova M. D., Kaksin A. D.</i>	Conceptualization of “Living by the river” in the lyrics of the Ugra poet Vladimir Mazin	207
Our authors		218

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 10, No 1, 2024.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 14.03.2024. Подписано к печати 11.03.2024. Дата выхода в свет 28.03.2024.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 26,04. Тираж 1000. Заказ 270. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.